

ОСНОВА

ЮЖНО-РУССКІЙ ЛИТЕРАТУРНО-УЧЕНЫЙ

ВѢСТНИКЪ

«Добра хочу братья и Русскій Земли.»

Владиміръ Мономахъ.

1861

СЕНТЯБРЬ.

С.-ПЕТЕРБУРГЪ

ВЪ ТИПОГРАФИИ Н. ТВЕЛЕНА И КОМП.

ОСНОВА

ЮРИДИЧЕСКАЯ БИБЛИОТЕКА

ПЕЧАТАТЬ ПОЗВОЛЯЕТСЯ

съ тѣмъ, чтобы по отпечатаніи представлено было въ Ценсурный Комитетъ зако-
ноенное число экземпляровъ. С. Петербургъ, Октября 21 дня, 1861 года.

Ценсоръ Ст. Лебедевъ.

Въ Санктъ-Петербургѣ у Печатника
Александръ Яковлевъ

БИБЛИОТЕКА
1861
СЕНТЯБРЬ

С. ПЕТЕРБУРГЪ

ВЪ ТИПОГРАФИИ И ПЕЧАТНИЦАХЪ

КОБЗАРЬ.

XXXIV.

ЧАСТИНА ПОЭМИ:

ЧЕРНІЦЯ МАР'ЯНА.

Эта поэма, какъ можно догадываться, написана была Т. Гр. Шевченкомъ вслѣдъ за *Катериною*. Черниевой, неполный, подлинникъ ея писанъ почти весь карандашомъ. Поправокъ почти нѣтъ въ рукописи, но оригиналъ, очевидно, содержитъ въ себѣ первый набросокъ. Отъ-этого нѣкоторые стихи не дописаны, въ другихъ не соблюденъ размѣръ; нѣкоторые состоятъ изъ повтореній, а въ одномъ мѣстѣ, черта, проведенная отъ слова *оддаль*, которымъ начинается неизвѣстный намъ стихъ, показываетъ, что авторъ былъ намѣренъ дополнить и совершенствовать свою поэму. Много въ ней стиховъ слабыхъ, много мѣстъ растянутыхъ, но, какъ набросокъ, поэма эта весьма замѣчательна; она дышетъ свѣжею силою молодого еще таланта, и есть въ ней мѣста высоко-поэтическія. Указывать ихъ мы не будемъ, предоставляя читателю удовольствіе отыскать самому лучшее между слабымъ и прекрасное между хорошимъ. Я списалъ ее съ оригинала, часто очень нечеткаго и сбивчиваго, собственноручно, и нѣкоторыя мѣста редактировалъ, замѣняя, по-возможности, авторскую работу, что и означено въ примѣчаніяхъ.

Н. Кулишъ.

У неділю на вигоні
Дівчата гуляли,
Жартували зъ парубками,
Де-які співали —
Про дівсітки, вечерниці
Та якъ біла мати,

Щобъ зъ розакѣмъ не стояла...

Звичайно — дівчата,
То про своє все й співають,
Якá про що знає.
Ажъ ось, съ хлопцемъ старій сліпéць
Въ селѣ шкандибáе;
Въ рукахъ чоботи; на плéчахъ
Латана торби́на
У старо́го. А дити́на,
Сердéшна дити́на,
Обідрана, лéдвe, лéдвe
Носé пожені́та...

Безталанний синъ Катрусі.

»Дивитця, дівчата,
Кобза́рь иде́, кобза́рь иде́!«

Та всі, яко мо́га,
Хлопцiв кiну́ли, — побiгли
Зостри́чать слiпо́го.

»Дiду-сéрце, голубчи́ку!
Загра́й намъ що-небу́дь:

Я шага́ дамъ; я — чере́шень;
Я напою́ ме́домъ;

А тимъ ча́сомъ одпочи́нешъ,
А ми потанцю́емъ.

Загра́й же намъ яку-небу́дь!«
— »Чу́ю, люби́, чу́ю!

Спаси́би вамъ, моi квіти,
За сло́во ласка́ве.

Загра́в би вамъ, та ба́чите —
Спра́ви нема́, спра́ви.

Учѣра бувъ на базáрі —
Кѣбза зопсува́лась,

Разваля́лася...«
— «А стру́ни?»

— »Тiльки три оста́лось.«
— »Та хочъ на трѣхъ яку-небу́дь!«
— »На трѣхъ? Охъ, дiвчата!

И на одній колiсь-то гра́въ,

Та ба, вже не гра́ти!
 Пострива́йте жъ, мої любі,
 Тро́шки одпочіну...
 Ся́дьмо, хлопче. «
     Посіда́ли.
     Розв'язавъ торбіну;
 Вийнявъ ко́бзу; разівъ зб́ два
     Уда́ривъ по рва́нихъ...
 »Що́ бъ вамъ загра́ть?... Пострива́йте...
     Черні́цю Мар'я́ну...
 Чи чува́ли, чи не чу́ли?...
     Слу́хайте жъ, дівча́та,
 Та ка́йтеся...
     Да́вно ко́лісь
     Була́ собі ма́ти;
 Бувъ и ба́тько, та не ста́ло, —
     Оста́лась вдово́ю...
 Ой оста́лась удово́ю ¹,
     Та й не молодо́ю, —
 Изъ вола́ми, изъ воза́ми,
     Зъ мало́ю дочко́ю.
 Росла́ дочка́ Мар'я́ночка ²
     Виросла, якъ па́нна,

¹ Этого стиха не доставало у Шевченка, очевидно, по недосмотру. П. К.

² Этот и следующие стихи, очевидно, не были читаны автором послѣ первого наброска, и потому въ нихъ много разъ нарушена мѣра. Шевченко, безъ сомнѣнія, выправилъ бы ихъ лучше, нежели это сдѣлано мною; но что-бы не придать ему собственнаго вкуса моею редакціею и сбережъ мелкія, по необходимости сглаженныя мною черты, помѣщаю его стихи точь-въ-точь. (То-же сдѣлано мною и дальше). П. К.

Росла́ дочка́ Мар'я́на,
 А виросла, якъ па́нна,
 Чернобріва, уродли́ва,
 Хочъ за па́на гетьма́на.
 Ста́ла ма́ти гада́ти
 Та за́та еди́ти,
 А Мар'я́на не до па́на
 Вихо́дила сто́яти, —
 Не до па́на товсто́го,
 Уса́того, старо́го,
 До Петрусі́, въ гаю́, въ лу́зі,
 Що́-вечора́ свято́го.

Чорнобріва, уродлива —
 Хочь би й за гетьмана,
 Стала мати міркувати
 Та зяїти єднати,
 А Марьяна не до пана
 Ходила стояти, —
 Не до пана усатого,
 Сідого, старого, —
 До Петрусія, що-вечора,
 Вечора святого.
 Розмовляла, жартувала,
 Обнімала, мила,
 Въ раю жила... а йноді
 Плакала, німіла.
 «Чого плачешь, мой пташко?»
 — Петро запитав.
 Вона гляне, усміхнеться:
 «И сама не знаю».
 — «Можє, думаешь, покину?»
 Ні, мой рибчино.
 Буду ходить, буду любить,
 Півки не загину.
 Хибá було коли въ світі,
 Щобь ті, що кохались,
 Розійшлися, не взялися, —
 Живими осталися?»
 — «Ти жартуєш, мій голубе!
 Ти чувь, що співають...
 Тó кобзарі вигадують;
 Бо, сліпі, не знають, —
 Бо не бачять, що є брові,
 Чорні й карі бчи
 И високій станъ козачий,
 И гнучкій дівочий, —
 Що є коси, чорні коси,
 Козацька чуприна, —
 Що на мову на Петрову
 Въ глухій домовині

Усміхнуся... скажу ёму:
 »Орле сизоврійлий!
 »Люблю тебе й на тімъ світі,
 »Якъ на сімъ любіла.«
 Отакъ, серце, обнимімось,
 Отакъ поцілую!
 Нехай вкупі заховаютъ...
 Умру — не почую...
 Не почую... «
 Обняліся,
 Обнялісь, зомліли.
 Отакъ вони любілися,
 На той світъ хотіли ¹,
 Щобъ на той світъ переступитъ,
 Та не по їхъ стало...
 Що-вечора сходилися,
 И мати не знала,
 Де Мар'яна до півночі,
 Съ кимъ вона гуляла.
 »Вонó малé, ще дитина,
 Нічого не знаé.«
 Угадала старá мати,
 Та не все вгадала:
 Знать, забула, що колись же
 Самá дівувала ².
 Угадала мати... Мар'яна — дитина,
 Не знала, якъ треба на сімъ світі жить,
 Думала ні люди, ані домовина
 Съ Петромъ не розлучять — уміла любить ³.
 Думала, що тільки кобзарі співають,

¹ Вмѣсто этого стиха было сперва написано:

Ота(къ) и хотіли.

П. К.

² Эти два стиха написаны были сперва такъ:

Знать, забула, що минуло, —

Чи не дівувала.

П. К.

³ Этотъ стихъ у Шевченка такъ:

Съ Петромъ не рознять — уміла любить.

П. К.

Бо сліпі, не бачать ва́рихъ оченя́тъ,
 Що тільки лякають молоді́хъ дівча́тъ...
 Лякають, дівча́та, правдою лякають.
 И я вась лякаю, бо те ліхо знаю...
 Бода́й на сімъ сві́ті ніко́ли не зна́ть
 Того́, що я знаю!... Ми́нуло, дівча́та, —
 Сѣрце не засну́ло — я вась не забу́въ;
 Люблю вась и до́сі, якъ діточо́къ ма́ти;
 Бу́ду вамъ співа́ти, по́ки не загіну...
 Тойді, мої любі́, якъ мене́ не ста́не,
 Згада́йте про ме́не, про мою́ Марья́ну, —
 Я вамъ съ то́го сві́та сѣрцемъ усмі́хнусь...

Усмі́хнуся... «

Та й запла́кавъ.

Диві́лись дівча́та,

Не пита́ли, чо́го пла́че,

Та й на́ що пита́ти?

Ми́нулося — помага́ло

Ласка́ве дівоче

Щи́ре сло́во...

»Ви́бача́йте...

(Уте́ръ слі́пі о́чи)

Ви́бача́йте, мої любі́!

Не́хотя жу́рюся...

Такъ о́тъ, ба́чите, Марья́на

Зъ убо́гимъ Петро́семъ

Що-вѣ́чора розмовля́ла,

А ма́ти не зна́ла.

Дивува́лась: »Що се таке́

»Марья́ну спітка́ло?

»Чи не пристри́тъ? Сі́де шй́ти —

»Не те вишива́е;

»Замі́сь *Гри́ця*, задума́вшись,

»*Петрусь* співа́е¹;

¹ *Грице́мъ* называється пісня;

а *Петрусемъ* — Ой не ходи, Грицю, на ті вечоринці.

Полюби́ла Петро́ся,

Та й сказа́ти бо́юся.

П. К.

» Часомъ сонна розмовляе,
 « Подушку цілує... »
 Мати спершу сміялася:
 Думала — жартує;
 Потімъ бачи(ть), що не жарти,
 Та й каже Мар'яні:
 » Треба старостівъ намъ ждати,¹
 » Та, може, й одъ пана.
 » Ти вже віросла — не врѣку,²
 » Уже й дівувала;
 » Я вже думаю, що бачишъ²,
 (Насілу сказала),
 » Що вже й заміжъ, коли тее... »
 — » А за когó, мамо? »
 — » Хто вподоба, то (я) й оддамъ. »
 Співаетъ Мар'яна:
 » Минулася твой дбля,
 » На-віки минула...
 » Чомъ ти вчора, якъ вернула,
 » На-вікъ не заснула?
 » Було бь легше въ домовині
 » Одинокій спати.
 » Тойді, може бь, надъ тобою
 » Заплакала мати.
 » Теперъ мати не заплаче,
 » Та й не заспіваетъ;
 » А ліха ще буде, буде,
 » Пігни заховайуть! «
 Отакé-то, мої любі,
 Бувá на сімъ світі:
 Одна дочка у матері,
 Та й тій тяжко жити...

¹ У Шевченка этотъ стихъ такъ:
 Треба буде старостівъ ждати.

² Этотъ стихъ написанъ былъ сперва такъ:
 Я вже думаю, що й тее...

По садочку походяє, шобъ глоса! —
 Слізюнькї втирає; шобъ
 Поглядає на сонечко — шобъ нїтї
 Печє, а не сїє. шобъ
 Стоїть собі середь нєба, шобъ
 Мовъ смїєтця зъ нїїт
 Вонó не зна, що Марьяна шобъ
 Рада бь підъ землею
 Заховатьця одъ мäterи, шобъ нїт
 Щобъ не почуть знову
 Тїї мови, що вже чула, шобъ нїт
 Проклітої мови. шобъ
 Вонó не зна, що якъ заїде шобъ
 Спочити за гäемъ,
 Петрусь вийде на долину, шобъ
 Петрусь заслїває, шобъ
 Петрусь її роспитає, шобъ
 Якъ братъ заговóрить,
 Поцїлує, роспитає шобъ нїт
 Про лóтєє гóрє. шобъ
 Не знáла Марьяна, шобъ сєрце мäє, шобъ
 Чогó плачуть очї. шобъ нã що ёго знать?
 Хилитця топóля, вудї вїтеръ вїє. шобъ
 Тїжко одинокїй на степу стоїть.
 Утóмитця вїтеръ — топóля спочїне. шобъ
 Отáкъ и дївоча минє хуртовїна. шобъ
 Тїжко одинокїй вь степу зострїчáть,
 А ще гїрше любїй попєреду знать,
 Дє и ягъ спїткáє лихáя годїна.
 Нєсподївано Марьяна шобъ
 Зострїла педóлю; шобъ
 Спївá-булó, а їнодї шобъ
 Дáє слєзámъ вблю. шобъ
 Самá не знá, чогó плаче;
 Мóже, сєрце й чує,
 Та не вмїє розказáти шобъ
 Про тє, що вїщує. шобъ

Разъ увечері Мар'яна,
 Якъ ма́ти заснула,
 Пішла слухать солов'їка,
 Мовъ зрѳду не чула.
 Війшла въ садѳкъ, послухала,
 Самá заспівала,
 Та й замѳвкла; підъ яблуню
 Тихесенько стáла,
 Заплакала, якъ дитина
 Безъ ма́тери плаче...
 Петро стоїть передъ нею —
 Нічо́го не бачить.

- »Одда́й мені, мо́ї ма́мо,
 »Та не за старѳго,
 »Одда́й менѳ, моѳ се́рце,
 »Та за молодѳго.
 »Нехай старій бурлакѳе,
 »Грѳши заробляе,
 »А молодій менѳ любить,
 »Дѳлі не шукае.
 »Не шукае, не блукае
 »Чужими степами.
 »Свої волі, свої вози,
 »А міжъ парубка́ми,
 »Якъ ма́ківка на вгорѳді,
 »Цвіте—процвітае.
 »Мае́ по́ле, мае́ волю,
 »Та дѳлі не мае́.
 »Его́ дѳля — мо́ї брѳві,
 »Мо́ї ка́рі бѳчі;
 »Моѳ сло́во — па́нство-ца́рство,
 »Нічо́го не схѳче.
 »У кайданахъ, мо́ї сиза,
 »Та не сирѳтѳю,
 »Ті́лько, ма́мо, що(бъ) плакати,

»Щобъ співать зо мною.
 »Оддай...
 — »Дбчко мой, Мар'яно!
 »Оддамъ тебѣ за папа
 »За старого, багáтого,
 »За сáтника Йváна.«
 — »Умру́ сёрце máмо,
 »За сáтникомъ Йváномъ.»
 — »Не вмрешъ, будешъ панувáти,
 »Будешъ дiтокъ годувáти.«

Мáти гáлка, мáти чóрна,
 Лiтáючи, вряче;
 Чорнобрiва дiвчионька,
 Хóдя гáемъ, плаче.
 Летiть гáлка черезъ бáлку
 Вь степу погуляти,
 А дiвчи́на пудить свiтомъ, —
 Нi сь кимъ розмовляти.
 Не пускае ii мáти
 Врáнци до криници,
 Нi жiта жать, нi лёну братъ,
 Нi на вечiрницi,
 Де дiвчáта сь парубкáми
 Жартують, спiвають,
 Та про мéне, чорнобрiву,
 Нiшкомъ розмовляють:
 »Багáтого дочкá бáтька,
 »Шляхéцьного рóду...«
 Тяжко, máмо, вáжно, máмо...
 Нá що далá врóду?
 Нá що брóви змалювáла,
 Далá кáри бчi?
 Усé далá, тiльки дóблi —
 Дóблi дaть не хóчешь.
 Нá що менé годувáла,
 Нá що доглядáла?

Поки ліха я не знала,
 Чомъ не заховала?
 Не слухала старá мати,
 Лягла спочивати,
 А Мар'яна заплакала,
 Ледви пішла съ хати.
 »Злякала«, дума мати,
 »Нехай переплаче!
 А Мар'яна за слезáми
 И світу не бачить.
 Пішла въ садокъ... сэрце мліе,
 Якъ згадає пана.
 Сэрце моє, рибко моя!
 Мар'яно, Мар'яно!
 Постривáйте... заспівала —
 Пішла луна гáемъ, —
 Не про *Гриця*, — про *Петруся*,
 Такъ и виливала.
 Заспівает, опинитця,
 Послуха та знову, —
 Ажъ голосокъ утомівся.
 Петрової мови
 Не чутъ, нема, не гукáе,
 Не кличе: »Мар'яно!
 »Де ти, пташко? вилнь, сэрце,
 »Серденько кохáне!
 Нема Петра, не чутъ Петра...
 Не вже жъ то покинувъ
 Сиротю чорнобріву
 При лихий годíні?..
 Побáчимо... А тимъ часомъ
 По-надъ тэмнимъ гáемъ,
 Якъ русáлка жде місяця,
 Мар'яна блукає.
 Не співає чорнобрива,
 Тяжко, тяжко плаче...
 Ой вернiся, подивiся,

Зрадливий козаче!
 Утомилась би Марьяна, —
 Утоми не чуже;
 Безъ Петрусї въ гаю, въ лузі
 Ходячи ночує.
 На східь сонця червоніє,
 Ховаютьца зори;
 Іде дівчина до хати,
 Несє свої горе.
 Пришла въ хату — спала мати;
 Глінула на неї;
 »Ой якъ бї ти, мамо, знала,
 »Якю змією
 »Окрутила моє серце,
 »Рідної дитини...
 Та й унала на постєлю,
 Якъ у домовину!

Т. Шевченко.

Мы не теряемъ надежды добыть эту поэму въ полномъ, обработанномъ видѣ. Говорили намъ, что экземпляръ ея хранится у издателя альманаха *Синь*, г. Корсуна, котораго убедительно просимъ сообщить намъ эту драгоценность.

Ред.

ДНЕВНИКЪ Т. ГР. ШЕВЧЕНКА.

Пятый отрывокъ.

16 июля.

Послѣ заката солнца заштилѣло, и въ первомъ часу ночи вѣтеръ поднялся отъ зюйдъ-оста, вѣтеръ тихій и ровный, такой самый, какой нуженъ для нашей почтовой лодки. Дождавшись разсвѣта, я вскарабкался на самую высокую прибрежную скалу и просидѣлъ тамъ до тѣхъ поръ, пока мнѣ захотѣлось ѣсть, т. е. до полудня. Не увидѣвши на горизонтѣ ни завѣтнаго, никакого паруса, я въ уныніи пришелъ на огородъ, и, въ ожиданіи обѣда, принялся за свою ветчину подорожную. Кончный продуктъ мой съ каждымъ днемъ умалается. Еще нѣсколько дней ожиданія—и отъ него останутся ни-къ-чему годныя руины. Хорошо, если я поѣду черезъ Астрахань. Тамъ есть лавки сарептскихъ колонистовъ, а между ними, вѣроятно, есть и колбасныя. Безъ колбасы нѣмецъ и дня не проживетъ, слѣдовательно, кончный продуктъ можно пополнить. А если придется прогуляться черезъ Гурьевъ и Уральскъ, по злачнымъ и серебрянымъ берегамъ благочестиваго Урала? тогда что? Аппетитъ въ торбу, а зубы на полку, или, во избѣжаніе голодной смерти, прикинуться ворожейкой, а лучше всего—мученикомъ за вѣру, растригою—попомъ. Тогда, какъ по щучью велѣнью, все явится передъ тобой, начиная съ каймыка и джурмицы и оканчивая *свальнымъ грѣхомъ*. Отвратительно! хуже всякихъ язычниковъ...

Въ 1848 году, послѣ трехмѣсячнаго плаванія по Аральскому морю, мы возвратились въ устье Сыръ-Дарьи, гдѣ должны были провести зиму. У форта, на островѣ Косъ-Аралѣ, гдѣ занимали гарнизонъ уральскіе козаки, вышли мы на берегъ. Уральцы, увидѣвъ меня съ широкою, какъ лопата, бороною, тотчасъ смекнули дѣломъ, что я—

непремѣнно мученикъ за вѣру. Донесли тотчасъ же своему командиру, а тотъ, не будучи дуракъ, зазвалъ меня въ камышъ да бацъ передо мною на-колѣни. «Благословите», говорить, «батюшка! Мы», говорить, «уже все знаемъ». Я тоже, не будучи дуракъ, смекнулъ въ чемъ дѣло, да и хватилъ самымъ раскольничьимъ благословеніемъ. Восхищенный зсаулъ облобызалъ мою руку, и вечеромъ задалъ намъ такую шрушку, какая намъ и во снѣ не грезилась.

Векорѣ послѣ этого казуса, уже обривши бороду, отправился я въ Раимъ—главное тогда укрѣпленіе на берегу Сыръ-Дарьи. Въ Раимѣ встрѣтили меня Уральцы съ затаѣннымъ восторгомъ, а отрядный начальникъ, тоже не будучи дуракъ, испросивъ мое благословеніе, предложилъ мнѣ 25 рублей, отъ которыхъ я неблагоразумно отказался, и этимъ, по ихъ понятіямъ, безиримѣрнымъ безкорыстіемъ, подвинулъ благочестивую душу старика отговѣться въ табуи, въ кибиткѣ, по секрету, и, если возможность позволить, причаститься отъ такого безиримѣрнаго пастыря, какъ я.

Чтобы не нажить себѣ хлопотъ съ этими съдыми безиримѣрными дураками, я поскорѣе оставилъ укрѣпленіе, и уже аккуратно, каждую недѣлю два раза, брѣю себѣ бороду. Случись это глупое, смѣшное происшествіе гдѣ-нибудь на берегахъ Урала, гдѣ были бы женщины, я не раздѣлялся бы такъ легко съ этими изувѣрами. Весь фанатизмъ, вся эта мерзость, гнѣздится въ ихъ распутныхъ дочеряхъ и женахъ. Въ Уральскѣ постоянно набить острогъ бѣглыми солдатами—ихъ мнимыми пресвитерами, и, несмотря на явныя улики, они благоговѣютъ передъ этими разбойниками и бродягами. И это не простые, а почетные чиновные козаки... Непонятная закоснѣлость!

Послѣ полудня отошелъ вѣтеръ къ зюйд-весту, прямо въ лобъ почтовой лодкѣ.

17 июля.

Вѣтеръ все тотъ же, какъ заколдованный. Передъ вечеромъ, по направленію Астрахани, на горизонтѣ показался пароходъ. Въ укрѣпленіи засуетились, увидя это неожиданное явленіе, а въ особенности капитанъ К-въ, съ своимъ почетнымъ карауломъ и съ ординарцами. Но кого несетъ пароходъ? никому положительно неизвѣстно. Но всѣ, даже самыя умѣренныя фантазеры, догадывались, что если не В. К. К. Н., то непремѣнно адмирала, губернатора астраханскаго. Последней догадки, или предположенія, капитанъ К-въ сначала и слушать не хотѣлъ.

Но, внимая доводамъ ученаго друга своего, лекаря Н-го, о невозможности такого чисто-историческаго событія въ такомъ темномъ уголкѣ имперіи, какъ наше укрѣпленіе,—и ученый мужъ подкрѣпилъ свое мнѣніе историческими фактами, сказавши, что послѣ Петра Великаго, изъ членовъ царской фамиліи, никто не посѣтилъ не только полуострова Мангышлака, даже знатнаго портоваго города Астрахани. Противъ этого аргумента сказать было нечего. Но смѣтливый капитанъ К-въ нашолся, сказавши: «ну, чтожь? если и не В. К., такъ по-крайней мѣрѣ губернаторъ: все же особа въ генеральскомъ чинѣ, и почетный караулъ необходимъ». На такое простое, по видимому, слово, даже ученый мужъ полѣзъ въ карманъ за возраженіемъ. Но, увы! пока ученый эскулапъ рылся въ своемъ умственномъ карманѣ, таинственная задача разрѣшилась. Прискакалъ козакъ съ пристани, и донесъ коменданту, что на пароходѣ, кромѣ его командира, лейтенанта П-на, никого не имѣется. Гора мышь родила...

Комендантъ послалъ тарантасъ за командиромъ парохода, и велѣлъ его просить къ себѣ на огородъ. А я, чтобы мой походъ въ укрѣпленіе не втунѣ совершился, зашелъ въ казармы и побрился; потомъ зашелъ къ М-скому, посмѣявшись надъ совершившимся. Мы, по-поводу подобнаго же происшествія, случившагося въ 1847 году въ Орской крѣпости, перенесли нашъ разговоръ въ Орскую крѣпость,—какъ ему, такъ и мнѣ хорошо пѣмную. И. М-скій, своимъ живописнымъ слогаомъ, такъ живо описывалъ эту не живописную пустынную крѣпость, что я заслушался его,—и первые темные дни моей неволи просвѣтлѣли и улыбулись въ моемъ воспоминаніи. Неужели и для настоящаго моего положенія придетъ когда-то свѣтлое улыбающееся воспоминаніе? Фактъ передъ глазами, а все-таки не вѣрится.

Въ девятомъ часу вечера я возвратился на огородъ, и засталъ еще моряковъ, громко-любезничавшихъ съ комендантшею. Но мнѣ такъ опротивѣло пустое хвастовство, что я издали, заслышавъ громкіе голоса, сдѣлалъ полъ-оборота направо, и до пробитія зари обошелъ вокругъ укрѣпленія. Несвоевременная прогулка утомила меня и, прежде времени, къ великому моему удовольствію, уложила спать, за что я въ душѣ поблагодарилъ любезныхъ астраханскихъ мореходовъ.

Сонъ мой не былъ, однакожь, такъ спокойный, какъ я ожидалъ: впродолженіи ночи, я нѣсколько разъ просыпался и наблюдалъ вѣтеръ. Передъ разсвѣтомъ вѣтеръ затихъ, и я, въ надеждѣ на его непостоянство, успокоился и заснулъ. Во снѣ видѣлъ я Кулиша, Костомарова

и Семена Артемовскаго, будто бы я встрѣтил ихъ въ Лубнахъ, во время уснейской ярмарки,—Кулиша и Костомарова въ обыкновенныхъ, а Артемовскаго—въ какомъ-то театральномъ костюмѣ; въ этомъ фантастическомъ нарядѣ онъ представлялся на улицѣ Петру В., а я тутъ же, для Кулиша, рисовалъ молодого слѣпного лярника въ тирольскомъ костюмѣ. Продолженію этой безалаберщины помѣшалъ мой услужливый дядька: онъ принесъ мнѣ на огородъ новый китель и разбудилъ меня, за что наградила я его большимъ огурцомъ и рѣдкой.

Вѣтеръ не измѣнилъ моей надеждѣ: къ утру отошелъ къ зюйд-осту. Пароходъ поутру вышелъ изъ гавани и направился къ Кизлярю. Я проводилъ его глазами на горизонтъ, принялся за свой чайникъ и потомъ за журналъ.

18 іюля.

Кончивши сказаніе о вчерашнемъ событіи, я началъ мечтать о рюмкѣ водки и умѣренномъ кускѣ ветчины, — какъ присылають за мной Б-ва просить на чашку кофе: нашъ Филать чему и радъ. Пошелъ я. Прихожу. Командирша тутъ же, послѣ поздраванья, начала рѣчь о вчерашнихъ гостяхъ. Я спросилъ о цѣли ихъ кратковременнаго пребыванія на нашихъ берегахъ, и на прямой мой вопросъ получилъ отвѣтъ довольно косвенный, и перепутанный, какъ водится, отступленіями, ни къ чему не ведущими. Однимъ-словомъ, я выслушалъ изъ милыхъ устъ такую чепуху, какой никому не удастся выслушать и въ модномъ салонѣ. Гостей оказалось не два, какъ я полагалъ, а пятеро, кромѣ флотскихъ — командира парохода и его штурмана, весьма образованнаго (по словамъ рассказчицы) молодаго человѣка, еще трое штатскихъ, два ученые, а третій — докторъ; и что пароходъ ходитъ около нашихъ береговъ, для какихъ-то наблюденій, и что штатскіе ученые должны быть не ученые, а просто — политическіе педанты, потому что говорили о вліяніи на здѣшнюю туркменскую орду; одинъ изъ нихъ, что поможе, блондинъ съ длинными волосами à la-мужикъ, можетъ-быть и действительно только ученый, потому-что, вмѣстѣ съ Данилевскимъ и другими, участвовалъ въ экспедиціи Бера, и что точно такъ же какъ и Беръ, собираетъ степной колосья и другія травы, и что онъ спрашивалъ обо мнѣ, но такъ двусмысленно, что милыя собесѣдницы даже косвенно не умѣли удовлетворить его любопытства, и, какъ я догадываюсь, ловко отстранявши этотъ, по ихъ понятіямъ, щекотливый

вопросъ, онѣ, какъ водится, перенесли свою бесѣду въ Астрахань, прямо въ персидскія лавки съ канаусомъ и другими недорогими матеріями.

Если это былъ сколько-нибудь порядочный человѣкъ, то какое понятіе получилъ онѣ о нашемъ бонтоѣ, о славкахъ здѣшняго дамскаго общества?—

Собравши такія положительныя свѣдѣнія о вчерашнихъ таинственныхъ посѣтителяхъ, я, разумѣется, пересталъ объ нихъ думать и до самого обѣда лежалъ подъ вербою и читалъ Либельта. О вѣтрѣ я также старался не думать. Онѣ изъ меня душу вытянетъ—этотъ проклятый зюйдъ-вестъ. На однѣ сутки, на полутоку отойди онѣ къ осту—и я свободенъ. Невыносимая пытка!

За обѣдомъ опять завязался разговоръ о таинственныхъ путешествіяхъ, и, благодаря коменданту, онѣ въ-половину пояснилъ это загадочное событіе. Въ числѣ вчерашнихъ гостей не было главного двигателя всей этой суматохи, именно—астронома, который остался на пароходѣ, и дѣлалъ вычисленія. Звѣздочетъ сей присланъ гидрографическимъ департаментомъ, повѣрить астрономическіе пункты на берегахъ Каспійскаго моря, опредѣленные въ прошломъ году какимъ-то другимъ звѣздочетомъ. Вотъ настоящая цѣль неожиданнаго прибытія парохода къ нашему берегу. А два ученые мужа, которые сдѣлали честь огороду и его милымъ обывательницамъ своимъ посѣщеніемъ, не кто иной, какъ одинъ—чиновникъ, мнимый политическій агентъ, отправляющійся на службу въ гебрійскій городъ Баку; а другой—учитель словесности при Астраханской гимназіи, пользующійся свободнымъ канікулярнымъ временемъ, и чуть ли еще не землякъ, потому-что передалъ мнѣ поклонъ черезъ здѣшняго плацъ-адъютанта, за что я ему сердечно благодаренъ.

Таинственное происшествіе, къ немалому удивленію нашихъ романтическихъ дамъ, объяснилось очень просто и даже прозаически. По новость, которую сообщилъ плывущій въ Баку чиновникъ, мнѣ кажется, просто, сочиненіемъ будущаго великаго администратора. Онѣ сообщилъ, и даже съ подробностями, что образовалась коммерческая компанія пароходства на Каспійскомъ морѣ, на началахъ Триестскаго Ллойда, и что уже вызываетъ морскихъ офицеровъ служить на ея пароходахъ съ правомъ чинопроводства, и что уже назначены три директора, и что онѣ—сей будущій великій администраторъ—ѣдетъ въ Баку занять мѣсто помощника при директорѣ, нѣкоемъ баронѣ

Вр. съ содержаніемъ 1500 р. сер. въ годъ. Что будетъ дѣлать этотъ Ллойдъ въ Каспійскомъ озерѣ и какое доверитъ порученіе этому помощнику директора, выпущенному въ настоящемъ году, по его словамъ, изъ С.-Петербургскаго университета?

Съ закатомъ солнца вѣтеръ отошелъ къ зюйд-осту, но слабый, безнадежный. Кончится ли наконецъ это грустное существованіе, это однообразное записываніе однообразнѣйшихъ безконечныхъ дней?

19 июля.

Съ закатомъ солнца вѣтеръ засвѣжѣлъ и отошелъ къ норду. Обрадовавшись такому неожиданному явленію, я принялся ходить вокругъ укрѣпленія и до пробитія зари обошелъ четыре раза, — значить я сдѣлалъ безъ присѣту 12 верстъ. Прогулка порядочная, но я не почувствовалъ и тѣни усталости. Ночь лунная, прекрасная, и я не перенесъ своего лагеря въ бесѣдку, оставивъ его подъ вербою, чтобы удобнѣе было наблюдать вѣтеръ по флюгеру, вертящемуся на голубитѣ. Часы въ укрѣпленіи пробили 12, вѣтеръ перемѣнился и не слабѣлъ. Добрый знакъ. Въ надеждѣ на добрый знакъ, я задремалъ, и на крыльяхъ волшебника Морфея перелетѣлъ въ Орскую крѣпость и въ какой-то татарскій лагерь нашелъ М. Лазаревскаго, Левичаго и еще какихъ-то земляковъ, играющихъ на скрипкахъ и поющихъ малороссійскія пѣсни. Я присоединилъ и свой теноръ къ капеллѣ, и мы пѣли стройно и согласно:

У стѣны моими съ вѣтромъ говорили.

Не кончивши этой пѣсни, мы начали другую, а именно — *Петруся*, и я такъ громко пропѣлъ стихи:

Люблю, мамо, Петруся,
Поговору боюсь, —

что капелла наша замолчала, а я, на послѣдней нотѣ, проснулся. Очнувшись отъ этого сладкаго сновидѣнія, я посмотрѣлъ на флюгеръ. Вѣтеръ, слава Богу, все тотъ же — не перемѣнился. Поворочался, прочиталъ, сколько помню, стиховъ изъ пѣсни про счастливаго, бѣлолицаго соперника Гриця, снова заснулъ, моля Орфея продолжать прерванное сновидѣніе.

Морфей исполнялъ мою молитву, только не совсѣмъ. Онъ перенесъ меня въ какой-то восточный городъ, утыканный, какъ иглами,

высокими минаретами. Въ тѣсной улицѣ этого восточнаго города, встрѣчаю я будто бы ренегата, П. Э. П—ва въ зеленой чалмѣ и съ длинною бородою, а Б—въ и рядомъ съ нимъ — С. Г—вна П—ва — сидятъ на балконѣ, и тоже въ турецкомъ костюмѣ. Они что-то говорили о Кіевскомъ пашалыкѣ. Но мнѣ на лицо вскочила холодная лягушка и я проснулся. Перенеся одръ свой въ бесѣдку, я снова-было скорчился подъ шинелью, но, при всемъ моемъ стараніи, заснуть не могъ. У меня все вертелся передъ глазами ренегатъ П—въ съ своимъ всемогущимъ покровителемъ и съ своею, красавицей-супругой. Гдѣ онъ? и что теперь съ нимъ?

Въ ожиданіи утра, я на этомъ полночьномъ фундаментѣ построилъ каркасъ поэмы, въ родѣ *Ангело* Пушкина, перенеся мѣсто дѣйствія на востокъ, и назвалъ ее: *Сатранъ* и *Дервишъ*. При лучшихъ обстоятельствахъ, я непременно исполню этотъ удачно — проэктированный планъ. Жаль, что я плохо владѣю русскимъ стихомъ, — а эту оригинальную поэму нужно непременно написать порусски.

Есть еще у меня въ запасѣ одинъ планъ, основанный на происшествіи въ оренбургской странѣ. Не присоединить ли его, какъ яркій эпизодъ, къ *Сатрану* и *Дервишу*? Не знаю только, какъ мнѣ быть съ женщинами на Востокѣ. Женщины — безмолвныя рабыни, а въ моей поэмѣ онѣ должны играть первыя роли, — ихъ нужно провести — какъ онѣ въ самомъ дѣлѣ были — вѣчными бездушными рычагами позорнаго дѣйствія.

Если бы я зналъ, что эта общипанная *Ласточка* (название почтовой лодки) не принесетъ мнѣ свободы, я сегодня приступилъ бы къ дѣлу, вопреки поговоркѣ — *тише ѣдешь, дальше будешь*.

Пока я записывалъ свои свидѣнія, вѣтеръ отошелъ къ весту, и *Жаворонокъ* (другая почтовая лодка) на всѣхъ парусахъ полетѣлъ въ Гурьевъ. Несносный вѣтеръ, мучительная неизвѣстность!

20 июля.

Ильинъ день. Илія — *косматъ*; такъ пишется онъ въ Библии. Онъ не оставилъ посебѣ, подобно другимъ пророкамъ, писаннаго пророчества. У Палестинскихъ Магометанъ (если вѣрить Порову) онъ пользуется такимъ же почетомъ, какъ у Евреевъ и христіанъ.

Ильинъ день. Ильинская ярмарка въ Ромни, — теперь, кажется, въ Полтавѣ. Въ 1845 году, я случайно видѣлъ это знаменитое тор-

жище. Три дня сразу глоталъ пыль, и валялся въ палаткѣ покойнаго *Павла Викторовича Свѣчки*. Самъ онъ себя называлъ только огаркомъ отъ большой свѣчки, и салнымъ огаркомъ. Это былъ сынъ того самаго полковника Свѣчки, что, шутки ради, закупилъ, во время контрактовъ въ Кіевѣ, все шампанское вино, безъ всякой коммерческой цѣли, а такъ, чтобы подурочить польскихъ пановъ, пріѣхавшихъ въ Кіевъ съ единственною цѣлью покутить, а въ своемъ мѣстечкѣ *Городищѣ* (Пиратинскаго уѣзда) онъ учредилъ заставу, чтобы не пропускать никого ни идущаго, ниже въ берлинѣ ѣдущаго, не накормивъ его до-отвалу и не напоивъ до положенія ризъ. Послѣ такихъ шутокъ, натурально, что послѣ большой Свѣчки едва остался маленькій огарокъ, да и тотъ скоро погасъ. Миръ праху твоему, мой благородный друже!

Тогда же я, въ первый разъ, видѣлъ гениальнаго артиста *Соленика* въ роли Чупруна (*Москаль-чарівникъ*): онъ показался мнѣ естественнѣе и изящнѣе неподражаемаго Щепкина. И московскихъ цыганъ тогда же я въ первый и въ послѣдній разъ слышалъ и видѣлъ, какъ они отличались передъ ремонтерами и прочею пьяною публикою; и какъ, въ заключеніе своего дико-грязнаго концерта, они хоромъ пѣли:

Не пылить дорога,
 Не дрожать листь...
 Подожди немного —
 Отдохнешь и ты, —

намекая этимъ своимъ пьянымъ покровителямъ, что имъ тоже не мѣшало бы отдохнуть немного и съ силами собраться для завтрашняго пьянства.

Думалъ ли великій германскій поэтъ, а за нимъ и нашъ великій Лермонтовъ, что ихъ глубоко-поэтическіе стихи будутъ отвратительно-дико пѣты пьяными цыганами передъ соборомъ пьянѣйшихъ ремонтеровъ? Имъ и во снѣ не снилась грязная пародія...

Что-же я еще видѣлъ тогда замѣчательнаго на этомъ замѣчательномъ торжищѣ? Кажется, ничего больше. Познакомился съ распутнымъ старикомъ Я — чемъ (отцомъ извѣстнаго) и съ его меньшимъ сыномъ. Еще познакомился съ однимъ изъ безчисленныхъ членовъ фамиліи — Р—з—ко, и на третій день моего пребыванія въ Ромнѣ, кушилъ на жилетъ какой-то матеріи, фунтъ донскаго балыка и,

съ поименованнымъ Р—з—кою, выѣхалъ изъ этого омута на *Ромодановскій шляхъ*... Вотъ и все, что я на досугѣ припомнилъ о Роменской ярмаркѣ по поводу Ильина дня.

20 июля, — день, въ который я предполагалъ проститься съ моею тюрьмою, такъ написалъ и Лазаревскому и Кухаренку, — а вѣтежь—олицетворенная судьба, распорядился иначе. Что дѣлать! посидимъ еще за моремъ, да подождемъ погоды. Въ продолженіи Ильина дня и ночи, вѣтеръ не шелохнулся. Мертвая тишина...

21 июля.

Записавши Роменскія воспоминанія, я, по случаю воскресенія, пошелъ въ укрѣпленіе побриться и, отъ перваго унтеръ—офицера Кулиха, услышалъ, что въ 9—мъ часу утра пришла почтовая лодка. Побрившись, скрѣпя сердце я возвращался на огородъ, и выходя изъ укрѣпленія встрѣтилъ смотрителя полугоспитала Б—ва, и онъ первый поздравилъ меня съ свободой, 21 июля 1857 года, въ 11 часовъ утра.

Въ первомъ часу получилъ отъ Загѣскаго письмо, отъ 30 мая.

Отъ трехъ часовъ пополудни до трехъ часовъ пополуночи сидѣли подъ вербою съ Фіялковскимъ, пили чай и лимонку и на—выдержку прочитали нѣсколько мѣстъ Либельта.

22 июля.

По—случаю сего радостнаго для меня событія можно бы и оставить небольшой пробѣлъ въ сей прозаической хроникѣ. Но такъ какъ въ физической моей дѣятельности, или, лучше сказать, бездѣйствія не послѣдовало рѣшительной перемѣны и, какъ кажется, раньше 8 дня августа не должно ожидать сицевой перемѣны, то во избѣжаніе рѣшительнаго бездѣйствія, а паче—соблазнительной лимонки, и буду, не нарушая заведеннаго порядка, по утрамъ нагрѣвать свой чайникъ и число за числомъ, стройно какъ солдатская шеренга, вести свой журналъ. Отъ бездѣлья и это рукодѣлье.

Сегодня комендантъ сказалъ мнѣ, что онъ не можетъ дать мнѣ пропускъ отъ Новопетровскаго укрѣпленія, черезъ Астрахань, до Петербурга, потому—что онъ не имѣетъ приказа по корпусу о моемъ увольненіи, и если таковой приказъ не получится на слѣдующей почтѣ, то предполагаемое мною живописное, спокойное и дешевое путешествіе

Волгою не состоялось. Но это поправная бѣда. Въ Оренбургѣ, съ помощью друзей моихъ Б—но и Г—на, я возставлю свои оскудѣвшіе финансы. Жаль только, что не нужное удаленіе отъ прямого пути заставляетъ меня отказаться отъ желанія видѣть въ нынѣшнемъ году художественную выставку въ академіи: опоздаю; а еще больше жаль, что я долженъ отерочить радостное свиданіе съ Лазаревскимъ и прочими моими земляками—друзьями; а еще болѣе жаль мнѣ, что совершенно лишніе 1000 верстѣ отдалятъ отъ меня минуту блаженнѣйшаго счастья, минуту, въ которую я сердечною слезою благодарности омочу руку моей благороднѣйшей заступницы графини Н—и И—ны и ея великодушнаго супруга. О, мои незабвенные благодѣтели! Безъ вашего человѣколюбиваго заступничества, безъ вашего теплаго родственнаго участія къ моей печальной судьбѣ, я бы задохся въ этомъ безотраднѣмъ заточеніи. Благодарю васъ, мои заступники, мои избавители! Вся радость, все счастье, вся моя свѣтлая будущность суть ваше негнѣимое добро, мои единые, мои святые заступники!

Графу Федору Петровичу съ этою же почтою я напишу письмо. О, какъ бы мнѣ не хотѣлось писать этихъ бездушныхъ каракуль, которыя выражаютъ только одну чопорную вѣжливость, и ничего больше. Графинѣ Н—и И—нѣ я не могу теперь писать: все, что бы я ни написалъ ей, это и тѣни не выскажетъ того восторженнаго, сладкаго чувства благодарности, которымъ переполнено мое сердце, и которое я могу излить только слезами, при личномъ моемъ свиданіи съ нею.

Лазаревскому, вмѣсто письма, пошлю эти двѣ тетради моего журнала: пускай читаетъ съ Семеномъ, во ожиданіи меня—его искренняго, счастливаго друга.

На сегодня довольно. Пойду въ укрѣпленіе, достану свѣжихъ чернилъ отъ Кулиха, новое перо и бумаги на третью тетрадь для сего журнала. Настала новая эпоха въ моей старой жизни. Должно быть все новое...

23-ю іюля.

Кулихъ, снабдивши меня бумагою, перомъ и чернилами, предложилъ мнѣ съ собою пообѣдать, быть можетъ въ послѣдній разъ. На такой трогательный доводъ сказать было нечего, и я согласился тѣмъ охотнѣе, что и Фіялковскій, веселый и умный малый, случился тутъ же, и тоже не отказывался отъ солдатской трапезы. Кулихъ, какъ каптенармусъ, къ обыкновеннымъ шамъ и кашѣ прибавилъ ку-

сокъ жареной баранины; я досталъ изъ кармана большой огурецъ (безъ этого лакомства я не являюсь въ укрьпленіи), а Фіалковскій тоже досталъ изъ кармана, и поставилъ на столъ, бутылку съ водкой. Не пышно, но съ аппетитомъ, и такъ искренно-весело мы пообѣдали, какъ дай Богъ веѣмъ добрымъ людямъ такъ каждый день обѣдать. За обѣдомъ и послѣ обѣда, Фіалковскій забавно подтрунивалъ надъ К—омъ, его чиномъ и въ особенности надъ его тепленькимъ мѣстомъ. К—хъ, чтобы отдѣлаться отъ неистощимаго Фіалковского, обратился ко мнѣ съ вопросомъ: какъ мнѣ правится книга, которую онъ принесъ для меня изъ Уральска? Я, разумѣется, сказалъ, что очень правится. На что Фіалковскій страшно захохоталъ, и громогласно назвалъ — Либельта просто дурнемъ, за то, что онъ написалъ такую книгу, П—цкаго за то, что онъ кушилъ эту книгу, а К—а *допельтовымъ* дурнемъ за то, что онъ 500 верстъ несъ на плечахъ своихъ эту пустую, увѣсистую книгу. К—хъ не на-шутку обидѣлся такой нецеремонной критикой, и требовалъ ясныхъ доказательствъ на такую грубую клевету. Чтобы утишить возникавшую ссору, я пригласилъ пріятелей къ себѣ на огородъ, пить чай. Предложеніе было принято, и мы отправились подъ мою вербу. Либельтъ лежалъ у меня подъ подушкой, и я, во ожиданіи чайника, предложилъ Фіалковскому прочесть велухъ страничку изъ сего великаго творенія. Онъ охотно это исполнилъ. Кулихъ не повѣрилъ слышанному. Онъ думалъ, что Фіалковскій импровизируетъ и продолжаетъ трунить надъ его тяжелою ношею, вырвалъ у него изъ рукъ книгу и прочиталъ самъ весь параграфъ *о фантазіи*. Что? спросилъ Фіалковскій наивно изумленного Кулиха. П—кій, отвѣчалъ онъ, цивилизованный дурень: вотъ и все! Насмѣшки Фіалковскій возобновилъ съ прежней силою, пока не остановилъ его своимъ приходомъ общій нашъ пріятель К—ни. Этотъ безсовѣстный пьяница, ради рямки лимоновки, не постыдился подойти къ намъ и поздравлять меня съ полученіемъ свободы. Мы встали и разошлись въ разныя стороны, предоставивъ въ полное распоряженіе незваннаго гостя чайникъ и бутылку съ лимоновкой. Въжливость за въжливость.

Ночь была лунная, тихая, очаровательная ночь. Я долго гулялъ по огороду, а нѣжныя наши дамы, изъ опасенія простудиться, сидѣли за салннымъ огаркомъ въ воючей киргизской кибиткѣ. Имъ бы предложить эстетикѣ Либельта: что бы онъ изъ нея сдѣлалъ? Наверное—панилотки. И это естественно. Для человѣка—матеріалиста, которому

Богъ отказалъ въ святомъ, радостномъ чувствѣ пониманія его благодати—его нетлѣнной красоты, для такого получеловѣка, всякая *теорія прекраснаго* ничего больше какъ пустая болтовня; для человѣка же, одареннаго этимъ божественнымъ разумомъ—чувствомъ, подобная теорія также пустая болтовня и еще хуже—шарлатанство. Если бы эти безжизненные ученые эстетика, эти хирурги прекраснаго, вмѣсто теорій, писали исторію изящныхъ искусствъ, тутъ была бы очевидная польза. Вазари переживетъ цѣлые легіоны Либельтовъ.

24 июля.

Передъ разсвѣтомъ прошелъ сильный дождь съ грозою; около огорода въ запруженную балку налилось съ каменныхъ овраговъ столько воды, что можно плавать порядочной лодкѣ, что мы и пробовали съ Н—емъ А—чемъ послѣ обѣда. Жаль, что, въ этой лоцинѣ, песчаный грунтъ и вода на поверхности его не можетъ удержаться долго; а какое бы было украшеніе и польза этому безводному мѣсту!

Вечеромъ капитанъ К—въ объявилъ мнѣ, съ претензіей на благодарность, что онъ, по приказанію коменданта, отдалъ приказъ по полубаталіону о моемъ увольненіи, за что я нижайше благодарилъ господина коменданта.

НАРО́ДНЯ СЛА́ВА.

Нема́ въ мене́ ро́ду,
 Нема́е дружи́ни,
 Ані́ бра́та-товари́ша
 На всій Украї́ні.
 Ду́ма сумові́та—
 То́ моя́ роди́на;
 Сэрце́ оди́но́ке —
 Вірна́я дружи́на;
 Степі́, го́ри и доли́ни —
 Товари́ство-побрати́ми.

Роспу́щу я свої́ ду́ми,
 Та й не позбіра́ю:
 Ростеклі́ся, суму́ючи,
 По рідно́му кра́ю.
 Одъ Лима́ну до Есма́ні
 Жовті́е пше́ниця;
 Я, безри́дний, оди́но́кий,
 Всю́ди чу́жені́ця.
 Одъ Лима́ну до Есма́ні
 Моги́ли чорні́ють;
 Ой жнуть лю́де, рідъ изъ ро́домъ,
 И нада́льше сіють...

Ой по тихъ моги́лахъ, у-го́ру висо́вихъ,
 По тихъ гробови́щахъ, у зе́млю гли́бокнхъ,
 Лежа́ть мого́ ро́ду безъ лі́ку.
 По тихъ степа́хъ, по го́рахъ Дніпро́вихъ,
 По ба́лищахъ и луга́хъ Низо́вихъ
 Живе́ ёго́ сла́ва одъ ві́ку до ві́ку.

Ой встань, сла́во,
 Устань ра́но,
 Вийди, сла́во,
 Изъ тумáну...

Ти безрідному — родина,
 Одинóкому — дружина,
 Товариство — на Україні,
 Одрáдонька — на чужині.

СОЛÓНИЦЯ.

Дума.

(1596).

I.

Иду племь чистимъ,
 Гляну огомъ бистримъ —
 Филюютця жóвті ниви
 Житомъ колосистимъ.

Уродило жито,
 Та нікому жати: ¹
 Пішли наші хліборóби
 Списáми орати, —

Списáми орати,
 Трупомъ засівати... ²
 Ой які-то бóдемъ жнива
 Сь тогó сіву мати!

II.

Брикне товариство:
 »Наливáйку, друже!
 Не впевняйся, сизий óрле,
 На лейстровихъ дуже; ³

»Бо ті лейстрові
 Віросли вь невлі:
 Ой не вдэръжать прóтивъ вітру
 Корогві у пблі.»

III.

Буйний вітеръ віє,

Наганяє хмари:

Чи то Турки наступаютьъ,

Чи хижі Татарі?

Ой не Турки, не Татарі,

Християнська сила,

Мовъ хмарами гримучими,

Таборъ обложила.

Стали недолицки

Поручъ изъ Ляхами,

Обгорнули Наливайцівъ

Леестровиками.

Україно рідна!

Чи се жъ твої діти

Кругомъ шапці повопали,

Щобъ на своїхъ біти? ⁴

»Ой хто изъ Жолківськимъ,

Тому панувати,

А хто стане зъ Наливайкомъ,

Тому погибати.«

Повабились наші

На мову лукаву,

Затоптали, закаляли

Козацькую славу.

IV.

Ой ви, Наливайці,

Молоді орлята!

Ой порá вамъ гостейъ вашихъ,

Порá привітати.

Блиснула гримийца

Изъ чорної хмари:

Повалились—покотілись

Пишаки й рейтаре.

V.

Кригне панъ Жолковський

На панськее військо:

»Не стинайтесь, пані брата,
Зъ Наливайкомъ близько.

»Роскидайте, брата,

Шовкові намети,

Позивайте усю шляхту

На гучні бенкети.

»Будемо гуляти,

Пива, меді пити,

А козаківъ Наливайцівъ

Голодомъ морити.»

VI.

Бенкетує шляхта,

Играючи въ карти,

А козаки лейстровиги

Додержують варты.

Поскидала шляхта

Паццери й шишаки,

Бо козаки лейстровиги

Вірні, якъ собаки.

VII.

Кинувсь Наливайко

Одъ брѣду до брѣду;

Сюди трудно й туди трудно—

Нема́ перехѣду!

Кинувсь Наливайко

Одъ валу до валу:

»Ой оддайте, менé, брaттa,
Ляхáм на потáду!»

VIII.

Чогó, чогó слáвна
Солониця стáла?
Що козакi Наливáйци
На iй воювáли.

Солóнні м'яки
Слiзми просолiли,
Що козакi Наливáйци
Воювáть не вмiли.

Вони воювáли
Чотирi недiлi,
Одъ безхлiб'я, одъ безвiддi
Рyки обомлiли.

Вони воювáли,
И кровъ розливáли,
Бунчуки й шаблi пiдъ нóги
Ворогáмъ поклáли.

Вони воювáли,
Та й довоювáлись,
Що Ляхáмъ та недоляшкамъ
Въ невóлю достáлись.

IX.

Буйнi вiтри, буйнi,
Оси́налось жiто:
Дббра дóля тимъ судiлась,
Що зъ гармáтъ побито!
Нежáтнi ниви
Въ—нивець оберну́лись:

Тяжкѣ лихо тимъ судилось,
Що зъ войны вернулись!

Сумно доці, сумно
Зерно прибивають;
Ой безъ батьківъ маленькиі
Дітки виростають.

Виростайте, дітки,
Въ щасливу годину,
Ой рятуйте—визволяйте
Ще разъ Україну!

II. Кулішъ.

ПРИМЪЧАНІЯ КЪ ДУМЪ: «СОЛОНІЦЯ.»

1.—Стр. 26, ст. 6.

Уродило жито,

Та нікому жати:

Въ народной пѣснѣ о походѣ на лівію поется:

Посіали, побрали,
Та нікому жати;
Пішли наші козаченьки
Лінії копати.

2.—Стр. 26, ст. 10.

Пішли наші хлібороби

Списати орати.

Польско-козацкія войны были не только борьбою религій съ религією, не только народа съ народомъ, но и стремленіемъ кореннаго народонаселенія старорусскихъ земель отстоять права вольности народной по отношенію къ польскимъ панамъ (1). Поэтому-то, при всѣхъ мрачныхъ чертахъ своихъ съ одной и

(1) Въ самомъ началѣ войны козацкихъ, задача его сдѣлалась очевидна для пановъ, но только паны никакъ не сознавали себя виновными въ томъ, что такая задача явилась въ массѣ Украинскаго простонародія. Гетманъ Жолкевскій, преслѣдуя Наливайка, въ 1596 году, писалъ къ королю: *Brzidko asz y spominacz do czego się to swowolenstwo bralo, iakie spominanie maiestatu W. Kro. Mczi, iakie zamisli o Cracowie stoliczi sławnei W. Kro. Mczi, rozbicziu, wi-traczeniu stanu szlacheckiego...* (*Zródła do Dz. Polsk.*, przez M. Grabowskiego i Al. Przędzieckiego, I. 72).

Другой стороны, эта борьба достойна вдохновения поэтовъ и изученія мыслителей. Въ послѣднее время, нѣсколько польскихъ перьевъ, не весьма впрочемъ сильныхъ, вооружились за достоинство аристократическихъ представителей старой, давно поконченной борьбы. Не входя съ ними въ диалектическіе диспуты, приведемъ имъ свидѣтельство о господствующихъ классахъ въ Рѣчи-Посполитой ихъ же писателя, современника Наливайка и Хмельницкаго. Онъ много разъ путешествовалъ по Европѣ; современники прозвали его, за разнообразіе его вѣдѣній, Польскимъ Варрономъ, а извѣстный польскій писатель нашего времени, Юліанъ Бартошевичъ (*Hist. Literat. Polskiej*, стр. 383) признаетъ за нимъ рыцарское правосудіе: *Prawość miał rycerską*. Этотъ писатель, по имени Симонъ Старовольскій, въ знаменитой книгѣ своей: *Reformacya Obyczajów Polskich* (стр. 105—111), пишетъ: *Czworakię albowiem u nas zdzierstwo, a zgoła niepohamowane prawem żadnem, znajduje się Polacy moi. Pierwsze starostów i dzierżawców rozmaitych dóbr rzeczypospolitej, którzy co wiedzieć jakich ciężarów, robocizn i podatków nie wkładają, na ubogie poddane królewskie, (a drudzy i swoich własnych ledwie nie ze skóry odzierają) nic na komisye, nic na dekreta królewskie nie dbając. A gdy które go prawem przycisną i inkwizycyami, tedy ci panowie co przy dworze natenczas będą, jeden drugiego ratują, omawiają przed królem jako mogą, przyczyniają się za oskarżonym, chłopcy gromią, strofują, straszą i odpowiadają im, aby koniecznie sprawy odstąpili, i zamilczeli krzywd swoich nieznosnych. A gdy którzy z chłopów rozumniejszych, spodziewając się jakiej poprawy, stoją mocno przy swoim i nie ustają z suplikami do dworu, — wnet ich pozabijają każą, albo potopić, a chudobę jeśli jaką mieli konfiskować, i między szczwacze swoje rozdać, zadawszy chłopu utopionemu, że buntownik był, że opryszek, że złodziejską z pogranicznemi przewodnią trzymał. I taci *quorum os maledictione et amaritudine plenum est*, urzędnikowie, ekonomowie i służkowie wierni, albo raczej zauszniczkwowie panów swoich, którzy *linguis suis dolose agebant*, przywiódą wnet pany do tego, że będą *veloces pedes eorum ad effundendum sanguinem*. — — Другие здzierство jest tak panów wielkimi, jako i szlachty miernej zuchwałey, którzy podróże z gromadnemi orszakami czyniąc, nie płacą w gospodach co natrawią, na polu szkody ludziom ubogim czynią, a ich гвардые niekarne przez wsie albo miasteczka jadąc co jeno po drodze potkają—porwą; гeś, курę, барана, ser, masło, kielbasy, chusty i wszelakie naczynia domowe, chłopu do komory wpadłszy. A panowie, skargę slysząc, albo się skryć każą temu co uszkodził, albo chłopu pofukają i obuszkwować każą, że o lada co turbuje jego mości. A tym też sposobem i z rzemieślnikami, i z kupcami wszędzie poczynaia, na бóг rzeczy nabrawszy, albo robić sobie co rozkazawszy, nigdy się nie isaczą nikomu, nie płacą, ale zawsze się z prace cudzej i najeść i napić i zбогacić chcą, kaduki upraszając po ludziach co możniejszych, tak zażywота ich co jeno mają wydzierają, jako i dziatkom ich ubogim, po śmierci onych. — — Trzecie здzierство czynią w Polsce wszystkie urzęды, przełożенства, i sąды так wielkie jako i мале. — — Czwarte здzierство czyni w Polsce żołnierз, który Boga zapomniawszy z sprawiedliwość jego, jest ojczyźnie swej teraz harpią i tyranem nieubлаганым. — — Idzie żołnierз na wojnę, drze, łupi ludzie ubogie, i bracia swoje. Jest na wojnie w obozie, na czaty wysyła na wszystkie strony, jak w nieprzyjacielskiej ziemi. Z wojny się wraca, drze, bierze, łupi по старему, jakoby to z holdowanego poganina, i w jednej wsi wyjada, z drugiej wóz skarbny picuje, z trzeciej do domu sweго posyła, a z dziesięcin pieniądze wybiera. I by то jeszcze jedna chorągiew*

Ой тільки тée та и неприятно,
Що на своїхъ трéба бити.

З.—Стр. 29, ст. 8.

Солонні м'яки

М'яками называються мочары вь низинахъ. Трава ростеть по нимъ только изр'ядка, потому что они пропитаны горькою солью.

ЗЗА ДУНАЮ.

Олександрі Михайловні К.

Покіну, покіну
Чужю чужину,
Та на Україну.
Сóкoломъ полину.
Ой хто жь мене дóма
Щіро привітає,
Любо вь вічі гляне,
Про життя спитає?
Привітають мене
Вовкі-сірмáнци,
Залігни дорóгу
Вь зелéнімъ байраці:
«Гóді тобі жити
За тихимъ Дунаємъ:
Ми на тебе, друже,
Давно вже чигаємъ;
Гóді тобі здобичь
У насъ одбивати —
Зь світломъ доглядати
Убогої хати.
Нехай тёмна нічка
Хату обгортає,
Наше сёрце хіже
По-вікъ звеселяє.

Привітають мене
Яструбі зь орлами;

Роспусти́вши кри́ла
 По-надъ городáми:
 «Ой ми тобі любо
 У вічі загляне́мъ,
 Твої очі-зори́
 Изъ лоба достáне́мъ.
 Годи́ прозира́ти
 У далéкі віки,
 Голуби́ти въ се́рці
 Наді́ велі́кі.
 Прѣдди твої въ шля́хти
 Хати́ відбивáли, —
 Своімъ тіломъ въ полі
 Вовківъ году́вали, —
 Пані́нські робро́ни
 На уну́чи дра́ли, —
 Лиси́ці зъ їхъ трѹ́пу
 Се́рце ви́и́дали, —
 Оча́ми-зоря́ми
 Далéко сяга́ли, —
 Яструби́ зъ орла́ми
 Очі́ імъ клюва́ли: —
 Ой то́ тво́я до́ля,
 Ой то́ тво́я во́ля;
 Втіка́й на чужи́ну
 Изъ рідно́го по́ля!
 Тобі́ рідь-роді́на —
 Чужа́ чужи́на,
 На́ша лю́ба здоби́чъ —
 Сла́вна Укра́йна...»

П. Кулішъ.

РУСА́ЛКА.

Мицкевичова баллада.

Ой що́ жъ то за хлѹ́нець,
 Хоро́ший, вродли́вий?

Що́ то за дівчина́ крїй ёго?
 Ходять надъ водою
 Тихою ступою, —
 Світить молодикъ срібноорґий.

Годѣ дівчина
 Хлопця ягідками,
 Що въ гаю зеленимъ набрала,
 А вінъ їй голівку
 Квітчає квітками...
 Певне жъ то кохана́я пара!

Скоро день погасне,
 Зійде місяць ясний —
 Вже вони виходять изъ гаю:
 Хлопець той — мисливий,
 Стрїлець уродливий;
 Хто така́ дівчина — не знаю.

Звідки́я приходить —
 Не пита́й даремне;
 Якъ вона́ зникає — Богъ знає.
 Мовъ зорі засвітить
 Попідъ гаємъ те́мнимъ;
 Мовъ іскра въ те́мноті, згасає.

» Скажи мені́ правду,
 Серденько́ дівчино,
 (На́ що ти зъ ума́ менé зводи́шъ!)
 Де́ тво́я хати́на?
 Хто тво́я роди́на?
 Зъ яко́го села́ сюди́ ходи́шъ?

» Літечко́ ми́нає,
 Ліста́ опадає,
 Холо́дні зближа́ютьца но́чи;
 Не въ гаю́, а въ ха́ті
 Му́шу цілува́ти
 Твоє́ личко́, твої́ ма́рі о́чі.

»Коли ж ти безрідня,
 Серденько дівчино,
 Ходімь до моєї господи;
 Житимемь съ тобою,
 Якъ риба зъ водою;
 Всі матимешь вь мене вигоди.

»Що вь мене достатокъ
 И худоби статокъ;
 Що вь мене и вівці й бжолята;
 Що вь мене світлиця —
 Цареві годитця;
 Моя мати твой буде мати.»

— »Ой козаче-тумо,
 Горда-пишна думо!
 Не йме тобі моє серце віри.
 Мати говорила,
 Що вь вась така віра,
 Якъ на синімь морі пина.

»Мати говорила,
 Що вь вась стільки ласки,
 Якъ на тихимь ставі ріски;
 Солов'ємь співаєшь,
 А серцемь буяєшь, —
 На іншю менé проміняєшь.»

(Інша дівчино!)
 — »Серденько дівчино!

Отъ же на колінахъ
 Присягаю небомъ,
 Землею и пекломъ,
 Що не буде іншої міжъ нами!»

— »Ой місяцю-внязю!»
 Озв'алась дівчина,
 »Я тебе за свідка призиваю.

Якъ слово зламає,
 Нехай покарає
 Їго твоя сила свята!

Скоро зговорила —
 Мовъ виресли врила,
 Голубкою поміж віття ліне.
 Назадъ обернулася,
 Лукаво всмихнулася,
 Мовъ та іскра, у темраві гїне.

Шкода здоганяти,
 Шукати, гукати!
 Пішла луна по гаєві сумно.
 Ніхто не озвався,
 Ані засміявся.
 Зоставъ козакъ самъ собі думно.

Думає-гадає,
 Додому вертає,
 Сумуючи, понадь сонною волюю.
 Тїхо, тїхо въ лісі,
 Хибі тїльки трїсне
 Суха вітка въ їго підь ногою.

По сонній водіці
 Проміння блищїтця:
 Срібноорґий въ воду зазирає.
 Ажъ ось изза гаю
 Вітрець подихає, —
 Ясна фея по озеру грає.

Чи то жъ забїлїла
 На озері піна,
 Чи то дївне проявилось дїво:
 Що посередь піни,
 Мовъ би на картині,
 З'явилося дївчя уродливе?

Молодѣнька, гбжа,
 Якъ пбвна рбжа,
 Покрбплена рбннєю росбю.
 То спбвомъ озвѣтця,
 То смбхомъ залетця,
 Берѣ бчи, вббитъ сѣрденько красбю.

»Козаче мислбвий,
 Хлбнче уродлбвий!«
 Озвблася изъ срббної пбни:
 »Чогб въ ночі блудншъ
 П сѣрденькомъ нудншъ
 По зрадлбвий, лубавій дбвчбви?

»Гбді сумувбти,
 Важѣнько здихбти!
 Ході, сѣрце, до мѣне гулбти.
 Бѣдемъ танцювбти,
 Якъ рибонька грбти,
 Якъ ластівка, по воді черкбти.

»Абб пбдъ водбю
 Ляжемб зо мнбю
 На мягбму, лилбйному лбжб.
 Тбхими речбми
 П кбрими очбми
 Роскажу я тобб про вѣі дивб Ббжб.«

Зъ воді виринбє —
 Якъ срблбб сибє...
 Мутитъ єму дшбу наготб дбвбчб.
 А вонб смбєтця,
 Якъ рибонька вѣтця,
 Якъ голубка, до єго буркбчє.

Ой мбнитъ словбми
 П чѣрними бровбми,
 Весѣлкою по воді кружлбє.

То зновъ поринає,
 Лебідкою грає,
 Въ срібні бризки воду розбиває.

Забійлось серденько:
 Підбігъ вінъ близенько,
 Хоче скочить въ воду и не хоче.
 А срібная фіяла
 Нogi йому зміла...
 Дзюркотить — и підмива — й лоскоче.

Вабить ёго, тагне;
 Сёрце въ грудяхъ тaне,
 Мовъ ёго до лоня мила пригортає.
 И божбу святую,
 И тоску німюю —
 Усе, про все козаць забуває.

Ринетця у воду;
 Пішную урoду
 Окомъ, сёрцемъ и душею обіймає.
 Пливé, допливає,
 Рўки простягає,
 И до сёрця либо дівча пригортає.

Ой гляне—спогляне
 На личко румяне —
 Що за диво, що за нове чудо!
 Се жъ ёго кохана,
 Забута пaра!
 Зникла разомъ зъ очей ёму, лўда.

»А ти жъ присягався
 И місяцемъ влявся!..
 Бўде жъ тобі ка́ра по заслўзі:
 Пóки місяць світить,
 Бўдешъ ти ходіти
 Надъ водою у великій тўзі.«

Свѣро зговорила —
 Зашуміла філя...
 Підъ водою обѣ сховались,
 Де вони гуляли,
 Любо розмовляли,
 Ні жадного сліду не зосталось.

Тільки, якъ день згасне,
 Зійде місяць ясний

И загляне въ таємнічі води, —
 Изъ озера ріне
 Вродлива дівчина,
 Зустрічъ — хлопець хоробної врѣди.

Вона надъ водою
 Сіяє красою,
 А вінъ тужить у тёмному гаю.
 Хлопець той — мисливий,
 Стрѣлець уродливий;
 Хто така дівчина — не знаю.

Ломусь.

МАТУСИНЕ БЛАГОСЛОВЕННЯ.

(Зь оповідань Олексія Петровича Сторожєнка).

Отцєвська-матчина молитва зо дня моря виїмає,

Одь грїхвѣ лѹшу визволяє.

На пѹлі й на морі на помічь помагає.

Народня дума.

Мині частєнько доводилось, клопотавшися ремѳнтомъ, вїдатись тудї-сюдї по Україні до кїнськихъ табунивѣ.

По дорѳзі изъ Ромнѣ до Прилѹки, все, булѳ, становлюсь на нїчь у селї Б** на вїздримъ-дворї знакомого менї козака, Тараса Самсоновича Коротая, дїда розѹмного, письменного и добре собї замѳжного. Повивѳдивши дїтєй у лѹде, вїнь подїливъ худѳбу свою, достатокъ добрий, зоставивъ собї тїльки самий двїрь уїздрий и тихѳ доживавъ вїку зъ своєю дружиною, доброю та клопїтною бабѹсею.

Тарасъ Самсоновичъ доживавъ сѳмого десятку лїтѣ, а ще бравий бувъ, кремезний дїдѳкъ, сѣ поглядомъ бїстримъ, а волосся ѳмѹ, бїле якъ цвїтѣ на садахъ, трѳхи до плечей не спадало. На видѹ здававъсь черезъ те ще свїжїйший. Марьяна Онѹпрїевна, дружина ѳго, весєла, привїтна, грубєнька зъ стану бабѹся, ходїла помїськїй, такъ, у каптанкѹ, и завязувалась чѳрною габовою хѹсткою нїзько на лѳбї. Старї жили собї вѣ любїй згѳдї по старосвїтському звичаю; у розмѳвахъ сѣ собѳю звали однѳ однѳго по їмєню и бѣтѳковї, та усє на «ви», а не їнако.

Старїйший синъ вїслуживъся на губєрєвского секретаря, молѳдший вѣ Роменськї кѹнци написався, а дочка, то на пѣнствї вже жила, за дворянїномъ. Тарасъ Самсоновичъ, чи то зъ похвали вїнь,

чи такъ якось на жартъ, а все було старшого дразнить *Ело Благородіе*, меншого—*Господя Купецъ*, а дочку прозвѣвъ *Німкенією*—черезъ те, мабѣть, що вона у сукняхъ ходила, въ моднихъ убрахахъ.

Старій бувъ дуже гострий на язикъ,—важний зъ него бувъ гадѣла, охоту мавъ пореготѣть, а інколи й підсміяти когѣ, та все примовками смішними, и що бѣвкне на гумъ, ти бері собі на умъ, а скажешъ слово—на все въ ёго найдетця приказка. Бувъ у всіхъ на повѣзі и на ймовірности. Селяне въ свѣркахъ и роспрѣвахъ не йшли до судівъ и до зѣмського начальства, а все до ёго удавалися, и ёго вірикѣ приймався безъ озву и апелѣціі. Нащо вже паничі судові, и ті ёго опѣсувалися: не одного опѣнтавъ вінъ передъ громадою и на чисту воду вивівъ. Більшъ двадцѣтка годъ служивъ за Голову; гарѣздъ умівъ закѣнѣвъ и доброго ладу доводивъ справамъ.

Господя Тараса Самсоновича ділилася скрізними сінцями на дві половини — одна отдавалася для проїзжачихъ підъ номері; у другій живъ самъ.

У мене душа раділа на порѣзі цѣго не бѣчного, але до-велика чепурного, захисного житлѣ. Гарно побіляні стіни виврашѣлися образками заграничнѣі літографіі. Вишарований, вигелбѣваний помість лоштивъ якъ новий; замість лѣвокъ роставлено стілиці и канѣпъ підъ бѣвеними клітчастими чѣхлами. Въ кутку, підъ божничкою, на столі, окрѣмъ книжокъ церковнихъ, лежали ще *Письмовникъ Куріанова*, *Проповѣди Леванды*, *Лѣствица на небо* и другі тогѣжъ розбѣру книжки, а съ підъ щѣтівъ дивѣлася здорова кѣпа губерськихъ відомостей; а божничка-жъ то уквѣчана васильками, канѣперомъ, аглицькою мѣятою,—такъ и розливалися зъ їхъ пахоці по покѣяхъ.

Одъ уїздного двѣру одлягѣла широка лѣвада зъ ставкомъ, садкомъ, горбодомъ, баштаномъ, а въ-конѣць лѣвади стоѣвъ хѣлварокъ, зъ хазѣйствомъ Марѣяни Онуѣриєвни: пасіка, обѣра и птѣшня для дробині, зъ кѣчками, чи то кѣйцями.

Разъ, на схѣді Сѣрпня, зъ-ранку, коло одинадцѣтої годѣни, брѣчка мой стала підъ цѣмъ же вѣзднимъ дворцѣмъ. Тарасъ Самсоновичъ сѣдивъ на лѣвочці біля дверей и дѣже зрадѣвъ, менѣ побачивши.

— »Занято, неприймаю!» гукну́въ. Шукáйте гіншого під'їзду! На що це похóжо?—прихали не почувáть, а тільки пона́сувать.»

— »Пильне діло, Тарасъ Самсоновичъ» казавъ я, виді́аючи зъ брїчки; »нужда законъ перемїняе.«

— »Ну, Богъ зъ вáми! на сей разъ вибачáю; а вдруге, дáлебі, не пу́щю!«

Я обїнявъ старóго и по-друзькїй зъ нимъ чмóкнулись.

— »Якъ же тебе Богъ мїлуе?» питаю.

— »Дякувать Бóгу—дóбре. — Навїдали насъ недáвнечко нашї. Господá Купецъ привозивъ жінку молодú показувати; а підъ той часъ и Ёгó Благородїе зъ сїм'єю, и Нїмгєна зъ чоловікомъ нагодїлись; спасїбі їмъ, зъ тїждень прогостювали. Отъ було вєсело! За тежъ, вїри не дастє, якá тепєрь пúда! Пїсля ярмарку и тóргу нема! Самъ собї сиджý, якъ бáчите.

— »А Марьяна Онўпрїевна?«

— »Зовсїмъ здурїла. Узяла до сєбе на розвáгу онўка. Бáчите, не мала бáба кло́поту, та купїла поросї—и вóзитця зъ нимъ, якъ кїтъ зъ оселєдцемъ. Бáвитця, грáетця вь-кóні. Скáзано—старє, якъ малє. А вїшь, собáчий синъ, пúдить стару безъ мїлости, що їй вже й такъ запáль и шнать вкїнулись! Онъ-онъ—подивїтця: ну, не здурїла жъ на старїсть?»

Тарасъ Самсоновичъ показавъ на Марьяну Онўпрїевну, що сáме вискочила зъ-за причїлку. Хочъ якá була вмóрхана, хочъ якъ задїхалась, а голова набїгъ, та звивáетця якъ тáя орчїкóва, стрїбає та брїгає; а жвáвий хлопчикъ при здоров'ю, шостачкъ на годá, тягнóвъ їй за пояскї, пришїленї до капóта.

— »Бóже мїлостивїй,« казавъ дáле Тарасъ Самсоновичъ, хитáючи головою: »якє навїсне сєрце—у тихъ бабóкъ! Та годї мордувáтьця,« грїмнувъ дїдъ: подивїтця лишєнь, якóго гóста Богъ намъ пославъ!»

Стара припинїлась. На-сїлу духъ звóдила—такъ збїгалась. Угледївши менє, затулила видъ рука́ми, и мїттю кїнулась у-дверї. На порóзі посїяла черевїка, ажъ плóхнувся на рундуці.

— »Дїду!« скáзало хлопця, показуючи черевїка: »кóбила розкувáлась!»

Зареготáлись ми.

— »Отъ до чого доїздивсь, собачий сиду!» говоривъ старій, жалуючи онука, славноного хлопчину.» Озьмі жь підкову, да бабу підкуй.»

— »Німкенинь?» спитавъ я, глядючи хлопчика.

— »Ні, се Егб Благородія; тажъ и воно, якъ бачите, благородіє собі, хочъ таке, якъ за денежку пістолеть; та все не нашъ братъ, мужикъ. Просимо милости до хати.» —

Переходивши сіни, ми чули дзвінкий голосъ Марьяни Онупрієвни, якъ вона опоряждала въ пекарні, загадуючи наймичкамъ:— »Ріжъ каплуна, запарюй тісто, біжи по раки, унесі масла зъ знімокъ.»

Тарасъ Самсоновичъ приймавъ мене за гостя и ніколи не хотівъ плати за обідъ та попаси коней, а щобъ не бути виннимъ ёму, я що-разу привозивъ гостинчика: книжечку, образочокъ, або цигаркы: на се вінъ бувъ здорово ласий и звавъ їхъ головешками. Той разъ я привізъ розмалёвану літографовану картинку: штурму Варшави, та скриньчку ляхенькихъ цигарокъ. Старій любовавъ картинку, да чогось усё стогнавъ и кулиевъ, згадуючи, що я не зостануся въ ёго ночувати. —

— »Не любі мені ваши подарунки й трюхи» говоривъ мені зъ жалёмъ: «годъ не бачились, а заіхали на часокъ; а менібъ треба багачко зъ вами побалакати, та де-що й розказати—теперъ нічого не почувте!»

Покижъ що, старій не вгававъ, и часъ нечутно блізився до обіду. Хазяйка увійшла до насъ зъ розжівілимъ відь огню личчемъ и завітала насъ до садку, де вони літнёго заснілъ часу обідали.

Обідъ бувъ споряжений підъ гіллястимъ дубомъ, такимъ, що може ёго тромъ не обійать. Навкруги дуба грядочка квасоли та бобу, котрихъ паростя, послітавшись на тичкахъ, роскішно повилась буйно-ярою зелению мало-що не до верховіни, и тимъ ще більший робило холодокъ коло дуба. День бувъ душній, соняшне проміння наче спікало усю землю, а підъ дубомъ було свіжо, просторо и відрадно. Меже двома дерновими лавами стоявъ накритий стіль, заставляний мисками, горшкками, макітрами.

— »Оце наше гульбище», промовивъ старій.

— »Тутъ літомъ сидимъ увесь день, а въ хату тільки спать идемо.»

Старий прочитавъ гблосно Отче нашъ, тай узллісь ми до смачного обіду.

На закуску натрусили гливъ, дуль, грушюкъ бергамотъ, сливокъ зъ деревья, якé було по близу, наносили зъ баштану динь та капушівъ.

— »А вамъ, бачу,« сказавъ сміючись хазяїнъ, »нашъ дубъ сподобавсь... по всій околиці тако́го не знайти.«

— »Чудовий! що ви ёму лічите роківъ?«

— »Двісті годъ класти; ми его звемъ *Матусине Благословіння*; та па́дькаємось коло ёго, колибъ ви зна́ли, мовъ коло малі́ дитини.«

— »Черезъ що ви ёго зветé—Матусине Благословіння?«

— »Зіста́ньтесь почувать, то розкажу; а по ва́шому сказавши, исторія ёго́ дуже га́рна, и не ка́зка абó вига́дка, а щіра пра́вда.«

— »Другимъ ра́зомъ почую.«

— »Болі не забуду. Я збіра́вся розка́зати про ёго́ Гого́лициному́ паниче́ві Микола́йнові, та оце́ й до́сі розка́зую.«

— »А ви й то́го зна́ли?«

— »А тожъ! зъ са́мого малку, якъ ще ёго́ возіли до ни́женьсвихъ шкі́ль. Все бува́ло въ мене ста́новля́тця. Розу́мний бувъ хлопець. Ви́нъ те́перъ про насъ пи́ше щось, та й дуже, ка́жуть, до́бре пи́ше.

Мені прббу́ закорті́ло почу́ти про то́го, дуба; хочъ и пі́льна ну́жда́ бу́ла іхати, та ду́маю собі—зверну́ти, на ну́жду.

— Що́ жъ, кажу, Тарасе Самсоновичу? Ну́жда и зако́нъ зміні́е. Зоста́нусь — розка́зуйте.

Марья́на Ону́прієвна пішла́ по господа́рстві, а найми́чка дога́длива унесла́ намъ поду́шкі; ми прости́глися на дерно́вій ла́ві.

Тихесе́нній вітрець, проліта́ючи крі́зь лися, пови́нувъ на насъ па́хощами резиді́, гвозди́ківъ, та й ми, по до́бримъ обі́ді, не чу́лися, якъ послу́ли, и про дуба байду́же. А прокі́нувшись, за́разъ не про що, якъ про Матуси́не Благосло́вення завели рі́чъ. Старо́му, бачу́, то́ жъ корті́ло. Старовина́—до́вге життя́—ті́ї спо́минки. Ко́му не ли́бо до́вго на сві́ті жити?

»Я буду́ вамъ та́къ розка́зувати, якъ чувъ одъ сво́го ді́да,« поча́въ старий, закури́вши *головешку*; »а ді́дъ чувъ одъ пра́ді́да, а мого пращу́ра. Ді́лялося це́ тоді́, якъ Богданъ Хмельни́цький ритова́въ ба́ть-

ківчину. Піднялась разом уся Україна, — хто здужавъ Ляха зъ лука, зъ оружини підцокнути, або кіємъ оперезати.

Не диво, що въ такій гурбі люду да въ такій справі святій проявилося стільки полковниківъ, старшини, лицарства и такі діялися діла, що не чувано першъ ніколи та вже ніколи, мабуть, и не почуємъ. По Корсунській потребі, якъ збурені Ляхи розбіглися по своїхъ замочкахъ, гетманъ щобъ не дати їмъ схаменутьця, пославъ на їхъ нечисленну лічбу охочого козацтва, що било и грабовало науміръ шляхту и негодівъ. Підъ той часъ межъ козаками и межъ самімъ прѣстимъ народамъ, обралися такі ватажки, що постягавши охочого товариша, ажъ на Волинь и на Поділь ходили господарити. Тоді-то виявивсь коло Лубенъ славіий по всій Україні лицаръ, которого за лютість та силу прозвали Вовгуремъ — тобъ то вовкъ. Такий бувъ дуженний, що коли розказовать теперечки, якъ вже вовкъ... звелись на ягнять, то повернуть, гадді, ще въ кізку: а тимъ часомъ, якъ віри не поняти? Той Вовгуръ здержувавъ у млині шістернію, перекидавъ черезъ Сулу двохъ-пудову гіру и десять разъ обнісивъ коло своєї хати два камені млиновихъ, у десять пудъ камень.

Охотника приймавъ до гурту не інано, якъ съ прѣби. Хто навкругъ хати трачи обнесє каменя, той їму товаришъ, а хто шість, той братъ. У тому-то товаристві, въ тихъ Вовгурівцяхъ бувъ, и мій пращуръ, Самсонъ Боротай, — правий Самсонъ. Великій, широкоплечий и страшенно дужий, дарма що молодий козакъ ще тоді бувъ. Вінъ обнісє кругъ хати каменя шість разъ, зарвався бувъ и сѣмий разъ нести, да Вовгуръ вже не давъ, зъ опаски, щобъ хлопецъ не ввередівся.

Набравши такихъ собі сотнягу лицарівъ, Вовгуръ потнався зъ своїмъ загономъ на Волинь. Їму страхъ якъ манулось захопіть у свої рѹки князька Ярѣму, що здорово держався противъ козацтва, да зъ тимъ не такъ-то було швидко справитись. Ярѣма бувъ самъ лицаръ, и вісько мавъ добірне. Скрізь, де вінъ перейшовъ, зъ жовірами своїми, усє огнемъ та мичемъ понаюндрувавъ, не жаловавши ні старіи голови, ні малятка.

Разъ, після сичи зъ княземъ, загонъ Вовгуревий становивъ на початіи підъ пущею, а могю пращюра послато на хати, доглядати чи не було де Ляхівъ у захисті. Уже надвечіръ, зъїжджає вінъ до крипиці, и бачить — набира воду висока ставна дівчина, и така вже

гáрна—прегáрна,—хочь воду зь лиця пий; тильки чогось блáда, якъ той мрець, и óчи зашлáкани.

— »Щó ти тутъ рóбишь, небóго?« спитáвъ мій прáщуръ.

— »Воду,« кáже »беру́ для мату́си.«

— »Дежъ тво́й мату́ся?«

— »Тутечки, у лiсi; слабýе, помiрае. Жовнири спалили на́ше селó, убили мого панотця, брата, мату́си рáтищемъ бiгъ проколóли и намъ би булá смерть немину́ча, да ми поховáлися вь пýщi и ось четвёртий день рiски вь рóти не булó.

Прáщуръ мiй, хочь и Вовгу́рянець, а бувъ чоловiкъ чу́дий и богобóйщий: достáвъ изъ тóрби шматóкъ хлiба, подáвъ дiвчинi и кáже: »ведi мене до своiй мату́си: мóже я чiмъ-небу́дь iй у пригóдi стáну.«

Такъ, зь пiвь-верствi перейшовши, застанóвилися бiля дуба. Пiдъ тимъ дубомъ лежáла, — дохóдила бабу́ся — Бóже мiй — покрiвáвлена, зь попеченими ногáми... лiхо такé, Бóженьку! Вгледiвши прáщура, нинáче одживiла, óчи iй засiяли рáдiсно.

— »Козáче!« мóвить глúхимъ гóлосомъ, а ще вира́зно: »не по своiй во́лi ти сюди нагодiвся: самъ Богъ тебе занiсь до насъ по-рятовáти сиротiну оцiю безпорáдно: (скинула окомъ на дочку). Ми козáче, не прóстого рóду, и булi здáвна богáти, да ти ксёндзiй вiддерли вь насъ добрó на́ше все; одного найдорóжшого скáрбу не забрáли—вiри на́шої святóй благочестiвоi. Гiркоi вiпила я за свiй вiгъ: ще тiжня не вийшло, якъ усю до дна силá. Передъ моими вiчми вбiто мого чоловiка, замучено сiна мого... (Страдáльна душá до землi припáла, на землi заридáла). Дожидала я смерти, и за одно́ Бóга прохáла,—вiнъ Милосердний почувъ мою молiтовъ: ти не покiнешь сиротiни, мiцнá правиця Бóжа пiдсилять тебе, оддáкуе.

— »Панимáтко!« сказáвъ мiй прáщуръ: «я бóду твоiй дочцi за рiдного брата.

— »Будь iй дружи́ною: тодi будешь за бáтка, мáтирь и за брата.«

— «Нехай же воля Бóжа бóде надъ нáми!» сказáвъ прáщуръ, и вклонiлись зь Мару́сею (такъ звалася дiвчина) до нiгъ мату́си.

Лáпала напёрсного хрестá на грудяхъ, щобъ нимъ благословiти, а ёго вже немае: десь на втiкахъ загубiла.

— »Чимъ-же«, стáла тужити «благословлю́ я васъ, дiтки? щó на-незáбудь zostáвлю!» А делi схопiла жолудькá, та й прорекá: »Не-

хай же надъ ва́ми, діточки мої, благослові́ння Бо́же спочиває.... Возміть отцѣго́ жолудька, посадіть у зѣмлю, віросте зъ его́ дубъ високій, и діти, докі́ль вінъ сто́ятиме на землі, доки коріння є́го не стру́хне підъ землею, и ви и рідъ вашъ увесь́ будете щасливі, чесні, довгові́чні».

Стара зговори́ла се сло́во такімъ тверді́мъ дүхо́мъ, на́че самъ Богъ промовля́въ її уста́ми. И схиливши́сь на ру́ки до Мару́сі, віддала́ Бо́гу дүхъ. Мару́ся зли́ла сві́ми слі́зьми ті́ло мату́сине, а пра́щуръ ви́копавъ ї́му ї́й ша́блею. Помоли́лися надъ за́мүченою, поховали́, поса́дили на моги́льці жолудькі́въ. А въ тій пу́ці криве́ся невели́чкий хуторі́ць, мо́єму пра́щурові́ свідо́мий. Вінъ заві́въ туди́ Мару́сю, приручи́въ її якийсь ба́бі, и по́хавъ.

Що́сь днівъ пі́сля того́ не въ-ска́зьго́хъ, пра́щуръ мій поверта́вся зъ по́помъ у́же, спра́вить надъ ма́тірью по́хоронъ христі́янський. Мару́ся кину́лась на зу́стрічку до є́го зъ щі́рою вели́кою ра́дістю. Якъ погля́нула на є́го свої́ми я́сними очі́ма, та простя́гнула бі́лі руче́нята, то въ мого́ пра́щура на́че ду́ша заго́рилась и впе́рве тоді́ засту́кало є́го се́рце ві́рнимъ коха́ннямъ.

Пі́шли на мату́сину моги́лу, запечата́ли небі́жчи́цю. Мару́ся зня́ла зъ се́бе дуга́чигъ зъ Бо́жою Ма́тірью и поче́пила на мого́ пра́щура. «Се,» ка́же, то́бі за́ступни́ця; нехай Пречі́ста оборо́нить те́бе відъ у́сякої на́пасти!

Про́щавши́сь зъ Мару́сею на до́вгі ча́си, пре́дко мій подарува́въ ї́й тугі́й че́ресъ зъ черві́нцями, надрати́ми одъ Ляхі́въ. Война́ ще то́чилася зъ чо́тири ро́ки и на всей то́й часъ Госпо́дь ви́димо бо́ронивъ мого́ пра́щура. Одно́го ра́зу Вовгу́рь посла́въ на ро́звідъ чо́лові́ка де́сять изъ сво́го заго́ну; мій пра́щуръ бувъ въ тихъ де́сятє́хъ. Одлу́завши версто́въ зъ два́дцятю́х и не наскочи́вши ні́гдє́ ляшкі́въ, вони́ нега́дки — станови́лися на но́члігахъ въ лі́сі, та ще, зна́єте, по до́брій ча́рці проти́ сну́ ви́котили, та й по́снули́ бе́ць-ко́мъ. Опі́вночи́ якъ на́че хто обуди́въ потихе́ньку мого́ пра́щура. Вінъ—зирк! ба́чить, що́ передъ нимъ висі́ла жінка́, у́сі въ бі́лому, якъ ма́ра сто́яла. Зъ бо́страху вінъ намі́ривсь крича́ти, такъ вона́ поману́ла є́му руко́ю, що́бъ за не́ю йшовъ; муси́въ послухати́сь, пішовъ. Завела́ є́го зъ півъ-верстві́, а поза́ду їхъ, стү́гомъ засту́гони́ла кі́ньська тупа́, вда́рила пальба́, га́ласъ підня́вся. Тутъ жінка́ зникла́, не сва́жи—у зѣмлю́ ввійшла́. Сторопі́лий, здере́вняні́въ пре́дко мій и не зна́въ що́ є́му й почи́на́ть. Ажъ чу́є, що́сь у ку́-

щя́хъ зату́пало, затри́цало, передь нимъ ставъ ягъ укóпаний Гнід-коб, егó кінъ и вірний товаришъ. Тоді вже прѣдко догадавсь, хто се егo порятовавъ. Недовго думавши, скбчивъ на Гнідка та гукнувши на різні голосі, помість то вінъ не самъ, порвався виручати своїхъ. Жовіри подумали, що то підмога козакамъ, та й кинулись у-ростичъ. Такимъ побитомъ пращуръ мій вирвавъ одъ неминучої погібелі пятахъ товаришівъ своїхъ, а четвірко наложили такі головáми.

Чотирихлїтня розлúка не прохолодила въ моєму пращурові кохання, и якъ все утихомирилось, вінъ, часу не гáявши, поїхавъ до своєї Марусі. Доїздить до того хуторця, де вінъ її покинувъ, аж и сліду ёго не бачить: все вигоріло до пня и розпитатыця ні въ кого. Зажурився мій пращуръ и поїхавъ на могилу до матуси. Тільки вона ёму й зосталася. На могилі стоявъ високій хрестъ и жолудкї ряснімъ кущемъ розросліся, а навкругъ знати слідъ засохлихъ грядокъ, де—не—где на їхъ ще квіточкї поростали. Видно було, що те місце зоставлено и вже зъ дві літі стоить безъ догляду. Помолівшися, ударивсь питати Марусі. Куди приїде, скрізь погоріджа: не було селá, хочъ хўтора, цілого відъ огню. Попоїздивши кілька днівъ, надїбавъ вінъ якогось обтинка и одъ того назнавъ, що всі жителци тогобóчнї виселились за Дніпрó. Тамъ було тоді простóре и безпечнїше. Мій пращуръ цілий рікъ виїздивъ по новосїлахъ, уступавъ до кожнісенької хáти, скрізь роспитувався.

— Одногó рáзу заїздить вінъ до хўтора новосїлянцїв; бачить на одшибі стоить така слáвна хáтка, а кругъ неї одóране підъ леваду простóре місце. Вийшовъ у сїни,—нікого нема; вінъ черезъ дрўгї двері вийшовъ на горóдь,—тамъ дівчина якáсь поле грядкї.

— »А чий се хáта?» спитавсь вінъ.

— »Хазайчина,« одмовила дівчина.

— »Дежъ твой хазайка?»

— »Пішла до Кїева на прощу.«

Отъ вінъ ужé йти дума, ажъ углédивъ на стороні молодїнькїй дубóкъ, загорóжений лозбю; а навкруги ёго росплáджений горóдчикъ. Могó пращура наче щó торкнуло.

— »А чого се«, каже вінъ, »дубóкъ сей въ такій у васъ ша-нобї?»

— »Не скажу«, вона йому: »щобо хазяйка ёго зве Матусине Благословення.«

Тоді вінъ догадавсь и почавъ роспитувать, яка зъ лиця хазяйка, — дівчина чи молодіица?

— »Дівчина« росказує наймицка: »и гърна така що на всю околію другої нема такої; багачко, славлють, до неї людей слалося, и не прбсті, а осаули да сѣтники, та вона и дивїтись на їх не хотїла: все когось чекае.«

Почувъ се прашуръ мїй, та й зомлівъ одъ радости.

— »Ну«, промовивъ, »приймай же мене за хазяїна: я той самїй, що вона жеде.«

Вступивъ до хати: чистенько, біленько, ажъ духъ раде. Дївчїна: вь кімнатї помѣщена постїль на двоохъ, на жердї висїть козацька одѣжа, сорочкї тонкого полотна зъ вишиваними комїрами; на прїпечку чѣботи червонї, на кїлку шапка, а на вікні лѣлька, не сказавъ би—тутъ живъ козакъ, а не дівчина. Прѣдко мїй понуривъ голову: для когожь це вона владїала зѣдїть? се, певно, суджений у неї!.. Такъ—то ти вволіла останню волю матусину! такъ оце памятуешъ обїтїю клятьбу на непростїглому ще тїлі матерпїму! Дакъ не буватижь сѣму! не мої, такъ и нїчїя! Вірву зъ коренемъ Матусине Благословення, що ёго ти неварта; роскїну хату и задавлю тебе пїдъ нею якъ люту гадїшу!..

Зїрвався зъ сѣрцемъ до того дубка и руку вже простягъ, щобъ ёго викорчїть, та миттю заппився. Пять рѣкївъ, погадавъ, ми булі вь розлуці, мѣже вона лїчила мене за погїбшого, а якъ побачить, що живїй, то жениха свого одураєтця. А про те, коли вона ёго лѣчче любить, то Богъ зъ нею; я стану їй за брата.« Потїмъ того встромивъ своє ратище біля дуба, да й каже на наймицку:

— »Якъ твоя господїня вернетця та побачить се ратище, то сама пізнае, хто ёго поставивъ. Скажи тїльки їй: коли вона мене ще не забула и любить, то нехай привїяже до ратища червону корѣвку; колижь нї, то нехай чепля білу.«

Самъ поїхавъ на пущу и звїдти визиравъ на лѣваду. Сидить день, сидить другїй день, ни їсть ни пье, ни спить; на трейтїй знемїгся—заснувъ. И приснїтця ему матуся, буцїмъ попровадїла ёго зъ—пїдъ високого дуба по зелєній обѣлонї до цѣрки. Лѣдвї ступивъ на порїгъ цѣрковнїй, назустрічъ ему Маруся, убрана, якъ до він-

ця, обійняла е́го, поцілувала. Прокінувся вінъ, дивитця—червона короговка грає зь вітромъ: сёрце въ ёго заволотилось, трóхи не вискочить; сівъ на коня, та й дмухнувъ до Марусі. Стріла ёго на цорóзі зь хлібомъ, зь сізью, склонилася до землі, заговорила: «Орле мій, съ—підъ темної хмари відъ Бога мені насланий, матусею призначений, сёрцемъ моімъ нарекований! за що се ти поневіряєшъ на́ші любощі?... Все що бачивъ у світлиці, все то для тебе, мого гóлуба сізого, наготовано; про тебе тільки я й думала, и Бога благала, щобъ повернули тебе до мене. Уступийжъ до свої хати, господару мій любий! стань мені спроти́ні татомъ, мамою и братікомъ ріднєсенькимъ.»

Тутъ мій пращуръ ще не мавъ и часу гарáздъ оглédитця зь тихъ радощивъ великихъ, а тутъ Богъ несé старєнього дiда, прбситця обночувати. Роздивились—той самий панотєць, що ховавъ матусю.

Назавтре жъ їхъ перевинчавъ и вже не пийшовъ далі.

Поблагословивъ їхъ Господь сіномъ одиначкомъ, щастливимъ та довгимъ вікомъ. Пращуръ мій вмеръ на сто и першімъ рóку, а пращуріха на девядесять—трейтімъ. Обидва переставились на одному тїжневі, якъ за рúки побрались.

Після тóго всі мої прѣдковья переживали за девядесять годъ, тільки батько мій вісімдєсятъ—пять живъ, и то тогó, що молодóго віку багáцко прийавъ гóря.

Черезъ стільки годівъ, молитвами нашої матусі, Богъ насъ не зоставляє; ми щасливі, довговічні и не булó въ нашимъ рóді ні одного нещасливого чоловіка. Що вже въ ту халеру! якъ вона скрізь по світу душила безъ мило́сти людєй! до насъ и не доторкнулась.

Ша́нуємо велико нашого дуба и кóжне зь на́шої сімї, виражajúчись въ далєку дорóгу, Бо́гу помолівшись, приходить повлбнитця Матусиному Благословєнню и для одвóду відъ себе напа́сти, берє зь соббю жолудькá.» —

Дякувавъ я старóму за е́го оповідання, а тутъ и сонечко, якъто ка́жуть, примерхло—лученько стáло їхати холодрóмъ. Попрощались ми. Поїхавъ я и все думавъ, якá—то пáша гáрна старовина́ була! щó—то за люде, що то за дúши були въ насъ підъ ту велику руїну! Та дежъ вонó ділося? нá що попереводилось, що теперъ мáло такихъ людєй задржалось на світі, прбстихъ и щїрихъ и богобозязливїхъ, якъ отцей Тарасъ Семєновичъ. Тільки й жити намъ спóминками. Ну,

та дарма. Хочь оди́нь дубъ зоставь, та багато на ёму жолуді́въ... Матуся наша, Україна, не покинула насъ безъ свого благословення. Проіхавъ я скільки верствъ; думки влягались; сонце сіло; и въ голові́ въ мене тихий помрокъ залгъ, — тільки щось несказанне на душі́ либо мені́ сніло. Не хотячи, оглянувся назадъ: село ховалося за могилами, окриваючись піломъ вечірнімъ, а ще зоривъ велично вскрай неба дубъ той старенний — »Матусине Благословення».

А. М.

УКРАИНСКІЯ НЕЗАБУДКИ.

ОЧЕРКИ ИЗЪ НЕВОЗВРАТНАГО ВРЕМЕНИ.

(Писано довольно давно, и собственно для памяти любознательному потомству.)

I.

КРАТКАЯ ХАРАКТЕРИСТИКА ДВОРЯНЪ КВАЧЕЙ.

Дворяне Квачи давно ужь процвѣтають въ уѣздѣ, который центромъ своимъ имѣеть городъ Стѣвбуръ, и потому называется Стѣвбурскимъ. Въ настоящее время дворянскій родъ Квачей значительно размножился, и мудро даже представить, чтобы когда-нибудь перестали ихъ считать десятками въ Стѣвбурскомъ уѣздѣ. Три брата, окруженные многочисленными семействами, составляютъ надежную опору этой, можно сказать, знаменитой фамиліи. Старшій изъ нихъ, Гаврило Петровичь Квачь, со славою занимаетъ должность исправника и отличается добродушнымъ, веселымъ характеромъ. Его фізіономія съ-молоду принадлежала къ числу красивѣйшихъ лицъ въ уѣздѣ. Портитъ ее только чертучуръ низкій лобъ; но зато на этой фізіономіи находился носъ, дотога прямой и «умѣренный», что отъ него не отказались бы многія изъ нашихъ самыхъ щеголеватыхъ помѣщницъ, у которыхъ, Богъ знаетъ почему, носы большею частью торчатъ кверху, а нето—расплываются вовсе не по-дворянски посреди лица. Теперь эта фізіономія сдѣлалась массивнѣе и подалась своимъ болѣе выразительными частями внизъ, такъ что верхняя половина головы Гаврила Петровича представляется какою-то пустою крышкою, не

болѣе. Въ самомъ дѣлѣ, Господь не одарилъ Гаврила Петровича Квача особеннымъ умомъ; но, не смотря на то, его у насъ въ уѣздѣ за что-то уважають. Онъ восемь лѣтъ служилъ въ земскомъ судѣ засѣдателемъ, а вотъ уже другое шестилѣтіе сряду выбираютъ его исправникомъ.

Гаврило Петровичъ не живетъ въ городѣ, какъ и всѣ почти наши уѣздныя власти. Онъ водворился посреди многолюднаго села Бѣртища, населеннаго козаками, а отчасти и помѣщичьими крестьянами. Тутъ живутъ и оба его брата. Три усадьбы господъ Квачей занимають одинъ конецъ села, прилегающій къ рѣчкѣ, вѣкогда судоходной, еще недавно двигавшей мельничныя колеса, а нынѣ почти изсякшей. Каждая усадьба отдѣляется одна отъ другой крестьянскими хатами и панскими яблонями, вишнями, огородами.

Гаврило Петровичъ, какъ уже сказано, — старшій изъ троиухъ братьевъ. За нимъ слѣдуетъ Антонъ, по прозванію Мотузочка, человекъ очень основательный; служилъ прежде, также какъ и старшій братъ, въ военной службѣ; теперь идетъ по его же слѣдамъ и засѣдательствуетъ въ уѣздномъ судѣ, но имѣетъ ту особенность, что по праздникамъ, или когда нужно быть въ большомъ собраніи, надѣваетъ армейскій мундиръ и шпагу. Шпана отъ шпаги куда-то затерялась у него, много лѣтъ тому назадъ, и онъ, по необходимости, подвзываетъ шпагу къ мундиру веревочкою, по-нашему *мотузочкою*, отчего и дано ему такое странное прозвище. Впрочемъ Антонъ Петровичъ менѣе добродушенъ, чѣмъ его старшій братъ, часто задумывается послѣ обѣда и не такъ любимъ въ уѣздѣ, какъ Гаврило Петровичъ, который каждому завросто говоритъ *братъ* и почти со всѣми на ты.

Третій изъ братьевъ Квачей еще менѣе любимъ господами дворянами и, сверхъ имени Петра, даннаго ему при крещеніи, и фамильнаго имени Квачъ, носить странное прозваніе. Я затрудняюсь даже произнести его; но исторія не щадитъ никого. Это имя — Злодій, что по-великорусски значитъ — воръ. Петро Петровичъ Квачъ, прозванный Злодіемъ, шелъ сперва также по слѣдамъ старшаго брата и уже былъ въ какомъ-то полку подпоручикомъ, но вдругъ вышелъ въ отставку съ аттестатомъ, въ которомъ сказано, чтобъ его впредь ни къ какимъ дѣламъ не опредѣлять. Впрочемъ его врожденныя способности не остаются праздными. Когда бра-

тя дѣлились общимъ наслѣдствомъ, онъ не взялъ на свою часть ни одной десятины лѣсу и, вмѣсто того, удвоилъ свой пай пахатною землею. Сосѣди надъ нимъ подтрунивали, и никому не приходило въ голову, что въ душѣ Петра Петровича Квача созрѣлъ глубоко обдуманнѣйшій планъ жизни. Вступивъ во владѣніе законною частью наслѣдства, онъ образовалъ изъ своихъ крестьянъ отрядъ волонтеровъ-дровосѣновъ и напустилъ его на всѣ сосѣдскіе лѣса безъ разбору. Сперва этихъ удалыхъ охочеконниковъ ловили и представляли къ исправнику, но когда убѣдились, что воронъ ворону очей не выклюеть, то ограничились только тѣмъ, что прозвали Петра Петровича Квача на весь уѣздъ Злѣдіемъ.

Нельзя, впрочемъ, сказать, чтобы исправникъ нашъ потакалъ воровству въ своемъ уѣздѣ: онъ дѣлаеть исключеніе только для родного брата, да и то подъ самымъ благовиднымъ предлогомъ: вину вторженія въ чужую собственность взваливаетъ онъ обыкновенно на крестьянъ и, въ случаѣ «поимки», наказываетъ ихъ тутъ же, при земскомъ судѣ, примѣрно. Но крестьяне Петра Петровича, должно быть, происходятъ отъ древнихъ Спартацевъ: возвращаются изъ суда съ веселыми лицами и совершаютъ новые подвиги. Не только сосѣдскіе лѣса, но и поля, во время жнивья, отъ нихъ не безопасны. То, что говорится въ древней нашей поэмѣ о хищныхъ Половцахъ, можно сказать о нихъ безъ всякой натяжки: *кричать телеги въ полнощи, рыи лебеда роспущени*. Одѣтые непроглядной темнотою ночи, являются они на чужія нивы и увозятъ на скрипящихъ возахъ своихъ не ими сѣянный, не ими сжатый хлѣбъ. Сосѣдніе козаки и мелкопомѣстные дворяне терпятъ это хищничество безропотно, такъ какъ извѣстно, что Петро Петровичъ Квачъ, по прозванію Злѣдій, поставляетъ изъ чужихъ лѣсовъ дрова во всѣ присутственныя мѣста уѣзднаго нашего города всенародно, и никто не останавливаетъ его подводу. Впрочемъ, Петро Петровичъ, въ своихъ смѣлыхъ набѣгахъ, обходитъ людей богатыхъ и довольствуется только похищеніемъ у нихъ лошадей для передачи ярмарочнымъ коноводамъ.

Читатель, незнакомый съ Стѣвбурскимъ уѣздомъ, вообразить, пожалуй, что такая личность, какъ Петро Петровичъ Квачъ, по прозванію Злѣдій, отвергнута всѣмъ благороднымъ сословіемъ и не имѣетъ доступа ни въ одинъ помѣщичій домъ. Нѣтъ, мы слава Богу, не потеряли еще стариннаго малороссійскаго добродушія, котораго луч-

шимъ представителемъ можно считать нашего исправника. Петро Петровичъ принять у насъ во всѣхъ лучшихъ домахъ не хуже каждаго потомственнаго дворянина, и когда вы увидите его въ обществѣ, то никакъ не подумаете, чтобъ это былъ тотъ чело-вѣкъ, о которомъ ходятъ по всему уѣзду столь неблаговидные слухи. Недавно онъ лишился жены, и черезъ полгода женился на дочери своего сосѣда, молоденькой дѣвицѣ съ хорошимъ приданымъ. Съ того времени утвердилось въ уѣздѣ мнѣнiе, что будто бы Петро Петровичъ превзошелъ богатствомъ даже старшаго своего брата; но это совершенная неправда. Послѣ раздѣла имѣнiя всѣхъ тремъ братьямъ достались, конечно, участки небольшiе; но природа наградила каждаго изъ нихъ равно могущественными средствами къ увеличенiю своего благосостоянiя. Старшiй братъ, отличающiйся собственно гражданскими способностями, вскорѣ удвоилъ, а потомъ и удесятирилъ наслѣдственное имуществво. Меньшой, въ душѣ завоеватель, которому не выпадалъ только случай прославиться «на полѣ брани», не отставалъ отъ старшаго брата, по мѣрѣ возможности. Среднiй, Антошъ, по прозванiю Моту-зочка, будучи права робкаго и миролюбиваго, повидимому долженъ былъ бы остаться у нихъ позади на пути къ обогащенiю, но судьба и этого не обошла своими дарами. Ему на долю выпала завидная участь — часто жениться и за каждой женой брать хорошее приданое. Теперь онъ жевать на третьей, которою также доволенъ, какъ и двумя первыми. «У меня», говоритъ онъ, «было три жены, и всѣ три — ангелы».

Такимъ образомъ три брата Квача не имѣютъ никакого повода къ зависти и недоброежелательству, но пребываютъ въ совершенномъ согласiи и даже, встрѣчаясь въ обществѣ, называютъ другъ друга нѣжными дѣтскими именами. Гаврило у нихъ до сихъ поръ *Рѣля*, Антошъ у нихъ — *Тоня*, а Петро — *Петя*. И трогательно, и назидательно видѣть подобныя отношенiя между тремя братьями, въ наше время, столь близкое къ одному страшному сроку, когда возстанетъ братъ на брата и сынъ на отца. Обратите при этомъ вниманiе на различiе характеровъ и склонностей каждаго, и подивитесь еще болѣе неразрывной дружбѣ этого родственнаго триумвирата.

Гаврило — чело-вѣкъ общежительный, характера открытаго, права дружелюбнаго, склоненъ къ жизни роскошной. Антошъ бо-

лѣ замкнуть въ самомъ себѣ, молчаливъ и склоненъ къ уединенію. Въ домашнемъ быту отличается простотою пищи и питія; если же дается роскоши, то это единственно въ гостяхъ, во время праздниковъ, именинъ и свадьбы у сосѣдей. Будучи отъ природы робокъ, при всей любви своей къ военной одеждѣ, — онъ извлекаетъ изъ службы очень мало выгодъ, но зато вознаграждаетъ себя бережливостію и ограниченіемъ издержекъ до такой степени, что, когда случилось ему однажды отправить къ кому-то по почтѣ письмо, — онъ торговался съ почтмейстеромъ до тѣхъ поръ, пока тотъ не отправилъ письма вовсе безъ платы. Наконецъ, третій братъ, очевидно, исполненъ духа своихъ предковъ, обогащавшихся, какъ извѣстно, вѣчными набѣгами на сосѣднія земли... Впрочемъ казаки села Буртища объясняютъ его страсть къ чужому добру родословною дворянъ Квачей, сохранившеюся у нихъ въ свѣжей памяти.

Между буртицкими старожилами, помнящими еще времена свободныхъ подсосѣдковъ, населявшихъ панекія земли, сохранилось преданіе, что въ послѣдніе годы сотницкаго управленія, какой-то пономарь, существовавшій въ Буртицѣ, яко лицо духовное, безъ всякаго фамильнаго прозвища, — укралъ на ярмаркѣ у козака-дегтяря мазницу дегтю; что казаки поймали его *на гарячому свѣчку*, окунули головою въ дегтяную кадъ и тутъ же прозвали Квачемъ. Не знаю, слѣдуетъ ли обращать вниманіе на подобныя сказанія простолюдиновъ въ столь серьезномъ сочиненіи, какъ сія повѣсть; но преданіе гласитъ положительно, что опозоренный пономарь, исключенный изъ духовнаго званія, затаилъ въ сердцѣ глубокую злобу противъ козацкаго сословія и рѣшился, во что бы ни стало, выдти въ люди, чтобъ отомстить потомъ своимъ насмѣшникамъ. Въ самомъ дѣлѣ — продолжаетъ преданіе — остриженный и вымытый олією и мыломъ, Квачъ въ короткое время добился званія сотеннаго писаря и насѣлъ на козаковъ такъ ловко, что, при закрѣпощеніи вольныхъ подсосѣдковъ въ царствованіе блаженныя памяти императрицы Екатерины Вторыя, нѣсколько козацкихъ убогихъ семействъ приписалъ къ отнятой имъ у нихъ же землѣ, и съ того будтобы времени Квачи вошли въ составъ образовавшагося тогда малороссійскаго дворянства. Впрочемъ подобныхъ басень о началѣ дворянскихъ родовъ въ нашемъ уѣздѣ ходитъ много между простолюдинами, но никто изъ благородныхъ

людей не обращаетъ на нихъ вниманія, тѣмъ болѣе, что у многихъ существуютъ древнія жалованныя грамоты, писанныя въ весьма недавнее время.

По этому краткому, но, надѣюсь, выразительному очерку дворянъ Квачей, читатель никакъ не ожидаетъ, чтобъ у нашего исправника была дочь, вовсе на него не похожая. Но природа человѣческая распоряжается иногда удивительнымъ образомъ. Она посреди Стѣвбурскаго уѣзда, гдѣ всё живутъ почти одни Квачиномѣщики, готова создать какое угодно чудо, — и создала его въ исправницкой дочкѣ. Нина (такъ ее звали) родилась необыкновенно счастливо. Такого красиваго ребенка, такого тихаго, умнаго дитяти не видали еще въ Стѣвбурскомъ уѣздѣ. Она отличалась отъ всѣхъ другихъ дѣтей Гаврила Петровича; она какъ-будто случайно попала въ его семейство, да и судьба ея была особенная. Нинѣ было десять лѣтъ, когда, въ ненастный осенній день, на дворъ къ ея отцу привезли поврежденную карету. Это случайное обстоятельство рѣшило судьбу Нины. Изъ кареты вышла немолодая уже дама, вся въ черномъ. Исправникъ, съ глубочайшимъ почтеніемъ, взвелъ ее подъ руку на крыльцо и предложилъ свой домъ и всего себя къ услугамъ ея превосходительства. Дама была очень печальна и почти больна: она въ дорогѣ лишилась единственной дочери, и страдала великою скорбію матери. Она едва имѣла силы благодарить исправника за его услуги; она видимо тяготилась сострадательными разспросами исправницы; но когда увидѣла Нину, лицо ея просіяло: Нина напомнила ей черты милой дочери. Она приласкала прелестную дѣвочку и живо была заинтересована ея умомъ и тонкими чувствами, выразившимися во всѣхъ ея словахъ и поступкахъ. Грустнымъ и пронизательнымъ взглядомъ слѣдила она за остальными членами исправничьяго семейства. Ей было жаль прелестной дѣвочки, которая должна вырости въ этой средѣ, питаясь ея нравственною атмосферою. На другой день она сдѣлала родителямъ предложеніе, отъ котораго тѣ пришли въ восторгъ неописанный. Она объявила имъ, что она — директриса института благородныхъ дѣвицъ въ Аскольдѣ и что ей было бы пріятно заняться воспитаніемъ Нины, въ память своей дочери. Она прибавила, что въ отношеніи къ прочимъ своимъ воспитанницамъ она стѣснена существующими правилами, но что Нину воспитаетъ она, хотя въ институтѣ, но семейнымъ

образомъ. Исправникъ и исправница, разумѣется, не поняли ея программы. Съ благословеньями на устахъ и гордыми надеждами въ душѣ, проводили они благодѣтельную *генеральшу* съ Ниною. Зависть всего уѣзда возбуждала въ нихъ сладостное чувство удовлетвореннаго себялюбія и проливала счастье въ самую глубь ихъ родительскихъ сердець.

Между Ниной и другими дѣтьми былъ у нихъ большой промежутокъ. Такимъ образомъ заботы о воспитаніи чадъ своихъ, начиняющіяся въ нашемъ уѣздѣ довольно поздно, отодвинуты были отъ нихъ надолго. Вся дѣятельность ихъ устремилась отнынѣ на устоиство дома, въ который съ каждымъ годомъ приливало откуда-то богатство, — и исправницкій домъ мало-помалу совершенно измѣнилъ свою довольно смиренную физиономію. Едва ли въ немъ хоть что-нибудь осталось старое: все было воздвигнуто вновь, по образцамъ богатыхъ сосѣдскихъ усадебъ. Исправника въ уѣздѣ начали называть человѣкомъ *тузовитымъ*; недоставало ему еще одной степени, чтобъ сдѣлаться тузомъ.

Прошло уже восемь лѣтъ съ достопамятнаго поврежденія дорожной кареты. Генеральша сдержала слово. Нина воспитывалась у ней, какъ родная дочь. Нину видали постоянно вмѣстѣ съ генеральшей въ семейныхъ кружкахъ города Аскольдова. О Нинѣ доходили въ Стѣвбурскій уѣздъ восторженные отзывы. Нину называли умницей не по лѣтамъ, синимъ чулкомъ и красавицей, какихъ на свѣтѣ мало. Нина возбуждала, какъ водится, и благовидное злословіе. Искусные въ общежитіи люди (ихъ въ Стѣвбурскомъ уѣздѣ много) поговаривали иногда, что, по ихъ наблюденіямъ, она ужъ черезъ-чуръ смѣла въ обществѣ и что въ ней нѣтъ этой милой застѣчивости, которая такъ плѣняетъ насъ въ молодыхъ институткахъ.

— Генеральша, прибавляли они добродушно, — не всегда будетъ охранять ее своимъ присутствіемъ отъ злорѣчія. Такая привычка держать себя въ обществѣ, замѣчали они глубокомысленно, — годится, можетъ быть, для столичнаго круга, но у насъ въ уѣздѣ она можетъ повредить репутаціи молодой дѣвушки. Что ни говори, но главное достоинство молодой дѣвicy всѣ-таки — скромность.

До слуха исправника и исправницы доходили всѣ эти толки; но они твердо вѣровали въ умъе генеральши повести дѣло вос-

питанія они втайнѣ радовались, что дочь ихъ отличается свободной свѣтскостью обращенія.

— Сохрани Богъ, говорила исправница, — явиться въ наше общество съ тихимъ, боязливымъ характеромъ! Не дадутъ житья ваши Чечотки. (Чечотками называла она двухъ старыхъ дѣвъ, господствовавшихъ надъ всѣми дамскими языками въ уѣздѣ.) Отчего я не пользуюсь всѣми преимуществами моего положенія? Оттого, что съ дѣтства не давали мнѣ высказываться, конфузили на каждомъ словѣ, приучали къ молчаливости. Меня и теперь каждая изъ нашихъ умницъ можетъ смутить посреди самаго живого разговора. Хорошо ли это? Нѣтъ, слава Богу, что наша Ниночка выйдетъ изъ института незастѣнчивою. Она покажетъ этимъ Чечоткамъ, что значитъ настоящая образованность.

А время выпуска изъ института между тѣмъ приближалось, и наконецъ приблизилось.

II.

ПРИГОТОВЛЕНІЯ ИСПРАВНИЦЫ КЪ РАДОСТНОЙ ВСТРѢЧѢ ДОЧКИ.

Среди знойнаго лѣта выпалъ какъ-то удивительный вечеръ, тихій, прохладный и вмѣстѣ сіяющій; и нигдѣ, кажется, не было такой тишины, какъ въ селѣ Буртицѣ. Все живое выбралось изъ села въ поле, по случаю жнивѣ; осталась развѣ гдѣ-нибудь полуслѣпая старушка, или шамкающій и едва таскающій ноги старикъ. Они молча сторожили опустѣлыя хаты отъ путешествующихъ изъ дальнихъ сѣверныхъ странъ богомолокъ, которыя вытаскиваютъ въ *кватірки* ⁽¹⁾ разшитые украинскіе рушники, обыкновенно висящіе въ хатѣ на кілочкахъ, и другія неубранныя подальше вещи, а нето — ловятъ по дворамъ куръ, а по огородамъ выбираютъ огурчики-ста. Эти благочестивыя странницы, называемыя у насъ *кидяками*, вообще не терпимы въ нашихъ селахъ за вѣчное канюченье, до котораго никогда не унижается богомолецъ украинскій; но особенно ненавидятъ ихъ за ихъ манеру

(1) *Кватірка* — отодвигающаяся форточка въ окнѣ.

отодвигать снаружи кватірку въ окнахъ и высматривать, не лежить ли что плохо въ хатѣ. Но теперь не видно было и Кіянокъ. Глубокое, невозмущаемое ничѣмъ спокойствіе царствовало надъ селомъ Бѣртищемъ. Даже собаки ушли на ниву за жнецами. Только покашливали кое-гдѣ, грѣясь на солнышкѣ, запоздалые жители другого свѣта да кудахтали куры по дворамъ и огородамъ. Тихо было и у Антова Петровича Квача, по прозванію Мотузочки, и у Петра Петровича Квача, по прозванію Злодія. Всѣхъ людей услали они въ поле на жнива, и сами съ женами и дѣтьми выѣхали на ниву для присмотра за работою. Это у насъ дорогое время. Въ эту пору лѣта не только мужчины, но и мелкопомѣстныя барыни и барышни наши, боящіяся загару больше всего на свѣтѣ, остаются на нивахъ при жнецахъ по цѣлымъ днямъ, и если не жвуть сами, то единственно изъ уваженія къ своему дворянскому достоинству.

Но у Гаврила Петровича Квача, нашего исправника, половина дворовыхъ людей оставалась дома, и на кухнѣ происходило необыкновенное движеніе. Множество куръ лишено было жизни. Ключница доставила повару большой запасъ масла и сливокъ. По всему было видно, что въ домѣ готовится къ ночи пирушка. Хозяйина нѣтъ дома; хозяйка, Степанида Карповна, вся раскрасилась, бѣгая по всему дому изъ угла въ уголь. Меньшія дѣти, непристроенныя еще въ учебныя заведенія, бѣгаютъ впереди и позади маменьки съ запачканными въ варенье руками и носами. Ихъ крикъ и пискъ надоѣлъ бы самому терпѣливѣйшему изъ нашей браты, людей кабинетныхъ; ихъ путающаяся вереница сбила бы съ ногъ самаго поворотливаго изъ насъ. Но Степанида Карповна только отъ времени до времени покрикиваетъ на нянюшекъ; дѣти не мѣшаютъ ей исполнять тысячу хозяйственныхъ затѣй и веселятъ своимъ шумнымъ присутствіемъ материнское сердце.

Между тѣмъ оба брата Гаврила Петровича заохочиваютъ своихъ жнецовъ къ работѣ и наслаждаются зрѣлищемъ тучныхъ колосьевъ, складываемыхъ въ жмѣні, потомъ въ снопы и, наконецъ, въ полѣвки. Вечеръ, какъ я уже сказалъ, вышалъ удивительный. Петро Петровичъ пользуется прозрачностью воздуха, потерявшаго свой ослѣпительный, жаркій блескъ, и озираетъ весь ровный кругозоръ полей, усѣянныхъ жвцами и полѣвками.

Молодець изъ себя Петро Петровичъ, красивѣе обоихъ братьевъ! Взглядъ у него не такъ добродушень, какъ у брата Гаврила, но зато въ немъ вѣтъ и той задумчивости, которая овладѣваетъ послѣ обѣда братомъ Антономъ: взглядъ его быстръ, какъ у орла, и не напрасно разбрасываетъ Петро Петровичъ глазами по сосѣдскимъ полямъ....

Весело звучать вблизи и вдали зажививныя пѣсни. Буртицкіе козаки знаютъ, что не всѣ ихъ молукинки будутъ лежать у нихъ на гумнѣ; но это ихъ беспокоитъ мало: они и при посѣвѣ молятся: *Роді, Бѣже, и на трудящого, и на крадіючого*. Звучать поля торжественными сельскими гимнами; чистая, вдохновенная народная поэзія наводнила ихъ прекрасными образами, — и, углубляясь въ общую гармонію звенящихъ серповъ и голосовъ людскихъ, забываешь о разстояніи, отдѣляющемъ людей работающихъ отъ тѣхъ, которые смотрять на работу. Обманутому согласіемъ природы воображенію кажется, будто всѣ эти высыпающіе на жива люди связаны одними и тѣми же правами, обычаями, чувствами.

Нива Антона Петровича — рядомъ съ нивами старшаго брата, на которыхъ недостаетъ столькохъ работниковъ. Жнецы его далеко опередили сосѣднихъ и воспѣли дружными голосами хвалу своему господину:

Ой чибѣ то поле
 Зазвеніло, стѣя?
 Зазвеніло, зазвеніло, стѣя!
 Антонове поле
 Зазвеніло, стѣя,
 Зазвеніло, зазвеніло, стѣя!
 Женці молодій,
 Серпій золотій...
 Зазвеніло, зазвеніло, стѣя!
 И жіто пожаля,
 И въ кѣпи повлѣла...
 Зазвеніло, зазвеніло, стѣя!

Ой чибѣ то поле,
 Задрімаю стѣя?
 Задрімаю, задрімаю, стѣя?
 Гавріолове поле
 Задрімаю, стѣя....
 Задрімаю, задрімаю, стѣя!

Женці все старіі,
 Серпї дублянїі...
 Задрїмало, задрїмало, стбї!
 Жїта не пожаїли,
 Серпї поламаїли...
 Задрїмало, задрїмало, стбї!

Солнце ласково наклонило сїяющюю свою голову надъ работающимъ дружно народомъ и бросило длинную тѣнь отъ каждаго дерева, случайно уцѣлѣвшаго на межѣ, — отъ каждаго воза, на которомъ развѣшены лишнія плахты и свиты, — отъ каждой дѣтской люльки, висящей на полевомъ тревожникѣ, отъ каждаго коня и вола, наслаждающагося роскошною пашею по стернѣ. Уже пастухи, осторожно напускаючіе на очищенные поля свои отары, хлопають длинными пугами на возвратный ходъ къ селу, и насытившіяся зернами и полевыми насѣкомыми птицы разлетаются стадами съ полей въ ночныя свои убѣжища — по лѣсамъ, болотамъ и рѣчнымъ камышамъ. Дружнѣ прежняго принялись жнецы и жницы за работу, почувавъ въ воздухѣ живительную свѣжесть; но дѣятельность ихъ — ничто въ сравненїи съ тою, которая кипѣла въ домѣ пана исправника.

Хозяйка, перебѣгая много разъ съ толпою дѣтей изъ дома въ кухню и изъ кухни обратно въ домъ, боязливо посматривала на спускающееся ниже и ниже солнце. Оно сегодня быстрѣе обыкновеннаго прячется за вишни и развѣсистыя груши... свѣтитъ оттуда еще нѣсколько времени множествомъ сверкающихъ глазъ... и наконецъ его невидво... Покраснѣвшее на западѣ небо возвѣщаетъ конецъ дня. Стада шумно наполняютъ сельскія улицы. Жнецы слышны уже въ отдаленїи, и скоро ихъ голоса зазвучатъ у самихъ воротъ исправника:

Чужї панї, якъ пугачи,
 Держїть людей до півночи,
 А нашъ соловейко
 Пускає раненько.....

Вдругъ раздается желанное и страшное для Стенаниды Карповны слово: *Гости! гости!* сперва на дворѣ, потомъ въ передней и, наконецъ, въ комнатахъ. Она, съ нѣкоторымъ отчаянїемъ, во вмѣстѣ и съ сознаниемъ, что ни одна хозяйка не совершила

бы столько подвиговъ въ такое короткое время, запирается на-
крѣпко въ спальнѣ. Дѣвушки льютъ на нее холодную воду; дѣ-
вушки распускаютъ ей волосы и тутъ же сообщаютъ имъ, по-
средствомъ помады и гребенки, удивительный видъ. Что-то въ
родѣ утки съ растопыренными крыльями является надъ повели-
тельнымъ челомъ исправницы. Прозрачная черная наколка съ
зеленю въ видѣ какого-то кустарника довершаетъ уборку головы
ей, и всё это стóитъ ей не болѣе пяти-шести молчаливыхъ толч-
ковъ. Поднятое надъ нею двумя горничными платье съ шумомъ
окружаетъ ее своими складками. Дѣти не смѣютъ больше прика-
саться къ ней своими липкими руками, и сама прислуга посторо-
нилась далеко отъ барыни. Криолинъ граціозно колеблется
подъ шумящимъ по полу шелкомъ.

Пока она одѣвалась, въ гостинную выбѣгали изъ спальни
черезъ дѣвичью дѣти, по одному, по двое, а иногда и всѣ пя-
теро вмѣстѣ, и увѣдомляли гостей веселымъ крикомъ: »Узе мама
умылась!« »Узе мама надѣла криволинъ!« и такъ далѣе. Гости,
двѣ старыя, но очень живыя дѣвы-сосѣдки, стараются поймать и
расцѣловать прелестныхъ малютокъ; но съ буйнымъ хохотомъ
мальчики и дѣвочки убѣгаютъ во внутреннія комнаты. Въ ожи-
даніи хозяйки, гости любуются новыми литографіями, появивши-
мися на стѣнахъ у исправника, который очень любитъ портреты
въ генеральскихъ мундирахъ и не упускаетъ случая увеличить
свою коллекцію.

Наконецъ обѣ половинки двери изъ спальни въ гостинную
распахнулись. Въ пышномъ нарядѣ явилась Степанида Карповна,
какъ солнце въ радужныхъ облакахъ. Глубоко ненавидитъ она
пріѣхавшихъ сосѣдокъ, прозванныхъ Четотками за ихъ болтли-
вость и насмѣшливость; глубоко ненавидятъ ее пріѣхавшія сосѣд-
ки, за вѣчно новые и недоступные для нихъ наряды; но съ обѣ-
ихъ сторонъ раздаются радостныя восклицанія, какихъ вы не услы-
шите нигдѣ, при самой неожиданной встрѣчѣ друзей.

Степанида Карповна не получила никакого воспитанія и вовсе
не готовилась къ той роли, которую теперь играетъ въ уѣздѣ.
Сосѣдки, напротивъ, выросли въ богатомъ домѣ, среди большого
уѣзднаго свѣта, и при всякомъ случаѣ даютъ ей это чувствовать.
До сихъ поръ она подавляла ихъ только своими нарядами, но се-

годъ насталъ новый періодъ ея жизни: сегодня Гаврило Петровичъ воротится въ назначенный заблаговременно часъ изъ Аскольдова и привезетъ домой дочь-институтку. Она ужъ получила извѣстіе черезъ нарочного, что они поджидаютъ съѣзда гостей въ ближайшемъ стану, чтобы поразить всѣхъ и новою каретою, и красотою воспитанной надиво дочки.

Не успѣла Степанида Карповна размѣняться привѣтствіями съ двумя первыми гостями, какъ прикатили *стрипчіе*, то есть стряпчій съ женою и тремя дочерьми-невѣстами. Еще не умолкли радостныя восклицанія по случаю пріѣзда стряпчихъ, какъ явился Капитонъ Павловичъ Иволгинъ, содержатель станціи въ нашемъ уѣздномъ городѣ и душа нашего уѣзднаго общества.

Я пропускаю столько лицъ безъ подробной характеристики единственно потому, что мнѣ, какъ сосѣду и земляку всѣхъ ихъ, какъ-то неловко хвалиться ими передъ публикой; но не могу умолчать о Капитонѣ Павловичѣ. Онъ пропеходитъ изъ семейства, которое искони отличалось умѣньемъ составлять лестныя для себя знакомства и передало ему это качество въ числѣ другихъ наслѣдственныхъ даровъ. Никто въ уѣздѣ не знакомъ съ такимъ количествомъ генераловъ, графовъ и князей, какъ Иволгинъ. Въ послѣднее время онъ весь досугъ свой посвящалъ недавно возвратившемуся изъ столицы князю или графу, и уѣздное общество ваше долго лишено было удовольствія видѣть его въ своемъ кругу. Барышни Чечотки разнесли при этомъ слухъ, будто бы онъ не выходитъ изъ своей *дптской*, какъ называютъ онъ, подъ веселый часъ, свою кладовую съ бочонками и сулеями, что съ гора онъ совсѣмъ опустился и одѣтъ всегда грязно, «какъ лакей». (Лакеи, дѣйствительно, въ нашемъ уѣздѣ одѣты по большей части замѣчательно грязно, а въ томъ числѣ и у самихъ Чечотокъ). До какой степени справедливы были слухи объ Иволгинѣ, трудно сказать навѣрное. Извѣстно только, что въ послѣднее время онъ началъ знакомиться преимущественно съ учеными и литераторами, и очевидно открылъ для себя новый источникъ внутренняго довольства. Начали даже поговаривать, что Капитонъ Павловичъ самъ сочиняетъ стихи, но какъ они «содержанія національнаго», то онъ не всякому ихъ показываетъ, опасаясь навлечь на себя неудовольствіе космополитовъ. Какъ бы то ни было, но фізіономія Иволгина сіяла новымъ блескомъ, и еслибъ

ему не было пятидесяти лѣтъ (что, впрочемъ, онъ держитъ въ секретѣ), то можно было бы подумать, что онъ дожидается прелестной институтки съ какими-то неясными надеждами. Поглаживая свои густые, сѣрые усы, вовсе непохожіе на мышь, какъ увидали насмѣшливыя барышни Чечотки, онъ подсѣлъ къ хозяйкѣ съ невиданной доселѣ въ немъ величавостью и между прочими приятными рѣчами упомянулъ въ десятый разъ о своемъ знакомствѣ съ ученымъ профессоромъ, который преподавалъ въ Аскольдовскомъ институтѣ исторію и отзывался съ необыкновенными похвалами о mademoiselle Квачъ.

— Степанида Карповна! говорилъ Иволгинъ, положи торжественно руку на сердце, — вотъ убей меня Богъ, если это не собственныя слова его: «Сколько прелестна, столько же и умна!» Умищъ у насъ довольно, слава Богу, прибавилъ онъ, взглянувъ не безъ свирѣпости на сосѣдокъ Чечотокъ, съ которыми постоянно былъ въ ссорѣ, — но прелестныхъ.... (тутъ онъ кашлянулъ и понизилъ голосъ) Господь какъ-то не вспомнилъ объ нашемъ уѣздѣ во время его сотворенія.

Обѣихъ сестеръ точно какъ-будто потрясло гальванизмомъ отъ этихъ рѣчей. Меньшая изъ нихъ, тонкая и блѣдная дѣвица съ острыми черными глазами, подпрыгнувъ на своемъ стулѣ, тотчасъ отрѣзала:

— Зато онъ одарилъ его дворянами, которые охотно постояли бы съ салфеткой за стуломъ у генерала, чтобъ только разказать потомъ, о чемъ бесѣдоваль у себя за обѣдомъ его превосходительство.

Съ сознаніемъ своего достоинства посмотрѣлъ на нее Иволгинъ и сказалъ:

— Инымъ-прочимъ, конечно, недоступно аристократическое общество, но между нами есть и такіе, которые сидѣли vis-à-vis съ фельдмаршалами.

— И которые теперь прислуживаются школьникамъ изъ мужиковъ, рѣзко замѣтила другая Чечотка, круглолицая и довольно прямодушная на видъ особа, съ голубыми, нѣкогда прелестными глазами и съ золотистыми, нѣкогда удивительными волосами.

Никто не понялъ этого намека: ни стрянцій, человекъ пронырливый по самой профессіи своей, ни его супруга, достойно раздѣлявшая съ нимъ его служебныя заботы, а тѣмъ менѣе Сте-

панида Нарповна, при всей своей гордости, довольно простодушная. Но Иволгинъ завертѣлся на своемъ стулѣ, какъ-будто его укололи въ самое чувствительное мѣсто. Дѣйствительно, ученый профессоръ, котораго знакомствомъ онъ такъ величался, былъ сынъ простого козака-хлѣбороба. Иволгинъ узналъ объ этомъ скандальномъ обстоятельстве отъ самого профессора, но утаилъ оно отъ всѣхъ, и теперь былъ въ совершенномъ неудомѣнн, какимъ образомъ пронохали его тайну барышни Четочки!

Вмѣсто всякаго возраженія, онъ величаво поправилъ на шеѣ новый, въ первый разъ надѣтый, галстухъ и обратился къ стряпчему, какъ-бы продолжая прерванный разговоръ:

— Дѣ, Никодимъ Трифоновичъ! я съ вами совершенно согласенъ, что нашъ уѣздъ начинаетъ замѣтно очищаться отъ всякой ветоши и украшаться личностями, достойными благороднаго дворянства. Но, впрочемъ, попадается иной разъ подъ руку такая ветошь, которой не сбудешь ни въ какомъ ветошномъ ряду.

Эти слова привели стряпчаго гораздо въ большее смущеніе, нежели тѣхъ, къ кому относилеся. Онъ подумалъ о своихъ дочеряхъ, которыхъ давно бы ужъ пора было сбыть съ рукъ, и невольно покраснѣлъ, что сообщилось и его супругѣ, а вслѣдъ за ней и всѣмъ тремъ дочерямъ.

Иволгинъ это замѣтилъ и, подойдя къ старшей, которую, какъ онъ зналъ, прочли ему въ невѣсты, сказалъ, пріятно осклабивъ свою физиономію:

— Марья Никодимовна! позвольте мнѣ быть съ вами дерзкимъ!

Марья Никодимовна отвѣчала машинально:

— Извольте!

— Мнѣ не безвизвѣстно, что вы играете новую польку Шопена или Моцарта. Сыграйте намъ, осклаивьте наши уши!

Но польки рѣшительно нельзя было сыграть: къ подъѣзду подкатила огромная кочъ-каreta; изъ нея высыпалось множество дѣтей, начиная съ трех-лѣтняго до тринадцати-лѣтняго возраста, а вслѣдъ за ними и сама родительница ихъ, великолѣпнѣйшая изъ женщинъ, по выраженію Иволгина, который былъ въ нее нѣкогда влюбленъ и чуть было не застрѣлился, когда она вышла замужъ за другого, но раздумалъ и началъ пить. Великолѣпнѣйшая изъ женщинъ недавно овдовѣла, и съ того времени не разстается съ своими дѣтьми ни подъ какимъ видомъ, увѣряя, что

всѣ они — совершеннѣйшіе портреты покойнаго ея мужа. Ее имен-
но за то и уважали, что она необыкновенно нѣжна къ своимъ
дѣтямъ.

Когда она заняла приличное ей мѣсто, Капитонъ Павловичъ,
вспомнивъ старину, заговорилъ съ нею поэтическимъ языкомъ,
который онъ усвоилъ себѣ съ недавняго времени, и распростра-
нился на счетъ какихъ-то унылыхъ чувствъ и соловьиныхъ пѣ-
сень; но она перебила его рѣчь восклицаніемъ:

— Какъ-таки вы, Капитонъ Павловичъ, не боятесь Бога!
Братъ мой Костя вчера пріѣхалъ изъ Полтавы, и съ него на ва-
шей станціи взяли прогоны за тройку лошадей!

Иволгинъ сваливалъ свою вину на писаря, но грудь велико-
лѣпнѣйшей женщины волновалась негодованіемъ, и она прибавила:

— Съ того времени, какъ вы начали проводить по цѣлымъ
днямъ у князя, вы на насъ, бѣдныхъ дворянъ, не обращаете
вниманія.

Это была не болѣе, какъ острая шпилька, безъ которыхъ на-
ши уѣздныя дамы никогда не входятъ въ общество. Надобно по-
жить между ними довольно времени, чтобы понять вполне, что
это за вопиственный народъ. Многія изъ нихъ одарены самыми
кроткими голосами, но вслушайтесь, какія тонкія, тонкія жала впу-
скаютъ онѣ другъ другу въ сердце, повидимому безъ всякаго на-
мѣренія! Напримѣръ, госпожа Протазанова отзывается весьма бла-
госклонно о блестящемъ воспитаніи вышнѣйшей молодежи и тутъ
же прибавляетъ съ добродушной прямою:

— А мы съ вами, Степанида Карповна, въ шестнадцать лѣтъ
едва читать умѣли!

Степаниду Карповну отъ этихъ словъ коробить, и отъ нея
не ускользнулъ полувзглядъ, брошенный госпожей Протазановой
на сосѣдокъ Чечотокъ, съ которыми она состоитъ въ родствѣ
и дружбѣ.

— Да, сказалъ стряпчій, не успѣвшій дать своимъ доче-
рямъ никакого воспитанія, — это должно быть особенно пріят-
но для родителей, когда дѣти знаютъ то, о чемъ они и не слы-
хали. Я бы желалъ хоть на старость поумиѣть въ просвѣщенной
компаніи.

Хозяйка вертится, какъ муха въ кипяткѣ, но скрываетъ свое

свое смущеніе тѣмъ, что велить дѣтямъ сказать Пазькѣ, чтобъ подала варенье.

Горничная и вмѣстѣ ключница Пазька, въ нанковомъ поло- сагомъ платѣ дудочкой и въ башмакахъ на босую ногу, подаютъ варенье на превосходномъ хрустальномъ сервизѣ, какого нѣтъ ни у кого изъ гостей.

Хозяйка бросаетъ торжествующій взглядъ и думаетъ:

«Погодите, прѣдетъ моя Нина... Зададимъ мы балъ, — всёхъ васъ уничтожимъ!»

Гости въ самомъ дѣлѣ чувствуютъ больше прежняго уваженіе къ хозяйкѣ, оцѣнивая мысленно хрусталь и золоченныя ложечки подъ червью; но никто не обращаетъ вниманія на сервизъ. (Мы ужъ усвоили себѣ аристократическую манеру — ничему не удив- ляться.) Только старшій сынокъ исправника, наслушавшись до- машнихъ толковъ о дорогой посудѣ, сказалъ:

— Это папенькѣ Мирскій изъ губерліи привезъ!

Мать ударила его за это разшитымъ душистымъ платкомъ, а гости значительно переглянулись, очень хорошо зная, что исправникъ спасъ Мирскаго отъ тюрьмы и Сибири.

Исправницкій сынокъ не совсѣмъ понялъ, за что его ударили, и, подойдя къ Иволгину, сказалъ въ полголоса:

— Мирскій прислалъ еще папенькѣ сѣраго жерлебца.

На это Иволгинъ отвѣчалъ ему также въ полголоса:

— Хорошо, душенька! Когда ты вырастешь, то и тебѣ бу- дутъ дѣлать такіе подарки.

— Матюша! сказала рѣзкимъ голосомъ мать, — поди руки вы- мой: ты совсѣмъ запачкалъ Капитона Павловича. — Пазька! ты чего смотришь?

Матюша, глядя на свои грязныя руки, медленно вышелъ въ дѣвичью къ Пазькѣ.

III.

Возвращеніе институтки въ родной домъ.

Въ эту минуту на дворѣ раздался стукъ, непохожій ни на звяканье старосвѣтской коляски, въ которой прѣхали барышни Чечотки, ни на тяжелый гулъ брички стряпчихъ, ни на дре-

безжанье и грохотъ огромнѣйшей кочь-кареты Протазановыхъ, словомъ — ни на одинъ изъ тѣхъ знакомыхъ нашему слуху стукъ, которыми сопровождается появленіе гостей на нашихъ сельскихъ и хуторскихъ дворахъ. Какое-то ровное, благородное урчанье и щелканье сопровождало легкое потрясеніе почвы вдоль оконъ. Всѣ оживились, всѣ спѣшили къ окнамъ.

У подъѣзда блистала новая карета на лежачихъ рессорахъ. Изъ кареты вышелъ, съ помощью ливрейнаго лакея, исправникъ и, обратясь широкимъ своимъ тыломъ къ зрителямъ, подаль руку прѣхавшей съ нимъ дочери.

Чувство красоты доступно всякому, и въ красотѣ несомнѣнной, рѣшительной примиряются всѣ вкусы. Дочка исправника поразила наше общество удивленіемъ. Она дѣйствительно была прекрасна, и при этомъ въ ея лицѣ, манерѣ и самой одеждѣ было столько честной и кроткой простоты, что сама зависть должна была умолкнуть передъ нею, — по крайней мѣрѣ въ первую минуту встрѣчи.

Мать бросилась на крыльцо; за нею двинулись и гости, придавъ своимъ лицамъ возможно пріятныя выраженія.

— Нина! Ниночка! Ангелъ мой! раздавалось на крыльцѣ.

Сцена была трогательная, какъ обыкновенно въ такихъ случаяхъ водится. А тутъ еще выбѣжали толпою меньшіе братья и сестры Нины и, вдѣваясь ей въ платье, требовали отъ нея самыхъ горячихъ поцѣлуевъ. Поцѣлуи были имъ розданы; дѣти кой-какъ отстали отъ нея и позволили ей бросить взглядъ на общество.

Дѣвицы Четочки очень церемоніально и съ чувствомъ своего достоинства напомнили ей о себѣ. Потомъ заключили ее въ обычныя при такихъ встрѣчахъ объятія. Ихъ поцѣлуи были очень громки, и обѣ онѣ казались взволнованными.

Тоже сдѣлала и госпожа Протазанова; тоже сдѣлали истряпчіе. Вышло какъ-то такъ странно, что всѣ гости представлялись ей, какъ старшей, и только успокоясь отъ перваго порыва удивленія и безотчетной радости, общество наше, размыслило что дѣло сдѣлано неловко, и всѣ молча были собой недовольны, — недовольны тѣмъ болѣе, что спокойный видъ Нины казался имъ выраженіемъ гордаго о себѣ мнѣнія.

Одинъ только Иволгинъ оказался человѣкомъ *comme il faut*. Дождавшись, пока толпа возвратится въ гостинную, онъ просилъ

своего друга Гаврила Петровича представить его своей дочери, и потомъ очень удачно напомнилъ о себѣ Аннѣ Гавриловнѣ.

Она не узнала его, такъ онъ обрюзгъ и осунулся въ послѣднія восемь лѣтъ, но не дала ему этого замѣтить.

Тутъ Иволгину представился отличный случай распространиться о своемъ знакомствѣ съ профессоромъ Нечаемъ.

Знакомое и, какъ видно, милое имя вызвало радостную улыбку на уста институтки; она даже немножко покрасилась отъ этой неожиданности, что и было тотчасъ подмѣчено обѣими Чечотками.

Госпожа Протазанова не имѣла надобности быть проницательною, потому что отъ барышень Чечотокъ не укрывается ни одна тайна во всемъ уѣздѣ, а барышни Чечотки состоятъ съ нею не только въ родствѣ, но и въ тѣсной дружбѣ.

Молодой части стряпчихъ сдѣлалось почему-то очень неловко, и она съ удовольствіемъ уѣхала бы домой; но старая часть вцѣлась глазами въ институтку съ какимъ-то помѣшательствомъ. По крайней мѣрѣ такъ казалось самой институткѣ.

Ей было тягостно въ родительскомъ домѣ среди этихъ гостей. Она воображала иначе возвратъ въ родную семью, къ тѣмъ лицамъ, которыя знала въ дѣтствѣ, къ тѣмъ предметамъ, которые какъ-то поэтически напечатлѣлись въ ея памяти. Ей бы хотѣлось броситься въ объятія матери и своихъ нянекъ безъ постороннихъ свидѣтелей, и потомъ объжать по-дѣтски весь домъ и садъ, и всѣ памятные ей тропинки и уголки. Но теперь она была здѣсь, какъ чужая: столько глазъ было устремлено на нее съ невыносимой для нея пытливостью; столько лицъ окружило ее густой толпою; столько знакомствъ пришлось ей вдругъ возобновить послѣ долгаго пребыванія въ иномъ мѣрѣ вещей и понятій.

Самыя стѣны и мебель были не тѣ, которыя она знала въ дѣтствѣ. Ей было жаль стараго, скромнаго домика и его убогой, но дорогой для нея, обстановки. Но исправнику и въ умъ не приходили подобныя сожалѣнія. Онъ тотчасъ повелъ ее въ комнату, отдѣланную собственно для нея. Вся толпа гостей съ хозяйскими дѣтьми и градаціею большихъ и малыхъ Протазановыхъ повалила за ними слѣдомъ. Анна Гавриловна благодарила отца, и тотъ поймалъ ее поцѣлуй своими толстыми губами, точно какой ловушкою. Мать при семъ удобномъ случаѣ бросилась цѣ-

ловать ее съ новою горячностью. Дѣти также повторили прежній манёвръ; и Анна Гавриловна, послѣ ихъ усердныхъ объятій, не безъ сожалѣнія увидѣла на свѣтлой кисеѣ своего дорожнаго платья отпечатки ихъ рукъ.

— А что, дочко! сказала исправникъ, обнявъ своей жирной рукой ея тонкій, изящный станъ: — я говорилъ тебѣ, что теперь ты дома ничего не узнаешь!

— Ниночка моя! сказала съ другой стороны мать, — пойдемъ, я покажу тебѣ мою спальню и гардеробную.

— Веди ее, душа моя, къ себѣ, а я покажу гостямъ Ниночкину карету, сказала исправникъ. — Это вѣдь ея карета: она давно была заказана къ ея выпуску.

Всѣ послѣдовали за исправникомъ смотрѣть карету, хотя вечеръ надвинулся темнѣе прежняго. За ними бросились и дѣти съ крикомъ: »Карету, карету смотрѣть!»

Сколько счастья устроено было родителями для милой дочери! Чего еще оставалось ей желать? Взявъ подъ руку свою дорогую Пину, исправница, съ торжествомъ въ душѣ, вела ее черезъ длинный рядъ комнатъ. Впереди шель ливрейный лакей, игравшій роль дворецкаго, буфетчика, камердинера и чуть ли еще не постельничаго. Онъ отворялъ двери и отгонялъ толпу дѣвчонокъ и бабъ, тѣснившихся смотрѣть на барышню. Этотъ манёвръ производилъ онъ съ такимъ успѣхомъ, что до сихъ поръ ни одна простопародная физиономія не оскорбила зрѣнія выхоленной въ институтѣ барышни. Пина не догадывалась, въ чемъ дѣло, и удивлялась только, что лакею открытъ свободный доступъ въ дамскую спальню. Но онъ прижалъ очень больно дверью спрятавшуюся дѣвчонку. Дѣвчонка, съ чулкомъ и прутками въ рукахъ, вдругъ заицаала не своимъ голосомъ, и изъ дѣвичей, позабывъ страхъ, бросились къ ней на помощь разныя служилыя личности. Это дало барышнѣ случай увидѣть вдругъ передъ собою цѣлое общество босоногихъ людей одного съ нею пола. Одѣтыя очень убого и смиренныя видомъ, онѣ не осмѣлились подступитъ къ ней близко, и только издали кланялись. Но Пина, вовсе не ожиданно для матери, обрадовалась чрезвычайно этимъ знакомымъ ей, только постарѣвшимъ, лицамъ и бросилась совершенно подѣтски ихъ цѣловать. Это были единственные памятники ея безпечнаго дѣтства. Они одни воскресили въ ней рядъ мел-

кихъ, но вѣчно дорогихъ воспоминаній. «Пазька! Улька! Палажка!» восклицала она, засыпаемая ихъ поцѣлуями въ лицо, въ плеча, въ руки.

Степаньда Карповна боязливо оглядывалась, не видятъ ли этой сцены барышни Четочки.

— Оставь ихъ, душенька! говорила она: — онѣ такія грязныя. — А вы что удѣпились въ барышню? прикрикнула она на прислугу.

Но никто не слушалъ исправницы. Убогій и смиренный горничный народъ, почуявъ теплое человеческое чувство въ барышнѣ, которой ожидали съ такими приготовлениями, прильнулъ къ ней съ непритворными, горячими слезами, — точно какъ-будто до сихъ поръ сидѣлъ въ безотрадной темницѣ и вдругъ увидѣлъ посреди себя свѣтлаго ангела. Невозможно выразить чувства, съ которымъ приняли эти бѣдныя люди дѣтскіе поцѣлуи прелестной, блистательной институтки. Каждое сердце какъ-то бо-лѣзненно и сладко повернулось, и слезы ихъ были пѣвыми жалобами на все, что они испытали въ послѣднія восемь лѣтъ исправничьяго благоденствія.

Степаньда Карповна оцѣнила, однакожъ, привязанность своей прислуги къ барышнѣ, вовсе не предполагая, что въ ней чувствуетъ народъ противоположность старымъ господамъ, или по крайней мѣрѣ часть этой противоположности. Она сама прослезилась и сказала:

— Ну, полно же вамъ, полно! Нужно и честь знать! Ато *ко-ли медъ, такъ и ложкою*.

Ливрейный лакей также принялъ участіе въ трогательной сценѣ и, расталкивая густую толпу, сравнилъ ее очень выразительно съ свиньями, бросившимися къ корыту.

— Маменька! велите ему отсюда выдти! сказала жалобно Нина.

— Ты здѣсь зачѣмъ? грозно обратилась исправница къ лакею, какъ-будто онъ никогда не входилъ въ спальню.

И ливрейный лакей, не показавъ никакого изумленія, вышелъ. За нимъ ушлелись робко изъ спальни и прочіе захребетники, какъ-будто вдругъ сообразивъ, какъ далеко увлеклись они за предѣлы почтенья къ господамъ.

— Нивочка моя! сказала мать, отирая своимъ душистымъ

платкомъ слезы на глазахъ дочери, — ты этимъ чернавкамъ обрадовалась больше, чѣмъ мнѣ.

— Мама! отвѣчала дочь: — я до сихъ поръ не могу придти къ себѣ: зачѣмъ вы назвали этихъ гостей?

— Дружечекъ мой! это всё наши близкіе сосѣди. Я хотѣла раздѣлить съ ними нашу радость.

— Но папа мнѣ дорогою рассказывалъ, какіе они завистники и недоброжелатели. Онъ хвалилъ одного Иволгина, который, однакожь, мнѣ не нравится. Прежде онъ былъ не такой противный.

— У него, мой другъ, доброе сердце, и знакомства у него всё такія прекрасныя. Ну, будь же веселѣе, моя Ниночка! покажи нашимъ сосѣдкамъ свое превосходство!

— Богъ съ ними! сказала дочь. — Я не хочу съ ними ни въ чемъ соперничать. Я бы желала только, чтобъ онѣ не смотрѣли такъ на меня. Скоро ли онѣ разѣдутся, мама?

— Чтѣ ты, мой другъ Ниночка! Сегодня у насъ вечеринка. Еще подѣдутъ гости.

Ихъ разговоръ прервали гости, шумно возвращавшіеся въ комнаты. Ливрейный лакей подаль свѣчи въ тяжелыхъ новѣшеныхъ подсвѣчникахъ, какихъ не было ни у кого изъ сосѣдей. Стряпчій не выдержалъ и подошелъ полюбоваться; но потомъ сказалъ съ нѣкоторымъ презрѣніемъ, обращаясь къ Иволгину: «Мѣдь!»

Иволгинъ, какъ человѣкъ, вхожій въ аристократическое общество, объяснилъ ему, что это мѣдь очень дорогая и стоить массивнаго сребра, чѣмъ исправникъ остался очень доволенъ и объявилъ, что пора и намъ цѣнить вещи по работѣ, а не по матеріалу.

— Вотъ я купилъ для моей Нины въ Аскольдовѣ часы съ цѣпочкою, продолжалъ онъ. — Взять въ руку и взвѣсить — дрянъ. Привычная къ золоту рука тотчасъ сообразить, что тутъ золота... ну, пускай будетъ на десять полумперіаловъ, а заплатилъ я ровнѣшенько 200 цѣлковыхъ!

— А гдѣ же они, Рила? спросила нѣжно исправница.

— Ну, вотъ поди съ твоею дочкою, Нидя! отвѣчалъ нѣжно мужъ: — пожалѣла надѣтъ въ дорогу!

Гости улынулись простодушно институтки. А исправникъ досталъ изъ кармана футляръ съ часами и распустилъ сверкающую передъ завистливыми глазами гостей золотую цѣпочку.

— Тутъ уже Никодимъ Трифоновичъ не скажетъ *мѣдь!* замѣтилъ онъ, глядя съ самымъ счастливымъ смѣхомъ на стряпчого.

— Суета сует! отвѣчалъ, вздыхая, стряпчій.

Нина, по настоянію отца, должна была надѣть на себя часы, и по этому поводу онъ поймалъ еще одинъ ея поцѣлуй своими жирными губами.

Вдругъ подъ окнами раздался конскій топотъ, стукъ экипажа и голосъ кучера. Иволгинъ взглянулъ въ окно и опрометью бросился изъ гостиной. Нѣсколько голосовъ въ одно слово сказали: »Михайло Андреевичъ!« Видно было, что гость, означенный этимъ именемъ, пользовался всеобщимъ уваженіемъ. Исправникъ пошелъ къ нему навстрѣчу.

— Ты, душенька, помнишь Михайла Андреевича? спросила Степанида Карповна у дочери.

Дочь отвѣчала, что къ ней и въ институтъ доходили объ немъ слухи, какъ объ очень умномъ и почтенномъ человѣкѣ.

— Нашъ профессоръ Нечай знакомъ съ нимъ, прибавила она.

При этихъ словахъ, Богъ знаетъ почему, на щекахъ ея заигралъ легкій румянецъ. Барышни Чечотки, сидя подлѣ госпожи Протазановой, толкнули незамѣтнымъ образомъ съ обѣихъ сторонъ сію великолѣпную женщину. Но институтка спокойно продолжала:

— Отзывъ такого человѣка, какъ Нечай, очень для меня важенъ, и я въ восхищеніи отъ сосѣдства Конашевича. Нечай называетъ его человѣкомъ рѣдкимъ по уму и по сердцу.

— А самъ Нечай хорошъ собою, молодъ? спросили Нину постоѣбурски.

Нина поняла смыслъ вопроса и отвѣчала спокойно:

— Красота и молодость не главные его достоинства. Моя наставница указывала намъ на него, какъ на образецъ хорошаго тона.

Появили и барышни Чечотки отвѣтъ Нины, и почти въ одно слово сказали:

— Это странно слышать о козацкомъ сынѣ!

Но тутъ исправница, глядя въ окно, сказала:

— Кого жъ это привезъ съ собой Михайло Андреевичъ? Кого-то незнакомаго!

Всѣ бросились къ окнамъ смотрѣть, но никто не узнавалъ молодого господина въ сѣромъ пальто и въ сѣрой круглой шляпѣ.

который, выйдя из брички, здоровался съ Иволгинымъ. Къ счастью, ни барышни Чечотки, ни Протазанова и никто въ эту минуту не оглянулся назадъ, ато бы они увидѣли, какъ пвститутка, завидѣвъ издали сбрую шляпу съ черными, падавшими изъ-подъ ней волосами, горячо покраснѣла. Но яркій румянецъ погасъ на ея щекахъ прежде, нежели гости и ея маменька вернулись къ своимъ мѣстамъ.

IV.

Возобновленіе стараго знакомства.

Михайло Андреевичъ Конашевичъ, высокій старикъ съ сѣдыми кудрявыми волосами и благосклоннымъ выраженіемъ лица, подвелъ къ хозяйкѣ своего хорошаго знакомаго, профессора Нечая. »Вотъ легокъ на поминѣ!« чуть чуть не вскрикнула исправница въ порывѣ простодушія, и едва проговорила сквозь зубы, что очень ему рада. Зато мужъ объявилъ громко и какъ-бы официально, что господинъ профессоръ дѣлаетъ ихъ дому честь.

— Я зналъ, что онъ у тебя будетъ, да нарочно не говорилъ, сказалъ Иволгинъ на ухо исправнику, хотя это было вовсе не правда.

Исправникъ съ чувствомъ пожалъ Иволгину руку.

Анна Гавриловна встрѣтила своего бывшего наставника съ простою радостью ученицы, безъ всякаго видимаго волненія.

Нечай, сѣвъ подлѣ нея, объяснилъ, что, захвавъ къ Михайлу Андреевичу, онъ засталъ его наготовѣ ѣхать въ Буртище, куда его просили по одному торжественному случаю. Онъ очень обрадовался, узнавъ, что этотъ торжественный случай былъ ея прїездъ, и просилъ Михайла Андреевича взять его съ собою.

Все общество вслушивалось съ напряженнымъ вниманіемъ въ разговоръ молодыхъ людей, и сама хозяйка едва отвѣчала на вопросы подѣвшаго къ ней Михайла Андреевича, котораго посѣщенія были для нея большою рѣдкостью.

Нечай очень понравился всѣмъ присутствующимъ, не смотря на дворянское противъ него предубѣжденіе. Только Протазанова находила, что онъ, для полнаго очарованія не довольно высокъ

ростомъ. Что касается до барышень Чечотокъ, то онѣ внутренно изумлялись, какъ это отъ простыхъ козаковъ, которые вѣчно возятся съ плугомъ и волами, могъ произойти такой приличный джентельменъ. Но меньшая замѣтила Протазановой потихоньку, что въ его манерахъ, не смотря на хорошій тонъ, заимствованный въ знатномъ кругу, всё-таки осталось что-то мужиковатое, и Протазанова, какъ всегда и во всемя, согласилась съ нею.

Иволгинъ очевидно гордился новымъ своимъ знакомымъ и старался позабыть, кто его родители.

Стряпчій удивлялся, что ученый профессоръ и человѣкъ, принадлежащій къ генеральскому кругу, говорить такъ просто и даже вмѣшиваеъ въ свою рѣчь украинскія шутки; а жена его готова была принять эту послѣднюю особенность городского гостя за насмѣшку надъ ея необразованными дочерьми, которыя изъ всѣхъ силъ старались выбиться изъ мужицкой рѣчи, какъ называли они родной языкъ свой, но никакъ не могли выбиться, и потому въ гостяхъ большею частью молчали. Старшая дочь ея досадовала на безпреставно прѣзжающихъ гостей: ей очень хотѣлось щегольнуть своими недавними успѣхами въ музыкѣ, на зло барышнямъ Чечоткамъ, которыя музыки не знали. Замѣчу кстати, что отецъ ихъ, разбогатѣвъ на должности стряпчаго, рѣшился поправить недостатокъ воспитанія дочерей дорогимъ роелемъ, и онѣ всѣ трое принялись за музыку съ ожесточеніемъ, выбирая въ жертвы своего искусства самыхъ знаменитыхъ композиторовъ.

Присутствіе Нечая преобразило Нину въ глазахъ всего общества. При немъ она почувствовала, что она у себя дома и, какъ-будто позабывъ обо всѣхъ окружающихъ, передала ему свои дорожныя наблюденія надъ людьми, которыхъ столько лѣтъ не видала изъ своей институтской кѣтки. Веселая рѣчь ея была направлена чѣмъ-то въ родъ насмѣшливости, потому что встрѣчные купцы, помѣщики, поны съ ихъ многочисленными попададьями и украинскіе ямицки съ ихъ заимствованнымъ ухарствомъ бросались ей въ глаза своей комическою стороною. Нечай смѣялся, но тутъ же ей замѣтилъ, что она еще не видитъ внутренней связи и причинъ всѣхъ этихъ явленій, ато бы ей было не до шутокъ, и хотѣлъ было рассказать одинъ случай, въ которомъ смѣшное на взглядъ дѣлалось печальнымъ въ глазахъ внимательнаго наблюдателя, какъ въ эту самую минуту передъ нимъ явилось нѣчто

и смѣшное, и печальное. Какая-то грузная мужская фигура, въ военномъ сюртукѣ стараго покроя, въ которомъ талія приходилась на лопаткахъ, приблизилась къ Нинѣ и, прогремѣвъ слова: »Любезнѣйшая племянница«, обняла ее предлинными рукавами въ складкахъ и впечатлѣла на ея щеки громкій родственный поцѣлуй.

Институтка была оглушена этимъ привѣтствіемъ, но дядя Антонъ Петровичъ, по прозванію Мотузочка, не далъ ей опомниться отъ изумленія и пихнулъ къ ней (по крайней мѣрѣ ей такъ показалось) какую-то даму, тоже довольно грузную и накрытую желтою шалью.

— Это моя жена, дружочекъ Нина! сказалъ онъ: — не та, которая некла тебѣ изъ тѣста голубковъ, а другая, или лучше сказать, третья, — такой же ангелъ, какъ и двѣ первыя. Всѣ три жены у меня вышли сущими ангелами, дружочекъ Нина.

Между тѣмъ ангелъ во плоти, накрытый желтою шалью, купленною къ вѣнцу еще для первой невѣсты Автона Петровича, расцѣловалъ свою родственницу, какъ только было возможно радушиѣ.

Казалось, этого двойного приступа было бы совершенно довольно; но нѣжные супруги разступились и открыли за собою цѣлый строй своихъ любезныхъ чадъ, которыя бросились осыпать институтку самыми неистовыми поцѣлуями. Антонъ Петровичъ, стоя въ сторонѣ, прилагалъ отъ себя къ каждому лицу комментаріи:

— Это моя дочка, Даря, отъ первой моей супруги, Федосіи Ивановны. Она къ тебѣ бѣгала въ дѣтствѣ еще безъ пояска. Это другая моя дочка, Катя, отъ первой же моей супруги — упокой Господи ея душу! Ты, бывало, дразнишь ее замарашкою. Это третья моя дочка, Анята, твоя тезка, уже отъ второй моей супруги, которая была такой же ангелъ, какъ и первая. При тебѣ она еще только начинала ходить. Это четвертая моя дочка, Параскевія, тоже отъ второй моей супруги. Она родилась въ тотъ самый день, какъ тебя повезли въ Аскольдѣвъ. А это сыночекъ мой, Феда, также отъ второй супруги. Онъ, бѣдняжка, и груди материнской не сосалъ. Поди, Феда душенька, ко мнѣ: я тебя поцѣлую. А это опять дочка, Настенька, уже отъ третьей моей су-

пруги, Ульяны Павловны, моего ангела-хранителя. Да еще дома осталось двое маленьких, близнецовъ. Ихъ принесутъ сюда къ матери покормить, какъ проснутся. Мы провели цѣлый день на нивѣ. Я сегодня и въ судъ не ѣздилъ. Погода удивительная! (эти слова относились ужъ ко всѣмъ вообще присутствовавшимъ). Тихо да любо въ полѣ! Жито такъ и звенить на серпахъ. (Тутъ онъ ударилъ по плечу старшаго брата). А жнецы мои надъ твоимъ полемъ смѣялись, Риля! Пѣли, что оно задремало стоя и что серпы у тебя лубяные.

— А тебѣ, Тоня, и не стыдно, что надо мною твои мужики смѣются? отвѣчалъ исправникъ. — Пстой, братику, я имъ покажу при случаѣ, что у меня не лубяное.

— Ну, этого-то я тебѣ, Риля, не позволю, хоть ты и старшій братъ, отвѣчалъ спокойно Тоня. — Изъ пѣсни слова не выкидать, а домочадцевъ моихъ я и самъ съумѣю наказать, когда нужно.

— Да Богъ съ ними! сказалъ добродушно исправникъ: — съ голаго ничего не возьмешь.

Здѣсь кстати замѣтить, что крестьяне Антона Петровича считались самыми убогими въ уѣздѣ, — на томъ основаніи, что онъ всѣхъ ихъ обратилъ въ дворовые и выдавалъ имъ хлѣбъ изъ собственной печи. Но сосѣди не винкали во внутреннія побужденія Антона Петровича, который называлъ крестьянъ своими домочадцами, какъ никто во всемъ уѣздѣ, а бѣдность поддерживалъ между ними, какъ противодѣйствіе пьянству и другимъ вреднымъ порокамъ.

— Удивительно, право, говорилъ онъ, обращаясь ко всему обществу, — какъ эти мужики ловко складываютъ свои пѣсни! Оно и глупо, какъ розобрать хорошенько, а слушаешь — и приятно! Я вотъ въ судѣ, отъ нечего дѣлать, пробовалъ сложить что-нибудь про вишневый садъ, или тамъ про долю, какъ они поютъ, — вѣтъ, вѣдь ничего не выходитъ. А, кажется, владѣя русскимъ языкомъ, можно бы сложить получше этой хохлячины.... На все отъ Бога талантъ: и птичка поетъ — никто ея не учитъ.

Я уже сказалъ, что Антонъ Петровичъ отличался отъ братьевъ самоуглубленіемъ. Натура у него была дѣйствительно философская, ровная и невозмутимая. Иволгинъ, по своей склонности къ смѣ-

хотворству, часто рассказывалъ объ немъ забавные анекдоты въ его же присутствіи. Антонъ Петровичъ не сердился за это нисколько и, похлопывая Иволгина по плечу, говорилъ: »Какой, право, вы шутникъ, Капитонъ Павловичъ!« Впрочемъ онъ рѣшительно отвергалъ, будто бы не заплатилъ ничего городовому врачу, который ѣздилъ къ нему цѣлый мѣсяцъ лечить ангела жену его. По разсказу Иволгина, Антонъ Петровичъ, заѣхавъ къ доктору изъ суда, сказалъ: »За то, что вы вылечили мою жену, я васъ приглашу къ себѣ обѣдать,« и тутъ же обратился къ Иволгину: »А васъ приглашу за то, что вы привезете его ко мнѣ и доставите въ городъ обратно.« Напротивъ, Антонъ Петровичъ утверждалъ, не придавая впрочемъ этому никакой важности, что онъ предлагалъ доктору для охоты отличные ботфорты, доставшіеся ему въ числѣ военной добычи въ 1831 году, но что докторъ самъ отказался отъ подарка.

Когда Пазька приготовила гдѣ-то въ другой комнатѣ и принесла гостямъ чай на великолѣпномъ подносѣ накладного сребра, въ замѣ раздался громкій и ровный стукъ, какъ отъ марширующаго солдата, и показалась новая чета Квачей, но уже безъ юныхъ своихъ отраслей, потому что молодая супруга Петра Петровича Злодія собственныхъ дѣтей еще не имѣла, а тѣхъ, которыхъ застала въ его домѣ готовыми, сослала въ заточеніе на кухню. Это была чета, на которую стоило полюбоваться. Петръ Петровичъ имѣлъ въ своей фигурѣ что-то геройское. Даже въ церкви онъ становился всегда у самихъ царскихъ вратъ и не иначе, какъ выставя впередъ ногу и почти подбоченясь. По его благородному и властительному виду, его бы слѣдовало прозвать Завоевателемъ, а не Злодіемъ; но сіе послѣднее названіе утвердилось за нимъ уже до такой степени, что и его потомковъ будутъ звать Злодіенками. Любо было взглянуть, какъ онъ подошелъ къ племянницѣ и поцѣловалъ ее сперва въ руку, а потомъ въ щеку. Можно было подумать, что онъ только вчера снялъ съ себя эполеты. Что ни говори, а такое ремесло, какимъ занимался Петръ Петровичъ, придаетъ человѣку что-то молодецкое, и нечему дивиться, если хорошенькая дѣвица Потрибенькина, нынѣшняя его супруга, увлеклась иѣжною къ нему склонностію. Она явилась дамой совершенно приличною. Даже долгое пребываніе на знойной пивѣ не помрачило ея кожи, которой сіяющій цвѣтъ чудесно сливался

съ золотомъ ея густныхъ волосъ и возвышалъ красоту голубыхъ ея глазъ, нѣжно глядящихъ на супруга. Петръ Петровичъ и по костюму своему принадлежалъ къ высшему разряду уѣздныхъ дворянъ: ухаживая за невѣстой, онъ возобновилъ весь гардеробъ свой и рѣзко отличался отъ обоихъ братьевъ, которые, впрочемъ, нисколько ему не завидовали, такъ какъ старшій, Гаврило, любилъ платье мѣшковатое, а средній, Антонъ, всему на свѣтѣ предпочиталъ военную униформу изъ нарочито крѣпкаго и носкаго сукна. Жена Петра Петровича была тоже одѣта, какъ куколка. Счастье первыхъ мѣсяцевъ супружества сіяло на обоихъ лицахъ.

Между тѣмъ, какъ Петро Петровичъ представлялъ свою молодую жену племянницѣ съ почитительно-ловкимъ поклономъ, Иволгинъ, стоя за стуломъ у профессора Нечая, сказалъ ему потихоньку:

— Это у насъ первый воръ въ уѣздѣ.

— А кто второй? спросилъ Нечай.

— Второй — старшій братъ его.

На это Нечай отвѣчалъ:

— Я воромъ называю всякаго, кто не хочетъ подумать, честными ли средствами онъ живетъ на свѣтѣ...

Но Иволгинъ его не понялъ и остался очень доволенъ интимною бесѣдою съ профессоромъ, которая была замѣчена всею честной компаніей.

— Какой умница этотъ Нечай! сказалъ онъ, подойдя къ Михайлу Андреевичу, котораго онъ очень уважалъ за тысячу незаконныхъ душъ и за то, что у него можно было выманить денегъ взаймы.

— А что? спросилъ тотъ, глядя на него съ холодной благоклонностью, извѣстной всему уѣзду.

— Онъ тотчасъ опредѣлилъ, что за лицо нашъ Петро Петровичъ.

Михайло Андреевичъ улыбнулся, какъ человѣкъ, невѣрящій тому, что слышитъ; но, по своему обычаю, удержалъ свою мысль про себя.

Это была одна изъ личностей, рѣдко встрѣчающихся въ уѣздной глуши. Приготовленный воспитаніемъ для дѣятельности на аренѣ обширной, онъ запертъ былъ нѣкоторыми обстоятельствами въ тѣсный кругъ уѣздныхъ помѣщичьихъ интересовъ и всю жизнь

чувствовалъ себя уединеннымъ посреди шумящаго хуторскаго общества. Онъ не встрѣтилъ здѣсь людей, достойныхъ душевнаго съ ними сближенія, и потому былъ ко всѣмъ равно близокъ и равно далекъ. Онъ дѣлалъ многимъ добро, хотя очень хорошо зналъ людскую неблагодарность. Онъ не чуждался уѣзднаго общества вообще, хотя мало находилъ въ немъ людей честныхъ. Онъ не вооружался противъ злоупотребленій такихъ людей, какъ исправникъ, зная по опыту, что дворяне его не поддержать и выберутъ на слѣдующій срокъ того же самого Гаврила Петровича, или Ивана Ивановича, или Семена Семеновича, котораго поступки онъ пробовалъ разоблачать до послѣдней наготы ихъ. Все перепробовавъ, обо всемъ передумавъ въ долгомъ своемъ уединеніи, Конашевичъ сдѣлался наконецъ молчаливымъ зрителемъ того, что передъ нимъ происходило. Онъ отводилъ душу обширнымъ чтеніемъ по разнымъ отраслямъ знаній человѣческихъ да перепискою и изрѣдка свиданіемъ съ такими людьми, какъ введенный имъ въ домъ исправника Нечай.

Молодые люди, знакомые между собой въ иномъ кругу и въ иной сферѣ общественныхъ интересовъ, очутились вдругъ подъ надзоромъ множества глазъ, ловившихъ всякое ихъ движеніе съ тою неотвѣзчивостью, которую можетъ родить одна пустота помѣщицкой жизни. Имъ бы хотѣлось переговорить о многомъ вдали отъ постороннихъ ушей, но они были окружены со всѣхъ сторонъ родными и сосѣдами, точно картина на выставкѣ. Положеніе ихъ дѣлалось невыносимо тягостнымъ. Но ихъ выручила наконецъ Степанида Карповна, старавшая нетерпѣливѣе показать превосходство своей дочери предъ всѣми сосѣдними барышнями.

— Нина дружочекъ! сказала она, — сыграй намъ что-нибудь.

— Охотно, отвѣчала дочь, — но не разстроены ли у васъ рояль?

— Какъ это можно? Вчера нарочно посылали въ городъ за настройщикомъ. Да я рѣдко кому и позволяю играть на немъ. У насъ тутъ проявился одинъ такой музыкантъ, что разбиваетъ сразу хоть какой инструментъ. «Я, говорить, подражаю Листу!» Богъ съ тобой и съ твоимъ Листомъ! Третьяго дня онъ былъ у насъ; такъ я и не показала ему твоего рояля; сказала — ключъ потеряли. Пазька, а подай ключъ отъ рояля!

Пацька знала, гдѣ хранится всякая мелочь въ домѣ, и въ ту же минуту принесла ключикъ.

Все общество перешло въ залу, за исключеніемъ задумчиваго Михайла Андреевича, любившаго слушать музыку издали. Нечай помѣстился подлѣ виртуозки, чтобы переворачивать ей нотные листы, и не догадывался, какъ это было досадно Иволгину, который выдавалъ себя за знатока музыки.

V.

ТОРЖЕСТВО ИСПРАВНИКА И ИСПРАВНИЦЫ.

Нина спросила свою тетрадь нотъ въ черномъ футлярѣ, и вскорѣ исправницья зала наполнилась чистыми, задумчивыми звуками, которые на нѣкоторыхъ, и въ особенности на дѣтей, сдѣлали такое впечатлѣніе, какъ-будто въ залѣ никого не было, кромѣ очаровательной музыкантки, задумавшейся надъ роялемъ. Въ самомъ дѣлѣ, душа Нины полна была грустныхъ думъ и чувствъ, которымъ одно присутствіе неожиданнаго гостя не давало перейти въ безотрадную горестъ. Она думала о богатствѣ своего отца, которое озадачило ее съ той самой минуты, какъ получила она отъ него, при выпускѣ изъ института, нѣсколько коробовъ, коробковъ и коробочковъ, наполненныхъ роскошнымъ бѣльемъ, нарядами и драгоценностями, надъ которыми разъежались ея подруги и классныя дамы. Изъ чтенія и изъ бесѣдъ съ такими людьми, какъ Нечай, она получила невыгодное понятіе вообще о членахъ земской полиціи, богатѣющихъ скрытыми отъ общества средствами. Ее часто занимала мысль: каково-то подвизается ея отецъ въ должности исправника? Отвѣтомъ на этотъ вопросъ были его великолѣпные подарки, по случаю ея выпуска. Ей было стыдно передъ самой собою, когда она вообразила, что все это было результатомъ такихъ сценъ, какія она читала у журнальныхъ обличителей беззаконія, облеченнаго въ форму законности. Но она успокоила себя мыслью, что отецъ, вѣроятно, много лѣтъ копилъ остатки своего жалованья, чтобы порадовать любимое дитя блестящими игрушками. Великолѣпная карета со множествомъ сундуковъ и вкладокъ полуразрушила ея успокоительныя размышленія, а счастливый отецъ, не подозрѣвая, что дѣлается въ

душѣ прелестной дочки, всю дорогу твердилъ ей, съ природнымъ своимъ добродушіемъ, что она теперь не узнаетъ своего дома. Въ самомъ дѣлѣ она нашла всю обстановку домашняго быта своихъ родителей далеко не тою, какую сохранила въ дѣтскихъ воспоминаніяхъ. Только закулисный штатъ горничной прислуги оставался всё такимъ же убогимъ и смиреннымъ, какимъ она его оставила. Блестящіе на стѣнахъ обои и шелкъ на неуклюжей мебели, свою разительной противоположностью, дѣлали эту убогую толпу еще бѣднѣе, чѣмъ она была въ самомъ дѣлѣ; а множество морщинъ, прибавившихся на постныхъ лицахъ кормилицы и нянекъ Нины, были для ея любящей и симпатичной души вопіющими письменами, по которымъ она читала исторію быстро возрастающаго благоденствія своихъ родителей. Обо всемъ этомъ и о многомъ другомъ думала наша институтка, и грустныя думы ея отразились въ музыкѣ. Въ ея игрѣ слышался голосъ тоскующаго ангела, обозрѣвающаго смущеннымъ взоромъ страшныя вертепы, въ которыхъ толпится, въ грустномъ безпорядкѣ, Божій народъ, не зная, какъ найти выходъ.

Этому впечатлѣнію грусти не поддались одиѣ только дочери стряпчаго, у которыхъ въ ушахъ звучали пьесы, недавно разученныя ими подъ руководствомъ свирѣпаго подражателя Листа. Всѣ остальные слушатели, каковы бѣ ни были у нихъ сердца, почували въ музыкѣ Нины что-то какъ-будто давно знакомое, родное, и конечно никому не приходило въ голову, что всѣ они — и Гаврило Петровичъ, пристрастившійся къ роскоши, и Антошъ Петровичъ, обратившій своихъ крестьянъ въ домочадцевъ, безъ всякихъ правъ собственности, и Петро Петровичъ, считающій все то дозволеннымъ, чего не въ силахъ преслѣдовать законъ, спутанный такими господами, какъ его братецъ, и стряпчій, и барышни Чечотки, и всѣ до единого — были взлелѣяны, въ нѣжномъ, неповинномъ дѣтствѣ, подъ музыкальнѣйшія въ мірѣ, подъ самыя поэтическія въ мірѣ, украинскія пѣсни. Не подозревая, что значить и откуда происходитъ одолюющая его какая-то тоска, Антошъ Петровичъ, разставивъ ноги и повѣсивъ голову, принялся отъ всего сердца плакать, и напоминалъ въ этомъ положеніи быка на такъ называемомъ *рѣвищѣ* (1), гдѣ флегмати-

(1) *Рѣвищемъ* называется мѣсто, черезъ которое быки и коровы не мо-

ческое животное вдруг останавливается, роетъ рогами землю и жалобно рычитъ, само не зная, чего. Прочіе также были болѣе или менѣе тронуты; но какъ Иволгинъ, подмѣтя слезы Антопа Петровича Мотузочки, сдѣлалъ нѣсколько искусныхъ гримасъ, то барышни Чечотки первыя, а за ними Протазанова и другіе, начали осторожно смѣяться. Только отецъ и мать музыкантки ничего не видѣли и не слышали, и отъ всей души предались родительскому восторгу.

— По истинѣ скажу, возвысилъ голосъ Иволгинъ, когда Никола кончила, — что вы, Анна Гавриловна, играете никакъ нехуже нашей губернаторши.

Тутъ онъ гордо посмотрѣлъ на все свое общество, потому что одинъ онъ былъ знакомъ съ «начальницею губерніи» домашнимъ образомъ. (Исправникъ тоже зналъ ее лично, но состоялъ съ нею въ официальныхъ отношеніяхъ).

— Это, скажу вамъ, дама — цвѣтъ и украшеніе аристократическаго круга, продолжалъ Иволгинъ. — Надобно, непременно надобно васъ представить ей, Анна Гавриловна! Недавно я былъ въ губернскомъ нашемъ городѣ... Встрѣтила меня съ радостнымъ лицомъ: «Посмотрите, говоритъ, любезнѣйшій Капитонъ Павловичъ, какую брошку пожаловала мнѣ великая княгиня.» Въ самомъ дѣлѣ, брошка дивная. Но я говорю ей: «Ваше превосходительство, вы слишкомъ низко изволили приколотъ ее: она выше будетъ имѣть другой видъ», и тотчасъ приколотъ ей, какъ слѣдуетъ.

На этотъ разъ Иволгинъ показался институткѣ пьянымъ, и она боязливо понялась отъ него назадъ. Это движеніе было тотчасъ замѣчено барышнями Чечотками, и онѣ, отойдя въ уголокъ съ Протазановой, смѣялись отъ всей души, присовокупляя къ разсказу Иволгина какія-то объясненія.

Такимъ образомъ вечеръ проходилъ въ невинныхъ семейныхъ удовольствіяхъ, и если кто не принималъ участія въ общей радости, такъ это старшая дочь стряпчачаго, которой не удалось показать свой музыкальный талантъ на новомъ роулѣ, выписанномъ изъ Петербурга. Для нея роулъ заказывалъ въ губернскомъ городѣ услужливый подражатель Листа. Инструментъ вышелъ отъ гутъ пройти равнодушно, почуявъ недавно, а иногда и давно пролитую кровь.

ло не за что, и хозяйева, такъ сказать, выпустили изъ рукъ ихъ полы.

— Непремѣнно, непремѣнно завтра къ вамъ, Михайло Андреевичъ! сказалъ прощаясь исправникъ и проводилъ гостей на крыльцо, въ сопровожденіи своихъ малютокъ, которыя, вооружась кусками хлѣба, намазаннаго масломъ, желали посмотрѣть на лошадей.

— Отчего это, папа, спросилъ старшій сынокъ, — у насъ тысячи душъ нѣту, а лошади лучшія и экипажъ лучшій, и кучеръ нашъ въ золотомъ поясъ?

— Оттого, мой другъ, отвѣчалъ добродушно исправникъ, — что я служу, такъ начальство меня награждаетъ.

— И я буду исправникомъ, папа!

— Учись, душенька, такъ и ты будешь исправникомъ.

— Я куплю себѣ такую карлету, какъ у Нины, и всё буду въ карлетѣ сидѣть!

Исправникъ поднималъ и расцѣловалъ своего любимчика.

VI.

Родители и гости озабочиваются будущностью институтки.

— Отчего ты такъ молчалива, Ниночка? спрашиваетъ исправница у своей дочери съ такимъ нѣжнымъ участіемъ, къ какому только была способна ея въ самомъ дѣлѣ чадолюбивая душа.

Что было отвѣчать на это Нинѣ?...

— Я всегда такъ, маменька, отвѣчаетъ она.

Но это была неправда, и какая неправда! Еще такъ недавно она была оживлена присутствіемъ дорогаго для нея гостя, и только съ его удаленіемъ сдѣлалась молчалива.

Нина была очень дружна съ Нечаемъ. Это значить, что она его любила подъ видомъ дружбы. Но ей не приходило въ голову, чтобъ ихъ отношенія могли перейти въ болѣе близкія. Она всё еще смотрѣла на него, какъ на наставника, и гордилась его вниманіемъ, которое дѣлила очень высоко. Еслибъ она знала, что у него давно живетъ въ душѣ желаніе присвоить ее себѣ на всю жизнь, во сколько разъ она была бы теперь счастливѣе! отъ какихъ тяжкихъ мукъ была бы она теперь свободна! Можетъ быть,

все кругомъ показалось бы ей въ нномъ свѣтѣ, и не томила бы ее до такой степени сіяющая обстановка родительскаго дома. Она далека была отъ мысли, что онъ готовъ освободить ее изъ этого душнаго круга, подавляющаго въ ней все живое, разумное, свободное, и возвратитъ въ общество такихъ людей, какъ онъ самъ. Въ удаленіи отъ роднаго дома, добрые люди научили ее лучшему, болѣе глубокому разумѣнію жизни, чѣмъ научилась бы она дома, — и для чего же? чтобы разойтись на-вѣки съ тѣмъ обществомъ, среди котораго она родилась, чтобы въ отцѣ и матери увидѣть людей не ея убѣжденій, не ея нравственности.

А нѣжная мать ожидаетъ отъ нея побѣдъ надъ языками сосѣдокъ, а отецъ видитъ въ ней средство войти въ родство съ богатѣйшимъ домомъ въ уѣздѣ, и уже вертится въ его воображеніи молодой обладатель семисотъ душъ и шести тысячъ десятинъ превосходнѣйшей земли, у котораго притомъ есть въ виду наслѣдство, имѣющее удвоить его благосостояніе. Правда, этотъ молодой счастливецъ надѣленъ отъ природы наружностью, которую сосѣдки съ сожалѣніемъ находили простонародною; но не сомнѣвается исправникъ, что семь-сотъ душъ сдѣлаютъ его въ глазахъ дочери образцовымъ бариномъ. Правда и то, что этотъ господинъ вынесъ изъ университета одну охоту повторять чужія слова; но въ глазахъ пана Квача, получившаго воспитаніе въ какомъ-то 49 пѣхотномъ полку, онъ былъ фениксъ образованности. Еще извѣстно было о предметѣ нѣжныхъ помышленій исправничьихъ, что сей предметъ не обнаружилъ склонности ни къ какому сколько-нибудь серьезному занятію и пребываетъ въ постоянной лѣни и разбѣянности; но кто же можетъ налагать условія серьезнаго труда на человѣка, которому судьба еще до рожденія заготовила роскошное обезпеченіе на самую долготѣльную жизнь? Такимъ образомъ участь втайнѣ тоскующей Нины была уже, можно сказать, рѣшена, и рѣшена не только въ умѣ ея почтеннаго папаши, но и въ умѣ барышень Чечотокъ, что вовсе не такая бездѣлица, какъ это можетъ показаться невникнувшему въ ихъ характеръ читателю.

Син двѣ дѣвы, давно лишившіяся природныхъ своихъ руководителей на пути жизни, шествовали по этому пути самыми смѣлыми и рѣшительными шагами. Необычайная ихъ храбрость, достойная коронованныхъ повелительницъ рода человѣческаго, от-

пугнула отъ нихъ всѣхъ жениховъ, порывавшихся внутренно къ ихъ наслѣдственному благосостоянію. Зато онѣ сдѣлались диктаторами цѣлаго уѣзда или по крайней мѣрѣ той среды, которая ихъ окружала, по части устройства и разстройства брачныхъ союзовъ. Еслибы я не былъ стѣненъ законными предѣлами моего повѣствованія, то могъ бы описать здѣсь, какъ онѣ, на-перекоръ отцу, матери и братьямъ, выдавали молоденькихъ и хорошенькихъ дѣвицъ за старыхъ и истасканныхъ уродовъ, и вмѣли потомъ удовольствіе оплакивать, вмѣстѣ съ родными своей жертвы, печальную развязку подобныхъ браковъ. Это были истинныя мастерицы своего дѣла, и если только онѣ рѣшили въ своемъ умѣ, чтобы такой-то быть за такимъ-то, то развѣ одна смерть, или крутой, неожиданный и, разумѣется, скандалѣзный поворотъ ихъ субъекта могъ разрушить ихъ глубоко разсчитанныя соображенія. Иногда онѣ совершали подвиги внѣ всякихъ предѣловъ вѣроятности, и разводили навѣки такихъ супруговъ, которые давно выдали замужъ, при ихъ же содѣйствіи, дочерей и дожили уже до внучатъ. Зато и наоборотъ, еслибъ имъ вздумалось женить внука на бабушкѣ, или дѣдушку на внучкѣ, то и передъ подобнымъ предпріятіемъ онѣ бы не остановились.

И сіи-то могущественныя волшебницы нашего уѣзда начертали уже планъ жизни институтки, между тѣмъ какъ она взирала на нихъ, какъ на особъ, съ которыми никогда не можетъ имѣть ничего общаго. Уже сообщено было объ этомъ къ свѣдѣнію и, въ надлежащемъ случаѣ, къ исполненію великолѣпнѣйшей женщиной, окруженной живыми портретами покойнаго мужа. Уже введенъ былъ въ разговоръ, ни для кого незамѣтнымъ способомъ, господинъ Каптуровъ, по имени Павелъ Миновичъ, и хотя всѣ, кромѣ Нины, знали, что онъ окончилъ курсъ въ университетѣ, что у него столько-то земли во владѣніи, но обо всемъ этомъ закипала бесѣда съ такою живостью, какъ-будто каждый изъ собесѣдниковъ сдѣлалъ неожиданное открытіе.

Барышни-стряпчіе, ненадѣявшіяся привлечь къ себѣ лестное вниманье молодого богача, и неумѣвшія попасть въ тактъ новой для нихъ жизни, указали спроста на его простонародную наружность; но это неумѣстное замѣчаніе дало только новый толчекъ убѣдительному краснорѣчію прочихъ дамъ, которыя, къ великому удовольствію хозяина, доказали, что выраженіе лица молодого Кап-

турова совершенно дворянское, величественное, вальяжное, и что изъ него современемъ выйдетъ отличный предводитель благороднаго сословія.

Иволгинъ, ухаживавшій за Кантуровымъ ради его богатства, но страдавшій отъ превосходства его свѣженпросольной образованности, сказалъ, что не мѣшало бы ему быть немножко остроумнѣе и повоздержаться отъ чтенія вназусь печатныхъ страницъ, въ видѣ разговора съ дамами. Но выходка Иволгина принята была съ рѣшительнымъ негодованіемъ, и исправникъ замѣтилъ, въ качествѣ общественнаго дѣятеля, что если такъ будутъ поощрять молодыхъ дворянъ къ обогащенію себя познаніями, то никто не станетъ посылать дѣтей въ университеты.

Братья поддержали исправника и объявили, что господинъ Кантуровъ дѣлаетъ честь всему ихъ благородному сословію и составляетъ украшеніе уѣзднаго общества.

Въ странное положеніе поставлена была Нина, къ которой обращались всѣ лица и глаза, какъ-бы отдавая ей на судъ каждую фразу и требуя ея мнѣнія. Дядя Антонъ Петровичъ подсѣлъ къ ней съ одной стороны и внушительнымъ тономъ объявилъ ей, размахивая передъ ней широкими обшлагами длинныхъ рукавовъ своихъ, что Павелъ Мироновичъ можетъ служить образцомъ свѣтской любезности и ловкости; а дядя Петро Петровичъ придвинулся къ ней со своимъ стуломъ съ другой и увѣрилъ ее, что молодой сосѣдъ ихъ пользуется самую безукоризненною репутаціею въ уѣздѣ.

Нинѣ было тѣсно и жарко въ толпѣ, разгорячившейся по поводу спора. Громкіе голоса, сражавшіеся одни съ другими, оглушали ее. Она съ трудомъ улучила моментъ, чтобы вырваться на просторъ, въ садъ; но и тамъ не позволили ей остаться одной. Многочисленная толпа, послѣдовавъ за нею, шумно утверждала, что прогулка вечеромъ по саду очень пріятна, хотя, безъ Нины, никто и не подумалъ бы подышать свѣжимъ воздухомъ, такъ какъ у насъ въ уѣздѣ вообще не понимаютъ, чтобы можно было находить удовольствіе въ движеніи, безъ хозяйственной надобности.

Нина, очутивъ между сестеръ Чечотокъ, которыя, съ видомъ дружескаго покровительства, подхватили ее подъ руки, спустилась по спуску прямой дорожки къ болоту, которымъ замыкалась перспектива. Увѣщанія спутницъ и спутниковъ, что

визу сыро и неприятно, не остановили ея. Ей хотѣлось взглянуть на дикую природу, непокоренную наемнымъ садовникомъ роскошному господству ея папеньки. Болото, съ блестящими нитями воды въ его заросляхъ, сохранило тотъ самый видъ, какой имѣло въ ея дѣтствѣ. Мѣсяцъ выкатился краснымъ шаромъ изза очерету и зарумянилъ воду точно такъ, какъ и во времена оны, когда нянька не позволяла ей указывать рукой на небесное чудо Божіе. Въ водяномъ царствѣ, покрытомъ высокими травами, кустами и лепехами, полно было говору, напоминавшаго ей лѣтніе вечера, когда она оставалась одна съ дворовыми дѣвчатами и вслушивалась попеременно то въ этотъ таинственный говоръ, то въ пѣсни усѣвшихся въ кружокъ дѣвчатъ, то въ ихъ фантастическіе и страшные рассказы о непроходимыхъ болотныхъ топяхъ и разныхъ приключеніяхъ среди этихъ топей. Съ какимъ бы удовольствіемъ осталась она и теперь одна въ саду! Пускай бы ея вѣжные родители попрежнему ѣхали себѣ куда-нибудь на именины, на свадьбу, на праздникъ, на балъ, а ее бы оставили подъ охраною этой бѣдной, затасканной, но добродушной и даже веселой толпы домашней челяди, которая, очевидно, выѣздъ господъ въ гости считаетъ своимъ праздникомъ и умѣетъ провести время въ свое удовольствіе даже безъ музыки, безъ нарядовъ и угощеній. Но то время прошло, и уже не воротится. Теперь ужъ она не *Галл*, какъ ее запросто звала горничная прислуга, а Анна Гавриловна, и никто ужъ не назоветъ ее нѣжнымъ украинскимъ именемъ, ни даже родная мать, которая прозвала ее, по какому-то высшему образцу, Ниною. Теперь всѣ старыя и вновь появившіяся въ домѣ служилыя фигуры, даже и въ порывѣ усердія, приближаются къ ней съ какимъ-то обратившимся въ привычку подобострастіемъ, которое не допустило бы уже той искренности и свободы, съ какою прежде шла между ними бесѣда въ присутствіи панночки, которой всѣ говорили *ты*. Теперь отецъ и мать не оставляютъ ее дома одну и повезутъ ее по всему уѣзду, чтобы сдѣлать ее участницею въ тѣхъ общественныхъ удовольствіяхъ, которымъ нѣкогда сами они предавались съ такимъ увлеченіемъ. Теперь она у всѣхъ на виду, у всѣхъ на примѣтѣ. Ей не даютъ покаместъ шагу ступить свободно. Ей не позволяютъ насмотрѣться даже на дивное свѣтло небесное, которое, въ своей величавой и спокойной красотѣ, вѣчно кажется человѣку новымъ, еще неви-

даннымъ явленіемъ. Вдохновенную свыше пѣснь поетъ ей неподвластная уѣзднымъ властямъ природа, но никто не хочетъ вслушаться въ эту пѣснь, и счастливая маменька самымъ нѣжнымъ, ласковымъ голосомъ зоветъ свою Нину ужинать. Повторяющееся каждый день слово *ужинать* производить на все общество несравненно пріятнѣйшее впечатлѣніе, нежели полный, румяный мѣсяцъ, рѣдко являющійся хлопотливому человѣку въ такой торжественной красотѣ.

Идутъ ужинать, спѣшать ужинать. Съ веселымъ говоромъ и оживленнымъ выраженіемъ въ лицахъ садятся за ужинъ.

VII.

Ужинъ и разѣздъ гостей.

Госпожа Протазанова выставляетъ по одну сторону стола длинный рядъ вѣрныхъ портретовъ покойнаго мужа, уменьшающихся постепенно въ объемѣ, но оживленныхъ однимъ и тѣмъ же выраженіемъ. Прелестныя малютки, отъ тринадцати до двухъ лѣтъ, перестали теперь смотрѣть на Нину съ отвислою вишнею губою, свидѣтельствующею то удивленіе, съ какимъ, по народной поговоркѣ, теленокъ смотритъ на новую дверь, и вперяютъ все свое вниманіе на блюда, разносимыя неутомимою Пазькою и ливрейнымъ лакеемъ, не сводя ни на одно мгновеніе глазъ и глазенокъ своихъ съ толстыхъ и тонкихъ, смуглыхъ и бѣлыхъ рукъ, которыя поочередно простираются къ блюдамъ и уменьшаютъ болѣе или менѣе ихъ объемъ, смотря по аппетиту того, кому онѣ принадлежатъ. Руки, принадлежащія Антону Петровичу Мотузочкѣ, уменьшали объемъ каждаго блюда въ такой степени, въ какой бывало уменьшалъ всегда и вездѣ подносимыя кушанья покойный родитель маленькихъ Протазановыхъ, котораго образъ и подобіе сохранили они въ столькихъ экземплярахъ, въ утѣшеніе осиротѣлой матери.

Иволгичъ, помѣстясь противъ Нины, былъ съ нею очень любезенъ, такъ какъ въ напѣткахъ у исправника не было недостатка, и между прочимъ разсказалъ ей, что хотя онъ лишень удовольствія проваждать семейную жизнь, но что у него въ домѣ есть *дѣтская*. Онъ былъ очень доволенъ, что вызвалъ живую краску на прелестныя щечки своей *визавой*, какъ гово-

рять у насъ въ уѣздѣ нѣкоторыя весьма почтенныя дамы, и тутъ же объяснилъ ей, что дѣтми своими называетъ онъ боченки съ *дулівкою*, *сливянкою* и другими наливками, которыхъ съ осени всегда у него заготавливается большое количество, но подѣ конецъ зимы, къ великому посту, ничто ужъ не мѣшаетъ ему помышлять о спасеніи души. Можетъ быть, въ другихъ обстоятельствахъ, его сколько-нибудь смутили бы насмѣшливые взгляды вѣчныхъ его гонительницъ, барышень Чечотокъ, и ихъ слова, бросаема въ него въ видѣ трескучихъ гранатъ; но подѣ защитою бутылокъ, которыя онъ сдвинулъ около своего прибора, Иволгинъ былъ храбръ до невѣроятности, такъ что подѣ конецъ ужина Нина принуждена была дѣлать видъ, что его не слышитъ, и самъ хозяинъ сказалъ ему съ обычнымъ своихъ добродушіемъ по-украински: *Ну бо, братіку! що ти тамъ брѣшеши?*

Ужинъ идетъ, однакожъ, очень весело; только нѣжная маменька Нины всё беспокоится, что дочка мало кушаетъ. Этими Нина возбуждаетъ въ добродушной старухѣ стряпчей и въ обѣихъ своихъ теткахъ, второй и третьей женахъ обоихъ дядюшекъ, серьезныя опасенія на счетъ ея здоровья. Наши милыя и любезныя дамы привыкли измѣрять здоровье близкихъ сердцу особъ количествомъ отправляемымъ въ ротъ кусковъ.

Для вѣрности повѣствованья, долженъ, однакожъ, я сказать, что не одна Нина кушала мало. Иволгину что-то не здоровилось, и онъ обратилъ главное свое вниманіе на напитки. Меньшая дѣвица Чечотка тоже не отличалась аппетитомъ. Лицо у ней было какое-то вдохновенное, что никогда не предвѣщало добра, и тотъ бы не ошибся, кто бы подумалъ, что она, при всей многорѣчивости своей, высказываетъ не болѣе десятой доли того, что у ней кипитъ въ душѣ. А кипѣло у нея въ душѣ много, много всякихъ горячихъ, расплавленныхъ матеріаловъ. Во-первыхъ, она вспомнила въ этотъ вечеръ какъ-то особенно живо, что и она была когда-то также молода, какъ исправницкая дочка. Во-вторыхъ, сравнила она исчезнувшую красоту свою съ этой роскошной красотою и, въ самолюбивомъ ослѣпленіи, отдала своему прошедшему рѣшительное превосходство. Далѣе, пришли ей на мысль лѣтнія ночи въ саду, проведенныя когда-то напролетъ съ человѣкомъ, на котораго нельзя было досыта наглядѣться, котораго нельзя досыта послушаться. Онъ не принадлежалъ къ толпѣ уѣздныхъ по-

мѣщиковъ и ихъ неженатыхъ сыновей, которыхъ она, въ минуты ожесточенья, называла вообще сонунами: онъ прїѣзжалъ на короткое время домой изъ просвѣщеннаго въ высокой степени общества; отъ него такъ и сіяло высшее просвѣщеніе; онъ говорилъ языкомъ, едва доступнымъ для уѣзднаго разумія, и, вдали отъ наблюденія родныхъ и знакомыхъ, а именно, по ночамъ, въ глухомъ саду, посвящалъ ей много часовъ краснорѣчивой бесѣды. Могла ли она думать, что для этого члена просвѣщеннаго въ высшей степени общества она была не болѣе, какъ легкая забавою, на время его деревенскихъ отдыховъ, и что онъ предпочтетъ ей вдову съ высокопревосходительною роднею? Да, у людей высшаго просвѣщенія тоже бываютъ слабости въ родѣ страсти къ обогащенію или къ выходу въ люди посредствомъ антипатичной женитьбы, и молодая, прекрасная собою, щедро одаренная природою и страстно любящая дѣвушка сдѣлалась жертвою такого попользованія. Теперь эта дѣвушка сидитъ за ужиномъ, рядомъ съ расцвѣтшею красавицею, точно выточенная изъ пожелтѣвшей кости. Сохранились слѣды того, чѣмъ она была когда-то, въ тонкихъ и умныхъ чертахъ лица ея, но вдохновенное ихъ выраженіе дышетъ какой-то злобою. Рѣчь ея замѣтно отличается выборомъ словъ и оборотовъ отъ рѣчи всей честной компаніи, не исключая и самого Иволгина: видно, что она многимъ позаимствовала отъ своего ночного собесѣдника, но эта рѣчь приправлена такими острыми спичками, что самъ Иволгинъ, посреди своихъ любезностей, отъ времени до времени останавливается и встряхиваетъ головой, какъ медвѣдь, ужаленный пчелою.

Другая барышня Четочка, отличавшаяся все еще богатыми золотистыми волосами и извѣстная въ уѣздѣ не столько природнымъ умомъ, сколько готовностью на все дурное, что она воображала прекраснымъ, кушала довольно исправно, смѣясь вмѣстѣ съ госпожей Протазановой остроатамъ своей сестры, и никто бы не подумалъ, что это — бывшая невѣста Иволгина, совершенно успокоившаяся отъ самой пѣкной, самой безразсудной любви къ нему. Заброшенныхъ въ уголъ и позабытыхъ романовъ и насъ въ уѣздѣ множество. Можетъ быть, ни въ одномъ уѣздѣ нѣтъ ихъ столько, какъ въ нашемъ захолустьи, котораго я далеко еще не изучилъ вполне. И надобно отдать справедливость нашимъ женщинамъ: онѣ во сто кратъ лучше нашихъ мужчинъ. Если онѣ полюбятъ,

то любятъ горячо и остаются вѣрны своему чувству до конца. Правда, иногда бѣдный любовникъ, или мужъ, не знаетъ, куда дѣваться отъ ихъ горячихъ чувствъ, и очень охотно уменьшилъ бы эти чувства на девять десятыхъ. Правда и то, что, отъ излишней преданности къ любимому существу, онѣ царапають его иногда очень больно по сердцу (если таковое имѣется) и гонять отъ себя за тридевять земель. Но всё же это лучше того коварнаго равнодушія къ участи увлеченной женщины, которое обнаружилъ оный высоко просвѣщенный господинъ, или холопскаго способа измѣны, которую дозволилъ себѣ Иволгинъ съ златовласою барышнею-сосѣдкою. Онъ пополнялъ ущербъ своихъ финансовъ изъ ея кошелька до-тѣхъ-поръ, пока кошелекъ совершенно истощился, и потомъ обнаружилъ передъ ней инстинктивное отвращеніе къ брачному обязательству. А какой славный былъ это романъ! Сколько было явлено истинно женскаго самоотверженія со стороны героини, въ то время прехорошенькой блондинки, золотоголовой, голубоглазой, свѣжей какъ роза! Кто помнитъ, какъ она любила, какъ она страдала, съ какимъ самопожертвованіемъ отдалась было корнету Иволгину, тогда еще не обрюзглому и необветшавшему; тотъ до сихъ поръ не можетъ смотрѣть на нее безъ уваженія. Но этотъ романъ уже давно заброшенъ въ уголъ и валяется тамъ вмѣстѣ съ взломанными прялками, дщицами и другимъ хозяйственнымъ хламомъ. Иволгинъ встрѣчается съ своей Мальвиной, какъ прозвалъ онъ ее во время оно, совершенно спокойно. Она тоже смотритъ на него равнодушнымъ и почти презрительнымъ взглядомъ, и если проявляется въ ней что-то страстное къ нему, то не иначе, какъ въ видѣ ѣдкой насмѣшки, въ чемъ младшая, гораздо болѣе даровитая, сестра помогаетъ ей безъ всякой особенной злобы къ Иволгину, а такъ, изъ любви къ предмету.

Жалкіе! всѣ они болѣе или менѣе несчастны, болѣе или менѣе уроды, неизлечимые калѣки, надломанные люди, надорванные души... Выписная машина гражданственности прошла изъ конца въ конецъ по ихъ захоlustьямъ и кой-кого швырнула, обработавъ наскоро, въ другія губерніи, для разныхъ полезныхъ и вредныхъ употребленій, а многихъ, подобныхъ исправичьему обществу, только переломала, выворотила наизнанку, одурманила на вѣки и бросила на мѣстѣ, какъ-будто только для того, чтобы труд-

нѣ было справиться съ мѣстнымъ населеніемъ другой гражданственности, болѣе естественной, болѣе разумной. И вотъ они копышутся себѣ въ умственныхъ потемкахъ и доживаютъ вѣкъ, барахтаясь въ грязи. Сколько бы вышло людей изъ этого общества при другомъ порядкѣ вещей, подъ иными вліяніями! Эти самыя дѣвцы Чечотки, воспитанныя не въ помѣщичьемъ домѣ, роскошномъ и грязномъ, суетливомъ и лѣнивомъ, надменномъ и низкопоклонномъ, номинально благородномъ и фактически хищномъ, были бы украшеніемъ лучшаго человѣческаго общества: столько имъ отмѣрено щедрою украинскою природою красоты, естественной граціи, ума и сердца, — сердца въ особенности! Но, подбитыя несчастной своей любовью при началѣ жизни и лавируя потомъ между женихами безъ любви, по указанію дворянской политики, — онѣ мало-помалу потеряли все, что можетъ нравиться въ женщинѣ даже и такому господину, какъ Антонъ Петровичъ Мотузочка, сдѣлались извою своего общества, и безъ того пораженнаго всякими нечистыми заразами. Преслѣдуемый ими на каждомъ шагу Иволгинъ выражался объ нихъ, въ своемъ ожесточеніи, рѣзко, но справедливо. Онъ говорилъ: «Если добрые духи не сдѣлали изъ женщины ничего хорошаго, пока она была молода и прекрасна, то дьяволы берутъ ее къ себѣ на фабрику и выдѣлываютъ изъ нея кислую горечь, отъ которой морщится всякое живое созданіе».

Иволгинъ выражался иногда классически и могъ назваться представителемъ умственнаго развитія всего мужского населенія своего околотка, точно такъ какъ барышни Чечотки были достойными представительницами женскаго. И этикія могущественныя личности, засѣвъ по обѣ стороны стола въ ближайшемъ сосѣдствѣ съ Ниною, развернули передъ нею всѣ боевыя свои силы въ неслыханныхъ ею доселѣ словахъ и фразахъ, между тѣмъ какъ остальное общество занималось дѣломъ совершенно мирнымъ и очевидно полезнымъ. Нина очень обрадовалась, когда наконецъ уживъ кончился и гости потребовали къ себѣ пріѣхавшихъ съ ними лакеевъ.

— Что у тебя такая заспанная физиономія?

Этотъ вопросъ предложила своему Филькѣ младшая изъ барышень Чечотокъ. Другіе гости, какъ наиримѣръ стряпчій, или

хоть и госпожа Протазанова, обратились къ своимъ Элькамъ, Филькамъ и Кузькамъ въ болѣ простыхъ выраженіяхъ:

— Ты, Элька, хотьбы нѣмного пригладилъ свою кучму. (Это значило, что у Эльки волосы на головѣ были неприлично взъерошены).

Или:

— Что у тебя, Кузька, за скверная мужичая натура? Вѣчно тебя надо отыскивать по хатамъ!

Всѣ эти увѣщанія предлагались во всеуслышанье въ гостяхъ, и потому облекались, какъ читатель видитъ, въ утонченныя формы. Напротивъ, дома, гдѣ можно быть гораздо прямодушнѣе, — къ тѣмъ же самымъ личностямъ обратились бы барышни Чечотки и сама госпожа Протазанова въ болѣ натуральныхъ выраженіяхъ, и уши нашей Нины, отвыкшей отъ сельской мелкопомѣстной жизни, могли бы услышать фразы въ родѣ слѣдующихъ:

— А что это у тебя морда такъ распылась? Всѣ только спишь, а проснувшись пьянствуешь!

Элька, Филька или Кузька отвѣчалъ бы на полурусскомъ языкѣ, еще не совсемъ выломанномъ господами, что онъ и въ ночь не досыпаетъ (хотя это была бы ложь), а пьянствовать ему не на что.

На это ему возразили бы совершенно основательно, что скорѣй у господъ хлѣба не станетъ, а у такого гайдамаки, какъ онъ, всегда найдется, что снести въ шинокъ.

Тутъ Элька, Филька или Кузька попытается бы къ порогу, неизвѣстно изъ какой предосторожности, а довольная своимъ краснорѣчіемъ барышня или барыня вдругъ перемѣнила бы предметъ бесѣды и спросила бы:

— А это гдѣ уже клануть изъ армяка вырвалъ?

Отвѣтъ былъ бы самый искренній: *не знаю*. Но господскій языкъ возразилъ бы на это въ дидактическомъ духѣ, и даже съ примѣсю народнаго языка:

— Вырви себѣ носъ, вырви себѣ око и не знай, — чортъ твоего бѣтька бери! Но кла-а-потъ... знай ты, каторжный твой духъ!

Сильнѣе этого ничего сказать невозможно, и потому, не вступая въ дальнѣйшія контроверсіи съ кучеромъ, съ лакеемъ или кто бы то ни былъ этотъ Элька, Филька или Кузька, велили бы ему, послѣ этого, сдѣлать то-то и то-то, и ужъ ни мало не сомнѣвались бы, что дѣло будетъ сдѣлано какъ слѣдуетъ.

На сей разъ гости, потребовавшіе передъ себя своихъ слугъ, заспанныхъ, взъерошенныхъ, или заговорившихся въ дворовыхъ хатахъ, прочитали имъ небольшія проповѣди, собственно для того, чтобы не прямо распорядиться о закладываньи лошадей въ брички, коляски и кочь-кареты. Это всегда ужъ такъ дѣлается въ нашемъ уѣздѣ, и кто бы вздумалъ поступать иначе, у того, по общему мнѣнію, люди начали бы ходить по головѣ. Такъ ужъ заведено изстари въ коренныхъ дворянскихъ семействахъ нашего уѣзда; такъ ужъ и слуги привыкли. Поэтому и удивляться тутъ нечему. У насъ одинъ Михайло Андреевичъ говоритъ при гостяхъ съ своими людьми на какомъ-то непонятномъ языкѣ, полусловами, а иногда просто жестами. Зато жъ его и передразниваютъ барышни Трещотки очень смѣшно, хотя и осторожно. Что касается до Сагайдачнаго, то этотъ, не имѣя за собой тысячи душъ, охраняющей Ковашевича отъ болѣе строгаго осужденія, и будучи радикаломъ, какихъ свѣтъ не производилъ, карается безъ всякой пощады за свои кроткіе домашніе нравы и обычаи.

Но мы уклонились въ сторону широкимъ и довольно мутнымъ теченіемъ уѣздной нашей жизни. На вечеринкѣ у исправника не было рѣчи ни объ Михайлѣ Андреевичѣ, ни о Сагайдачномъ, котораго имя какъ-то неприятно звучитъ въ ухахъ нашего дворянства, и если гдѣ-нибудь вспоминается, то не иначе, какъ съ придачею сердитыхъ и насмѣшливыхъ прилагательныхъ. Гости, повелѣвъ заложить свои экипажи, занялись разговоромъ о своихъ слугахъ, сообщая другъ другу, въ карикатурномъ видѣ, ихъ природныя свойства и привычки. Смѣху было довольно, потому что въ самомъ дѣлѣ это былъ народъ исковерканный, съ какой стороны ни возьмете его, и особенно былъ страшенъ и неловокъ въ обращеніи съ господами.

Иволгинъ, какъ человекъ бывалый и наблюдательный, объявилъ, что изъ Малороссіянина никогда не будетъ хорошаго лакея, что къ этому способенъ и можно сказать рожденъ человекъ чисто Русскій, который даже смѣется надъ собратомъ, немнѣющимъ господина, и презрительно говоритъ ему: «Эхъ ты, безгосподчина!» Но меньшая барышня Четотка, всегдашняя преслѣдовательница Иволгина, смѣло возразила ему:

— Нѣтъ, Капитонъ Павловичъ! напрасно вы думаете, что виновата въ этомъ малороссійская скверная, упрямая и непокорная

натура! Нѣтъ, нѣтъ! (тутъ она вытянула впередъ руку, какъ-бы желая зажать ротъ готовому съ нею спорить Иволгину): виноваты въ этомъ мы сами, мы, *здышніе* дворяне! (Она никогда неговорила *малороссійскіе*).

— А чѣмъ же мы виноваты? позвольте спросить васъ, сударыня, сказалъ Иволгинъ, затаившись табакомъ Жукова и какъ-то особенно ловко колебля выставленною впередъ ногою. (Это одна изъ любимыхъ его позъ).

— Виноваты мы тѣмъ (и барышня Четотка обвела торжественно глазами все общество, останомя ихъ всего выразительнѣе на Нинѣ), что неспособны подражать въ образѣ жизни, нравахъ и обычаяхъ помѣщикамъ, живущихъ въ губерніяхъ великороссійскихъ.

— Конечно, намъ далеко до нихъ, сказалъ Иволгинъ, и, чтобы дать почувствовать своей соперницѣ собственное превосходство, прибавилъ: — Тамъ барство утвердилось еще при царѣ Борисѣ Федоровичѣ Годуновѣ, а Годуновъ, сударыня, если вамъ угодно это знать, царствовалъ тому назадъ болѣе двухъ-сотъ пятидесяти лѣтъ-съ. (И Иволгинъ, не безъ гордаго чувства во зорѣ, остановилъ глаза на Нинѣ). У насъ же, сударыня, вольные подсосѣдки прикрѣплены къ землѣ не болѣе восьмидесяти лѣтъ. Такъ какъ же вы хотите, чтобы наши земляки помѣщики успѣли во всемъ сравняться съ стариннымъ великороссійскимъ барствомъ? Я квартировалъ съ полкомъ въ великороссійскихъ губерніяхъ и присмотрѣлся близко къ домашнему быту тамошнихъ баръ.

Тутъ Иволгину представился прекрасный случай рассказать съ живѣйшихъ сочувствіемъ объ образѣ жизни, нравахъ и обычаяхъ нѣсколькихъ древнихъ великорусскихъ фамилій, съ которыми онъ, по его словамъ, былъ очень друженъ. Поименованные имъ чины и количества крѣпостныхъ душъ придавали его разсказу характеръ несомнѣнной автентичности.

Лакей Иволгина, по имени Стѣнка, малый повидимому цыганскаго происхожденія, но чрезвычайно похожій лицомъ на своего барина, въ самую пору доложилъ ему, что лошади поданы.

Какъ Иволгинъ поставилъ въ уголь докурившую трубку и раскланялся съ дамами, этого не опишетъ никакое перо. Внутреннее довольство самимъ собою и увѣренность, что оставляетъ самое

пріятное впечатлѣніе въ прекрасной институточкѣ, сообщили его движеніямъ и всей фигурѣ граціозность, до которой достигаютъ немногіе, не только отставные, но и служащіе корнетъ, исполненные несомнѣнной надежды быть генералами. У хозяйки поцѣлована была ручка; хозяинъ заключенъ въ тѣснѣйшія объятія; съ прочими мужчинами совершенно рукопожатіе, исполненное благородной прямоты и въ некотораго даже ухарства.

Звенящій у дуги колокольчикъ свидѣтельствовалъ, что Иволгинъ не только помѣщикъ, но и содержатель почтовой станціи, съ которой, впрочемъ, проѣзжающіе по собственнымъ надобностямъ отправляются всего чаще на вольныхъ. Когда Иволгинъ скрылся наконецъ изъ виду, пріятный, такъ называемый на ямщицкомъ языкѣ *малиновыи* звонъ его колокольчика долго еще напоминалъ оставленному обществу о его существованіи.

П. Кулишъ.

(Продолженіе обіщано.)

СЬ ТОГО СВІТУ.

Варфоломєєві Шевченкові.

Не хотіли панські діти
 Мою воленьку вволіти, —
 Щобъ мене тамъ поховали,
 Де бь одраду сэрце мало,
 Де бь мучене моє тіло
 Тіхо тліло, не боліло,
 Де бь мой душа убьга
 Злінула колісь до Бьга.
 И прохавъ я, и благавъ я,
 И на кобзи вигрававъ я, —
 Шкьбда співу кобзарського!
 Шкьбда сльва козацького!

Не хотіли паненята
 Послухати мого брата,
 Щобъ мені почетъ вчиніти —
 Китайкою мари вкрити,
 Червоною китайкою, —
 Заслугою козацькою.
 И прохавъ вінъ, и благавъ вінъ,
 И холіпствомъ дорекавъ вінъ:
 Занедбали паненята
 Дорекання мого брата!

Не хотіли, та вчиніли —
 Китайкою труну вкрити,
 Та й вислали до могіли,
 Де співавъ я, сумувавъ я,
 Зь Дніпріомъ — братомъ розмовлявъ я.
 Не хотіли, та вчиніли —
 Спочиваю на могілі,
 Паненятамъ на досаду,
 Товариству на одраду,
 Україні на пораді.

Спочиваю, дожидаю,
 Дблі—вблі виглядаю...
 Гбді, брأتтя, сумувати:
 Ще не вмёрла на́ша Ма́ти!

II. Кулішъ.

Примѣчаніе. Когда умеръ Шевченко и возникъ вопросъ о перевезеніи его тѣла въ Украину, нѣкоторые изъ Украинцевъ настаивали, чтобы похоронить его въ Кіевѣ, тогда какъ въ завѣщаніи поэта сказано, чтобы его похоронить въ степи, надъ Днѣпромъ. Этихъ нѣкоторыхъ почитатели воли покойнаго называли паенятами и панскими дѣтьми, т. е. людьми, не понимающими жизни Шевченка и духа его поэзіи.

КУМЕЙКИ.

Дума.

(1637.)

I.

Зажила на Україні
 Страшна трівога,
 Якъ на шляхту піднялася
 Сіромъ убога.
 Піднялася за оранди,
 За жидівські дуди,
 Що терпіли—не стёрпіли
 Убогні люди.
 Руйнували сіромáхи
 Бóрчми малéвані;
 Де спітвали—порубали
 Раидáрські ридвани.
 Почала сірому шляхта
 За жидів карати,
 Забирала всю худобу,
 І ґрунті и хати.

Розлетілось по Україні
 Безхатнее птаство, —
 Затрусилось по будинкахъ
 Вельможнее панство.

II.

»Ой Потопцький, батьку панський,
 Рушай на Україну!
 Зупини кварцянимъ військомъ
 Повшехну рушу.«

Роспустили орлі крила,
 Зъ орлами злігались:
 То кварцяне військо съ панськимъ
 До-гупи з'яжджались.²

Тече річка міжъ каміннямъ,
 Росою прозивають;
 По тій ріці середь ночі
 Огнища палають.

Червопіють чорторії,
 Підмивають кручи.
 Втаборились сіромáхи,
 Потопцького ждучи.

III.

Ой не довго піджидали —
 Кіонки заржали:
 Вони нашимъ неминуче
 Ліхо вічували.

Зійшло сонце у тумані,
 Ревнули гармати:
 Не по однімъ козаченьку
 Заплакала мати.³

Ой розбівъ зъ гарматъ Потоцький
 Таборъ, мовъ кошару; ⁴
 Розігнали Ляхі нашихъ,
 Ягъ вовкі отару.

Ой мостили на Росаві
 Мості тулубами,
 Засівали чисте поле
 Густо головами.

IV.

Нягли трави жалощами,
 Гнулось древо съ туги: ⁵
 Дознавали наші прѣдки
 Тяжкі наруги.

Кого били—потопили
 Въ глибокій Росаві,
 А кого судомъ судили
 Въ далекій Варшаві.

Осудили недобитківъ
 На великі муки:
 Розійшлися по Україні
 Каліки безрукі. ⁶

Огласили изъ Варшави:
 »Дивітеся, люде!
 Хто вставатиме на шляхту,
 То всімъ тее буде.»

V.

Нехай буде, нехай буде,
 Коли Бѣжа воля,
 Щобъ росла въ бояхъ кривавихъ
 Українська доля!

Нехай знають на всімъ світі,

Якъ ми погибали

И, гинучи, своєю правду

Кривью записали.

Записали — прочитають

Неписьменні люде,

Що до сѣду изъ шляхетствомъ

Згѣди въ насъ не буде.

Поки Рось зовѣтця Россю,

Дніпрѣ въ морѣ лѣтця,

Пѣти серце українське

Зъ панськимъ не живѣтця. *

П. Кулішъ.

ПРИМЪЧАНІЯ КЪ ДУМЪ: «КУМЕЙКИ».

1.—Стр. 54, ст. 21.

За жидівські дуди,

О *дудахъ* или *дудкахъ* упоминають нашъ Самовидецъ и польскій историкъ Грондекій (*Historia Belli Cosaco-Polonici*). Это была плата арендатору отъ

* Подъ словомъ *Ляхъ* издревле подразумѣвалось понятие — панъ, т. е. чело-
вѣкъ, воображавшій за собою какое-то родовое право на своевольство. Отъ
этого въ нашихъ народныхъ думахъ къ слову *Ляхи* всегда прибавлялось про-
нически — *мостиві пани*. Украинская народность не чуждается никакого пле-
мени, никакого сословія. Это доказано свободнымъ вступленіемъ каждаго, кто
бы онъ ни былъ, въ запорожское братство. Хмельницкій, въ переяславскихъ
переговорахъ съ Адамомъ Биселемъ, говорить, что въ Украинѣ свободно мо-
гутъ проживать и владѣть землями всякіе магнаты, только бы подлежали об-
щему праву, т. е. отреклись отъ своихъ родовыхъ предрасудковъ. Но, сколько
наши козаки ни убѣждали Поляковъ и собственныхъ ополченныхъ зем-
ляковъ «железными доводами», эти господа остались глухи къ голосу чело-
вѣчности и къ народному праву. Мы понимаемъ это такимъ образомъ, что
для Поляковъ отказаться отъ своихъ панскихъ тенденцій — было все-равно,
что отказаться отъ исторической будущности. Почему же наши не-панскія
тенденціи должны были быть для насъ менѣе дороги? Отречься отъ нихъ ради
братства съ *Лягами*, *мостивыми панами*, для насъ то же, что отказаться отъ
своей будущности. Вотъ почему Украинцы могли сказать имъ:

Поки Рось зовѣтця Россю,

Дніпрѣ въ морѣ лѣтця,

Пѣти серце українське

Съ панськимъ не живѣтця.

поселянина за рожденіе дѣтей. Названіе ея произошло отъ монеты, называвшейся попросту *dudek*. Она соответствовала вышшимъ 18 копейкамъ; но, по замѣчанію Гродскаго, Жиды, медленною выдачею квитка и разными унаследованными отъ предковъ и обратившимися въ ремесло ухищреніями, умѣли увеличивать эту плату по своему усмотрѣнію, такъ что народъ, и безъ того съ негодованіемъ окупавшій рожденіе дѣтей, терпѣлъ отъ нихъ не только моральное, но и матеріальное бремя. Польско-украинскіе паны, нуждавшіеся постоянно въ деньгахъ, старались упрочивать за собою арендную плату отъ Жидовъ, и потому узаконивали въ своихъ имѣніяхъ всѣ жидовскія выдумки, карали смертью ослушниковъ и грубіяновъ, а верѣдко предоставляли и самимъ Жидамъ-арендаторамъ право жизни и смерти надъ *людьми*. Ни что до такой степени не ожесточало противъ шляхты нашихъ хлѣборобовъ, какъ жидовскіе грабежи и притѣсненія, и потому, каковы бы ни были у козаковъ побужденія къ войнѣ, но помогавшіе имъ хлѣборобы и ремесленники управлялись только жаждою мести за жидовскія неистовства.

2.—Стр. 33, ст. 13.

*То кварцане вѣйсько съ панськимъ
Докупи звѣжджалося.*

Силы польскаго государства состояли, во-первыхъ, изъ войска, состоящаго на жалованьи, которое выдавалось по четвертямъ года, *квартанъ*, — почему и называлось *кварцанымъ*; во-вторыхъ, изъ наемныхъ имѣщевъ; въ-третьихъ, изъ ополченій панскихъ, которыми паны защищали пограничья отъ Татаръ и воевали другъ съ другомъ, и, въ-четвертыхъ, изъ козаковъ украинскихъ, получавшихъ небольшое жалованье и содержавшихъ свою артиллерию изъ отведенныхъ имъ на Украинѣ волостей.

3.—Стр. 33, ст. 30.

Три стиха этого куплета взяты изъ народной пѣсни:

*У городі у Глухові
Ревнулі гармати:
Не по однімъ козаченьку
Заплакала мати.*

4.—Стр. 36, ст. 2.

*Ой розбивъ звъ гарматъ Потдцькій
Таборъ мовъ кошару;*

Самымъ употребительнымъ у козаковъ способомъ защиты былъ *таборъ*. Иногда во время пораженія своего они успѣвали *втáборитись* меньшимъ таборомъ, т. е. сомкнуть вокругъ себя четырехугольникомъ возы въ нѣсколько рядовъ, и тогда опять дѣлались страшными для враговъ. Такъ было и подъ Кумейками. Когда Потоцкій разорвалъ таборъ, въ которомъ возы скованы были одинъ съ другимъ цѣпями, и врѣзался въ него съ конницею, козаки, занимая Потоцкаго съчею и ружейною перестрѣлкою, *втáборитись* наново, занявъ меньшее пространство. Этимъ они спасли себя отъ окончательнаго пораженія и ночью отступили къ Боровицѣ, гдѣ еще разъ проиграли битву.

5.—Стр. 36, ст. 11.

*Никли трави жалоцями,
Гнулось древо съ туги:*

Изъ Пѣсни о полку Игоревъ: »Ничить трава жалоцями, и древо съ тугою къ землѣ приклоншася.«

6.—Стр. 36, ст. 21.

Розійшлися по Україні

Каліки безрукі.

Такихъ *безрукихъ калік* встрѣчали еще недавно въ Западной Украинѣ, какъ памятникъ *Колінацини*. Обыкновенно отрубали осужденнымъ правую руку и лѣвую ногу, и въ такомъ видѣ пускали ихъ на всѣ четыре стороны для устрашенія народа. Это было послѣднее повтореніе тѣхъ ужасовъ, которые побудили Украину соединиться противъ магнатскаго владычества. Руководимые питомцами современной инквизиціи, польскіе паны воображали, что наводятъ на нашихъ предковъ ужасъ безчеловѣчными казнями, тогда какъ этимъ—то именно и поддерживали они въ нихъ жажду мести, ненасытившуюся до послѣднихъ столкновеній Украинцевъ съ Поляками. Желая опозорить, въ глазахъ толпы, предводителей ея публичнымъ терзаніемъ ихъ тѣлъ, паны придавали имъ величіе мученичества, заставляли забывать всѣ ихъ недостатки и память ихъ дѣлали священною для потомства. Это мы видимъ всего яснѣе на Гонтѣ, съ котораго сняли съ живаго кожу и проч. и проч. (ужасно даже пересказывать), а народъ тутъ же воспѣлъ его смерть въ пѣсняхъ, которыя до сихъ поръ не умолкаютъ, внушая простолюдинамъ презрѣніе къ мучителямъ и негодованіе на ихъ зѣрство. Вѣрный духу своего народа, Шевченко возвелъ Гонту, «мученика праведнаго» какъ онъ его называетъ, въ апогеозъ величія, и ни одна душа не усомнилась въ истинѣ словъ его, потому что поэтому управляло правосудіе сердца, котораго никакими проповѣдями и политическими доводами невозможно разубѣдить въ его чувствахъ, хотя они въ-отношеніи къ какому-нибудь отдѣльному факту и могутъ быть ошибочны.

7.—Стр. 36, ст. 23.

Этотъ куплетъ заимствованъ изъ народной пѣсни о казни Гонты:

Панъ реймѣнтаръ похожає:

»Дивітеся, люде,

Ой хто тілько збунтуєтця,

То всімъ тее буде!«

ОБЗОРЪ УКРАИНСКОЙ СЛОВЕСНОСТИ.

V.

ГОГОЛЬ,

КАКЪ АВТОРЪ ПОВѢСТЕЙ ИЗЪ УКРАИНСКОЙ ЖИЗНИ.

Статья третья.

На сочиненія Гоголя, послѣ критикъ Бѣлинскаго, и въ особенности послѣ смерти самого Гоголя, начали смотрѣть съ суевѣрнымъ уваженіемъ. Что оно вполне заслужено, объ этомъ нѣтъ и рѣчи, но заслужено оно не повѣстями изъ украинской жизни, или, по крайней мѣрѣ, не первыми повѣстями. Прежде нежели приступимъ къ указанію недостатковъ въ Гоголевыхъ изображеніяхъ Украины, считаемъ не лишнимъ замѣтить, что покойный Бѣлинскій, при всемъ критическомъ талантѣ своемъ, — относительно Гоголя, увлекался въ грубыя ошибки даже и тамъ, гдѣ отъ критика не требовалось знанія представленнаго у Гоголя народа со стороны этнографіи. Онъ, какъ и всѣ того времени люди, отдавался Гоголю на-вѣру въ томъ, чего самъ не видѣлъ и не изучалъ. Не хорошо только, что, хвала Гоголя, онъ позволялъ себѣ говорить тономъ знатока украинской жизни. Напримѣръ, по случаю выхода, въ 1842 году, *Сочиненій* Гоголя, Бѣлинскій объявилъ читателямъ *Отечественныхъ Записокъ*, что *Тарасъ Бульба*, отъ передѣлокъ автора, сдѣлался «безконечно прекраснѣе», тогда какъ этими передѣлками Гоголь лишилъ свою псевдо-историческую повѣсть прелести молодого, неопытнаго вдохновенія и, снявъ съ Тараса Бульбы козацкія кобенякъ, драпировалъ его

плащомъ гомеровскихъ героевъ. »Поэтъ (говорить Бѣлинскій) чувствовалъ, что въ первомъ изданіи *Тараса Бульбы* на многое только намекнуто, и что многія струны исторической жизни Малороссіи остались въ немъ нетронутыми. Какъ великій поэтъ и художникъ, вѣрный однажды избранной идеѣ, *пловецъ* Бульбы (въ томъ-то и горе, что онъ съѣхалъ на гомерическую пѣснь, въ разсказѣ часто ошибочномъ, но всегда полною образамъ, оригинальныхъ, ни у кого не заимствованныхъ) не прибавилъ къ своей поэмѣ ничего такого, что было бы чуждо ей (а онъ именно прибавилъ много чуждаго, вовсе негармонирующаго даже съ тѣмъ козачествомъ, до котораго могъ додуматься Гоголь, опереживая всѣхъ своихъ современниковъ), но только развилъ многія уже заключающіяся въ ея основной идеѣ подробности. (Развилъ—и обнаружилъ больше прежняго незнаніе исторической и этнографической пѣчвы, на которой подвизаются его герои). Онъ исчерпалъ въ ней всю (!) жизнь исторической Малороссіи, и въ дивномъ, художественномъ созданіи навсегда напечатлѣлъ ея духовный образъ: такъ ваятель уловляетъ въ мраморѣ черты человѣка и даетъ имъ безсмертную жизнь... (Вотъ оно, журнальное оракульство!) Особенно замѣчательны (продолжаетъ Бѣлинскій, вовсе не подозревая, что впадаетъ въ грубѣйшую ошибку, въ какую когда-либо впадалъ талантливый критикъ) подробности битвы Малороссіянъ съ Поляками подъ городомъ Дубно (гдѣ, *notabene*, онъ вовсе не происходилъ) и эпизодъ любви Андрія къ прекрасной Полькѣ (эпизодъ, свидѣтельствующій объ авторскомъ незнаніи вѣка, общества, нравовъ, понятій и объ неумѣнн его изображать любящихъ женщинъ вообще). Вся поэма приняла еще болѣе возвышенный тонъ, проникнулась лиризмомъ (который—прибавимъ отъ себя—и затмилъ достоинства перваго ея изданія). (1)

Мы привели самое слабое мѣсто изъ статей Бѣлинскаго о Гоголѣ, для того, чтобы разъ навсегда отвергнуть его критическій авторитетъ на судъ современной критики, прилагаемой къ изображеніямъ украинской жизни. Бѣлинскій сдѣлалъ много, для развитія въ обществѣ здравыхъ понятій объ искусствѣ, но это вовсе не значить, чтобы послѣ него не осталось намъ ничего дѣлать. Напротивъ, есть цѣлая область мыслей, или вовсе имъ нетронутая, или затуманенная условными, такъ сказать, городскими понятіями о человѣческомъ об-

(1) См. Соч. Бѣлинскаго, VII, 219—220.

ществѣ. Къ такимъ областямъ принадлежитъ этнографія и исторія Украины, насколько она входитъ въ критическую разработку литературныхъ произведеній.

Гоголь, по собственному его сознанию, смотрѣлъ на свои первыя повѣсти, какъ на легкую забаву воображенія. Естественно, что въ его время такъ смотрѣли на нихъ и читатели; а поэтому самому и рецензенты его, отъ Сомова до Бѣлинскаго, не могли смотрѣть на нихъ иначе. Бѣлинскій, впрочемъ, искалъ въ нихъ художественности, какъ насущной пищи развивающагося общества; но понятія о самой художественности этихъ повѣстей имѣли у Бѣлинскаго не тѣ основанія, какихъ ищеть въ нихъ — и не находятъ — современный намъ читатель. Развернемъ, напримѣръ, *Ночь наканунѣ Ивана Кунала*, и спросимъ другъ у друга: для чего нужна обществу эта повѣсть? какое употребленіе можетъ сдѣлать изъ нея живой, дѣятельный умъ, который никогда не тратитъ своего времени и вниманія попусту? На этотъ вопросъ безусловные почитатели Гоголя, намъ кажется, скорѣе всего могутъ отвѣчать: что *Ночь наканунѣ Ивана Кунала* внести въ общественный капиталъ понятій о жизни живонисныя черты времени, исчезнувшаго незаятно для общества, — характеръ мѣстности, для него неизвѣстной, или извѣстной мало, — картину нравовъ и обычаевъ, остававшихся до тѣхъ поръ неизображенными, и, наконецъ, свѣжія наблюденія надъ сердцемъ человѣческимъ, вѣчно поучительныя для человѣка. Мы не допускаемъ мысли, чтобы читатель нашего времени дѣлалъ изъ чтенія пустую забаву и воображалъ такихъ людей, какъ Гоголь, посланными свыше — служить ему по части сваренія въ желудкѣ. Было такое время, да прошло, или быстро проходить. Поэтому, обращая свою рѣчь къ читателямъ, глядящимъ на дѣло литературы, какъ на повершеніе всѣхъ человѣческихъ дѣлъ, какъ на самое вѣрное и самое прочное достояніе нашего потомства, мы станемъ разсматривать, какъ упомянутую, такъ и другія повѣсти Гоголя изъ украинской жизни, по отношенію ихъ художественности ко времени, мѣстности, нравамъ и обычаямъ, которыя Гоголь взялъ на себя представить въ осязательной ясности (какъ это и должно быть задачею каждаго повѣствованія), и наконецъ — по отношенію къ человѣческой натурѣ, выражающейся во всѣхъ этихъ формулахъ.

Сперва нужно опредѣлить: къ какому именно времени относится *Вечеръ наканунѣ Ивана Кунала*?

Гоголь начинаетъ свой разсказъ такъ:

«Лѣтъ болѣе чѣмъ за сто (говорилъ покойникъ дѣдъ мой) — нашего села и не узналъ бы никто.»

Выходить, что дѣло происходитъ во времена Анны Иоанновны, или въ послѣдніе годы царствованія Петра Перваго. Какъ бы это было интересно, еслибы Гоголь освѣтилъ своею повѣстью, хотя слегка, эту темную для насъ область, этотъ страшный періодъ времени, новаго для Украины во многихъ отношеніяхъ, когда въ ней начало заводиться между козаками дворянство, подражавшее изъ всѣхъ силъ нересозданному Петромъ великорусскому обществу, когда козаки начали терять свою солидарность, какъ самоуправная корпорація, долго представлявшая собою народъ украинскій и сообщившая всему населенію Украины извѣстный характеръ, и когда крѣпостное право, такъ сказать, *наклонилось* въ ячкахъ, которыя положили петровскіе Нѣмцы въ павозиня кучи, оставшіяся по всей Украинѣ отъ польской шляхты, въ видѣ ни на что живое негодныхъ старшинъ козацкихъ!

Мы, конечно, не имѣемъ права требовать отъ автора, чтобъ онъ, въ своей повѣсти, изобразилъ намъ извѣстное время такъ, а не иначе, да и вообще мы должны разсматривать только то, что авторъ намъ дастъ, а не задавать ему задачъ, которыхъ онъ, можетъ быть, никогда не захочетъ выполнять. Но, говоря объ авторѣ, сошедшемъ съ поприща жизни, мы вправѣ обратить его недостатки въ собственное назиданіе.

Писать въ видѣ повѣсти исторію извѣстнаго времени можно различными способами. Можно, вовсе не трогая историческихъ фактовъ и лицъ, изобразить данную эпоху такъ, что повѣсть выйдетъ строго историческою. Можно прикасаться къ извѣстному вѣку слегка, мимоходомъ, такъ что только самыи опытный читатель уловитъ осязательную точку соприкосновенія свободнаго вымысла съ историческою дѣйствительностью. Но, во всякомъ случаѣ, отъ автора требуется, чтобы повѣсть была проникнута воздухомъ того времени, къ которому относится. Этого мы не видимъ, не чувствуемъ въ *Вечеръ наканунѣ Ивана Кунала*. Повѣсть эта, отнесенная авторомъ ко временамъ петровскимъ или анненскимъ, можетъ безразлично быть отнесена къ какой угодно эпохѣ, начиная съ польскаго владычества до времени жизни самого автора. Въ ней всего захвачено повемножку, какъ это часто бываетъ у авторовъ, знающихъ исторію своего народа только по нѣсколькимъ случайно прочитаннымъ книгамъ. Вотъ, напри-

мѣрь, черта, отбрасывающая повѣсть Гоголя, Богъ знаетъ въ какую старину, — пожалуй хоть во времена Наливайка:

»... нашего села и не узналъ бы никто: хуторъ, самый бѣдный хуторъ! Избенокъ десять, необмазанныхъ, неукрытыхъ, торчало, то сямъ, то тамъ посреди поля. Ни плетня, ни сарая порядочнаго, гдѣ бы поставить скотину, или возъ. Это еще богачи такъ жили; а посмотрѣли бы на нашу братью, на голь: вырытая въ землѣ яма— вотъ вамъ и хата! Только по дыму и можно было узнать, что живетъ тамъ человѣкъ божій. Вы спросите: отчего они жили такъ? Бѣдность, не бѣдность: тогда козаковалъ почти всякій и набиралъ въ чужихъ земляхъ не мало добра; а больше оттого, что не зачѣмъ было заводить порядочною хатою. Какого народу тогда не шаталось по всѣмъ мѣстамъ! Крымцы, Ляхи, Литвинство! Бывало то, что и свои найдутъ кучами и обдираютъ своихъ же. Всего бывало!» (1)

Настроивъ такимъ образомъ воображеніе наше къ созерцанію давно прошедшаго, темнаго для насъ времени, авторъ описываетъ, въ общихъ чертахъ, лицо, которое не переноситъ насъ ни въ какую определенную эпоху и является какимъ-то неопредѣленнымъ, необъяснимымъ призракомъ. Можно бы прямо начать повѣсть съ описанія характера Басаврюка, вовсе не упоминая о Крымцахъ, Ляхахъ и Литвинствѣ, которые, держа Украину нашу въ вѣчномъ ожиданіи опасности, выковывали такихъ пограничныхъ феодаловъ, какъ Іеремія Вишневецкій, но вовсе не воплощенныхъ чертей-соблазнительей, какимъ является у Гоголя Басаврюкъ. Личность эта, представленная въ томъ свѣтѣ, въ какомъ являлась она суевѣрному воображенію хуторскихъ разсказчиковъ, могла бы быть изображена авторомъ посреди какой угодно обстановки и въ какое угодно время. Но лишь только онъ предпослалъ своему разсказу картину даннаго времени, — мы вправѣ ожидать отъ его разсказа живописи той, а не другой, эпохи.

Для насъ не бесполезно замѣтить у Гоголя эту погрѣшность противъ искусства, потому что и наши, собственно такъ называемые украинскіе писатели впадаютъ иногда въ подобныя ошибки. Приступая къ повѣсти, они не рѣдко забываютъ, что всякая проведенная ими въ началѣ черта должна имѣть органическую связь съ дальнѣйшимъ разсказомъ: иначе—въ воображеніи читателя происходитъ хаосъ, который оставляетъ впечатлѣніе какого-то насилія, сдѣлашаго авторомъ благо-

(1) *Сочиненія и Письма Гоголя*, I, 41—42.

родившейся части нашего ума. Напримеръ, Марко Вовчокъ, въ *Трехъ Дбляхъ* ⁽¹⁾, прежде всего описываетъ уединенныя пещеры въ меловой горѣ, которая кака-то отшельница рыла въ теченіе сорока лѣтъ. Это описаніе, сдѣланное съ особенною, усиленною выразительностію, кладеть въ воображеніи читателя подмалевокъ повѣсти и, при болѣе внимательности къ предмету, имѣло бы для нея существенное значеніе. Но Марко Вовчокъ оставляетъ свою картину и остановившагося надъ нею читателя, во вредъ послѣдовательности впечатлѣній, которыя произведены имъ въ нашемъ воображеніи, и уже полъ конецъ повѣсти обращается опять къ пещерѣ въ меловой горѣ, которая тутъ всего лучше и могла бы быть описана.

Гоголя нельзя упрекнуть въ подобной небрежности. Онъ дѣлалъ большіе промахи въ первыхъ своихъ повѣстяхъ, но все, что онъ писалъ въ послѣдствіи, было обработаннѣе первыхъ его опытовъ. Даже *Ночь наканунѣ Ивана Купала* лучше *Сорочинской Ярмарки* тѣмъ, что въ ней нѣтъ такихъ грубыхъ ошибокъ противъ украинскихъ нравовъ, какія указаны нами въ разборѣ первой его повѣсти.

Разсматривая вторую повѣсть Гоголя подъ условіемъ раскрытія передъ нами чего-то новаго для насъ, подъ условіемъ внесенія въ умственный капиталъ нашъ ясныхъ понятій о томъ, чего мы до тѣхъ поръ не понимали, мы въ ней находимъ невѣрное изображеніе времени, къ которому она отнесена авторомъ, и даже въ самомъ опредѣленіи эпохи дѣйствія — грубую смѣсь разнородныхъ моментовъ украинской жизни. Это производитъ такое впечатлѣніе, что автору не вѣришь далѣе ни въ одномъ словѣ, видишь въ немъ молодаго говоруна (какимъ онъ и былъ тогда въ самомъ дѣлѣ), но вовсе не художника, уважающаго не эффектъ, а истинность въ словесной живописи. Въ самомъ дѣлѣ, Гоголь, вовсе не у мѣста, побрякиваетъ такими словами, какъ Запорожье, муки въ плѣну у Турокъ, турецкая сабля, и проч. Въ его картинѣ все это похоже на позолоту, употребляемую малярами тамъ, гдѣ нужно бы было выразить красками блескъ золота. Таковъ же почти и весь его разказъ о красотѣ и горѣ влюбленной четы. Повѣсть свою вкладываетъ онъ въ уста балагура-дьячка. Силою таланта, который въ дѣтствѣ, очевидно, находилъ себѣ нищу въ разказахъ окружавшей его прислуги, гостей-говоруновъ и, можетъ быть, какихъ-нибудь стариковъ-пасичниковъ, Гоголь часто возвышался до живой

⁽¹⁾ См. *Основу*, кн. 1.

простоты рѣчи, которая, въ устахъ простолюдина, для своей убѣдительности, довольствуется практическимъ и, такъ сказать, эгонистическимъ прикосновеніемъ къ жизни, и приобѣгаетъ къ украшеніямъ поэтическимъ только въ порывахъ страсти; но тутъ же рядомъ, безъ всякой надобности, рассыпаетъ передъ вами такъ называемыя мѣстныя краски. Людямъ, видящимъ и любящимъ народъ только на театральныхъ подмосткахъ, это правилось во времена Гоголя и правится въ немъ до сихъ поръ; но на человѣка, который знаетъ простолюдина не по книгамъ и спектаклямъ, это производитъ такое впечатлѣніе, какъ еслибы поселяне являлись передъ нимъ вѣчно въ праздничныхъ нарядахъ, съ праздничнымъ разгулемъ, играми, танцами, пѣснями.

Грустно какъ-то, съ нынѣшнимъ нашимъ взглядомъ на простолюдина, читать рассказы Гоголя изъ простонародной жизни. Даже любовь его къ поселянамъ теперь ужъ не можетъ правиться. Онъ обращается съ ними въ своихъ повѣстяхъ—и конечно вовсе безъ умысла—такъ, какъ обращался во времена оны иной владѣтель душъ, который, когда, бывало, заѣдешь къ нему въ качествѣ путешественника по Украинѣ, велитъ одному—другому изъ рабочихъ оставить пѣнницу, приодѣться почище и позабавить гостя пѣснями или танцами. Положеніе гостя въ этомъ случаѣ самое тягостное. Не стать же читать любезному, обязательному хозяину проповѣдь о томъ, что такое человѣкъ; не броситься же ему на шею униженнымъ братьямъ, прося прощенья за человѣка одного съ собою званія. Ни тотъ, ни другіе не поняли бы его чувствъ. Остается молча наслаждаться заказными танцами и пѣснями. Такъ точно, лѣтъ десятокъ—другой назадъ, дико показалось бы многимъ, если не всѣмъ, когда бы кто вздумалъ отвергнуть пестроту въ украинскихъ поселянахъ Гоголя и скорбился бы ихъ изображеніями во глубинѣ души своей.

У Гоголя только и рѣчи, что о поленьевыхъ щекахъ козачки, которая были свѣжи и ярки, какъ макъ самаго тонкаго розоваго цвѣта, о ротикѣ, который «кажись, на то и созданъ былъ, чтобъ выводить соловьиныя пѣсни», о подблудяхъ, которые молодежь неосторожно вѣзливаетъ другъ другу. Все это слишкомъ сильно отзывается плохими театрами прежняго времени; это немного лучше бѣлилъ, румянъ и заманчивыхъ сценическихъ случайностей; а гдѣ же самая жизнь? гдѣ та воздѣлываемая въ потѣ лица почва, на которой только изрѣдка вырастаютъ цвѣты красоты ненаглядной и поэтической любви? Ея нѣтъ

въ разсказѣ Гоголя. У него все заготовлено только на праздникъ, на выставку. Позабавятся зрители, опустится занавѣсъ, а что и какъ дѣлается потомъ, до этого не додумывался Гоголь, будучи авторомъ украинскіхъ повѣстей. Додумался онъ до многого прозаически грубаго только въ тотъ періодъ жизни, когда бросилъ мало извѣстную ему сферу творчества и взялся за сферу, слишкомъ хорошо ему извѣстную. Тогда у него явилась и настоящая поэзія, поэзія жизни, хотя онъ чаще говорилъ о фризovýchъ шинеляхъ, чѣмъ о поленьскихъ щекахъ; а въ украинскіхъ повѣстяхъ изъ простонароднаго быта у него на каждомъ шагу встрѣчаешь или аффектацію, или карриатуру. Жизнь и ея поэзія пробиваются у него здѣсь, сквозь театральность и искусственность, только какъ-бы случайно, какъ-будто мимо вѣдома самого автора.

Между тѣмъ, такова была сила изобразительности у Гоголя, что, создавая украинское простонародье по нѣсколькимъ плохимъ и плохому ему извѣстнымъ обрачкамъ его, онъ предавалъ ему столько выразительности, столько движенія, что на его картины, какъ на Рубенсовскія уклоненія отъ натуры, до сихъ поръ невольно заглядываешься. Очень естественно было восхищаться имъ безусловно въ то время, когда самъ Пушкинъ долженъ былъ показывать видъ, что литературой занимается только для забавы. Я хочу сказать, что въ эпоху появленія *Вечеровъ на Хуторѣ* отъ писателя требовалось только пріятно и, если можно, изящно занять, увлечь общество, а какъ онъ это сдѣлаетъ относительно самого предмета повѣсти и какое будетъ пріобрѣтеніе отъ чтенія—вопросъ объ этомъ показался бы страннымъ тогда огромному большинству читателей и самихъ критиковъ. Художественность или, что одно и то же, истинность изображеній понимали, знали, видѣли и цѣнили у себя только сами поэты, дѣлаясь строже и строже сами къ себѣ, какъ это въ-особенности замѣтно изъ напечатанныхъ Пушкинымъ сочиненій и найденныхъ у него, по его смерти, рукописей. Публика и ея критическіе представители видѣли иногда унадокъ въ томъ, что было глубоко истинно, и потому просто, какъ въ натурѣ.

Гоголь имѣлъ передъ глазами великій образецъ самосовершенствованія въ Пушкинѣ и воспользовался имъ, съ гениальною воспримчивостью, въ повѣстяхъ изъ хорошо извѣстнаго ему міра; но міръ простонародный до конца былъ для него закрытъ и нѣмъ. Поэзія просто-

народной жизни сказывалась ему только сквозь народную пѣсню, да и пѣсню изучилъ онъ далеко не вполне. Отъ этого любовники-простолюдины почти всегда объясняются у него такъ, какъ—будто поютъ, а иногда и просто-напросто—словами извѣстныхъ каждому пѣсень. Напримѣръ: «Ивасю мой милый, Ивасю мой любый! бѣги къ Петру-ею, мое золотое дитя, какъ стрѣла изъ лука; Расскажи ему все: любила бѣ его карія очи, цѣловала бѣ его бѣлое личико, да не велить судьба моя», и т. д.

Тотчасъ видно, что авторъ не слышалъ собственными ушами, какъ говорить любящая поселенка—Украинка; онъ только слышалъ, какъ она поетъ.

Дивно поэтическия народомъ показались его современникамъ наши простолюдины, по нѣсколькимъ сценамъ изъ ихъ быта, которыя онъ написалъ не по вдохновенію глубокаго уразумѣнія своего предмета, а сочинилъ механически, обращая, какъ дѣлаютъ компиляторы, стихи народныхъ пѣсень украинскіхъ въ великорусскую прозу. «Веронъ черный прокрячетъ, вмѣсто попа, надо мною (говорить у него влюбленный паробокъ), гладкое поле будетъ моя хата; сизая туча—моя крыша; орелъ выклюнетъ мои карія очи; вымоютъ дожди козачкія косточки, и вихоръ высушитъ ихъ.»

На нашъ вкусъ, въ разсказѣ дьячка,—это холодная, натянутая реторика, а не поэзія; для нашего чувства это—мертвыя слова, произносимыя автоматомъ,—диссонансъ въ общемъ тонѣ разсказа; но, во времена оны, многіе, если не все, думали, что наши дѣвчата и паробки именно такую декламацию выражаютъ свои глубокія чувства, а говорливые дьячки, именно такимъ тономъ и складомъ, ведутъ разсказъ въ кругу хуторскихъ гостей насичника.

Мы надѣемся, что изъ этихъ указаній читатель увидитъ, что Гоголь, и относительно мѣстныхъ, національныхъ или народныхъ сторовъ жизни, оказывается для насъ повѣствователемъ, не только не вносящимъ въ область нашихъ понятій ничего прежде намъ неизвѣстнаго, напротивъ—кажетъ намъ народъ украинскій сквозь какое-то розовое стекло.

Онъ не понимаетъ народа, въ его поэтической повседневности, и потому считаетъ необходимымъ набѣлить, наруманить его, нарядить по-праздничному и вложить ему въ уста перифразированную

ишено. Это отзывается тѣмъ временемъ, когда французскіе литераторы считали неприличнымъ показать своей публикѣ Шекспира такимъ, каковъ онъ есть, и очень усердно брили его, пудрили и падушали, въ своихъ переводахъ и передѣлкахъ. Ясно, что они не понимали его, какъ не понималъ Гоголь украинскаго простолюдина, этого единственно родного, кровнаго чада поэтической исторіи Украины. Поэтому, кто бы захотѣлъ по Гоголю изучать Украину со стороны этнографической, тотъ, вмѣсто приобрѣтенія отъ него новыхъ понятій о великой области жизни человѣческой, рискуетъ najти ошибочный взглядъ на самую характеристическую, если не на самую лучшую часть русскаго міра, какъ это и дѣйствительно случилось со многими. Миѣ попадались очень умные люди, которые слышать не хотятъ объ иной Украинѣ, кромѣ Гоголевской, тогда какъ Гоголевская Украина въ натурѣ не существуетъ. Одинъ господинъ, очень не глупый въ томъ, что онъ изучалъ непосредственно, простеръ свою ревность къ авторитету Гоголя до-того, что сказалъ разгораясь, въ присутствіи многихъ слушателей: »Я, пожалуй, съ вами соглашусь, что Украина не такова на самомъ дѣлѣ, какою изобразилъ ее Гоголь; но онъ, какъ гениальный писатель, изобразилъ ее такою, какою она должна быть и, конечно, будетъ.« Такъ велика потребность истинности въ литературныхъ произведеніяхъ для каждаго живого читателя! такъ тяжело убѣдиться каждому, что любимый писатель не принесъ намъ той пользы, какую должно приносить намъ всякое разумное дѣло, и всего больше—дѣло литературы!

Что касается до нравовъ и обычаевъ, изображенныхъ въ *Вечеръ наканунѣ Ивана Купала*, то, послѣ всего нами сказаннаго, нельзя и ожидать, чтобы они были изображены мастерски, т. е. съ глубокимъ уразумѣніемъ смысла каждаго такого явленія, какъ отеческій деспотизмъ, или злодѣйства, совмѣщающіяся въ одной и той же душѣ съ любовью, или какой-нибудь таинственный, странный обрядъ и т. п. Все это представлено у Гоголя въ видѣ какой-то номенклатуры, бросается въ глаза яркою пестротой, точно на ярмаркѣ или въ кукольной комедіи; но когда вы остановитесь надъ какимъ-нибудь поразившимъ васъ предметомъ, вы никакъ не отыщете органической связи его съ другими, и чѣмъ вы будете внимательнѣе къ разскащику, тѣмъ менѣе онъ васъ удовлетворитъ. Для размышляющаго читателя это всего интереснѣе замѣчать у Гоголя — у того Гоголя, который, впоследствии, началъ такъ полно обнимать каждое явленіе

жизни, такъ убѣдительно изображать намъ его практическую сущность, посредствомъ самой увлекательной живописи.

Въ повѣсти *Вечеръ наканунѣ Ивана Купала*, все лица написаны тою эскизною манерою, по которой знатокъ тотчасъ видитъ, что, еслибы живописецъ захотѣлъ посидѣть надъ своей картиной и, что называется, докончить ее, то онъ прибавилъ бы къ ней только вялость рисунка и мутность колорита. Совсѣмъ иное впечатлѣніе производятъ наброски Пушкина, оставшіеся въ его бумагахъ: каждая черта въ нихъ намекаетъ на богатство знанія или, лучше сказать, разумнѣя художническаго въ томъ, о чемъ онъ хочетъ съ нами бесѣдовать, и, подъ цѣльными красками, подъ играющими неопредѣленно линіями рисунка, вы ужъ видите у него прочную органическую связь, видите талантливое построеніе пьесы, которое само по себѣ настраиваетъ вашу душу поэтически.

У Гоголя, Коржъ, его дочь красавица, ея любовникъ и потомъ мужъ Петръ, колдунъ и колдунья, — все эти лица представляются намъ неясно, потому что намалеваны безъ строгаго рисунка, хорошо обдуманнаго и провѣреннаго на натурѣ. Они принадлежатъ къ украинскому народонаселенію только по своимъ нарядамъ и фразамъ, выхваченнымъ то изъ украинской пѣсни, то изъ украинской бесѣды, въ видѣ чего-то лучшенъкаго, достойнаго вниманія публики по своей оригинальности. Но, еслибы ихъ перерядить въ другую одежду, да исключить изъ ихъ рѣчи такія слова, какъ *хата, оселѣдець, рущиникъ, коб-а*, то все мы призадумались бы, что это за народъ: Пешанцы, Греки, Молдаване, Сербы или Поляки? Нѣтъ, Гоголь, вносилъ въ нихъ, началъ намъ представлять народность, не со стороны одежды и поговорокъ, какъ дѣлывала вся честная братія наша, во времена *Юрія Милославскаго*: онъ отыскалъ въ русскомъ человѣкѣ «такое», чего не имѣетъ никто изъ всехъ его сосѣдей, и выведенныхъ имъ, въ его повѣстяхъ, русскихъ людей угадалъ бы каждый даже въ аду, гдѣ, какъ извѣстно, будетъ намъ не до условій общенія.

Не проникнувъ въ характеръ времени, къ которому повѣсть относится, упустивъ изъ виду этнографію и все, что отъ нея зависитъ, не выразивъ индивидуальности дѣйствующихъ лицъ, Гоголь по этому самому не могъ добраться и до сердца человѣческаго. Лица, дѣйствующія у него, при какихъ-то неопредѣленныхъ общественныхъ

обстоятельствахъ, посреди искусственной обстановки, напоминающей дѣтскій театръ, лица, носящія свои имена только въ видѣ кличекъ, но похожія на тысячи другихъ людей съ тѣми самыми или иными именами, не говорятъ ничего нашей душѣ, живутъ, такъ сказать, жизнью куколъ, которыя движутся передъ нашими глазами и исполняютъ свои роли болѣе или менѣе удачно, но когда закроеся ящикъ, составляющій ихъ тѣсный и убогій міръ, между ними и нами остается одно воспоминаніе, что мы ихъ видѣли; въ душѣ нашей не прибавили они ничего и даже ничего не тронули. Поэтому повѣсть *Вечеръ наканунѣ Ивана Кунала* мы относимъ къ бесполезнымъ произведеніямъ фантазіи, безъ которыхъ общество могло бы обойтись точно такъ же, какъ и безъ мыльныхъ пузырей. Если она не позабыта нами совсѣмъ и не выброшена изъ нашихъ библиотекъ, то единственно потому, что написана перомъ, которымъ написанъ *Нескскій Проспектъ*, *Шинель* и другія истинно художественныя произведенія Гоголя. Напечатанная въ одномъ съ ними собраніи, она приноситъ намъ пользу отрицательную, —именно ту, что на нее мы можемъ указывать, какъ на дѣтское маранье неопытнаго въ искусствѣ генія, для котораго, въ его великомъ дѣлѣ, точно такъ необходима наука самосовершенствованія, какъ и для людей обыкновенныхъ — въ ихъ малыхъ дѣлахъ.

При жалкомъ состояніи тогдашней исторической науки вообще и исторіи Украины въ-особенности, при совершенномъ отсутствіи народоизученія, которое и въ наше время находится въ дѣтскомъ состояніи, наконецъ при ничтожествѣ эстетическаго образованія въ тогдашнихъ учебныхъ заведеніяхъ и въ самомъ обществѣ, доступномъ Гоголю, онъ ни коимъ образомъ не могъ начать литературную свою дѣятельность съ чего-нибудь болѣе цѣннаго, какъ *Сорочинская Ярмарка* и *Вечеръ наканунѣ Ивана Кунала*; но посмотрите, какъ онъ идетъ впередъ почти съ каждою новою повѣстью и прокладываетъ себѣ вѣрную дорогу, посреди вѣхъ препятствій, каковы: слѣпая критика, тупое пониманіе его таланта, со стороны большинства читателей, и, что всего опаснѣе, неумѣренныя похвалы его друзей и почитателей. Вотъ почему, стоить не только имѣть у себя на полкѣ, но и читать первыя повѣсти Гоголя, и въ особенности молодымъ писателямъ, озареннымъ уже новыми понятіями объ искусствѣ, наученнымъ искусству самимъ же Гоголемъ, то есть его послѣдними, зрѣлыми произведеніями. Талантъ въ этихъ повѣстяхъ виденъ повсюду.

ду (и именно—во всемъ, что Гоголь *зналъ*, на что онъ смотрѣлъ собственными глазами), но этотъ талантъ бродить въ потемкахъ, и потому возбуждаетъ въ знатока участіе, подобное тому, съ какимъ человекъ сформировавшійся слѣдитъ за жизнью молодого человека, возбуждающаго великія ожиданія. Гоголь эти ожиданія оправдалъ, и оправдалъ блистательно.

П. Кулишъ.

1 октября, 1861 г.

С. Петербургъ.

ЗЪ НАРОДНІХЪ УСТЪ.

I.

Се тава̀ ба̀ба, що́ чортъ їй на маховіхъ вілахъ чоботи оддавѣвъ.

Жило въ селі таке́ чесне и тіхе подру́жжя; не тільки не ла́-
ялись, и свѣрки міжъ ними нігѣли ніякої не було; якъ кажутъ:

»Любилися, кохалися, якъ голубівъ пара.«

Янголі, глѣдючи на щасливе їхъ житті, радувались и втішались, а
чѣрту було не понутру,—найбільшъ одъ того, що не можна єму
ніякъ увійти до нихъ у хату. Чого́ вже вінъ не робивъ, якъ бі-
ля їхъ не захожувався, щобъ вони хочъ пола́ялись! нічого́ не вді-
явъ. Досѣдно чѣрту. »Що́ тутъ,« дѣмае, »робити?« Далі згадавъ, що
въ сімъ же селі є преіхідна ба̀ба, зъ біса хитра й лукава; отъ
вінъ, не довго дѣмавши, и прийшовъ до неї за порадою.

— Будь ласко́, бабу́сенько, ка́же, — допоможіть мні́ въ моє́-
му ділі, а я вамъ за се оддѣчу.

— Дѣбре; ка́жи, чо́го то́бі треба?... не перво́му, тако́му жъ
чѣрту, якъ и ти, я въ пригѣді ста́ла.

— Ви не зна́ете оттѣ гаспідське подру́жжя, Яго́ва й Кате-
ріну, що́ въ душі воно́ въ мене сидіть?

— Знаю; а що́?

— Чи не можна, якимъ-небудь по́битомъ, розвести сю ге́мон-
ську па́ру? Хочъ би принаймні́ пола́ялись.

— Чомъ не можна? А що́ ти мні́ за се да́си?

— Що́ душі твоєї завго́дно.

¹ Народъ нашъ—великій и богатый поэтъ. Въ своихъ пѣсняхъ и разска-
захъ онъ даетъ нашимъ писателямъ вѣчно-свѣжія и здорова́я зерна для даль-
нѣйшаго творчества. Лучшіе наши писатели подходили ближе всего къ его взгля-
ду, къ тону его рѣчи, придавалъ своимъ произведеніямъ все величіе народно́й
поэтической простоты и граціи. На зто́гъ небольшо́й расказъ г. Стороженка
обрацаемъ внима́ніе нашихъ читателей, какъ на образцовый въ своемъ родѣ. *Ред.*

— Червоні чоботи зь срібними подківками!..

— Добре, хоч зь золотими!

Згодились, а чортъ віри не йме. »Якъ-такі,« думає: »я и чортъ, а нічого не вдієвъ, ато щобъ вона, чортъ батька зна що таке, баба, та зробила!«

Дурний, хоч и чортъ! и того не знавъ, про що давно вже люде кажуть: що въ старобі їхидної баби десять чортів сидить, та ще й на двадцять сідала гуляють; що—де чортъ не справитця, туді бабу пішле!

Тільки баба випровадила чорта, заразъ натягла на себе кожущанку и побігла до церкви. Ще й у одного дзвона не дзвонили, а вона вже стоить на бабинцю и хреститця и поклони б'є, а самі поглядає. Стали люде до церкви збіраться. Тільки вгледіла Якова, заразъ до ёго и підсгочила.

— Ой жаль міні тебе, чоловіче!—каже, схиливши на бікъ голлову: — дуже жаль! Не знаю, якъ тебе й вірятувать, яку тобі и порадоньку дасть!..

— Чого тобі треба відъ мене? пита Яківъ.

— Охъ, мій голубе! велике, превелике горе тебе чека, нещасливого!..

— Якé горе?

— Жінка тебе не любить; зрадила небога, закохалася въ Семена Прудкого, и налагодила тебе зь світа зігнати, зарізати!..

— Скажєна бабо! що ти кажеш? скрикнувъ Яківъ. — Та въ мене жінка тіха, якъ горлиця; вона мене любить — души въ собі не ч'є!

— Мій голубе сізний! не йми жъ міні віри, коли не хочешъ, тільки слухай, що я тобі казатиму, та й роби, що самъ знаєшъ...

— Кажі.

— Сегодні, якъ вернєся съ церкви додому, жінка стане тобі ськати въ голові... Гледі жъ: якъ побачишъ ніжъ, швидче вскакуй, щобъ вона не перетяла тобі горлянки!

— Тьфу на твого лісого батька! скрикнувъ Яківъ, ажъ перехрестився. — Якé неподобне вигадує! Нехай воно на твоєй голові окошитця!.. та одъ неі скорішъ у церкву.

А чортъ, переканувшись горобцемъ, слуха, та зь радости ажъ підскакує, та хвостикомъ вертить. Бачить диявольский снитъ, що бісова баба гарздь-такі засмутіла чоловіка; бо війшовъ у церкву и не перехрестався.

Сь церкви метнулася баба до Катерини; полетівъ за нею и чортъ. »Побачимо«, думає собі, »щобъ дальшъ буде!«

Катерина, випровадивши свого чоловіка до церкви, пораетця біля печі, весела й щаслива, якъ пташечка, а після такъ и виливаєтця изъ самого серця: сказано—любить, щаслива, весела. И не схаменулася небога, якъ лихо затуркотіло у вікниці.

— Хто тамъ? пита Катерина.

— Се я, обізвлася баба.—Відчині.

Вийшла баба въ хату, збіднилась, хліпа, мовчки сіла на лаві, и на добрій-день не сказала.

— Чого се, бабусю, ви такі смутні? пита Катерина.

— Серденько моє, дитинко моя люба! каже баба, важко зітхнувши,—не питай мене: не зъ добрими вістями я до тебе прийшла... Лучче бъ мині старбі и не дожить до сії лютої бідоньки.... И зновъ роспустила патіки и заголосила на всю хату:—Пропала ти донечко, на-віки пропала!.. Не любить тебе твій Яківъ: причарували єго до себе зліи люде, одвернули єго одъ твого серця!..

— Оттакє вігадай! каже молодіця, засміявшись.—Та такої вірної дружини, якъ мій Яківъ,—нехай здоровъ буде—на всьму світі не знайти!

— Охъ лишенько моє! такъ и я думала, та не такъ воно вийшло. Слухай, серце: Позавчора приходила до мене удова Бистриха—щобъ їй добра не було!—и просіла зілля. »На що тобі?« питаю. Не хотіла спершу казати, а тамъ и призналася: »Закохалась,« каже, »у Якова, Катерининою чоловіка... причарувати. Вінъ дуже любить свою гладку жінку.« Я й не дала: сказала, що въ мене нема того зілля. Сєбодні оцє идю до церкви, зиркь—ажъ твій Яківъ ходить біля Бистришиної хати, якось чудно дивитця и голову понуривъ. »Охъ міні лишенько!« думаю: »чого се вінъ такий? щось не благополучно!« Скорішъ у хату до Бистрихи; питаю, а вона усміхаєтця, та й каже: »Ажъ у Пєтрикахъ достала того зілля.« Ягъ ножемъ мене въ серце штрикнула. Де бъ то не достала? тільки глянула я на бідолаху, заразъ и пізнала, що вже єму дадено. Не стьулась, якъ оцє и до тебе прибігла... Охъ міні лихо тяжкєе! пропала жъ ти, мой гєрличко, на-віки пропала!..

И зновъ заголосила на всю хату.

Слуха молодіця, и вже не смієтця: склепілися устенька й по-

сипіли; самá—якь крѣйда; на очахъ тремтять слѣзи; вся труситця и хапаѣтця за стіль, щобъ не впасти.

— Бабусенько, пенецько мой! заголосила Катерина, облившись гіркими,—вірятуй же мене нещасливу, вірятуй мого бідного Якова! Якъ вщ менє покине, то й я світъ покину, самá на себе руки наложу!

— Вірятую, мбе сѣрденько, вірятую, не дамъ злій личині верховодити надъ вами! тільки, мой голубонько, треба якъ найшвидче одворожувати, поки ще твій Яківъ не перепивъ недопійла, поки супротивникъ не засівъ єму въ потилиці... Чи немаъ въ тебе гбстро-го ножа?

Молодица скорѣнько подалá бабі ножá. Отъ вона пошептáла, пошахрувала надъ нимъ, та й каже:

— Озьми жъ сѣго ножá, и якъ вернетця одъ Бистрихи твій чоловікъ, то поськаєшь єму въ голові, а якъ засне, то симъ ножемъ одрѣжешъ у єго прядку волбєся и оддаси мині, то я зáразъ розібью ти чáри якъ чортóвої мáтери, и приверну твого Якова зновъ до тебе!

Катерина ажъ руки цілує у бисової відьми та дїкує, а чортъ, сидючи на вікні, все чує, и вєсело бъ то єму, и страшно: »Не бисова баба!« думáє, »Якá жъ лукава та їхидна! Съ тагою и нáшому брáтові не безпечно.«

Поти́пала вража баба додому, тільки поглідує на свої диряві черевики, та думáє, якá-то вона гáрна буде въ червонихъ чобóткахъ! А бідна молодица, въ своїй хáті, місця собі не приберє; и руки лáмле, и гірко плаче; сѣрце кровью обливаѣтця.

И Яківъ смутний повертаѣтця додому. Хочъ и не понивъ бабі віри, однакъ вáжко стáло на душі, одъ одної чутки, що въ єго дружина невѣрна. Попуро вийшовъ у хáту и зъ підлобья гледить на жінку. И Катерина не привітає єго; не винулась, якъ звáжде, єму назустрічъ; стоить, якъ у землю вкóпана.

»Що стáлося зъ мбею жінкою?« думáє Яківъ, пильно на неї дивлячись.

»Се не мій Яківъ«, думáє молодица: »такимъ поглядомъ вінъ на мене ніколи не дививсь!

Посідали,— одно до дрúгого слóва не промовить: у обóхъ тязько, вáжко на душі. Далі Катерина й каже:

— Якове, мбеже бъ я тобі поська́ла въ голові, поки страва упріє.

Аж здригнувся сердешний Яківъ, почувши се, аж груди йому заложило.

— Добре... ледві промовивъ сердешний и подумавъ собі: «Мабуть, не брехала баба.»

Охъ, щось же не добромъ у сій щасливій хаті вишӯє! Янголі ховajúтьца за образи, а чортъ вишӯвъ у сѣни и за клімку вже берѣтьца.

Росцїсує Катерина голову Якову и пригладуетца и прислухаетца, чи не заснӯвъ вінъ; а сердешному чоловікові не до спання: серце вь его на шматкі розриваетца. Аж ось, здаетца їй, що вже вінъ заснӯвъ. Отъ вона тихенько й виимá зпід себе пожа, а Яківъ хапъ її за руку!

— Жінко!... що се?.. и закінило...

Янголі, заплющивши оченята, тїкають съ хати, а чортъ ускочивъ у хату, заразъ собі и кубелечко звивъ у пічурі.

Не зовсімъ—такі й збрехала вража баба: не жінка зарізала чоловіка, а чоловікъ жінку.

Лежить молодїца, якъ скошена квіточка: съ пробітїмъ серцемъ, вся підплила кровью, а безталанный чоловікъ рве на собі волосся, бьѣтьца вь сирӯ землю... Пропало лобѣ життя на свѣті! пропала й душа!.....

Понїсь чортъ вражїй бабі чоботи, та вже теперъ и йому страшно до неї підступїти,—дарма, що чортъ. Отъ вінъ настромївъ на махові віла чоботи, та такъ їй и оддавъ, щобъ и не доторкнутїсь до гаспедьскої відми.

Відсіля жъ то й віроїлась приказка: Се, мовлявъ, така баба, що чортъ їй на маховїхъ вілахъ чоботи оддававъ.

Олекса Стороженко.

1861 г. С. Жемчужина.

Жидівська Дяна.

Семӯ вже годївъ вісімъ, якъ приїхавъ — чи де вь чорта приїхавъ! пішки приїзъ — Жидъ Лейба... Мо бачили на базарі новий двіръ, ще й вікна зеленимъ розмалевані. Теперъ забагатївъ ледáщо, а тоді такий приїшовъ обідраний! Жидівка замурзана, жиденя-

та голі... Прийшовъ, та й напівъ хату у старі Москівки. Грощі, які въ ёго були, поперебодивъ. Осівъ затімъ, щобъ людей підманювати та обдурювати; та бачить, що нема за що й рукъ зачепити, крутівсь-крутівсь, — иде до Завірюхи. А я підъ той часъ до Максима навернувся. Дивлюсь: Жидъ убігъ та въ ноги Завірюсі: »Такий-сякий добродію! поки житиму — дякуватиму: вільволь изъ біді — позичъ три карбованці.« Поморщився Максимъ: »Пропадуть«, дума, »грощі. Лучче вже своєму брату допомгти, ніжъ Жидові.« Одначе — сказано, щіра душа — и Жіда пожалувавъ, давъ ёму три карбованці. »На«, каже. Лейба зновъ у ноги. »Я вамъ«, каже, »и процєнтъ оддамъ и грощі верну.« — »Не треба мині,« каже Завірюха, »твоіхъ процєнтівъ, а грощі оддасі, якъ будуть«.

Чи зъ Максимовою лёгкої руки, чи вже такъ Жидові пощастіло, тільки підживъ нашъ Лейба: вже й корівка въ ёго, и коничокъ пара; купує, перекуповує, продає. Ставъ Лейба не той, що бувъ, що було усякому попередъ вклонитця. Прийдє було чоловікъ за цвяшками, жінка за міломъ, дівчá за голкою, хочъ би и вночі, — сьбчить, біжить, двєрі відчиняє, неначе вінъ и не спить ніколи; атó вже почавъ корчму держати, вже й челядка у ёго, и наймитъ. Вінъ орудує ними якъ хоче, а самъ и зъ подушокъ не вилазить. На щó вже разъ — самъ пан-отець зайшовъ до ёго за чімсь, а вінъ лежить — не встає, та ще до стіні пікою, а до панотця, вибачайте, задомъ.

Завірюсі все жъ грóшей не дає. Не гараздъ и треба Максимові їхъ, та кортить ёго, що ледáщо Лейба людми гордує, а ёму не вертає грóшей. Казавъ Максимъ Лейбі не разъ, а мó й десять разъ, такъ усє одмагáетця: то »підожді«, то »черезъ тижняку верну, бо тепєрь нема. Хибá тобі«, каже, »заразъ треба?«

Въ насъ у горóді на Параскі ярмарокъ, саме передъ весіллями; такъ люде и ідуть. Поїхавъ и я зъ Максимомъ... Спасібі Бóгу, що хочъ не на однімъ возі, атó бъ, мóже, й мині ліхо було. Білі Лозóвої корчмі зупинили ми коней, а самі зайшли по осьмусьці. Въ корчмі людєй багáто: и нашъ братъ козакъ ярмаркує, и москалі й кацапи лаютця, а въ кутку хурцікъ изъ чумакомъ битисъ заводятця. Вінили ми по чарці, идемо зъ корчмі до возівъ, щóбъ далі їхати, ажъ и Лейба тутъ на возі сидить; а візь парокішній, а на ёму пудівъ мó сорокъ борошна въ мішкахъ.

Я — нехай Бóгъ простить, мó' черезъ мене чоловікъ пропає —

кажу до Завірюхи: »Бачь, Жидь анáхтемський тобі грóшей не віддає, а свільки вь ёго бóрошна! Пдї та візьмі одїнь мішóкъ. Вь ёму не буде бїльшъ за сїмъ пудъ.« А бóрошно тоді було по два вісьмигрівеника. »Хочь що—небудь«, кажу, »вєрнешь.« Максїмъ послухавъ, та й каже Жидовї: »Ти мнї, Лейбо, ще віненъ грóші. Дай мнї одїнь мішóкъ, то й будемо квїти.«

А Лейба: »Щó, щó? Се ти менє грабуватимеш? Мó не я тобі, а ти мнї ще віненъ. Треба у кнїгу подивїтись.«

Не втерпїв Максїмъ, пхнувъ Жїда. Той зь вóзу й покотївся. Самъ узївъ мішóкъ зь бóрошномъ, положївъ на свїй вїзъ, та й поїхавъ собі.

Ідемó ми зь Максїмомъ по ярмарку, аж идє назустрічъ Лейба, якийсь панóкъ и два москалі.

— Ти Завірюха? питає панъ Максїма.

— Я, каже Максїмъ.

— Звляжїть ёго, каже панъ.

Здивувáвся Максїмъ: бáчить, що напасть.

— Я й самъ піду, каже.

— Не мóжна, каже панъ:—розбїйникївъ треба вязати.

Потягли москалі Максїма.

Приїхавъ я додóму, кажу Максїмисї: »Тавє й тавє ліхо: понавъ твій чоловікъ черезъ Жїда увъ острóгъ.« Вона й почала голосїти: »Ой лишенько мєє!« каже: »звátимуть мого чоловіка острóжникомъ!«

Не знáла небóга, що ще й не тавє ліхо буде.

— Гóді, кажу,— тобі, Кáтре, плакати! (Вона менї ще й рóдичка доводїтиця.) Біжї, кажу,— швїдче до Стєхи: мóже, Филїмонъ Степановичъ вїзволить.

То пакъ до становóго. А Стєха вь ёго за хазїйку жилá. Сиротóю змáлку зостáлася; по чужїхъ людяхъ у наймахъ жилá; приняла усáкого горя. А нїчого казати: дївчина дóбра, до робóти охóча. Тепєрь за Останомъ Лопуцькомъ, москалємъ. Така прегáрна молодїця, що не треба й крáще. Стáла вона за пáймичку у становóго: де нї робїти, то робїти. А вїнь не на те їй наймáвъ. Почала вона одъ ёго тїкати, а вїнь пішле розєїльного, той и приведє. »Ти«, каже становїй Стєсї, »поїднáлась на рїкъ,— гóду ще нема. Якъ годъ мнїє, тоді й одїйдешь.« Однáче ще до гóду почала Стєха и становїмъ орудувати, и стáномъ заправляти. Пнша бъ на

її місці велику б'є силу грѣшей придбала, то людѣй обдирючи, то самого підкрадаючи, а вона — грѣхъ казати — не обіждала нікого, жаліла — такі свого брата; за те її теперъ усяка людина поважає.

Пішла до її Катря. А вона, ще дівкою б'увши, зо Стѣхою и на юлиці и на гріщі гуляла, та ще її сестри доводятця: мой дочка обохъ хрестіла.

Роспитала Стѣха, чого прийшла Катря. »Подожді«, каже, »серденько; піду побалакаю, — що вінъ скаже.« Незабаромъ, разомъ изъ Стѣхою, вийшовъ и становий. »Ти«, каже Катрі, »Стѣшина сестра; треба для тебе у городъ шатнутись — визволяти твого чоловіка. Мо ще можна: слідствия не було. Колибъ не те, що новий исправникъ, — мені б'є се діло и за ухомъ не свербіло: Семѣнъ Семѣновичъ послухавъ би мене.« А далі її питає: »Що жъ мені за клопоти буде? Давай пять карбованцівъ, такъ поїду.«

Катря була ажъ пятнадцять наготовила. Дивитця, що Стѣха моргає їй, — оддала становому пять карбованцівъ. Підвода, якъ день, якъ нічъ, у стані готова. Становий сівъ, та її поїхавъ. Ось якъ Стѣха німъ орудувала, дякувати їй!

Катря хотіла додому йти, такъ Стѣха не пустила. »Що тобі,« каже, »дома робіти? тільки сумуватимешъ. Гуляй у мене, поки вернетця. До города не далеко; у нічъ и звернетця.« Почала чашувати Катрюсю и чаємъ, и наливкою, а Катрі ні що на д'ушу не йде; усе плаче та вздыхає. Дивлючись на її, спогадала її Стѣха своє гірке життя, що всяке ганить, осужає, дарма що в'є вічі добрі. А зі щ? Хиб'а вона винна? Не було в'є її ні батька, ні матері, — нікому було оборонити, або наустити. Інші ще д'умають, що їй добре жити, а того її не знають, що Филимонъ Степановичъ по́ти її слуха, поки не ви́етця; по́ти її жа́лує; а якъ п'яний, то з'аразъ бітись та глумувати.

Замість того, щобъ гуляти, проплакали цілу нічъ дівчина зъ молодницею. Передъ світомъ приїхавъ становий. Вийшла відъ єго Стѣха така невесела та понура. »Не сумуй« каже Катрі: »може, ще Бігъ пом'оже. Бувъ Филимонъ Степановичъ у справника, — нічого не в'радивъ: такий запеклий! Казавъ панъ, щобъ ти сама їхала до справника, тільки щобъ хабаря єму не давала, бо вінъ не берє.«

Справникъ у насъ тоді бувъ новий; тільки що зъ Петерб'ургу наїхавъ, а єго пані за справника и постановили. То у насъ були

справникі пузаті та старі, усє найбільшъ зъ офицерівъ, а сей ще зовсімъ молодій бувъ, худенький, чорнявий. Такъ, вінъ, здається, й добрий бувъ: зъ усякимъ побалакає, пікולי не лаетця; битись — не бівся... А Катринъ чоловікъ черезъ ёго пропавъ... Такє диво!

Приїхала Катря до справника.

— Чогó тобі треба? питає лавей.

— Мині треба, каже Катря, — твого пана побачити.

— А щó дасі?

— Щó жъ вáшій милості дати? каже Катря, та й виїмає троля́; ще думає, що багáто дає.

Лавей подивівся, похита́въ головою, та й каже:

— Сказілась, чи щó? Десять карбованцівъ, ато й годъ пана не побачишъ! Заразъ у шію прожену, не пушу́ й до-віку. Я знаю — ти Завірюшина жінка, твій чоловікъ багатиръ.

Мусила Катря дати ёму десять карбованцівъ. Заразъ и до справника її поклікали. Приїшла вона. У справника сидіть якийсь панъ, офицеръ.

— Чогó тобі, голубушка, па́да? питає справникъ.

Катря й розказала ёму, якъ и за щó узяли її чоловіка.

Справникъ похова́въ руки у кишені, та й почавъ ходіти по світлиці.

Офицеръ усє на Катрю дивитця, а далі й каже справникові:

— Чогó ви, Владімеръ Миколаевичъ, думаєте? Нехай би вона у васъ днівъ зо три погуляла: бачите, якá гарна! А чоловіка бь вівозили.»

Подивівсь справникъ на Катрю, почервонівъ увесь, якъ ревнє: *вонъ!*

Катря зъ світлиці: думала, що се її вінъ женє. Справникъ зупинивъ її. «Се», каже, «я не на тебе, а на сєго падлеци кажу. Не чуєте ви, чи щó? Вонъ! Щобъ вáша ногá бiльшъ у мене не була!»

Офицеръ полупавъ—полупавъ очіма, за шапку та й за двєрі.

— Не мóжу, голубушка, пособити я тобі, каже справникъ. — Слїдствія я зроблю по закóну, а ти клопочи въ уїзному суді. Тамъ, мóже, твого чоловіка й вівольять; тiльки припасай грошей: вони до їхъ ласі.

Попрбдала Кятря усю худобу, позичила у людей — чисто всі гроші перевела, а чоловіка не порятувала. Попереду судові паничі й засідателі казали, що се пусте діло, що абі гроші, такъ и не такé діло можна повернути. А далі, якъ повитягали у Катрі гроші, такъ и сказали їй: »Старались ми, старались, та справникъ такé слідствия зробивъ, що нічого не можна було зробити. Присудили Максима на Сибірь...«

Мотнулась Катря до предводителя. Вінъ, бачите, знавъ Максима: той їму жито на винницю постачавъ. Предводитель и нарядивъ Катрю, щобъ іхала въ губернію.

Катря заставила землю и поїхала въ губернію. Тамъ и останніхъ грошей рішилась, а чоловіка не вірятувала, — пішовъ—такі на Сибірь. Хотіла й Катря за нимъ ити, такъ вінъ звелівъ їй, щобъ у Матвіївці жила, дітокъ доглядала.

Теперь Катря у моєй дочці живе: вона їй хрищениця. Доцці моєй у мясніці піде двадцять—восьмий годъ, якъ вийшла заміжъ; та дітокъ Бігъ їй не давъ, такъ вона й худобу Катрі однісуе: й, бачте, за рідну дочку приймала.

Митро Омельковичъ.

ІСТОРІЯ УКРАЇНИ

ОДЪ НАЙДАВНІЙШИХЪ ЧАСІВЪ. (*)

ПЕРЕДНЕ СЛОВО.

Пишучи *історію України*, дбавъ я не про однихъ тихъ, що по історіі, мовъ по далєкихъ сторонахъ, проходять и тільки самі її дива оглядають. Мусивъ я не мєнше й на тихъ оглядуватись, що історичнимъ живописаннямъ не вдовольняютьца, и всякої рєчи самі по жерєламъ історичнимъ доходять. Не подоба жъ би булі мені, ведучи свою повість, разъ-пóразъ зупинятися и мої доводи до уваги товариству подавати. Тимъ я свою роботу на дві часті ділю, и щó тільки менє вь повісті мало бь зупинити, абó її надто широко розводило, — все те вь приписки позадь своїхъ книжокъ пускаю. За однимъ же заходомъ тутъ я й жерєла історичні вказую, сь котóрихъ моя повість вичерпана. Пишучи жь найбільшъ для того товариства, що вь великихъ городáхъ не проживає, постановивъ я собі — не то жерєло вказувати, та тутъ же зь єго й виписку приточити, котóra абó мою рíчъ

(*) Прєдлагаемая первая глава истории Украины сообщена намъ авторомъ по нашей неотступной просьбѣ. Намъ хотѣлось показать началомъ этого обширнаго труда почтеннаго нашего сотрудника, вь какой степени языкъ украинскій способенъ къ строгому научному изложенію столь-важнаго предмета какъ исторія. Самъ авторъ не признаетъ еще этой главы оконченною ни вь литературномъ, ни вь ученómъ отношеніи. По окончаніи перваго тома его исторіи, говоритъ онъ, весьма можетъ случиться, что эта глава будетъ написана вновь. Какъ бы то ни было, но мы увѣрены, что читатели наши прочтуть ее сь живѣйшимъ любопытствомъ. Ред.

вясніє, або ширше діло оповідує. Тимъ способомъ, вкупі зъ своєю *Історією*, ніби ще й хрестоматію виписокъ подамъ я гостінця на Україну. Въ насъ бо по маленькихъ городяхъ, селахъ и хуторахъ хибá десяту долю тихъ книжокъ—та й то на тисячі верстахъ — знайшóзь би, котóрі истóрикъ до свогó діла поперечитує. Тимъ—то нашъ братъ Українець, вийшовши зъ вищої школи на повітову слáжбу, чи на господарство, найбільшъ тільки самими журналами пробуваéтця и, коли достáтку не маé, то до-віку тихъ книжокъ не зустрíне, въ котóрихъ листокъ, чи два листки міжъ собою, або й сотня листківъ міжъ тисячею, про ёго рíдну стóрону оповідують. По собі знаю, зъ якою, бувало, жадóбою коло книжокъ истóричнихъ приписки перечеитуєшь, котóрими себе писáтель перель товариствомъ оправляе. Іноді булó й про самогó áвтора зъ ёго розумовáннямъ байдуже, а ёго приписки нові мисли въ голові засiвають. Такъ же, може, инший читáтель, заглянувши мимохідь у мій текстъ, нечитанимъ ёго покiне; маючи жъ свiй, некупований розумъ, по моiхъ випискахъ пiйде, и, чогó здобути бiльше нiгде,—залюбки тутъ повичитує. Багато бо есть такихъ книжокъ, до нашого діла потрібнихъ, котóрихъ нi за якi гроши не доскóчишь, котóрихъ иноді на всёму свiтi пять, або шiсть екземплярiвъ и есть по бiблiотекахъ далéкихъ. Щó жъ сказати про рукописнi жерела истóричнi? Тутъ ужé трéба притьмомъ свою повiсть широкими приписками позáдъ книжки доповнити. Такъ же воно й бiде въ мене, и, певно, нiхтó за те на мене не порéмствує.

Мiшу жъ тутъ iще словцé додати: що якi бъ нi були въ мене виписки, всi вони друкуватимуться тільки про людéй тамущихъ, котóримъ нiчого вже сь чужоi мови на нашу перекладувати, або старi, забuти слова новими приписками вясняти. Котóрi книжки бiдуть у мене пiд рукою въ перекладi, а оригiналiвъ не матиму, сь тихъ я бiду перекладною мовою виписувати; якъ же тільки можна бiде приточити виписку зъ оригiналу, то вже мiшу перекладъ геть одсунути. Трапляéтця бо часомъ такъ, що перекладчикъ не збагнiе, якъ воно тамъ именно сказано, и словомъ своiмъ противъ оригiналу схiбить (1).

(1) Два такихъ случáй недавно мiні, за моiмъ дiломъ, наперiнулося. Въ *Київськихъ Памятникахъ*, въ томi 1, трéтiй нумерацiї, на стр. 70, козаки, попованивъ Полякамъ у руки, одитують на роспрóси, по перекладу сь Польского, такъ: «...при первой потребности, какъ скоро наши гетманы были схвачены и войско было разбито...», а самi Поляки записали козацькi слова такъ: «...w pierwszey potrzebie, kiedy P. P. Hetmanow poymano, y woysko zbito...»

А випискі рѣбляця побачу въ такіхъ случаяхъ, що не то що, а й саму ходу рѣчи треба узяти до уваги.

Ще одно слово. Піднявшись *Історію України* написати, мѣшу я догодити землякамъ, котрі Україну своєю кохають и шанують. Що жъ, якъ не ту вою въ мене старовину побачать, котору звикли собі по книжкахъ вобразати? Звикли въ насъ на історію України кризь наше козацтво споглядати и кругъ козацтва все рідне дієписання обертати. Тимъ часомъ саме козацтво було тільки буйнимъ цвітомъ, а іноді й колючимъ бодякомъ середъ нашого дикого стѣну. Росло въ насъ дѣ-чого багато й опрїчъ козащини, и все те, що росло, цвіло, умірало и наново въ ишо-му виді родилося, все те історію нашої України становить. Тимъ-то усею силу мѣшу я зарівно вважати, котора тутъ зъ иными силами боролася, а пильнувати найбільшъ того, що въ давні часи для часівъ дальшихъ учинилося, та й до насъ попереходило. Не скрізь козащину треба намъ на давнину дивитися, а зъ давнини на ближчі до насъ віки, а въ нихъ и на козацтво споглядати. Давню історію України Татарщина намъ перебила. Після Татарщини нові порядки по Україні постали, и тільки пам'ять про князівъ та їхъ уєбици зосталася. Гуетимъ туманомъ покрилися ті віки дотатарські, и наука не багато вдіяла, той туманъ розганяючи. Тимъ-то перейдемо ми у двоухъ, у трѣхъ главахъ ті літописні споминки, та вже тоді своєю рїчъ на всю шириню пѣстимо, якъ до Литви й Ляхівъ доберемося.

Отсе жъ, поблагословившись, зачинаємо своє оповідання, товариству на вжитокъ, молодимъ до читання, старішимъ до розумного рахування. «Се начнемъ повѣсть сію.»

Наустилав би історикъ туману своєю випискою зъ переклади рѣчи; а зъ оригіналу всякий туманъ побачить, що тутъ іде діло не про якусь *потребу*, а про воєнну потребу підъ Кірсунемъ. — Другий случай: Святославівъ оселѣдець памятає всіає по Карамзинѣ (*Ист. Г. Р.* изд. 2-е, I, 192), а самъ Карамзинъ довідався про ёго чубату голову одъ Лева Дікона, котрій, мабуть, бачивъ Святослава на свої очі. Історію Лева Дікона переложивъ на Московську мову А. Поповъ и надрукувавъ року 1820. У тому перекладі про Святославоу чуприну написано такъ (стр. 97): «Голова у него была совсѣмъ голая, но только на *одной* ея сторонѣ висѣлъ локонъ волосъ, означающей знатность рода». Тимъ часомъ у п. Соловьева, въ *Исторіи Россіи* (т. I, стр. 159) читаємо: «Всѣ волосы на головѣ были у него выстрижены, кромѣ одного клока, висѣвшего по *объимъ* сторонамъ, что означало его знатное происхож-

ГЛАВА I.

Сь-поконь-віку Поляне громадськими вічами правувались. — Далину Козарьм платили. — Князьки-Русь Новгородську землю опанували. — Подніпріанцину під своєю рюку нахилили. — Князьки подібною и судівю даніною користувались, и сь Грєцькою землею торгували. — Вбіялись у силу, князьки громадське право почали зневажати. — Поділивши землю між своїмь родомь, усобицями її пустошили. — Тимь часомь увесь Руський мирь під пими до-күни збірався и самь з собою почавь обізнаватись. — Грєцька віра ще й більшъ тому допомогла и Подіиску людськість по всіхъ Руськихъ сторонахъ розпростєрла.

Яка була зь давніхъ часівъ доля нашого рідного краю, зазнаємо тільки за тисячу роківъ. Вь ту давнину, до котόрої не сягає наша писана память, мўсло перевернутись на Україні людей багато, а якъ вони звались, намь и того не переказано. Тільки прослідокъ їхъ по давніхъ кладовищахъ невіголосоихъ знаходимо, та божища їхъ камяні по степовихъ могилахъ стоять вімўючи. Мўсли жь ті невідомі намь народи жити вь нашому краї перехожими зь міста на місто скотарями. Пєвно, вони одиць одного проганїли, одиць у одного—хто дўжчий—одбивали пайкращі паші під свої табуни, гурти, отари: пєвно ще тоді землі вь нашому краї не орано. Якъ же степові подніпріанська обширь вбілає у хлїборобство, тоді вже, мабуть, одиць людь на сїй обшїрі загнїздився, и вже кочовники не подужали єго зь роскїпної ролі, оба-поли Дніпра, зігвати. Зовемо ми народь сей—звідкіля бь вінъ ні взявся—Українськимь, бо давно вже вінъ живе на узгранїччі двохъ великихъ народівъ, не мїшаючись ні зь однимь, ні зь другимь, ані свого обличчя, ані свого дўху не одміняючи. Назвався сей народь Русь, сь того часу, якъ почали надь нимь захожі зь Балтїцького побережжя князьки-Русь панувати. Якъ же ще пїякого князювання на подніпріанщині не заводилось, згали нашихъ предківъ сусїде Полянами, що вони вь поляхъ кохалися; а вони своїхъ близькихъ сусїдъ звалш—абб Деревляне, що жили по пущахъ, абб Сїверяне, що кь пївночі одь нихъ по Десні, по Сейму, по Сузі порозєєлювались¹. Далєкі жь сусїде вь Полїнїхъ були—кь пївночі: Дрегівичи—поза річкою Припеттю; Кривичи—у верхівьяхъ Дніпра; захожі Славяне безъ прїзвища—коло Ільмена озера; Радимичи—по ріцї Сожи; Вітичи—за

денїе». Кому жь тепєрь давати віру: чи Карамзину и Д. Попову, чи н. Соловєву? а оригінала де взяти, живучї підь Губийми абб коло Лохвицї, щобь дойти правди? Тимь-то наша віписка сь Грєцького оригіналу и стїне тутъ у пригоді чоловікові тумўшому.

річкою Окою; а въ полудню: Дуліби або Хорвати — по ріці Бѣгу; Угличі и Тиверці — по Дністрі.

Чи велика, чи мала була подніпрянська обширъ землі Полянської, чи густо, чи зрідка залюдніли її наші хліборобні прѣдки, доказати сего не докажемо. Знаємо тільки, що Поляне, та й їх сусіде, правились міжъ себе вічами, — сказать би самімъ віщаннямъ словеснимъ, — и старі люде на тихъ вічахъ замість писаного закону імъ ставали². Знаємо такожъ, що нападали на наші пахарські городи й села розбишачькі народове, которі, не вмівши зъ землі користи узяти, рабуваннямъ чужихъ осель живилися. Запевне, наші прѣдки одъ іншихъ добре годувалися, якъ же була не сіза, то одчїного платили, чи то, мовлявъ, данину давали. Найдужчий съ тихъ не-пахарськихъ народівъ були Козаре. Не здолівши супротивъ нихъ стояти, платили імъ наші стародавні прѣдки дань. Самі Козаре стояли своїми кочовищами у степахъ по-надъ Волгою и звідтіля ходили до насъ за данною.

Одного, мовлявъ, батька, та не однакові діти. Такъ мусило бути й міжъ нашими прѣдками Полянами, що не всі одинаково до ролі привикали, не всі одинаково своїй долі корились. Інші по пущахъ селами сидали и звіроловствомъ та пасіками кормилися, якъ отъ Деревляне, а другі, мабуть, по далєкихъ зємляхъ торгомъ ходили, поки собі користне місто коло Ильменя озера вгодбали и *повилизъ ігородилзъ*, замість Києва, чи, мбже, якого ще давнїшого города, сіли³. Дотєпні, мабуть, були й сміливі люде ті Новгородці, що на видноці, якъ и Поляне, на самому шляху водянѹмъ зъ Балтики въ Чорне море сіли и зо всіми хижаками, що зъ одного моря въ друге шведяли, вміли якось поводитись, а вкоренившись міжъ ліснимъ и звіроловнимъ людомъ, добре розжились и росторгувалися⁴.

Въ ті непокійні, гвалтовні часи по-надъ Балтицькимъ уберєжжямъ оружні хижаки кувєдрилися, которихъ нашъ літописецъ Нєсторъ зве по-Царіградській Варягами, и зъ людськихъ осель плату собі на зброю вимагали, або й до щєнту жакували и пліндували. Вони, ті оружні хижі люде, опанували якось и Новгородъ та, осївшиє поміжъ Новгородцями, усімъ краємъ навкруги орудували и данину съ Крївичівъ, Мєрі, Вєсі и іншихъ народівъ брали. Послї почали воєни, мабуть, дуже на людей налагати и за живє заколѹчувати, що Новгородці зъ сусідами узали собі дѹмку й волю єдину, усі разомъ на нихъ піднялися, изъ своїхъ городівъ и сілъ їхъ повигнали, перестали імъ данину давати и самі міжъ себе почали правуватися. Воєнъ жь

би й добре, та великі чвари між ними щось постали, тяжкі бої счинилися: не стало правди в них, мовляв літописець. Тоді знов якось між себе погодилися и инших уже збройних людей до себе призвали, якихся побережних князків з родомъ и дружиною, которі себе Рूसю звали. Рюрик якийся, Русинь, піднявся з братами порядокъ Новгородцямъ и їх сусідамъ давати и одъ инших хижаків їх боронити (року 862). Сі вже здобішники з Новгородцями побратались и вкүці з ними далеко свою власть на сусідні землі розпростерли.

Впорядкувавшись из князками дома, Новгородці й на своїх земляків Полянъ оглянулися, которі тоді Козарамъ данину платили. Якъ мають вони чужих людей користувати, то нехай лучче нашому князеві на зброю складують и одної з нами голови послухають. Така, певно, була в них думка, якъ вони съ княземъ своїмъ и ёго дружиною на вічі радували. И отсе вже, кликнувши на охотника по сусідніх землякахъ, по Чуді, Мєрі, Вєсі и Кривичахъ, настигали Новгородці до себе күпу людей велику. Переводікся з ними князь Олєгъ черезъ Волокъ, з річки Ловати на ДніпрѠ, и попливъ Дніпромъ унизъ, села й городи під одну силу підкляіючи, данину наклаіючи и охочихъ людей на воіну здобичъ закляіючи. Тоді ще мало було проїзду літомъ по цүщахъ. Скрізъ якъ півночі стояли нүщі величєнні; а болотні затони та озєра по всіхъ низинахъ извивалися: ⁶ то мўспла стародавня Русь байдаками плавати и торги свої и воіни водою одбувати (торги бо тоді зъ воіною поручъ одправувалися). Дорогу Дніпрову знали сі люде добре, бо здавна звикли одъ Балтики черезъ волокъ на ДніпрѠ спадати, Дніпромъ далеко внизъ гуляти и ажъ у Чорне море за торговою чи боєвою здобиччю вгаітись; тільки що невеликими күпами ходіли, то мўспли якимъ крѠмомъ зъ побережанами съ човнівъ своїхъ крамувати, абѠ знепѠцька села шѠпати, а данину зъ року в рікъ не змогли хижакі на селянъ наклаіувати. Де-які, спускаючись у море, до Царягорода дохожали и вь Грецького царя служити наймались; а потімъ зноу до своїхъ вертали и гайдаіцтвомъ хліба собі добували. Були жь, мабуть, коло боку вь Олєга всѠкі: и такі, що торгівати й шѠпати вміли, и такі, що вь Царіграді на службі побували. Де вінъ зъ ними повернувся, всюди взявъ гору. Уже ёму городъ Смоленське піддѠвся и ёго княжого мужа зъ дружиною, чи то бь намістника княжого, до себе на людський хлібъ прийнявъ. ПіддѠвся Олєгові й Любєчъ. И тамъ вінъ свого княжого мужа зъ залѠ-

гою посадивъ, щобъ уже ніхтѣ данини зъ Любечанъ не вимагавъ, щобъ уже данина на князя й на ёго дружину йшла. Тимъ часомъ Олѣгови потуги більшали. Незабаромъ вінъ и підъ Кієвъ підступивъ. Не спречалися Олѣгови Кієвці, за князя ёго до себе приймали, и на ору́жню й на судову данину згодитися мусили.

Осівъ Олѣгъ на горахъ у Кієві, не звелівъ більше Козарамъ дані платити, поставлявъ нові городи на узгравиччяхъ Кієвськихъ, понахиливъ підъ свою волю Деревлянъ, Сіверянъ и іншихъ полуденнихъ сусідъ Полянськихъ, и широко почавъ гетьманувати. Оцѣ жъ въ-осени й зимою іздивъ князь изъ дружиною на влові—добувати хутеръ; тутъ же полюючи ходивъ и на полюддя, чи то бъ то по людськихъ оселяхъ збирати княжу дань, подімає, чи якъ воно тоді въ насъ звалося ⁷. Тутъ уже сільска громада гуртомъ ёго підіймала, меді й пива ждучи ёго варила и всю ёго дружину вгонбляла ⁸. Тутъ ёму на судь свої справи, яко третєму судді, отдавали и судову данину складавали. Тутъ вінъ, вьюки навізуючи и вози наклáдуючи всякого добра, одсилавъ до свого княжого города, щобъ було ёму съ чо́го своєю дружиною зодягати, харчити и коло свого боку охотою вдержувати. Тутъ и дружина княжа и на вловахъ, и на збіранию княжої роківщини добре роскошувала, що мусили селяне зъ останнєго добра хижаків тихъ ору́жнихъ задовольняти и одъ себе въ другі села випровожати ⁹.

Такъ усею осєнь и зиму промишляли князьки—Русь, Олѣгъ и інші, що після ёго нашимъ краємъ ору́дували, и що въ нихъ було залішне, те въ городáхъ перепро́дували, скáрби збирали и тими скáрбами собі дружину приобіщували. По весні жъ човни споружали, мѣдомъ, воскомъ, хутрами, бранцями, котóрихъ бóемъ добували въ сусідь, нала́дували и до Чорного моря спускались. Було тоді Чорне море ще не Турецьке й не Татарське; то всі береги Кримські, Дніпрóві жерела и Білоберєжжя, чи, якъ нависелі ёго въ насъ звáно, Килимське поле, все те було ще добре залюднене и городáми Грецькими осáжене. Було де Варягамъ торгувати, було де й панадомъ шáрпати: у ті бо давні часи торгóві лю́де ходили ору́жно, и князі—Русь и зъ своїми дружинами не для чо́го, якъ для торгóвої при́белі по далєкихъ зємляхъ и моря́хъ швєндяли ¹⁰: що въ одній землі бóемъ здобували, те въ другій на добру одєжу, на дорогú збрóю, або на блистрі коні миняли. То була їхъ честь и слава; тимъ вони й славу своєю любили, що вона їмъ золотóю здавалась ¹¹.

Отъ же й Олѣгъ, підклонивши підъ себе Деревлянъ и іншихъ сусідь, разь-поразь спускався, зъ своєю дружиною та зъ охотникомъ, Дніпромъ у море, то шарпаючи Грецькі поберєжя, то мініючись изъ Греками своїмъ поліднимъ и здобичнімъ добромъ. Далі добравсь и до Царягорода, и почавъ ёго огнѣмъ и мечѣмъ навкруги влідрувати. Вжахнулися Греки и, знавши, чого ёму треба, поступили ёму данину, яку схоче. Гляньмо жъ, що вимагавъ и вимігъ Олѣгъ одъ Греківъ. Поступлено ёму по дванадцять гривень сріблѧ на човенъ ¹², та ще особно на тихъ людей оружнихъ, що остались на Україні стереті городі: Київъ, Чернігівъ, Переяславъ, Полоцьке, Ростовъ, Любечъ и інші. Далі — якъ прійде Русь торгувати въ Царіградъ, то ніякого жита Грекамъ не платитимуть, та ще Греки мусѧ харчувати їхъ зъ весни ажъ до зими, поки додому вернутя, та й на дорогу харчами, якорями, канатами, парусами и всякою потребизною—обміслити. А за се Олѣгъ убезпечивъ Греківъ, що, торгуючи, не буде Русь на села нападати и торговихъ людей Грецькихъ рабувати ¹³.

Оце жъ уже князьки-Русь одъ моря до моря водою й сухою лозь владали, бо, осівшись у Києві, державъ Олѣгъ Новгородъ и інші верхові землі за своєю сторожею и бравъ зъ нихъ на свої залоги оружі не малу данину, — изъ самого Новгорода триста гривень сріблѧ. Може бъ Новгородъ и ёго узграничане й не схотіли бъ уже Олѣга послухати, такъ осягъ же вінъ и позаймавъ Варязькими залогамы усі землі низові ажъ до Волги, то було де на охотника клікати, було чимъ и військо вдовольнити, — страшна була ёго сила. Та ще жъ тимъ вінъ, мабуть, верхові землі до себе притягувавъ, що вони хлібомъ зъ низовихъ земель заживлялися, що якъ-би не пустивъ торговихъ людей съ хлібомъ угору, то верховикамъ довелось би голодувати ¹⁴.

Оце жъ уже наставъ інший порятокъ на Україні, якъ почали князьки-Русь її оберегати, зъ неї собі данину брати и своєю, Руською землею її називати. То правили землею старші родовики, громадські мѧжи, сходячись изъ двохъ, изъ трѣхъ, изъ десяти сіль у одне місто на народне віче и не було більшъ ніякої власті на Україні, а теперъ уже коло князьківъ старшина оружна наставля, бойрами звалась, по городяхъ замість самого князя зъ дружиною сидѧ, а дружина, яко народъ оружний и одягний, тежъ одъ селянъ одрізнялася, до робіти не бралась, а все тільки воєною здобиччю та поліднимъ живилася ¹⁵. Ні податку, ні одбутку ніякого, опрічь служби

підъ княжою рукою, дружинники не знали. Тимъ—то въ дружину щонайкращі люде вписувались, и піби якийся особний парідъ середъ люду Українського зъ нихъ учинився. Спершу коло князя найбільшъ ті затыяці купились, що зъ нимъ издалека вийшли и вкуні великі землі даніною своєю обложили. Якъ же, після Олега, інші князькі, одинъ за однимъ, настали, тоді вже чужоземці попереводились, а самі тубольці Українці городи княжі оберегали, но походахъ зъ княземъ ходили, изъ сілъ полюдне брали и здобиччю по городяхъ торгували ¹⁶. А якъ у князя, підъ яку несподівану пригоду, війська омаь бувало, тоді вінъ охочихъ молодцівъ до себе клікавъ, або й кочовниківъ изъ дікого степу наймавъ. Кочували тоді поузь Україну, на безлюднихъ степяхъ, Печеніги ¹⁷, Половці, Тюрки, Берендіи, що городівъ и сілъ не осажували, а такъ, ордою, съ поля на поле перелігали, сусідні землі шарпали и до різанини на всякий покликъ зліталися. Отъ же й було въ князьківъ три війська: одне—дружина, сказати бь товариство, що близько коло боку въ князя держалось, друге—охоче військо зъ селянъ и городянъ, що то на здобичъ квапились, або свою землю боронячи, підъ княжу руку купились, або жь силомиць у військо виганялись; трете—чужоземне, затажне війско, орда степовая. Все жь те важко лежало на плечахъ у простого, неоружного люду: всю ту силу треба було селянамъ и простимъ городянамъ прохарчити, одежею обміслити и своєюлю іхъ, яко люду оружного, перехожого и голодного, витерпіти. Тимъ—то, славлячи Олега князя, що вінъ поставлявъ нові городи и своїми мужами іхъ повбезпечувавъ, що вінъ и верхові и низові народи підъ одну власть зібравъ и гуртовою войною на Греківъ поміжъ себе потоварищивъ, не треба намъ ёго гетьманування на подіпрянщині якимъся золотимъ вікомъ уважати. Коли бувъ золотий вікъ у нашій Україні, то ще до Олега, ще за тихъ давінезнихъ часівъ, которихъ наша письменна память не зазнає: не одъ Олега бо, не одъ ёго княжого суду въ городяхъ и на полюдді въ селахъ пішло наше вічове сільске право, що зъ роду въ рідъ черезъ невопійні часи князькихъ усобиць, черезъ понурі часи Татарщини переходило та вже тоді почало въ вічистихъ книгахъ записуватись— а черезъ те й намъ обявилось— якъ державці скрізь по Україні ёго зневажали ¹⁸. Півно князі, Русь пришли въ нашъ край на готове; півно, вміли й безъ нихъ Поліне воювати, коли допомогли їмъ усі землі навкруги себе підъ Киевського князя підклонити ¹⁹. Мабуть же й людськіеть у нихъ зъ давніхъ да-

вѣнь завелася, що, договóрюючись изъ Греками, зовсімъ не варварську рідну вони написали. Не Олєгівъ бо то бувъ розумъ и не дружини ёго, що зросла на хижацтві и въ хижацтві всю свою честь и славу стáвила: въ тій Олєговій рідні вважаємо ми розумъ народу покладливого, раховитого, що давно зъ сусідями знаєтця и право людське по-людській шанїє ²⁰.

Вже жъ, якъ би воно тамъ ні було, а съ того часу, якъ прийняли Киїне до себе Олєга зъ ёго родомъ за князя, починаєтця впрямийша для насъ пародія жизни по Україні. Більші одъ давніхъ потуги почали підъ княжою рукою купитись; більше почали низові землі подіпріанські зъ верховими и зъ заверховінними обізнаватися; більшу здобичъ почали наші по чужихъ земляхъ здобувати и більше світу по далєкихъ країнахъ убачати; а тимъ часомъ твердійша стала наша земля супротивъ хижаківъ городами, и всякому Українцеві — Полянину отчизна ёго поширшала: маючи бо одного князя зъ Кривичами, зъ Деревліанами и іншими своїми узграшчанами, и хódючи, за ёго приводомъ, по чужихъ земляхъ, земляками своїми почали Поляне своїхъ сусідъ уважати.

Не дешево жъ наші прѣдки за все те приплатились, бо незабаромъ почали князі-приймакі одъ Грецькихъ царівъ царювати вчитись и по Україні чужі порядки заводити. Думка—то була така въ верховихъ нашихъ Славянъ, якъ завелись у нихъ домові чвари, що свій дїка землякові дїці не підклонитця и свої своїхъ не такъ—то будуть право судити, памятаючи прѣжні усобиці й обиди або рідъ за рідъ руку тягнучи, а вже князь-чужоземець одъ усякого дужчий и всякому чужий, то ёго третєму суду всяке підклонитця; сидючи жъ на громадському хлїбові и маючи собі судню данину рівно одъ усякого, нічого б́уде ёму вичовий судъ перехиблювати. Владатиме жъ вінъ тільки своїмъ княженецькимъ скарбомъ, що на ёго силу збрійну ёму поступлять, а землєю не владатиме, то й ні для чого ёму б́уде на суді правдою коверзувати ²¹.

До якòгось часу воно такъ и держалось, що князь изъ дружиною, зъ боярами й дворянами своїми бувъ самъ по собі, а миръ пзъ своїми господарствами, промислами й торгáми—самъ по собі; а послї князі, маючи по два, по три сини, почали імъ діленийці роздавати, а ті зновъ своїмъ синамъ одъ своїхъ державъ городі удїляти. То бувъ одинъ князь на всю землєю (котóру вже скрізь прозвано землєю Руською), и одна въ ёго була дружина, и одного князя слухали воеводи, чи княжі мужи, що

по городáхъ замість ёго спідли, городі оберегáли и данину на ёго зóирали, ато вже въ того свої, а въ того свої дружина, и воеводи свої, и свої порядки. Хочъ же й наказували їмъ батькі, діленіці уділяючи, щобъ вони старшого, великого князя—чи то б́уде братъ, чи дядько—якъ отці сл́ухали, а про—т́е незабаромъ завелись князі поміжъ собою битиємъ, братні діленіці собі привлашувати, гóродъ на гóродъ, околицю на околицю підіймати; а городяне й селяне, люблячи одного князя, а другого не люблячи, княжу дружину охóтникомъ запомагáли и кривáві бої звóдили, а та усобиця їхъ же з́емлі пустóшила, трудящихъ людей по Україні в́овляла и замо́жнихъ до в́ождества доводила. И вже тоді мусили князі що—найбóльшъ ору́жного лю́ду коло бóку держáти, щобъ зав́ятому рóдичові не підáтися; в́есь же той лю́дъ съ княжихъ околиць харчу́вався. Поки ж́ знахóдився охóтникъ, зазивавъ ёго князь до себе на воєнну з́добичь; поки бу́ли въ ёго скáрби, скáрбами до себе людей одъ ролі, одъ рибáльства й зв́роловства примáшувавъ; якъ же ні такъ, ні сякъ н́ицга б́уло обернутися, тоді людей с́илою до воєнного одб́утку гнали ²², а ще ѓрша напáсть — х́ижу орду з́ степівъ на шарпаніну й полоніну затя́гували ²³. Лучáлось не разъ, що, поб́ивши князя з́ ёго дружиною, нелю́бній лю́дямъ кн́язів братню діленіцю рабу́вавъ, якъ чужу з́емлю, а потімъ надъ нею не я́ко треті́й суддя и заст́упникъ ору́жний князю́вавъ, а я́ко самовла́дній панъ на своєму д́изному панстві, и вже тоді в́ичово́ї раді певно не такъ—то сл́ухавъ и прáвду кривлюю поча́сту перева́жувавъ. Тутъ уж́е мусили лю́де княз́камъ во́лі ажъ на́дто попускáти, а княз́кі помáлу—мáлу себе за верхові́хъ в́ладікъ зв́икли в́важати, и не то самі старода́вні зв́ичáї переступали, та й свої́хъ підру́чнихъ до того прив́ичáли.

Не трéба ж́ тутъ забувати, що до селя́н д́изнихъ, старода́вніхъ, за князів прилучились селя́не нові, съ полоня́нч, чи воєннихъ бранці́в княз́кихъ и боярськихъ ²⁴; на во́йну бо князі ходили до сусі́д не за одні́мъ зóлотомъ та с́двabами, не за гáбáми т́ільки та жемчугáми и бисера́ми: найќраща з́добичь бу́ли въ їхъ бранці́, котóрихъ а́бо въ бою батувáли, а́бо по осéляхъ захо́пивши брали. Тихъ бранці́в и брано́къ до послóуги собі держáли, а́бо на ролі осáжували, а хто не дбавъ про з́емлю, ті своїми бранцями такъ якъ хутра́ми, мéдомъ и вóскомъ торгу́вали, и не то дома, та и въ Царьгóродъ їхъ на—прóдажъ в́ивозили ²⁵. Оце́ ж́ и завелись на Україні с́ела княжі й боярські спáдкові, котóрі вже ба́гатши князі й боя́ре у убо́жшихъ

скупували ²⁶, а під тими селами й землі вже стала княжа, або боярська, и въ ті села не то князі, та й їх бояре людей ізъ вольнихъ сілъ переводили силою, або хитрощами переманювали ²⁷; и въ тихъ ужé сѣлахъ була імъ воля що-хотя робити ²⁸; а звикши безъ уїни на своїхъ волостяхъ поводитись, квашились князі и бояре, запевне, по своїй уподобі й городянами и вольними селянами орудувати ²⁹. Чернець—літописець нічого намъ про те не переказавъ: до єго въ скитъ не доходивъ жаль людей убогихъ, неоружнихъ. Князі зъ боярами ченцямъ монастирі будували и спершу самі тільки съ підручними до нихъ на молитву й на пораду ходили; селине жъ прості, не покидавши довго віри своєї Славянської, понівъ и ченцівъ жахалися и, въ дорозі зүздривши, манівцями обходили, або назадъ верталися ³⁰. Віра бо Грецька знеацька міжъ нашихъ Славянъ упроважена. Стародавні Поляне, предки наші, прийшли на Україну безъ болвохвальства, — се вже князі по городахъ кумири позаводили, самі імъ кланялись изъ дружиною и, запевне, тубольцівъ кланялись неволили. Поляне жъ съ-поконь—віку славили въ игрищахъ и пісняхъ своїхъ сонце, огонь, воду, землю—и въ тому була віра їхъ ³¹. Якъ же зложився вже на Україні, за княжмъ приводомъ, станъ вищий по городахъ княжецькихъ, то, обертаячись почасту зъ Греками, почавъ и звчай Грецькі, яко народу славетного, великого, багатого, переймати, а далі й віру Грецьку гуртомъ заможніші Кіаіне надумались прийняти ³². Пиха була не мала въ князівъ Киевськихъ: били вони добре Греківъ и іншихъ народівъ одъ Карпатъ до Кавказу и вже себе славними на весь світъ уважали; то не до вподоби імъ було хреста собі въ Греківъ випрошувати. Войною Русь на Грецьку землю наступила, грізно почала царівну Грецьку за свого князя сватати, и мовъ би тимъ тільки згодилася хрестъ на себе прийняти, аби царівну—християнку въ свою землю висватати. Найбільша річъ тутъ були торгї зъ Греками: ставши бо самі християнами, більший собі доступъ у Грецькі городі Русь відкрила, а потоваришивши зъ Греками, и надто почавъ Київъ и інші городи багатіти.

Такъ наша Україна изъ стародавнього свого порядку въ инший порядокъ увіходила и одні свої вигоди на другі мінjala. До приходу Рюрикового княжого роду, вмiла вона якось одъ околннихъ хвжаківъ боронитись и въ своїхъ розлогихъ поляхъ доволі кохатися, а про-тє за князками и їхъ оружнимъ людомъ більший знайшла собі захистъ. Хочъ же й приімали бідү городі й сѣла одъ княжихъ дружинъ и усю—

биць, та вся Рӯська земля у одну силу спаялася. Ще жъ и надто: черезъ те саме, що князі одинъ на одного воіною ходили, їх діленніці поміжъ себе лучче обізнавались и торги почали міжъ себе частійше мати, и людськості одні въ однихъ набіратись. Такъ же само й до Грєцької віри, що княжа дружина съ княземъ поприймали, та й по всій землі Рӯський примусомъ роспростєрли. Не малого кóлоту ся новина по всіхъ сєлахъ и городахъ начинила; бо волхвѣмъ невіголосимъ тяжко було своєї слави поміжъ міромъ збутися и свої прибутки новимъ попамъ уступити. Вони народъ бунтували; по гаяхъ одъ пошівъ криючись, розбоями живились; якъ же княжа дружина розбóї вгамувала, вони по лїсахъ и болотахъ служби свої невіголосі правили, старосвітські пісні, игрища таємнічі зъ рóду въ рідъ переказували, и довго міжъ селянъ, потай християнъ, пробували, ажъ поки церкви по всій землі Рӯській загустилися и поші людей страшнимъ судомъ одъ нихъ оджахну́ли, або сілою голдувати собі змєсли. Тоді вони знахуря́ми й знахурка́ми по сєлахъ одригну́лися, а стародавня віра Славяньська по сей часъ у пісняхъ, сватковихъ игрищахъ, звичаяхъ и забубонахъ поміжъ селянами осталаєа. Такъ Грєцька віра Славяньську віру изъ зелєнихъ гаївъ, изъ лєвѣдъ, степівъ и пашень виругувала, гаймъ и водамъ мовчати про предковичнихъ богівъ веліла и въ сумовиті перкви селянъ позбірала. Поважчало тоді на народъ, бо князі, опрїчъ свого сѹду княжого, сѹдъ церковний усталили и за всяку виню противъ Грєцького Помокано́ну плату владикамъ и їх підручникамъ назначили ³³. Чи хто зъ дівчя́мъ близько зійшовся, чи дівчина необачно съ кимъ полюбїлася, чи хто прогнавъ одъ себе жінку, чи хто що вкравъ у ко́го, чи хто підналивъ ко́го, чи хто ко́го поганю налаявъ,—за все, про все мєсли городя́не и селя́не не меншъ трєхъ гривень срібла владикамъ платити, а три гривні тоді трєхъ волівъ коштували. И вже въ церковному сѹді вичові звичаї тєть уступали; правди тутъ голосами мирьськими не дошѹкувались, бо въ Грєцькій землі давнó те повиводилось. Оцє жъ Грєцькі порядки черезъ Помокано́нъ почали по нашому Славяньському мирові ширитись и нашу Славяньську жизнь на чужий ладъ перестроювати. Владики по городахъ и волостяхъ мовъ би нові удільні князі постали, бо въ їхъ були й свої люде підначальні, котóрихъ князі не судили ³⁴, и волостелі, котóрі тако жъ, якъ и княжі волостелі, всяку виню поміжъ міромъ випѹкували, розбїрали и сѹдний окушъ на владика брали. Владики по городахъ ва́гу й мїру уставляли; владики десятицу съ княжого сѹду, одъ

торгівого мита, одъ данини и одъ віри чи пені, и одъ усякого прибутку княжого на свої потребиши одбірали. Вже жъ догадатись, и въ літописця не питаючи, можна, чи владичні волостелі дошукувались проміж міромъ, хто яку вину противъ їхъ Помоканоу вдівавъ, коли ї за те йшла на владіку плата, якъ хто по-жіночій одинъ зъ однимъ бітися зачне ³⁵.

Тимъ часомъ почало ї добро єь тої новини виникати. При церквахъ, при княжихъ дворяхъ и монастиряхъ почалі книжки заводитись и що зазнає Біблія одъ початку світу, и що переказано Грекамъ, черезъ писання, одъ стародавніхъ часівъ, все те почало до насъ по троху переходити и людський розумъ розширяти. Опрічъ Біблії, котора дала початокъ освіту не одному вже народові, и въ самому Помоканоні, которий Кормчою, чи то бъ то правною книгою названо, багато де-чого про инші землі и народи повнісувано. Все жъ те читалось, що дальше, то все густійшъ по землі Руській, а хто читавъ, той неписьменнимъ розказувавъ, и такъ освіту помалу міжъ людьми ширився, и наша Україна почала по троху дознаватись, якъ стоить світъ и якъ жили и живуть по світу всякі народи. Ще жъ се не все. Нові Христіяне, упевнившись, що на тимъ світі не буде вже ні печали, ні воздыхання, а вічна радість у раю въ Бoga, покидали по часту свої сѣмьи и достатки, и ходили въ Грецію, щобъ іще більшъ по далєкихъ церквахъ и монастиряхъ нової віри навчитись и про дорогу въ рай поміжъ людьми спасєніями роснитатись. Паломниками такі люде звалися, и сі паломники, вертаючись до домівокъ, розносили въ народі ніби живу словєсну науку про далєкі землі и закони и звичаї. Огъ же, чого торгіві люде не перенесли одъ Греківъ у Русь, торгівуючи найбільшъ по городяхъ и мало проживаючи въ сєлахъ, те паломники по сєлахъ міжъ охочими слухачами розпростирали и зємлю слухомъ про иншу, просвіщену жизнь исповіяли.

Ще за князя Владімера по значнихъ городяхъ владіки поставили въ Києві, Новгороді, Ростові, Чернігові, Білгороді, Владімері на Волині. Ті владіки, для свого жъ прибутку, церкви де змогли будували, а при церквахъ школи заводили, щобъ письменство міжъ людьми розпростєрти и на пошество письменнихъ собі заготовити. То була ще одна користь одъ віри Грецької, котора зъ собою багато и Византіянщини поміжъ насъ упровадила. Владіки бо першимъ князямъ найповажнїйшими порадниками сталися, а у всякому ділі вони за взірє Византію собі мали, тимъ и князямъ по-Византійській раjali и Визан-

тійський духъ їхъ книжкимъ порядкамъ надавали. А про-тє їхъ церковні судї, котóрими вони сѣмї въ домовихъ справахъ и случаяхъ судїли, по всій Руській землі роспростирали спокволи людські звичаї, що тільки въ Полянь сь—поконь—віку бували. Тільки бо Полянь и, запєвнє, Новгородівъ не довелось їмъ наставляти, що не трєба жінокъ собі крадькомá ханати, не трєба по дві, по три жінки разомъ держати, що зъ жєнськимъ поломъ трєба звичайно повóдитись и рáди мáтери, сєстеръ и родичокъ одъ усякого гнилого слóва вдрержуватись. Оцє жъ, змусивши всякого силою, коли не слóвомъ, кинути старє вáрварство, Грецька вѣра, що церковнимъ судомъ и словєсною наукою, а що й книжками церковними, надала бїльше Руському мїрові людськості и всїхъ тихъ Крївичівъ, Радимичівъ и їншу півночно звїроловню дїчу до Полянь, скїльки змогла, приподобила, а тимъ часомъ Бїблїю и письменство по всій землі, хочъ и не хутко, роспротєрла, и такъ Руський миръ одъ конця до конця однимъ розумованямъ, якє бъ воно вже нї було, звязала.

Після сєго всєго, що ми сказали, подніпрїнська старосвіщина, тї давнї, глухі часи, якъ їщє одно одного Поляїномъ, Крївичемъ, Радимичемъ, Деревлянцемъ, абó Дулібомъ чи Тивєрцемъ звáло, такъ у нашому умі визначаютьца. Далєко одъ старєнезної Греції, що вже давнó здорову сїгу втеряла, далєко й одъ захїднєї Европи, що сáме почала въ сїлу вóиватись, лежали країни безъ границъ, страшєнними пущами повкрївані, великими, широкими рїчками, озєрами, недоступними болотами поперегїнані, пóвні звїря и птиці всякої, пóвні дїкої бжолї, що по дуплахъ вїковїчнихъ дубівъ и сосєнъ самá собї роїлася. Гуртáми круторогї тóри по їй буйють; табунами дїкі конї по її степáхъ, по вóльнихъ травахъ посятця; лóсі, оленї, сєрни, сугакї одъ вовківъ по тємнихъ цєтрахъ шарáхають. Дїко, понóро по тихъ країнахъ; людський гóлосъ рїдко де чути. Скрїзь ячїть лебедї та гуси на тихихъ водахъ; скрїзь гомонїть лїсовє птаство та шумлять, якъ те мóре, високовєрхі, зъ віку нерубанї пущї. Тільки понадъ Днїпромъ людські осєлі позаймали узгїрья й долини та понадъ Припеттю, Окóю и їншими рїчками тóлятця по болотянихъ заросляхъ сєла, ховáючись одъ лихихъ сусїдъ и по всякъ часъ сподівáючись нападу. Лїтомъ немáє проїзду впоперекъ України за водянїстими низинами; зїмою тільки звїролови та чужозємнї торгóвї гóсті прокладують дорогї черезъ болотá, черезъ озєра, скуповуючи шкóри й воски на вївозъ у Нїмєцькї и Грецькї зємлі. Упóдовжъ України

йде велика водяна дорога съ півночі на полудень. Оружний людъ простує хижими кўнами зъ Варязького побережжя въ багату Грецію шукати кращої долі. Обізнавшись изъ нимъ, почали наші Славяне тихъ прочанъ до себе оборонцями й сўддами приймати. За їхъ приводомъ, Новгородці підклонили підъ одну власть своїхъ сусідъ півночнихъ, а Поляне—своїхъ сусідъ полуденнихъ. Тимъ способомъ всяка земля, чи близька, чи далека одъ Полянъ подіпріанськихъ, почала зъ ними обізнаватися и людськості звіделі набіратися. Съ Києва князи на полїддя ходили и всю зиму зъ дружиною по сєлахъ переходомъ гуляли. Съ Києва вони у свої діленці прибували и зъ собою готову дружину привозили. Съ Києва жъ почали навпослі й владикъ по городяхъ ставити и весь причтъ імъ изъ людей Київськихъ давати. Потімъ у Києві монастирь Печерський проявився и школою чернецтва на всю Руську зємлю стався. Оце жъ съ того року, якъ Київне піддалися Олєгові, почали Поляне на всі сторони всіма способами своєю людськість роспростирати, а далі (якъ побачимо нижче) и степовихъ ділнихъ хижаківъ, що по давніхъ узгрянниччяхъ поза Сулою, поза Стўгнуою кочували, и тихъ почали Поляне огівтувати, на узгрянниччахъ городами осажувати и въ своїхъ людей претворяти. Такъ Україна и волюю й неволєю зъ нерухомости вийшла, на всі сторони свіжими силами кинулася и зъ роскиданнхъ по безкраїй обширі народівъ одну Русь учинила. Не дешево жъ їй сей великий подвигъ обійшовся: набралась вона всякого лиха одъ самихъ тихъ козарлюгъ, що по всєму світу їй вєлавили и одъ сторонніхъ хижаківъ оборонили. Хоть же вони, воюючи и порядкуючи, тільки за здобиччю ганялись и хижачьку пиху вдовольняли, а про людське добро мало дбали, та все жъ, за їхъ приводомъ, наша Україна духъ свій народній у бояхъ и пригодахъ загартувала, та й дальшимъ, уже не княжымъ, а козацькимъ вікамъ той самий гартъ передала. Тимъ—то й годїтца намъ у своєю петорію їхъ подвиги криваві повнєсувати и їхъ дікі, боєві образи передъ потомками вповажнити.

ПРИПИСКИ ДО ПЕРВОЇ ГЛАВИ.

1) Не самі себе, мабуть, прозвали сі люди Полянами, Деревлянами, Сіверянами: до сєго бо часу наші Чернігівці звать Полтавцівъ Полєвиками и Степовиками, а ті звать Київцівъ, що живуть вісєче Києва, Поліщукіями, такъ само, якъ задесєнськихъ Сіверянь—Литви-

намі; самі жъ Полтавці п верхові Київці не говорять про себе: «Ми—Полівники, ми—Степовики, ми—Поліщукі», все одио, якъ и за-Десенці не скажуть про себе: «Ми—Литвини». Певне, вони звались поміжъ себе тільки Славянами, розуміючи *слово* одио дрругого.

2) П. Соловьевъ, розбiраючи літописця Нестора, докладно вивівъ, що въ XI віку мусивъ Несторъ позаписувати споминки про IX-й и давнiйшi вiкi, розумiючи дiло по своєму часовi,—тимъ винъ и князiвъ натворiвъ Полянъ ще до Аскольда и Дiра. (*Истор. Росс. III. 123*). Справдi нічого й споминати про Київ, Щєка и Хорiва, которi нiби—то княжили въ Полянъ. Чужоземнi писателi, якъ отъ Проконiй, запевняють, що Славяне правувалися спiршу безъ князiвъ, радами; та й самъ Несторъ пише, що до Киiя (про которого не прiсто оповiдає, а приписує: *якоже казують*) Поляне «живяху кождо съ родомъ своимъ и на своихъ мѣстехъ, владѣюще кождо родомъ своимъ», и въ літописцi Переяслава Суздальскаго записано: «а Деревляне собѣ, а Дригвичи собѣ жить (начаша), а Словене собѣ Поггородци, а Полочане такожъ безъ князей».

3) Несторъ хвалить найбільшъ Полянъ, бо й справдi пахарство ладнiе міжъ собiю людѣй найкрасче и звичаї имъ надає найкрасчi: «Поляне бо своихъ отецъ обычай имуть кротокъ и тихъ, и стыдѣние къ спохамъ своимъ и къ сестрамъ, къ матеремъ и къ родителемъ своимъ, къ свекровемъ и къ деверемъ велико стыдѣние имѣяху; брачныи обычаи имяху: не хожаше зять по невѣсту, по приводаху вечеръ, а завѣтра приношаху по ней, что вдадуче». (*П. С. Русск. Лѣт. I, 6*). А Деревлянъ Несторъ гудить, що вони «живяху звѣршьекимъ образомъ, живуще скотськи: убиваху другъ друга, ядаху вся нечисто, и брака у нихъ не бываше, по умыкиваху у воды дѣвица (!). И Ра-

(!) П. Соловьевъ, въ своей *Истории России*, говорить, що Несторъ мусивъ бiти самъ Поляншомъ, тимъ и хвалить Полянъ, бо отъ же, каже, и въ XVII вiку въ Полянъ ханѣли собi жiнокъ, такъ якъ, по Нестору, було тільки въ Деревлянъ, Сiверянъ и ишихъ Славянъ, та й здався на Болланъ. Школа, що п. Соловьевъ не завѣявивъ, яку исеитищю розказує Болланъ на томъ жъ самому листку, де й про ханѣння жiнокъ говорить: безъ соромѣ перзѣ, що нiби—то наші дiвчата—Українки самi ходили свѣтати за себе лiбого паробка. Якъ же такiмъ оповiдачу давѣти вiру, та ще й Нестора нимъ вѣяснити? Самъ Болланъ постерѣгъ, що дiже вже перехибивъ, та й каже: Pour moy, en dix sept ans que j'ay esté en se pays, je n'ay point ouy parler que cela у soi arriue,—шобъ ухонивъ собi сiлю южину, а историку байдуже! Байдуже ёму й на те, що, по Боллану, паробки не тільки свою рiвно такъ ханѣли, та хочъ би й паньску дитину. Абi вхонивъ та переховавъ зъ нѣю сѣтки, то вже, каже, й оддають за ёго. (*Description d'Ukraine, etc., par le Sieur de Beauplan, a Ruen, MDCLX, p. 64.*) Той же самий Болланъ у тiй же книзцi пише, що панi змущались и гордували дiже пiдданими. Якъ же дочокъ своїхъ ханунамъ оддавали? Убогi, задѣвленi людѣ ханѣють собi дочокъ у панiвъ, и панi послѣ не спречѣютя. Се якъ разъ годитя въ учѣну цитату до Нестора!... Ils sont contraints, пише Болланъ, de donner à leurs mestres ce qu'il leurs plaist demander, de sorte que ce n'est pa merueil si ces miserables n'amassent iamais rien, assuictis qu'ils sont à des conditions si dures:

димичи и Вятичи, и Сѣверь одинъ (такій же) обичай иміаху». (Тамъ же). Отó жь певно все бувъ народъ звіроловний, а не пахарьскій (¹). Що Сіверіне и Радимичи не сховались у пущахъ одъ хижаківъ Козарь, то се тимъ, що вони жили по сей бикъ Дніпрá; Деревляне жь мали собі захистъ: одно—Дніпрó, друге—Полянь, а трете—великі пущі и болотá; то жили народомъ дикимъ и вольнимъ, и самому Олégови не зъ разу піддалися, а послі на Игоря поветали. Мабуть, невóля їх змусила до такого звичаю, щобъ жінокъ собі силою хапати, бо Поляне, живучі на ролі, не давали своїхъ дівчатъ (якъ—то домелѣтися можна) волоцюгамъ, що одъ нихъ по гайхъ поросходились, не хотівши, мабуть, укúпи на ворогівъ бити, абó данину хижакамъ давати. Послі вже, якъ обжились у пущахъ, то й самі въ себе, старимъ звичаемъ, дівчатъ хапали. Історія іншихъ народівъ, що зъ розбишакъ постали, догадку сю підпірає. Новгородці жь, видно, не съ такихъ волоцюгъ зложились, бо про нихъ Несторъ не споминувъ, говорючи, що й Радимичи, и Вятичи и Сіверь одні звичай мають, та и вся їх історія свідчить, що вони більш до Полянъ, аніж до якіхъ Вятчівъ, чи Радимичівъ приподоблялися. Се, мабуть, були добрі молодці, котóрі човнами по широкому Дніпру гуляли, всі ёго притоки зїздили та й до славного озера Ильменя перескóчили, и Новгородъ собі, на взіръ старóго надніпринського гóрода, надъ річкою Вóлхвою збудували. Хочъ же й змусили їх замóрьські хижакі дань собі давати, та глїньмо, якого дýху се були люде: «Изгнаша Варяги за море, и не дана имъ дани, и почаша сами въ собѣ володѣти». (И. С. Русск. Лѣт. I. 8.) Тільки жь, що навпóслі, мабуть, багатші на убóжшихъ насіли, абó одна сторона дрóгу обижала, чи городіне селянъ утискали, абó Новгородці Мѣрю, Вєсь, Чудь почали підъ себе підгортати, а ті, мабуть, не давались,—тимъ и написавъ Несторъ: «и не бѣ правды въ нихъ». Тоді—то, мабуть, знемігнись у чварахъ та бояхъ, якось поміркувались усі—старшу гóлову, князя, изза моря собі визвати. А що *новій гóродъ* надъ Вóлхвою (²) бувъ сїномъ старóго гóрода надъ Дніпрóмъ, видно по мові й звичаяхъ Новгородськихъ (дарма, що Іванъ III Москóвський десяткн тисячъ сѣмей у

Mais c'est encore peu de chose, car leurs Seigneurs ont puissance absolue, non seulement sur leurs biens: mais aussi sur leurs vies (а дочокъ не одиміають!), tant est grande la liberté de la noblesse Polonoise (qui vivent comme en un Paradis, et les Paysans comme s'ils estoient en un Purgatoire). (Тамъ же, р. 8).

(¹) Збиває сю догадку одно словце у п. Соловьева, що Радимичи платили данину Козарамъ, а пóтімъ и Олégови по два шѣляги одъ рала (Ист. Рос. I, 110). Тільки Несторъ про рало не говорить, а пише такъ: «и вѣдана Олégови по шѣлягу, якоже и Козаромъ дайху». (И. С. Русск. Лѣт. I, 10). Що разъ написавъ Несторъ про сю данину: «Козары имаху на Полянѣхъ, и на Сѣверѣхъ, и на Вятчѣхъ, имаху по бѣгъ и вѣверидъ отъ дыма». (Стр. 8). А все—такі про рало нема въ ёго рѣчи.

(²) Самі Новгородці говорили сл Вóлховъ, а не сѣй Вóлховъ: «Волховъ наша съ молоду не молола, а чи на старость учнетъ молотъ?» (И. С. Русск. Лѣт. IV, 297).

глибоку Москівщину виселивъ, а Москалівъ сюди наонаславъ, а Іванъ IV Грозный ще більше Повгородцівъ, старихъ и новихъ, вигубивъ); та й по тону самого літописця нашого те жъ саме завважити можна. Ось бо погляньмо. Піднявши зъ собою людей охочихъ до здобичи зъ своїхъ підручнихъ сусідъ: Чуди, Мери, Веси, Кривичей, Олэгъ прийшовъ до Києва и заявивъ, що Повгородський князь має до ёго право: »и рече Олегъ Асколду и Дирови: вы нѣста князя, ни рода княжа, но азъ есмь роду княжа, вынесоша Игоря, и се есть сынъ Рюриковъ. И убиша Асколда и Дира«. (Тамъ же, 10). Київъ прийвъ до себе Олєга Новгородського безъ бою. А нависелі Новгородъ просьте собі за князя, для порядку, кого-небудь изъ молодихъ княжатъ у отця ихъ, Киевського князя Святослава. Владимиръ князь изъ Повгородцями вируговуе съ Києва Ярополка; Ярославъ—Святополка; и завсегда—чий Київъ, до того тягне й Новгородъ, и не одриваетця вінъ одъ Києва ажъ до Татаръ. Та й Несторъ, гово́рючи, якъ прозивались сусіде Новгородські, про самихъ Новгородцівъ пише, що въ нихъ не було ніякого такого імення, якъ отъ: Вєсь, Чудь, Мєря, Кривичи, а звались вони по-старому Славянами. »Словѣни же съдоша около езера Илмеря, прозвашася своимъ именемъ, и съдѣлаша градъ, и нарекоша и Повгородъ«. (Тамъ же. 3). Вбачаємо въ тому ознаку, що Новгородці прийшли на Ильмень, якъ ужé тамъ були інші народи, бо каже літописецъ *прозвашася*. Не самі вони себе прозивали, а сусіде. Чогó жъ вони звали їхъ Славянами, б́вши й самі (якъ домисляютьця) тежъ Славянами? Отó, мабуть, сї Славяне позаходили здавна и осіли поміжъ народівъ не-Славянськихъ и зъ ними вже певно помішалися; якъ же прийшли чисті подніпрійці, то якъ инше було їхъ прозивати? Подніпріянами не до-ладу́, бо Дніпро бувъ далеко; Полянами тежъ не впадало, бо вони поля покинули; а народъ вони були чистий, архи-Славянський,—отъ и »прозвашася своимъ именемъ«. А що не прозвано їхъ по ріці або по озеру, то се—домисляємось—тимъ, що вони мусили прийти торговими гостями міжъ давніхъ тубольцівъ, а якъ були люде порядку висшого, ніжъ Мєря або Вєсь, то заразъ собі »сдѣлаша градъ.« Гляньмо: ні про ко́го не сказавъ Несторъ, щобъ прийшовши заразъ градъ зробили. Певно, то були люде зъ гóрода захóжі; певно жъ було щó й оберегати въ гóроді; певно жъ и порядку були сї люде висшого одъ сусідъ, коли гóродомъ уміли сидіти. И показує—таки дальша истóрия, що вони були поміжъ верхівими Славянами передовиками, бо завсегда були серцемъ всіхъ окр́ужнихъ народівъ. Гляньмо жъ щé й зъ др́угого бóку. Якъ осілись Новгородці надъ Волховою, то й Поляне ніякъ инше їхъ не звали, якъ Славянами, або, по *поволу* гóроду, Новгородцями (причина та жъ сама, що й у сусідъ Новгородськихъ),—все одно, якъ пізнійші Українці Запорожанъ прозивали по Порогахъ Запоро́зцями, по Дніпровому Нізу Низовцями, а про-тé знали, що вони та́я жъ Русь, тї́ жъ Українці. Несторъ такъ само споминавъ шесьмомъ про тихъ Славянъ далєкихъ, якъ ми

въ своїхъ книжкахъ споминаємо про далѣкихъ нашихъ земляківъ Запорозцівъ, або Черноморцівъ.

4) Коли Новгородці съ Полянъ походять, то, певно, не розбѣмъ мандрували їхъ прѣдки по рѣчкахъ—верховинахъ: не зъ великою, мабуть, силою вийшли вони зъ низу, що, зробивши собі гóродъ, сусѣдъ підъ себе не підгóртували, а зъ малою силою не здолали бъ вони пройти розбѣмъ люднѣ узрѣччя (бо тоді узрѣччя були найлюднѣйші), та й мусили бъ вернутись до свого коша, внизъ; ато ні: перейшли черезъ волокъ зъ Днѣпра на рѣчку Ловать и самѣ видне місце, до торгу найгоднѣйше, підъ новий кнѣзь вибрани.

5) П. Костомаровъ вѣяснивъ намъ докладно слово *Варягъ* (*Совр.* 1860, кн. I, 6). Слова сѣго ще й не було тоді, якъ князі Русь загнозділись у Новгороді и въ Києві. Нѣсторъ, писавши въ XI вѣковѣ, якъ ужѣ слово *варягъ* почало знáчити оружного затязцю, приложивъ се слово и до князівъ, котóрі були Русь по своєму родові, а варягами не звáлись.

6) И про Київъ пише Нѣсторъ, оповідуючи про мнóичнихъ князівъ Кіия, Щѣка и Хорива: »Бѣше около града лѣсъ и боръ великъ и бѣху ловища зверь«. (*П. С. Русск. Лит.* I, 4). И вдрúге: »надоша и Козарѣ сѣдящия на горахъ сихъ въ лѣсѣхъ«. (Тамъ же, 7.). То правда, що сими самими словами Нѣсторъ показує, що за єго часівъ не було вже навкругі Києва великого бору; такъ не забуваймо жъ, що двѣсті рóківъ пройшло одъ першого находу Русі до Нѣсторового писання; та ще жъ: коли Київъ такимъ дикимъ лѣсовимъ мѣстомъ здавався Нѣсторові въ давні часи, то мусивъ вінъ—и мимо традиції—съ чогось узяти свою звіроловню картину. Що води стояли тоді по Вкраїні великі и пановили річні корита, по котóрихъ теперъ трави косять, абó й плугомъ орють, се вському відомо съ тихъ находекъ водохóднихъ, що въ нашихъ рѣчкахъ и болотáхъ знаходять. Отъ и недавніми часами найдено въ ріцці Золотонóшѣ величѣнний мідний якірь; идóсі вінъ стоить у Золотонóському монастирѣві.

7) Нѣсторъ пише, що Поляне и їхъ сусѣди давали Козарамъ дань »по бѣлѣ и вѣверицѣ отъ дыма«, то, може, ся данина и тоді вже звáлася подимнимъ.

8) Знаємо, що такъ воно мусило бóти съ тóго, що, якъ пороздавано навпóслѣ дѣ—які сѣла монастирѣмъ, то ченці ходили въ—осені на полюдди тимъ же самимъ рóбомъ, що й князі. Старосвѣцькі звичаї не записувались, бо зъ рóду въ рідъ їхъ памятали и іншого права надъ звичай не знали. Се вже тоді почали звичаї закóнами въ статутнѣ и въ уставнѣ грáмоти виписуватись, якъ нові порядки на Вкра-

їні позаводились и старє звичаєве прѣво стѣли занедбѣувати. Тимъ—то державци випрѣшували на свої зємлі у князівъ Литѣвськихъ и въ королівъ Польскихъ оборѣннї грѣмоти, и въ грѣмотахъ поновляли шсьмомъ стародѣвнїмъ звичаїмъ и на дѣльшї часї ужє закономъ їхъ перекѣзували. До насъ дїйшла съ почѣтку XV вѣку записъ про грѣшовї и медовї дѣнї Софїйської митрополїчої ѣтчинї, и зъ неї ми вбѣчаємо стародѣвнїмъ звичаїмъ пїдїїмѣти и вгноблѣти бїрчихъ. Навїсано тамъ: »Нодолѣшенская земля подъ Полозомъ, а съ ней идуть три ведра меду и поданье, а ночь пити«. (*Акты З. Р. I, пїдъ 1415 р.*).

9) Що тѣжко лягало на селянъ княже люднуваннѣ (1), видно съ того, що де схотївъ князь, тамъ и прибїльшувѣвъ дань. Новгородцї платили Олєговї »мира дѣля« (одчєнного бѣ то) 300 грївнєвъ, якъ перейшовъ вїнь у Кїївъ, а за Владїмера вже сєе »мира дѣля« коштувало їмъ у дєсѣтеро, бо 2,000 грївнєвъ прислѣли воїнї въ Кїївъ та 1,000 роздавали дружинї, що стояла въ Новгородї залогомъ. Який же бувъ драпїка Игорь Рїориковичъ, се ми знаємо добре. »И присїѣ осень, нача мыслити ца Деревляны, хотя примыслити большую дань— —иде въ Дєрева въ дань и примыслише къ первой дѣнї, насплѣяше їмъ, и мужеве его; возъемавъ дань, поиде въ градъ свой. Идущо же ему всєнїть, размысливъ рече дружинѣ своей: идѣте съ данью домови, а я возъвращаюся, похожю и еще— и вышедше пѣзъ града Изъкорьстєня Деревляне, убиша Игоря и дружиню его«. (*П. С. Русск. Лит. I, 23.*) Послѣхаймо жѣ ищє Даниїла Затѣчника, що вїнь про князівъ пише: »Не имѣй себѣ двора близъ княжа двора, не держи села близъ княжа села, потому что тїунъ его—какъ огонь и рѣдовичи его—какъ некры«. (*Пам. Слов. XII в. 235.*).

10) Тимъ—то й Олєгъ, пїдїївши човнѣми пїдъ Кїївъ, оповїстївъ себѣ Аскольдѣви и Дїровї лѣдомъ торгѣвнѣмъ, рѣдичами державцивъ Кїєвскихъ. Сю истѣрїю ми въ своємъ тѣкєтї пропустїли, бо вона й Нєстору давнїмъ подѣннѣмъ передана, и хто знає, скїльки въ її правдї? Здаєтця, вопо такъ булѣ, що не всїмъ Рїоричанѣмъ у верховїхъ зємляхъ угодбалось, то двѣе якїхъ значнїхъ людѣй кїикнѣли на охѣтника, та й спустились унїзъ крѣсчѣї доїї собі шукати. Аскольдѣмъ и Дїромъ Нєсторъ їхъ називѣе. Въ Кїєвї їмъ добре повелѣся; пїлавали вони Днїпромъ и въ Грєцьку зємлю за здобиччу, Грєцькї села жа-

(1) Не знаємо, чи булѣ таке слово, чи нї, тїлько наше вильнуваннє трохѣ чи не сягѣе часївъ полюднѣї княжѣї дѣнї. За тїсячу рокївъ воно скрївилось, а звичаїмъ остѣвєс: вильнѣють у насъ попадї якъ разъ такъ, якъ кїязї ходїли на полюддї. Думаютъ, що вильнуваннѣ вїшло одъ лєну, що попадї лєнѣ у селянъ вимагѣють; а намъ здаєтця, що се княже полюднуваннѣ одрїгаєтця: не за однїмъ бо лєномъ попадї ходѣть по лѣдѣхъ; та въ ишнїхъ сєлахъ и въ заводї немає лєну, а вильнуваннѣ всюди єсть, де єсть, вїнь, а въ попадї—попадї.

кували и хижачької слави собі набували. Ся-то, мабуть, слава дійшла й до Новгороду. Новгородські князі, певно, Аскольдові й Дірові позавидували и приплили съ потугами під Київъ. Покинувши більшу часть човнівъ оддалікъ Києва, відплили вони двома чи трема до пристані, поховали під чердаки своєю дружину, щобъ людей не полóхати, и послали до Аскольда и Діра. »Рóдичі ваші, мовлявъ, прийшли; ходіть на пристань привітайтеся«. Ті прийшли, про свою голову не порухувáвши, а тутъ їхъ заразъ обекóчили, та й темний похоронъ імъ справили. »И убиша Аскольда и Діра, несоша на гору, и погребоша и на горѣ, еже ся нынѣ зоветъ Угорское, гдѣ нынѣ Ольминъ дворъ; на той могилѣ поставилъ Олъма церковь святаго Николоу, а Дірова могила за святою Ориною«. (П. С. Русск. Лит. I, 10).

11) Козакі воювали звичаємъ варізьскимъ и звали своєю славою золотою. Певно, такъ вона звалась и въ варягівъ. Святославъ говоривъ про славу (у Лѣва Дякона кн. IX, гл. VII) зовсімъ такъ, якъ козаки:

»Пропадé, мовъ порошина зъ дула,
Та козацька слава,
Що по всьму світу дівомъ стала...

12) По *Руській Правді* гривню плачено за волá: така була її цінá. »Оже за кобылу 60 кунѣ, а за воль гривну«. (Изсл. о Р. Правдѣ, Н. Калачова, 93). Про гривню див. у Карамзинá въ *Ист. Г. Р.* I, прим. 298.

13) Добре, мабуть, вдалися въ знаки Грекамъ ті хижакі, що, договóрюючись изъ Игоремъ, вони постановили, щобъ, прийшовши Русь у Царьградъ, жили тільки коло святаго Мáми, а не по всьму городу, и въ городъ щобъ увіходили съ човнівъ своїхъ невеликими кúнами, по пів-сóтні, безъ ору́жя. »Да входять въ городъ одивѣми ворота со царевымъ мужемъ безъ ору́жя мужъ 50, и да творять куплю, якоже имъ надобѣ, наки да исходятъ; и мужъ царства нашего да хранить я.« (П. С. Русск. Лит. I, 21).

14) Такъ навпóслі наші гетьмані держали собі въ покóрі Запорóзький Низъ, котóрий добре промишлявъ звіроловствомъ, рибóю, стадами, табунами й отарами, а хлáба робити не спромігся (за Татарáми). Гетьманъ Вигóвський говоривъ царьскóму посланцеві Рагозину 1657 року: »Якъ не звелю я до Запорóзцівъ пропускáти зъ запасами людей торговáхъ, то імъ нічого бóде їсти«. (Моск. Арх. Мин. Ин. Д. 1657, № 16).

15) Якъ воювавъ Святославъ изъ Цимісхнемъ, то одвітувавъ ёму згóрда, що ёго дружина не поденщики; своїми руками собі хлáба не

роблять. (Leo Diaс. VI.) Навертаютьця тутъ на пам'ять козацькі слова зъ народнєї думи.

И вже мині не честь, не подоба по рілляхъ спотикати,

Жовті сап'янці кал'яти,

Дорогій сукні піломъ набивати;

А хочетья мині, мати,

Підъ гóродъ Тягіню піті погуляти,

Слави-лицарства козацькому війську достати.

16) Вже въ договорі Игоря зъ Греками, року 945, міжъ рідичами князьми и торговими людьми вбачаємо ймення Славянські; а въ договорі Олега все ще були чужоземні.

17) За Олега князя, Печеніги воювали съ Козарами и їхъ підданними Уграми, а посли, погнавши Угрівъ на західъ, присунулись вони до землі Київської. Несторъ споминає про нихъ уперве підъ 913 рокомъ.

18) Гипотеза п. Іванішева, котóрий про ту судню раду виявивъ ученому мірові великої ваги и цінні факти. (*Русск. Бес.* 1857, III, 18).

19) Поки сиділи князі-Русь въ Новгородській землі, то притягли підъ свою руку тільки Кривичівъ, Мєрю, Вєсь, Чудь; більшь не сила була притягти; Козаре на низу панували. Та й про походи їхъ було не чувати. А, сівши въ Києві, кинулись вони и на Волгу, и на Чорне, и на Каспійське море. Хто жь їмъ ту силу надавъ? Не абій-якихъ, мабуть, людей знайшли вони на Подніпрянщині.

20) Справді дивує насъ та Олегова рідня зъ Греками: такої рідни не зложивъ би ніякий варварський людъ того часу, — не зложили бь и Нормани, що весюди тоді въ Европі поберєжжя шарпали. Тамъ сказано: «на удержаніе и извѣщеніе отъ многихъ лѣтъ межю христіяны и Русью бывшую любовь.» Отó жь, певно, Греки здавна торговали съ Полянами, и не за дикихъ варварівъ їхъ знали, коли, у рідні божбу їхъ за оборону права прекладали; коли, тамъ же въ рідній, караючи чоловіка за душоубство смєртю и худобу ёго рідичамъ убитого отдаючи, частину добра на жінку виноватого одділяли; коли за злодійство въ рідні пенію зъ ними уставляли; коли чужоземське судно, на берєгъ вєржене, вповали Греки въ цілости міжъ ними бѣти и на їхъ стóрожу вєзпечались.

21) Яка була умова въ Новгородівъ съ першими князьми, котóрихъ вони до себе пошримали, ні звідкіля не знаємо. Мабуть, тоді ще скрізь по нашій Славянщині законъ изъ роду въ рідь звичаємъ

переходивъ, и старіе голови були на віковихъ радахъ замість вічистихъ книгъ и писаного права, якъ отъ п. Іванншевъ и въ XVI вікові ще завваживъ (1). Якъ же одъ крутої воли князької почало судне право іти въ непамять, або умисне князькими похлібцями приглумятися, тоді Новгородці узяли въ свого князя Ярославъ писану *Руську Правду*, щобъ не великий тиуиъ княженецький хочотъ дравъ зъ виноватого на князя, а посля, приймаючи до себе новихъ князівъ, укладавъ зъ ними особні умови одъ старіишихъ и меншихъ людей (2). Отъ изъ тихъ-то найстаріишихъ писанихъ правъ довідуюмось, що князь стоявъ тільки на обороні права мирської, яко третій суддя міжъ сѣтяжними, и на обороні землі мирської, яко отаманъ оружіей сіли, а самъ — щобъ ні податіи надъ давній звичай не вимагавъ, ні землі въ свій рідъ не привлащувавъ. Виинешемо съ *первої Новгородської грамоти*, якъ вона звѣща, найголовніишій рѣчи: «На семь, княже, цѣлуй хрестъ къ всему Новгороду, на цѣмъ то цѣловали дѣди и отци и отецъ твой Ярославъ: Новгородъ ти держати въ старинѣ по пошлинѣ (3); что волостїи всѣхъ Новгородскихъ того ти, княже, не держати своими мужи, нъ держати мужи Новгородскими, а даръ имати тобѣ отъ тѣхъ волостїи, а безъ посадника тобѣ волостїи не роздавати; а кому роздавалъ

(1) *Русск. Бес.* 1837, III, 4; — «связь между селениями крестьяне доказывали не законами и не договорами, а одною только давностию: «они сходятся к намъ издавна будучи», или: «они издавна съ нами о школы и школы сходятся живаясь». Далі, на стр. 7: «Такъ какъ каждый домохозяинъ обязанъ былъ присутствовать въ народныхъ собранїяхъ, и такъ какъ крестьяне въ молодыхъ лѣтахъ вступали въ бракъ и могли основывать отдѣльные хозяйства, то поэтому каждый изъ нихъ имѣлъ возможность, въ теченїи многихъ лѣтъ, изучать народное обычное право и, въ свою очередь, передавать его младшимъ поколѣніямъ. Такимъ образомъ вѣче было не только народнымъ собранїемъ, но и школою для изученїя права, которое, безъ помощи писма, сохранялось въ памяти мужей-сходатаевъ, переходя отъ одного поколѣнія къ другому.» — Навернулося після сѣй виписки намъ на память, що говорить Хризостомъ Пасекъ про Польскї сейми, которї були ті жъ вѣча, тільки шо шляхецькї вѣча: Powiadam więc każdemu, że wszystkie na świecie publicki cien to jest przeciwko sejmom. Nauczysz się polityki, nauczysz prawa, nauczysz się tego o czem u szkołach jako żyw nie słyszałeś. (*Pam. Chr. Paska, S. Peterb.* 1860, str. 185).

(2) Ранше XII віку до насъ не дійшла ні одна така умова, а *Руська Правда* написана въ концї X віку, або на самому початку XI-го, бо, мабути, князі зъ своїми тиунами перше почали віковимъ судомъ хибити, а землю вже післї собі привлащувати. Въ *Руській Правді* ще нема рѣчи про княжу землю: у князя есть тільки конї, борги, гроши и емъ въ спадокъ идѣ тільки добро смерда, якъ умрѣ смердъ безъ наслідниківъ, а въ першій Новгородській грамоті голосно говорити,а, щобъ князі не привлащували собі землі ні силою, ні купованнямъ, ані якъ инше.

(3) *Пошлина* — давній звичай, давнина. «Ино то обыскано, что то было учинилося ново, не по пошлинѣ, а вниѣча то не падобѣ.» (*Дѣтїи Арх. Эксп.* 1, 5). «Прїѣхавше послы велики отъ Свѣйскаго короля, и докончавши миръ вѣчный съ княземъ и съ Новгородомъ, по старой пошлинѣ.» (*П. С. Русск. Лит.* III, 73).

волости братъ твой Александръ или Дмитрій съ Новгородцы, тобѣ тѣхъ волостей безъ вины не лишати;—а въ Бѣжицахъ, княже, тобѣ, щи твоей княгини, ни твоимъ бояромъ, ни твоимъ дворяномъ сель не държати, ни кунцти, ни даромъ примати, и по всей волости Новгородской;—а въ Бѣжицѣ, княже, людей не выводити въ свою землю, ни изъ иной волости Новгородской, ни грамотъ имъ давати, ни закладниковъ примати, ни княгини твоей, ни бояромъ твоимъ, ни дворяномъ твоимъ, ни смерда, ни кунццини;—а что, княже, братъ твой Александръ дѣялъ насильнѣ на Новгородѣ, а того ся, княже, отетуши. А что, княже, мьтъ по твоей земли и по иной волости, и по всей Суждальской земли, а то, княже, имати по двѣ векши отъ лодье и отъ воза, и отъ лыу, и отъ хмѣльна короба; а дворяномъ твоимъ по селомъ у кунцевъ повозовъ не имати, развѣ ратной вѣсти. Тако, княже господиве, пошло отъ дѣдъ и отъ отецъ, и отъ твоихъ и отъ нашихъ, и отъ твоего отча Ярослава.» (*Ист. Г. Р.* изд. 2-е, IV, пр. 144).

22) Не мивали, мабутъ, и старіхъ людей, що въ Нѣстора записано: »И приде единъ старъ мужъ ко князю, и рече ему: княже! суть у мене единъ сынъ меншея дома, а съ четырма семь выщель, а онъ дома.« (*П. С. Рус. Лѣт. I, 53*).

23) Помагаючи князямъ, дика орда, якъ отъ Половці, ханала людей у неволю, старіхъ побивала, осѣли палила, бо то була для неі найкрасча забава, такъ вона войну розуміла. Де пройшла, щобъ було пусто,—отто була Половѣцка слава. Затігши одинъ князь на другою орду и побивши своего супротивника, сидѣвъ у городѣ княжити, а орду напускавъ на села: то була дика ій за помічь. Такъ отъ у Нѣстора читаемо, що Олегъ Святославовичъ, внукъ Ярослава Владимировича, віруговавши зъ своєї волости дѣдка Владимира, за підмогою Половѣцкою, давъ їмъ волю що-хотѣ навкруги Чернігова робити. »Приде Олегъ съ Половци, изъ Тмутороканя приде Чернигову, Володимѣръ же затворися въ градѣ, Олегъ же приде къ граду и пожже около града, и манастирѣ пожже; Володимѣръ же створи миръ съ Ольгомъ, и иде изъ града на столъ отень Переяславлю, а Олегъ вииде въ градъ отца своего. Половци же начаша воевати около Чернигова, Ольгови не взбранащю, бѣ бо самъ повелѣлъ їмъ воевати. Се уже третее наведе поганья на землю Руськую; его же грѣха дабы и Богъ простилъ, занеже много хрестьянъ изгублено бысть, а друзіи половени и расточени по землямъ.« (Тамъ же, 96). Рокъ 1160 Изяславъ Давидовичъ привівъ Половцівъ на Смоленську волюсть, и вони вивели звідтіля бѣльшъ 10,000 полоу, а скільки жъ то побито! »Той же зимы оттудѣ иде въ Смоленскую волость Изяславъ, и повоевавъ; и тамо много зла створиша Половци, взяша душъ болѣ тмы, а инья изѣбкоша.« (Тамъ же, II, 87). Брали полонъ

князі й безъ Половцівъ одинъ въ одного. Рѣку 1148 ходивъ Изяславъ Мстиславовичъ у землю Ростовскую воювати князя Юрія: 7,000 полонѹ записавъ літописецъ. «... приде Изяславъ Новгороду, сынъ Мстиславль, изъ Кіева, иде на Гюргя Ростову съ Новгородці, и много воеваша люде Гюргево, и по Волзѣ взяша 6 городовъ, оли до Ярославля понустиша, а головъ взяша 7,000.» (Тамъ же, III, 10).

24) Що князі такіхъ невѣдничихъ сѣлъ у насъ не застали, видно съ того, що Славяне наші полонили брало въ неволю на годі, а не на-віки, а послі выпускали на волю, або приймали въ своє товариство. Про се пишуть Маврікий и Левъ Мудрий.

25) Въ договорі Олѣговімъ есть уже рѣчь про Руськихъ бранцівъ, рабівъ. Игорь, помирившись изъ Греками, одустивъ ихъ послі съ Кіева, «одаривъ скорою и челядью и воскомъ». (П. С. Рус. Лѣт. I, 23). Княгиня Ольга оддала Деревлянъ у неволю своімъ дружинникамъ: «... овыхъ избѣи, а дргія работѣ предасть мужемъ своимъ.» (Тамъ же, 25). Грецький царь, по Нѣстору, переказувавъ Ользі черезъ свої послі: «ты бо глаголаше ко мнѣ, яко аще воз-возвращаюся въ Русь, многи дары пришло ти, челядь, воекъ и скороу и вои въ помощь.» (Тамъ же, 26). Про Ярослава и Мстислава Нѣсторъ пише: «идоста на Ляхы и заяста грады Червенскыя опять и повоеваша Лядскую землю и многи Ляхы приведоста и раздѣлиста я, и посадивъ Ярославъ своя по Рѣи.» (Тамъ же, 64).

26) Що въ князівъ були куповані слободи, видно изъ літописца: «Въ лѣто 6666 (1158). Заложы Андрѣй князь въ Володимери церковъ каменну— —и да ей много имѣнья и свободы купленья и съ даньми.» (Тамъ же, 149).

27) Въ первій Новгородській грамоті читаемо: «Изъ Бѣжиць, княже, людей не выводити въ свою землю, ни изъ иной волости Новгородской, ни грамотъ имъ даяти, ни закладниковъ принмати, ни княгини твоей, ни бояромъ твоимъ, ни смерда, ни куцши.»

28) Мабуть, добре налягали воїи на свої маѣтности, що, якъ їздилъ княгиня Ольга землю Руську порядкувати, то мусила визволити селянъ съ-підъ права такъ званого *княжого* (думаютъ, що се право було *ius primae noctis*). У Татищева, котрий стародавній літописець докуні позвѣдывъ (II, 45, 329), знаходимо, чого нема въ іншихъ спискахъ першого нашого літописця: «Тогда жъ отрѣши княжее, а уложила брать отъ жениха по черной кунѣ, какъ князю, такъ боярину отъ его подданнаго.»

29) Не мало жъ, мабуть, воїи й брѣили, коли Новгородці, най-смѣлііший и вольнііший людъ зъ усіхъ нашихъ Славянъ, написали въ

своій грамоті: »А что былъ отъялъ братъ твой Александръ по-жиѣ, а то ти, княже, не надобѣ; а что, княже, братъ твой Александръ дѣялъ насильнѣ на Новгородѣ, а того ся, княже, отступи.« Згадаймо жъ щѣ, що витворивъ князь Владимѣрь у Києві, нікого не боячись и не соромлячись: »И бѣ несутъ блуда, приводя къ себѣ мужьски жены и дѣвицѣ растляя.« (П. Я. С. Русс. Лит. I, 34). Згадаймо, якъ вибѣвъ Ярославъ Новгородѣвъ за те, що заступилъ за своїхъ жінокъ и побилъ ёго варягівъ: »И разгнѣвася Ярославъ, и шедъ на Рокомъ, съде въ дворѣ; пославъ къ Новгородѣмъ, рече: «уже мнѣ сихъ (варягівъ) не крѣтити.« И позва къ себѣ нарочитые мужи, иже бяху изъѣкли Варяги, обольстити ѣ съче.« (Тамъ же, 61). Згадаймо, якъ злякались Киїне, прочувши, що Изяславъ, которого вони прогнали, вертається зъ Ляхами. Хорошій, мабуть, бувъ, що хотіли Київъ запалити и втѣкати зо всімъ нащадкомъ у Грецьку землю: »А се ведеть на ны Лядскую землю — — зажегше градъ свой, ступимъ въ Грецьку землю.« Браті не дали Изяславу пиддурвати отцівського горада; такъ вінъ, аби зогнати сѣрце, пославъ попередъ себе сина своего Мстислава въ Київъ, »И пришедъ Мстиславъ, и съче иже быша выѣкли (вирубали съ темниці) Всеслава, числомъ 70 чадъ, а другыя слѣпшиа, другыя же безъ вины погуби, не испытавъ.« (Тамъ же, 74).

30) Нѣсторъ пише: »Аще ли кто усящеть черноризца, то възрачается.« (Тамъ же 73). Князі ѣ бойре, охристівшись, новому богові по своему розуму догрожали и не то що горадахъ и сѣлахъ до хрестѣ людѣй силували, та ѣ по цѣцахъ ись понѣми за старовіцями ганяли; то мѣсили поши и чѣщи добре ихъ налякати. Съ тихъ часівъ и досі въ сѣлахъ ведѣтця примха, що, якъ стрінешъ попа, або ченца въ дорозі, то безъ пригоди тобі не минѣтця.

31) Чужоземьскі писатели не споминають, щобъ у Полянъ були кумири. Пѣрве слово про богівъ рѣбленихъ знаходимо въ Нѣстора, якъ присягавъ князь Игорьъ изъ своєю дружиною, поклавши передъ Перуномъ свою збрѳю и зѳлото, — и то були боги, запѣвне, не Полянськѣ, а прихѳѳѣ зъ варягами. Пише Нѣсторъ, що князь Владимѣрь, вернувшись одъ варягъ у Київъ, поставлявъ по горахъ Киевскихъ кумири. Той же Владимѣрь ихъ послѣ порубавъ, попаливъ, або въ воду покидавъ. Плакали, каже, люде за богами, а якѣ люде, того въ літописци не сказано: може, варяги та захѳѣ, которихъ до князя въ Київъ набѳралоє багато зъ усіхъ земель. Що кумири були не Новгородськѣ, видно съ того, що тільки, опанувавши Київъ, Владимѣрь поставивъ Перуна въ Новгородѣ. »Володимеръ же посади Добрыню уя своего въ Новгородѣ; и пришедъ Добрыня Новгороду, постави кумира надъ рѣкою Волховомъ, и жраху ему люде Новгородстѣи аки Богу.« (Тамъ же, 34). Що Перуна Новгородцямъ накинуну-

то, вбачаємо и съ того ще, якъ дорекавъ ёму ганчарь Повгородський тими жертвами, що, певно, мусили люде неволею давати. Якъ укинули Перуна въ річку Волхву, то ставъ заказъ, щобъ ніхто не переймавъ ёго. «Иде Пидблянишъ рано на рѣку, хотя горнеци везти въ городъ, оли Перунъ пришы къ берви, и отрину и шестомъ: ты, рече, Перунище, до сыти еси ѣлъ и пилъ, а щинича попллови прочь.» (Тамъ же V, 121). Ще жъ звернемо увагу и на те, що, колибъ куміри були народні, а не вивезені варягами изъ Жмуди, чи відкілі за моря, то въ літописцяхъ би писалося, що вѣлено ихъ по всій землі руйнувати, або—що знаходили ихъ поші по гаяхъ, чи що, и палили; ато ні: тільки до волхвами ганялись, а про куміри ні словечка! До насъ подоходили казанія и посланія пошівъ и ченцівъ X, XI, и XII віку. Поші и ченці дорекують людянь, що вони приносили жертви бісамъ на болотахъ и коло криниць, та все—такі виходить — духамъ, а не кумірамъ; дорекують селянамъ, що винчаютьца безъ пона, що не ходять до церквъ, а ні бдиль ні разу не сказавъ, що люде кланяютьца кумірамъ. Въ уставі першого Владімера »о церковныхъ судѣхъ и десятинахъ« перелічені всі случаи, въ котобрихъ перковний судъ має судити городянь и селянь. Про куміри нема ні слова, а есть про молитви до хлѣба святаго и до красі Божої поміжъ деревами и понадъ водами. Уже бъ же поші напередъ усѣго вишеали въ уставъ, щобъ брати судню плату, якъ знайдуть де куміра, и діку бъ віру (повшехну плату зъ селі чи воласти) назначили за сю находитку; ато ні: тільки и сказано всѣго»...или кто подъ овиномъ молитея, или во ржи, или подъ рощениемъ, или у воды.» (Тамъ же, VI, 83). Писана старосвѣщна споминає такі часи, що не було ще въ Словянь. Перуна: може, се вона споминає про то время, якъ ще князі—Русь Польнѣ не опанували. Есть у Кирилловому монастырѣви на Білому озѣрі стародавній збірникъ, а въ томъ збірнику напісано: »Оттуда же изыкоша елени класти требы артеиду і артеидѣ, рекше роду рожаницѣ. тацн же егуптяне. Тако і до Словянь доіде се слово і ті начаша требы класти роду и роженицамъ прежде Перуна бога ихъ, а переже того клали требу ушремъ и берегинямъ.« (Шевирева *Попздка въ Кирилло-Бѣлозерскій монастырь*, 11, 33). Про Славянську мієологію писали въ насъ недавніми часами п. Срезневскій (*О богослуженіи древнихъ Славянъ*) и п. Костомаровъ (*Славянская Мивологія*). Ні той, ні другий не знайшли у Славянь камянихъ, чи деревянихъ божищъ. Що були людські жертви богамъ у Києві, видно зъ Нестора; тільки зновъ ніхто не докаже, щобъ се не пришельці богівъ своїхъ людською кровью вгопобляли. Въ одному варіянті старосвѣтської думи про Олексія Поповича козаки врізали виноватому передъ Богомъ мизинного пальця, пустили въ море крові—и море, зачувши кровь, утихале. Се спомниъ давнихъ жертвъ людськихъ, а все жъ и тутъ хто докаже, що не варяги занесли до Польнѣ разомъ съ Перуномъ людські жертви? а козаки пішли одъ

стародавніхъ княжихъ дружинъ, то й далікімъ родамъ сю прімху переказали.

32) »Созва Володимеръ бояры своя и старцы градскіѣ. Да что ума придасте? что отвѣщаете?« (П. С. Русс. Лѣт. I, 45).

33) »Развергъше Греческій Помокапонъ«, пише въ своѣму уставі первій Владимерь, »и обрѣтохомъ въ немъ, оже не подобаетъ сихъ судовъ и тяжъ князю судити, ни бояромъ его, ни тиномъ: и азъ сгадавъ своими дѣтми, со всеми князи и со всеми бояры даль есмь тѣ суды церквамъ Божиимъ, митрополитомъ и всемъ епископамъ по Русской земли.« (Тамъ же VI, 82).

34) Не судили князі не то ченцівъ и черницъ, пошивъ, попадъ, поповичівъ, та й тихъ, що по монастиряхъ на прощю ходили (паломниківъ), и тихъ, що якимъ-небудь ремѣствомъ, чи роботою монастирѣмъ служили («кто порти чернеческые свержетъ»), хто чѣдомъ ніби-то одужавъ и коло цѣркви тулився, кого на волю ради души спасіния випущено («задушный человекъ») и кого за виню у цѣрковний домъ узіто; не судили удівъ, калікъ и всіхъ старцівъ. (Тамъ же, 84).

35) »Аже мужа два біетася женски, или укусятъ, или одереть, епископу 3 гривны.« (Тамъ же, 86).

36) Див. приписку З. Несторъ Полянъ одъ усіхъ іншихъ одрізнявъ звичаями. Заразъ и видно, що вони повинні всімъ сусідамъ за взіръ стояти, якъ дійдетца до христіянства. Ще не говорючи про христіянство, Несторъ описавъ їхъ такими, якими мусили інші неволею вчинитись, черезъ нову віру.

II. Кулішъ.

ЧТО ЕСТЬ МНѢ И ТЕБѢ, ЖЕНО?

Іоанна г.л. II. ст. 4.

(Дорогому землякові Зичівкові).

О, якъ тебѣ, Спасе, у тѣмъ слові бачу!

О, якъ твоє серце моїмъ серцемъ чую!

Читаю Завітъ твій,—читаючи плачу:

Високо піднявъ ти натуру людськую.

Чужа тобі стала и рідная мати;

Зоставсь ти безъ роду, безъ хати на світі,

Щобъ родомъ коханимъ серця не сковати,

Хатнімъ упогемъ дѹха не вгасити.

О, знаю я, знаю, якъ те серце билось,

Якъ той дѹхъ високій злітавъ надъ землею!..

Що дітямъ на лоні у матері снилось,

Чого мѣртві чають—обнявъ ти душею.

Снились дітямъ райські віковічні квіти;

Чають мѣртві жінзі грядущого віку...

Справдишь ти, що бачать чистимъ серцемъ діти;

Справдишь, що дорожше всѣго чоловіку.

Ужѣ зъ раю твоїмъ дѹхомъ

На насъ повіває;

Ужѣ знову твоє слово

Мѣртвихъ воскрешає.

Виростають, приближають

Твоє царство діти.

Ой не дурно жилі й гїбли

Праведники въ світі!

Виростають,—твоїмъ слїдомъ,

Зъ матернѣго лона

Утікають роспинатись

Середъ Вавилона.

» Жéно мáти! щó тобi я?
 Ти своé вчинiла,
 Якъ, радіючи, підъ сёрцемъ
 Дитину носiла.

» Мину́лися тi рáдоши,
 Мину́лися й мýки...
 Не вмiстити тобi вь сёрци
 Нбóви науки!

» Спочивáй, спасéнна дýшо,
 У тiхiй госпóдi,
 А ми бóдемъ святý правду
 Сiяти вь нарóдi.

» Дай намъ, мáти, те справдiти,
 Щó на чiстiмъ лóни
 Снiття дiтямъ непорóчнимъ
 Вь грiшнiмъ Вавилóнi.

» Дай намъ, мáти, доказáти,
 Щó ми — рiднi дiти
 Тихъ великихъ, щó за правду
 Гiнули на свiтi.»

П. Кулiшъ.

ПАМЯТНОЕ ДѢЛО.

Окончаніе.

Управлявшій министерствомъ юстиціи, въ предложеніи своемъ правительствующему сенату, изъяснилъ слѣдующее:

Въ этомъ дѣлѣ подлежатъ разрѣшенію три вопроса:

1) Александръ, воспитанный подъ именемъ Заботина, рожденъ ли женою генераль-маіора Степана Ширая, Ульяною Ширай, во время существованія законнаго ихъ брака?

2) Если рожденъ въ семь бракѣ, то слѣдуетъ ли, по обстоятельствамъ, сопровождавшимъ рожденіе и воспитаніе Заботина, признавать его сыномъ Степана Ширая, или происходящимъ отъ прелюбодѣнія?

3) Въ случаѣ признанія законности рожденія Александра, какия права принадлежать ему, по закону, на имѣніе, оставшееся послѣ Степана Ширая и жены его Ульяны?

По первому вопросу обстоятельства дѣла показываютъ, что, въ продолженіе закононо-нерасторгнутой брачной жизни, Ульяна Ширай, въ ноябрѣ 1818 г., въ родовомъ имѣніи генерала Ширая, селѣ Соловѣ, гдѣ она имѣла безвыѣздное пребываніе, родила сына, названнаго при крещеніи Александромъ. Дѣйствительность сего событія положительно подтверждается: во 1-хъ, объясненіями самихъ дочерей Ширая, Долинской и Чернолузской, замѣчаніями ихъ повѣреннаго, и показаніями: а) священника Ивана Лапчинскаго, присутствовавшего; въ званіи дьячка соловекской церкви, при крещеніи младенца Александра, б) 18-ти присяжныхъ свидѣтелей, въ томъ числѣ Ракицкаго и Гаевского, управлявшихъ имѣніями Ширая, и в) 25-ти дворовыхъ людей села Соловы, спрошенныхъ по священническому увѣщанію.

Въ отношеніи ко *второму вопросу* о томъ, можетъ ли младенецъ Александръ, рожденный въ ноябрѣ 1818 года Ульяною Ширай,

во время законно—нерасторгнутаго брака, быть признанъ законнымъ сыномъ мужа ея, Степана Шираа, или происходящимъ отъ прелюбодѣяннн, необходимо обозрѣть предварительно всѣ дѣйствовавшн до начала сего дѣла постановленія о дѣтяхъ законныхъ и незаконныхъ, потому всѣ представленныя по дѣлу доводы, въ опроверженіе законности рожденія Александра Заботина, и наконецъ сличить сіи доводы съ законами и обстоятельствами самаго дѣла.

Въ законахъ постановлено:

Ст. 121 (X. т. зак. гр.). Всѣ дѣти, рожденныя въ законномъ бракѣ, признаются законными, хотя бы они родились:

1, По естественному порядку слишкомъ рано отъ совершенія брака, если только родители не отрицали законности ихъ рожденія.

2, По смерти отца, если только между днемъ ихъ рожденія и днемъ смерти отца не прошло времени болѣе того, сколько обыкновенно проходитъ между днемъ зачатія и днемъ рожденія младенца.

Ст. 122. Законными считаются всѣ дѣти, законность коихъ не была оспорена:

1, При жизни ихъ родителей.

2, Въ теченіи десяти лѣтъ отъ ихъ рожденія.

Примѣчаніе. Законность рожденія лица считается неоспоренною, когда признаніе онаго законнымъ оглашено надлежащими актами, или же другими событіями при жизни обоихъ родителей его, и потомъ въ продолженіе десяти лѣтъ никѣмъ не было оспорено; по минованіи сего срока, а равно и послѣ смерти обоихъ или одного изъ родителей, хотя бы и прежде истеченія десятилѣтія, никакой уже споръ о законности рожденія дѣтей, когда признаніе онаго законнымъ было, какъ сіе сказано выше, оглашено при жизни обоихъ родителей надлежащими актами, или же другими событіями, не допускается ни отъ постороннихъ, ни отъ пережившаго родителя.

Ст. 123. Доказательства законнаго рожденія суть:

1, Бракъ родителей, законно совершенный; въ случаѣ же спора о законности брака, признаніе онаго законнымъ отъ духовнаго суда.

2, Приходскія (метрическія) книги, родословныя, городовыя обывательскія книги и ревизскія сказки.

3, Свидѣтельство людей честнаго и незазорнаго поведенія, какъ—то: приходскаго священника и двухъ обывателей того же прихода.

4, Для дѣтей, прижитыхъ въ супружествѣ, по естественному порядку слишкомъ рано, доказательствомъ законности признаются соб-

ственные показанія и письма отца и матери, не отрицающихъ законнаго ихъ рожденія.

Ст. 124. Отецъ не можетъ оспаривать законнаго рожденія дѣтей:

- 1, Въ гнѣвѣ на нихъ или на ихъ мать, а свою жену.
- 2, Если не малое время, имѣвъ ихъ у себя въ домѣ, признавалъ ихъ своими дѣтьми, а мать, и по рожденіи ихъ, своею женою.
- 3, При мачхѣхъ.

Ст. 126. Епархіальное начальство, въ слѣдствіе отношеній присутственныхъ мѣстъ и начальствъ, для разрѣшенія дѣлъ о законности рожденія, обращается прежде всего къ метрическимъ книгамъ, и если найдеть, что рожденіе и крещеніе лица, о которомъ идетъ дѣло, записаны въ нихъ и записъ сія не подлежитъ сомнѣнію, то доставляетъ требуемое о семъ свѣдѣніе присутственному мѣсту или начальству, или же выдаетъ свидѣтельство просителю, желающему имѣть метрическое свидѣтельство.

Ст. 127. Если рожденіе лица, о которомъ идетъ дѣло, въ указанномъ приходѣ въ показанное время не записано, или если метрическая записъ сомнительна потому, что находится подъ другимъ числомъ или съ разнорѣчіемъ въ именахъ рожденнаго или родителей, или съ подчистками, или по другимъ причинамъ, то дѣлается справка съ исповѣдными росписями, начиная отъ указанного года рожденія до года производства дѣла, также съ метрическою и обыскою книгою о бракѣ родителей, и производится слѣдствіе, въ которомъ вопрошаются воспріемники и лица, бывшія при крещеніи.

Ст. 129. Если родителей нѣтъ въ живыхъ, то сверхъ показаній отъ священника, крестившаго, и бывшихъ при крещеніи, преимущественно обращается вниманіе на всѣ относящіяся до лица, о которомъ идетъ дѣло, документы, изъ коихъ можно было бы видѣть, какъ признавали его родители, какъ оно вообще признаваемо было при жизни родителей, и не было ли при жизни родителей спора о законности его происхожденія.

Ст. 130. Смотра по надобности, консисторія собираетъ свѣдѣнія и изъ другихъ источниковъ, каковы суть: формулярные списки родителей, родословныя, городскія и обывательскія книги, ревизскія сказки и проч.

Ст. 131, незаконныя дѣти суть:

- 1, Рожденныя внѣ брака, хотя бы родители ихъ въ послѣдствіи соединены были законнымъ бракомъ.

2, Прижитія въ незаконномъ бракѣ.

3, Происшедшія отъ прелюбодѣнія.

Ст. 132. Незаконныя дѣти, хотя бы они воспитаны были ихъ родителями, не имѣютъ права ни на фамилію отца, ни на законное послѣ него въ имуществѣ наслѣдство. Участь дѣтей невиннаго мужа или невинной жены, обманомъ вовлеченныхъ въ противозаконный бракъ, можетъ быть предаваема, по усмотрѣнію обстоятельствъ дѣла, монаршему милосердію.

Статута литовскаго, раздѣлъ III, артикула 28, § 3. Незаконно-рожденнымъ признавать и такового, отъ котораго бы отецъ, при жизни своей, отрекся и сыномъ своимъ не признавалъ, токмо бы не учинилъ сего по ссорѣ и ненависти противу сына и жены своей, законной его матери, а если бы чрезъ немалое время его своимъ дѣтищемъ признавалъ и по его рожденіи его мать, а свою жену, въ домѣ своемъ терѣлъ и когда однажды его своимъ дѣтищемъ принялъ и при себѣ его имѣлъ, въ домѣ своемъ терѣлъ; то послѣ отречья отъ него не можетъ: ибо непристойно честному человѣку что-либо худое и безчестное въ своемъ домѣ терѣть.

Представленные по дѣлу доводы противу законности рожденія Александра могутъ быть приведены къ слѣдующимъ четыремъ категоріямъ:

Во-первыхъ, что подлогъ въ метрикахъ церкви села Соловы за 1818 годъ совершенъ не ранѣе 1842 г. и что метрическая тетрадь села Соловы за 1818 годъ, представленная титулярнымъ совѣтникомъ Заверухою, непрошнурованная и никѣмъ неподписанная, лишена всякой юридической достовѣрности, а потому записка въ ней Александра сыномъ Ширая и жены его Ульяны не заслуживаетъ ни малѣйшаго вѣроятія.

Во-вторыхъ, что супружеское сожитіе Ширая съ женою съ 1809 г., по самую смерть сей последней, прекращено было въ слѣдствіе несогласій и болѣзни, которою она была одержима до конца жизни.

Въ-третьихъ, что Александръ, воспитанный подъ именемъ Заботина, никогда не былъ признаваемъ законнымъ сыномъ ни Степаномъ Шираемъ, ни женою его Ульяною, а законность рожденія Александра не только никѣмъ и ничѣмъ оглашена не была, но напротивъ того изъ выданнаго Шираю дворянами свидѣтельства и изъ составленныхъ имъ распорядительныхъ объ имуществѣ актовъ явствуетъ,

что за смертью сына Михаила, мужское колѣно въ его родѣ пресѣклось, что въ свое время оспорено не было ни Ульяною Ширай, ни отцомъ ея Петромъ Бороздню, ни сыновьями сего послѣдняго, однокровными ея братьями.

Во-четвертыхъ, что Высочайше учрежденная комиссія при производствѣ слѣдствія по сему дѣлу нарушила предписанныя закономъ формы и обряды и не произвела розысканія объ обстоятельствахъ, могущихъ служить къ разъясненію дѣла.

Въ отношеніи сихъ возраженій изъ дѣла видно:

1. О МЕТРИКАХЪ.

Слѣдственной гражданской комиссіею, учрежденною по Высочайшему повелѣнію, и духовною, по указу святѣйшаго синода, обнаружено четыре книги церкви села Соловы за 1818 годъ.

О церковной книгѣ не имѣется въ дѣлѣ свѣдѣній, кромѣ удостовѣренія слѣдователей, что по сличенію она оказалась не подлинною, а списанною съ книги, хранившейся въ духовномъ правленіи. Тетрадь, представленная Заверухою, никѣмъ не подписана, безъ печати и непрошнурована. Въ книгѣ этой, 8 ноября, *въ статьѣ под № 15-ю* значится: «отъ генераль-маіора Ширая и жены его Ульяны Петровны дочери Бороздновы родился сынъ Александръ, крещенъ сего мѣсяца 8-го числа приходскимъ священникомъ Николаемъ Лапчинскимъ, воспріемникомъ отъ св. крещенія тому младенцу былъ то-гожь села Соловы священникъ Николай Яковлевъ сынъ Лапчинскій».

Стародубское духовное правленіе увѣдомило слѣдователей, что метрическія книги за 1818 годъ дѣйствительно не были завѣрены духовнымъ правленіемъ, какъ сіе видно изъ книгъ, имѣющихся въ архивѣ.

При обзорѣнн слѣдственной комиссіею и судебными мѣстами консисторскаго и правленскаго экземпляровъ метрическихъ книгъ села Соловы за 1818 годъ, найдено въ нихъ по одному поддѣльному, винтому, обрѣзанному листу, которые отличаются отъ прочихъ цвѣтомъ бумаги и чернилъ, внутренними водяными знаками и размѣромъ графъ. Скрѣпа на сихъ листахъ протоіерея Павла Рклицкаго, священника Николая (умершаго) и дьячка Ивана Лапчинскихъ не имѣетъ ни малѣйшаго сходства съ ихъ скрѣпою на прочихъ листахъ, что подтвер-

дили, кромѣ слѣдователей, сами подписавшіе и скрѣпившіе книги Рблицкій и Иванъ Лапчинскій.

Очевидность сихъ наружныхъ признаковъ подлога въ метрическихъ книгахъ подтверждается еще, во-1-хъ, тѣмъ, что вписанный въ консисторскую и правленскую метрическія книги за 1818 годъ родившимся сынъ дворянина Василя Лапчинскаго, Навель Лапчинскій, въ тѣхъ книгахъ показанъ умершимъ 6-го декабря, 2-хъ лѣтъ, и во-2-хъ, тѣмъ, что унтеръ-офицеръ Иванъ Лапчинскій, сынъ священника Николая Лапчинскаго, подъ присягою сознался, что онъ, по приказанію отца, писалъ поддѣльные листы и вшилъ ихъ на мѣсто прежнихъ, о чемъ онъ впоследствии сообщилъ священнику Ивану Лапчинскому, который это показаніе при слѣдствіи также подтвердилъ по іерейской совѣсти.

Засимъ, остается разрѣшить вопросъ, былъ ли рожденный Ульяною Ширай сынъ Александръ записанъ въ тѣхъ книгахъ, на тѣхъ листахъ, которые замѣнены другими.

По вопросу сему изъ слѣдствій гражданскаго и духовнаго вѣдомства видно:

а, Священникъ Иванъ Лапчинскій, бывший въ 1818 году дьячкомъ соловеской церкви, по іерейской совѣсти, показалъ, что въ метрической книгѣ, хранившейся до 1839 года при помянутой церкви, Александръ былъ записанъ сыномъ Ширая и жены его Ульяны, но въ семь послѣднемъ году, по приказанію Ширая, объявленному ему Заверухою, книга эта была отдана имъ Заверухѣ, который замѣнилъ ее другимъ экземпляромъ, гдѣ уже не было записано рожденія Александра. Въ доказательство справедливости сказаннаго, Иванъ Лапчинскій представлялъ письмо къ нему благочиннаго Демы. Священникъ Иванъ Лапчинскій книгу, хранившуюся у Заверухи, признаетъ подлинною, взятою у него семь послѣднимъ въ 1839 году. Показаніе это 16 марта 1843 года Лапчинскій подтвердилъ предъ архіепископомъ черниговскимъ Павломъ, сдѣлавшимъ о томъ письменное на оборточномъ листѣ засвидѣтельствованіе.

б, Священникъ Оеодръ Лапчинскій, бывший дьякономъ соловеской церкви, по іерейской совѣсти, подтвердилъ показаніе Ивана Лапчинскаго, дополнивъ оное сознаніемъ, что въ 1839 или 1840 году, векорѣ послѣ смерти жены Ширая, онъ, изъ угожденія сему послѣднему, по порученію Заверухи, писалъ копію съ экземпляра метрической книги духовнаго правленія, въ которомъ не было записано рож-

денія Александра. Этою копію впослѣдствіи была замѣнена подлинная церковная метрическая книга.

в, Благочинный Дема подтвердилъ показаніе Лапчинскихъ во всемъ, что до него касалось.

г, Дворянинъ Ракицкій, запимавшійся письменными дѣлами у Ширая, подъ присягою засвидѣтельствовалъ, что Александръ былъ записанъ въ метрику, но безъ спроса и желанія Ширая, и когда членъ духовнаго правленія, священникъ Пашинскій (умершій), объявилъ ему о томъ, то Ширай разсердился и велѣлъ тому священнику выключить Александра; но какъ исполнено было это желаніе, онъ, Ракицкій, не знаетъ.

д, Унтеръ-офицеръ Иванъ Лапчинскій (сынъ священника Николая Лапчинскаго) подъ присягою сознался, что метрическія книги села Соловы за 1818 годъ были писаны имъ; что въ этихъ книгахъ, въ числѣ родившихся въ ноябрѣ 1818 г., записанъ былъ сынъ Ширая Александръ, но чрезъ годъ послѣ рожденія сего послѣдняго, а настояще не помнитъ, онъ, Лапчинскій, по приказанію своего отца, въ книгахъ метрическихъ, присланныхъ протоіереемъ Леонтіемъ Рѣлицкимъ, переписалъ листы, гдѣ Александръ былъ вписанъ; и вмѣсто него, на вновь вшитыхъ листахъ, вписалъ сына дворянина Лапчинскаго, Павла, и что скрѣпы на новыхъ листахъ, вмѣсто священника и дьячка, сдѣлалъ онъ, Лапчинскій, по приказанію отца.

е, Титулярный совѣтникъ Заверуха, подъ присягою сознался, что онъ дѣйствительно, по приказанію Ширая, выпросилъ у священника Іоанна и дьячка Федора Лапчинскихъ бывшую при соловской церкви метрическую книгу, въ которой, какъ Ширай неизвѣстно отъ кого узналъ, значился записаннымъ Александръ, непризнанный имъ сыномъ; что въ замѣнъ взятой книги Ширай просилъ отдать копію съ метрики стародубскаго духовнаго правленія, доставленную ему столоначальникомъ Барщевскимъ; что показаніе священника Федора Лапчинскаго, будто бы онъ, Заверуха, убѣждалъ его писать копію, несправедливо, и что когда онъ, Заверуха, получилъ подлинную соловскую церковную метрическую книгу, то предъявилъ ее Шираю, который, прочитавъ, возвратилъ ему и сказалъ: «пусть у тебя останется».

На данной Заверухѣ съ священникомъ Федоромъ Лапчинскимъ очной ставкѣ, каждый изъ нихъ остался при своемъ показаніи.

ж, Вдова секретаря стародубскаго духовнаго правленія Масловская

(родственница Заверухи, по словамъ повѣренныхъ Долинской и Чернотузской), подъ присягою показала, что она, по болѣзни мужа, принимала соловекія метрическія книги, и въ оныхъ былъ записанъ Александръ сыномъ Ширая, и что въ послѣдствіи, въ февралѣ или мартѣ 1819 года, она видѣла, какъ книги эти взялъ изъ правленія священникъ Пашинскій.

3, Поручикъ Иванъ Губчицъ, дальній родственникъ Ширая, въ письменномъ отзывѣ объяснилъ, что когда въ 1839 или въ 1840 году онъ сказалъ Шираю, что московскій (Заботинъ) имѣетъ метрическое свидѣтельство, то съ симъ словомъ Ширай, встревоженный, вскочилъ и сказалъ Заверухѣ: «что это значитъ?» — «Несправедливо, ваше превосходительство, отвѣчалъ Заверуха, вездѣ уничтожено».

Совокупность сихъ сознаній и показаній, учиненныхъ по іерейской совѣсти или подъ присягою (кромя Губчица), въ опроверженіе которыхъ противная сторона противопоставляетъ одиѣ лишь догадки, неизбѣжныя предъ закономъ судебной достовѣрности, уничтоженіе въ метрическихъ книгахъ консисторіи и правленія тѣхъ именно листовъ, въ коихъ записаны были родившіеся въ ноябрѣ 1818 года, и наконецъ логическая послѣдовательность выше доказанныхъ фактовъ рожденія и крещенія въ селѣ Соловы Александра, требующая записки сего послѣдняго, подъ какимъ бы то званіемъ ни было, въ метрическихъ книгахъ соловекіи церкви, въ которыхъ его нынѣ вовсе не значится,—приводить къ слѣдующимъ убѣжденіямъ: 1, что Александръ Заботинъ въ ноябрѣ 1818 года былъ записанъ въ метрическихъ книгахъ соловекіи церкви сыномъ Степана Ширая и, по распоряженію сего послѣдняго, единственнаго лица, имѣвшаго въ томъ интересъ, исключенъ изъ книги, и 2, что все подлоги и подмѣны въ метрическихъ книгахъ учинены были до кончины Ширая, послѣдовавшей въ августѣ 1841 года.

II. о личныхъ супружескихъ отношеніяхъ супруговъ ШИРАЙ.

Изъ присяжныхъ свидѣтельскихъ показаній видно:

Гаевскій, управлявшій соловекимъ имѣніемъ съ мая 1818 г., и Ракицкій, занимавшійся по письменнымъ дѣламъ Ширая съ 1811 г., объявили: Ширай жилъ съ женою въ несогласіи, но посѣщалъ ли онъ ее, не знаютъ и не замѣтили. Къ сему Гаевскій присовокупилъ, что Ширай, проѣзжая въ Черниговъ, заѣзжалъ въ Солово, оставав-

ливался въ большомъ домѣ и проживалъ тамъ по нѣскольку дней; что въ началѣ 1818 года Ширай былъ въ Соловѣ и что въ день рожденія его женою сына Александра почевалъ тамъ и поутру уѣхалъ въ Черниговъ. Это подтвердили и пять соловскихъ дворовыхъ людей, спрошенныхъ по священническому увѣщанію, присовокупивъ къ тому, что Ширай, бывая въ Соловѣ, видѣлся съ женою.

Заверуха, поступившій къ Шираю на службу въ 1834 году, показалъ, что съ 1834 года Ширай жены не навѣщалъ.

Титулярный совѣтникъ Середа, — что, по поспившимъ въ народѣ слухамъ, Ульяна Ширай родила сына, но не отъ мужа.

Животкевичъ, — что во время освѣщенія соловскаго дома, когда Ширай жили вмѣстѣ, преосвященный черниговскій, по просьбѣ Степана Ширая, назидая жену его Ульяну, въ особыхъ покаяхъ, о вѣрности супружества; а коллежскій регистраторъ Явжуль, что при женѣ Ширай видѣлъ сына ея Александра, который жилъ при ней до 5-ти лѣтъ, но отъ Ширай ли рожденъ Александръ, — не знаетъ.

Показаніе свидѣтелей насчетъ образа жизни Ульяны Ширай разпогласны; одни утверждаютъ, что она содержалась въ Соловѣ неприлично своему званію и терпѣла недостатки, другіе напротивъ того свидѣлствуютъ, что ей производилось приличное и достаточное содержаніе.

О болѣзняхъ, которыми была одержима Ульяна Ширай, коллежскій ассесоръ Животкевичъ подъ присягою показалъ, что она имѣла припадки въ родѣ сумасшествія и тогда выходила изъ благопристойности къ мужчинамъ.

Графъ Гудовичъ и дѣйствительный статскій совѣтникъ Искрицкій въ письменныхъ отзывахъ показали: *первой*, что рѣдко имѣлъ случай видѣть Ульяну Ширай, но ему казалось, что въ свободное время отъ болѣзненныхъ припадковъ, она была женщина скромная и кроткая, а *второй* слышалъ, что въ болѣзненныхъ припадкахъ она предпочитала бесѣду, званію ея несвойственную.

Наконецъ докторъ Кузминскій, пользовавшій Ульяну Ширай съ 1834 года, въ отзывѣ объяснилъ, что она вскорѣ послѣ смерти сына Михаила страдала желтухою, потомъ водяною и отъ двухъ послѣдовавшихъ одинъ за другимъ въ 1838 году параличныхъ ударовъ, въ 1839 году скончалась. Во время малоколичественныхъ опущеній имѣла общее упомѣнительство, продолжавшееся иногда и по недѣль и

обнаруживавшееся бессонницею, говорливостію, или молчаливостію и угрюмостію.

По единогласнымъ отзывамъ секретарей стародубскихъ присутственныхъ мѣстъ, слѣдавшихъ письмо Петра Бороздны, отъ 16 августа, съ другими его письмами и документомъ, имъ подписаннымъ, въ почеркѣ сего письма не найдено сходства съ почеркомъ его на другихъ бумагахъ; второе письмо Бороздны, отъ 17 іюня, въ которомъ онъ приглашаетъ Ширая для сообщенія какой-то тайны, не можетъ служить къ разъясненію обстоятельствъ настоящаго дѣла, а третье письмо Ширая, хотя и не оспоренное въ подлинности почерка, есть не болѣе, какъ черновой проэктъ письма, неизвѣстно когда и къ кому писаннаго и посланнаго или нѣтъ.

По показанію Долинской и Чернолузской, Ширай писалъ письмо сіе въ 1811 году къ Немировичу-Донченкѣ. Въ письмѣ этомъ есть смыслъ, по обвиненія, которыя въ немъ взводятся, не оправдываются ни обстоятельствомъ дѣла, ни единодушнымъ показаніемъ о характерѣ и душевныхъ качествахъ Ульяны Ширай. Во всякомъ случаѣ проэктъ писемъ Ширая, въ которыхъ онъ по произволу могъ писать все, что ему вздумалось, недолжны быть приняты за доказательства при рѣшеніи дѣла. Но признавая даже бумаги, представленныя Долинскою и Чернолузскою, несомнѣнно писанными въ 1809 и 1811 годахъ Бороздною и Шираемъ, очевидно, что если юридически невозможно по двумъ письмамъ обвинить Ульяну Ширай въ прелюбодѣяніи въ томъ періодѣ времени, къ которому письма эти относятся, то тѣмъ менѣе они могутъ служить доказательствомъ къ обвиненію Ульяны Ширай въ нарушеніи въ 1818 году супружеской вѣрности, по истеченіи 8-ми или 9-ти лѣтъ отъ ихъ написанія, ибо предшествовавшія событія или поступки не могутъ служить основаніемъ къ обвиненію въ послѣдующихъ дѣйствіяхъ. Тѣмъ менѣе принять можно за юридическій доводъ къ обвиненію Ульяны Ширай въ прелюбодѣяніи въ 1818 году, показаніе Животкевича, что пресвященный черниговскій во время освященія соловскаго дома, по просьбѣ Степана Ширая, назидаль въ особомъ покоѣ жену его въ вѣрности супружеской. Судя по словамъ Животкевича (Ширай жили тогда вмѣстѣ), событіе это должно быть отнесено къ промежутку времени между 1801—1810 годами. Что же касается до побудительной причины къ означенной просьбѣ Ширая, то столько же вѣроятно, что поводомъ къ тому могло быть нарушеніе женою супружескаго долга, сколько, если не болѣе, неосно-

вательная подозрительность и даже одно простое желаніе утвердить жену силою пастырскаго слова въ неизмѣнной супружеской вѣрности.

При подробномъ разсмотрѣніи всѣхъ свидѣтельскихъ показаній, не оказывается между ними не только удостовѣренія, но даже и намѣка на преступную съ кѣмъ либо связь Ульяны Ширай. Сдѣланное повѣреннымъ дочерей Ширай указаніе на Рухлядку (умершаго), управлявшаго соловекмъ имѣніемъ до 1818 года, явно опровергается и своею голословностію и присяжнымъ показаніемъ помѣщика Янжула, что Рухлядка обращался съ Ульяною, по своему невѣжеству, грубо. Нѣкоторые изъ спрошенныхъ по дѣлу лицъ (Ракицкій, Гаевскій, Заверуха, Попсуй, Гредченко) говорятъ о несогласіи Ширай съ женою; но несогласіе не доказываетъ еще совершеннаго и постояннаго разрыва супружескихъ отношеній. Въ представленномъ Долинскою и Чернолузскою проэктъ черноваго письма Ширай сказано, что онъ до нѣкотораго только времени не можетъ видѣться съ женою; слѣдствіемъ же обнаружено, что онъ, Ширай, бывалъ по нѣскольку дней въ селѣ Соловѣ, гдѣ жена его постоянно жила и что въ имѣніи семь онъ былъ какъ въ началѣ 1818 г., такъ и въ день рожденія женою Александра, а по удостовѣренію пяти дворовыхъ людей, онъ не только бывалъ въ селѣ Соловѣ, но даже видѣлся съ женою своею Ульяною. Въ февралѣ, мартѣ и апрѣлѣ Ширай, какъ удостовѣряетъ черниговское дворянское депутатское собраніе, находился въ стародубскихъ своихъ имѣніяхъ, а не въ Черниговѣ, какъ доказывали его дочери.

Законъ (ст. 121 и 131 X Т.) рожденныхъ въ законномъ бракѣ дѣтей признаетъ незаконными въ томъ единственно случаѣ, когда они произошли отъ прелюбодѣянія. Показанія противной стороны о рожденіи Александра Ульяною Ширай отъ прелюбодѣянія, или явно опровергнуты, или ничѣмъ не доказаны, а въ дѣлѣ нѣтъ ни малѣйшаго довода о нарушеніи Ульяною Ширай, въ 1818 году, супружескаго долга и со стороны соперниковъ Александра не представлено никакихъ указаній, которыя бы приводили къ вѣроятному предположенію о томъ, кто могъ быть отцомъ его, Александра, или существовалъ ли канцеляристъ, или другое какое либо лицо, сыномъ котораго онъ могъ быть, подъ фамилією Заботина, поступить въ воспитательный домъ.

III. о непризнаніи генераль-маіоромъ Шираемъ и женою его Ульяною Александра законнымъ ихъ сыномъ и о неоглашеніи законности сего послѣдняго.

Подложное исключеніе Александра изъ метрическихъ книгъ села Соловы, непомѣщеніе его въ свидѣльствѣ, взятомъ въ 1819 году отъ суражскаго предводителя дворянства, для предъявленія правъ на наслѣдство послѣ полковника Будляскаго, и наконецъ оговорка Ширая во всѣхъ, составленныхъ имъ въ 1838 году распорядительныхъ, актахъ объ имуществѣ, что за смертію сына Михаила мужское колено преемлось, неоспоримо доказываютъ нежеланіе Ширая признавать Александра законнымъ своимъ сыномъ. Но если нѣтъ въ фактѣ семь ни малѣйшаго сомнѣнія, то равномерно не можетъ быть сомнѣнія и въ томъ, что такого рода непризнаніе не можетъ служить основаніемъ къ лишенію Заботина такихъ правъ, которыя, по рожденію его въ законномъ бракѣ, закономъ ему присвоены. По литовскому статуту (разд. 3 артикулъ 28, § 3), дѣйствовавшему до 1842 года въ Черниговской губерніи, не признавшій законнымъ сына, рожденнаго женою, долженъ былъ учинить отреченіе и не держать ни жены, ни дитяти въ своемъ домѣ, ибо непристойно, какъ сказано въ семь законѣ, честному человѣку что либо худое и безчестное въ своемъ домѣ терпѣть. Соображая съ обстоятельствами дѣла сей законъ, современный по рожденію Заботина въ 1818 г. и мѣстный по совершенію событій въ Черниговской губерніи, нельзя упустить изъ виду, что послѣ рожденія Ульяною Ширай сына Александра, она безвыѣздно до самой кончины жила въ родовомъ имѣніи своего мужа въ Соловѣ, въ которомъ бывалъ и самъ Ширай, а сынъ, ею рожденный, оставался при ней въ томъ же имѣніи до 4-хъ лѣтъ. По дѣлу видно, что Ширай зналъ о рожденіи женою его сына Александра, и этого обстоятельства не отвергаютъ противники Заботина, а потому пребываніе Александра въ домѣ Ширая до 4-хъ лѣтъ и неучиненіе сямъ послѣднимъ формальнаго отреченія, узаконяютъ такъ сказать рожденіе Александра, хотя бы Ширай убѣжденъ былъ и въ противномъ, ибо по общимъ основаніямъ гражданскихъ законовъ неотрицаніе въ установленномъ порядкѣ мужемъ такого событія, какъ рожденіе его женою сына, равносильно въ послѣдствіяхъ признанію его законнымъ.

Перехода отъ литовскаго статута къ общему своду законовъ, долж-

по признать, что дѣйствовавшіе и дѣйствующіе законы наши имѣли всегда въ виду, съ одной стороны, огражденіе освященныхъ церковью отношеній мужа и жены отъ всякаго посторонняго вмѣшательства, а съ другой, защиту гражданскихъ правъ дѣтей, происходящихъ отъ сего союза. Посему отреченіе отъ дитяти, рожденнаго женою въ законномъ бракѣ, зависить не отъ произвола мужа, а отъ закона, вслѣдствіе предъявленнаго имъ установленнымъ порядкомъ и своевременно спора и доказаннаго имъ нарушенія женою супружеской вѣрности. Съ сею цѣлю, въ Высочайше утвержденномъ мнѣніи государственнаго совѣта 6-го февраля 1850 года (которое впрочемъ по времени изданія на настоящее дѣло не распространяется), установленъ даже срокъ, для предъявленія мужемъ спора о законности младенца, рожденнаго его женою; съ сею же цѣлю постановлено въ ст. 121 и 131, что рожденные въ законномъ бракѣ признаются незаконными, въ случаѣ доказаннаго происхожденія отъ прелюбодѣянія жены, а въ ст. 122 X Т. и примѣчаніи къ оной, что законность рожденія младенца не подлежитъ спору, если не была она оспорена, при жизни его родителей или въ теченіи 10-ти лѣтъ послѣ рожденія его, когда только признаніе лица было оглашено надлежащими актами и событіями. Прочія постановленія X Т. Св. Зак. гр. о дѣтахъ законныхъ, по внутреннему ихъ содержанию, исключительно относятся къ дѣтямъ, рожденнымъ внѣ законнаго брака.

Изложенными выше обстоятельствами дѣла обнаружено, что Александръ записанъ былъ законнымъ сыномъ Ширая и жены его Ульяны въ метрическихъ книгахъ соловской церкви, слѣдовательно рожденіе его было оглашено въ исключительно установленномъ для сего актѣ; если же Ширай имѣлъ основаніе признавать Александра не своимъ сыномъ, а происходящимъ отъ прелюбодѣянія жены, то обязанъ былъ представить доказательства въ установленномъ порядкѣ и своевременно; но самовольное устраненіе Александра посредствомъ свидѣтельства и распорядительныхъ актовъ отъ правъ гражданскихъ, усвоенныхъ рожденіемъ въ законномъ бракѣ, лишеніе и присвоеніе которыхъ не зависить отъ произвола частнаго лица, предъ лицомъ закона не можетъ имѣть никакой силы и дѣйствія. Александръ рожденъ Ульяною Ширай въ 1818 году, оставался при ней въ родовомъ имѣніи Ширая Соловь до 4-хъ лѣтъ, потомъ отправленъ въ деревню Болдовку, а оттуда отданъ Михаиломъ Шираемъ, сперва на воспитаніе въ Новгородъ-Сѣверскъ священнику Мануйловичу, а потомъ въ

московскій воспитательный домъ подъ вымышленнымъ именемъ Заботина. Все сіе событія, подтвержденныя свидѣтельскими показаніями, не были и не могли быть для Ширай тайною. Этого не отрицаютъ даже дочери его Долинская и Чернолузская. Объясненіе же, что Ширай не оспаривалъ законности рожденія въ видахъ нравственныхъ для избѣжанія соблазна и позора, едва ли имѣетъ прочное основаніе. Рѣшеніе всякаго рода дѣлъ должно быть утверждаемо на фактахъ и на точной силѣ закона, а не на нравственныхъ убѣжденіяхъ, подлежащихъ разнообразнымъ сужденіямъ, и не на умозрительныхъ догадкахъ, которымъ могутъ быть всегда противопоставлены другія догадки, для опредѣленія относительнаго достоинства которыхъ въ законѣ не преподано ни правила, ни руководства. Нельзя также допустить начала, не признаннаго положительнымъ законодательствомъ, что отъ непосредственнаго, основаннаго часто на одномъ подозрѣніи, усмотрѣнія отца зависить признаніе однихъ дѣтей, рожденныхъ женою его въ законномъ бракѣ, законными, а другихъ незаконными. Такое начало не только ослабило бы освященное уставомъ церкви состояніе семейное, но повлекло бы къ самоуправству, неумѣстному въ благоустроенномъ государствѣ, и можно сказать клонилось бы къ потрясенію гражданскаго общества въ самыхъ его основаніяхъ.

Объявленіе Долинской и Чернолузской, что Ульяна Ширай никогда не призвала Александра своимъ сыномъ, какъ основанное не на доводахъ, а однихъ голословныхъ предположеніяхъ, не представляется уважительнымъ. Письма Ульяны Ширай къ священнику Мануйловичу показываютъ вѣжливѣйшую материнскую привязанность ея къ своему дитяти. Въ этихъ письмахъ, она называетъ его своимъ Сашинькой, своимъ маленькимъ Сашинькой, своимъ малюткой, а Михаила старшимъ своимъ сыномъ, что служитъ доказательствомъ того, что былъ у нея въ сіе время и младшій сынъ Александръ, потому что съ 1809 года Петра не было уже въ живыхъ. Изъ дѣла ясно видно, что отъ Ульяны Ширай скрывали судьбу сына Александра и отдачу его въ воспитательный домъ, ибо когда Александръ находился въ Москвѣ, то она въ письмѣ къ Мануйловичу считала его очень далеко за Москвою. Раскрытыя слѣдствіемъ тайная подмѣна листовъ въ метрическихъ книгахъ духовныхъ консисторій и правленія и выносъ метрической книги изъ церкви села Соловы, послѣ смерти Ульяны Ширай, приводятъ къ заключенію, что и самъ Степанъ Ширай не рѣшался гласно отвергать законность рожденнаго женою его Уль-

яною сына Александра. При немѣнии въ виду со стороны Ширая спора о законности рожденнаго женою его Ульяною Ширай сына, сія послѣдняя не имѣла ни повода, ни основанія заявлять актами и доказывать судомъ законность, никѣмъ не отвергаемую. Во время составления Шираемъ въ 1838 году распорядительныхъ объ имѣнии актовъ, какъ видно изъ свидѣтельства врача Кузминскаго, она разбита была параличемъ и притомъ, оставаясь безвыѣздно, въ селѣ Соловѣ, въ полной власти мужа, не имѣла возможности знать о тѣхъ актахъ, которые мужъ ея совершилъ, въ стародубскомъ уѣздномъ судѣ. Молчаніе отца Ульяны Ширай, Петра Борозды, который, впрочемъ, по показанію Долинской и Чернолузской, умеръ чрезъ 2 года послѣ рожденія Александра, во время пребыванія сего послѣдняго при матери, а также молчаніе прочихъ родственниковъ Ульяны Ширай, не могло и не можетъ лишить Александра, воспитаннаго подъ именемъ Заботина, тѣхъ правъ, какія ему законно принадлежать.

По всѣмъ симъ соображеніямъ, доказывающимъ положительно, что законность рожденія Александра женою Ширая Ульяною Ширай, утвержденная метрическою книгою, не была формальнымъ порядкомъ оспорена Степаномъ Шираемъ, и слѣдуя точному смыслу современнаго настоящему событію закона литов. статута разд. III, артик. 28 § 3, а также т. X св. зак. гр. ст. 121, 131 и 122 и примѣч. къ сей послѣдней статьѣ, нельзя не придти къ заключенію, что Александръ, воспитанный подъ именемъ Заботина, долженъ быть признанъ законнымъ сыномъ генераль-маіора Ширая и жены его Ульяны.

Что же касается до ссылки Долинской и Чернолузской на примѣрное дѣло о званіи дочери княгини Касаткиной-Ростовской (Высочайше утвержденное мнѣніе государственнаго совѣта 16-го октября 1844 г.), то дѣло сіе, по самому существу своему, не можетъ быть поставляемо въ примѣръ въ настоящемъ случаѣ: въ дѣлѣ княгини Касаткиной-Ростовской доказано было: а) что княгиня Касаткина-Ростовская созналась письменно московскому митрополиту и словесно въ духовной консисторіи, что въ теченіи 6-ти лѣтъ не имѣла съ мужемъ сообщенія; сознанія сіи учинены одно за 7-мь мѣсяцевъ до рожденія ея дочери, а другое чрезъ 15-ть мѣсяцевъ послѣ рожденія; б) что княгиня Касаткина-Ростовская не жила въ домѣ мужа, а вела отдѣльную, свободную, независимую жизнь, и в) что дочь, рожденная ею проѣздомъ чрезъ Курскъ, была записана въ метрикѣ безъ означенія отца, который о существованіи дочери и не зналъ.

Изъ обнаруженныхъ же слѣдствіемъ событій о происхожденіи Александра, воспитаннаго подъ именемъ Заботина, напротивъ того, видно, что мать сего послѣдняго Ульяна Ширай никогда и ни предъ кѣмъ не заявляла о прекращеніи супружескихъ отношеній; что она, Ульяна Ширай, жила постоянно и безвыѣздно въ имѣніи своего мужа, въ полной отъ него зависимости; что рожденный ею младенецъ былъ записанъ, въ метрикахъ, сыномъ ея мужа Степана Ширая, и что сей послѣдній о существованіи младенца, жившаго при матери 4 года, не былъ безызвѣстенъ. По симъ основаніямъ, а равно и потому еще, что постановленныя по одному дѣлу рѣшенія частныя, или такъ называемыя сепаратныя, по 68 и 69-й ст. 1-го т. основ. зак., не имѣютъ силы закона для другаго дѣла, — послѣдовавшее по дѣлу Касаткиной-Ростовской рѣшеніе не можетъ быть примѣняемо къ настоящему дѣлу.

IV. объ упущеніяхъ, допущенныхъ высочайше утвержденною слѣдственною комиссіею.

По всеподданнѣйшему докладу генералъ-адъютанта графа Бенкендорфа, его императорское величество повелѣть соизволилъ: обстоятельства, изложенныя въ запискѣ флигель-адъютанта Демидова 2-го о самовольномъ лишеніи генераломъ Шираемъ сына, рожденнаго его женою, правъ дворянства и наслѣдства, изслѣдовать черниговскому губернскому предводителю дворянства Ладомирскому съ полковникомъ корпуса жандармовъ Ливенцовымъ и флигель-адъютантомъ Демидовымъ. Черниговскій, полтавскій и харьковскій генералъ-губернаторъ, объявляя о семъ Высочайшемъ повелѣніи, предложилъ предводителю дворянства: «для избѣжанія всякихъ просковокъ, взять всѣ возможные мѣры предосторожности, дабы въ особенности, прежде приступленія къ слѣдствію, настоящая Высочайшая воля оставалась въ тайнѣ и чтобы всѣ дѣйствія, которыя будутъ предприняты къ раскрытію сущности этихъ обстоятельствъ, отнюдь не дѣлались гласными прежде ихъ совершенія». Такимъ образомъ учрежденная, по Высочайшему повелѣнію, слѣдственная комиссія для изслѣдованія противузаконныхъ поступковъ Степана Ширая, и по своему составу, и по указанному для нея образу дѣйствія, выходила изъ разряда обыкновенныхъ слѣдственныхъ комиссій.

Тѣмъ не мѣнѣ нельзя не признать, что слѣдователями допущены были два главные отступленія отъ закона при производствѣ розысканій по настоящему дѣлу: а) въ противность 1 и 2 п. 2367 ст. X т., спрошенъ подъ присягою прикосновенный къ дѣлу титулярный совѣтникъ Заверуха, и б) приведены къ присягѣ вдова Масловская и Заверуха на другой день послѣ допроса (2386 ст. X т.). Объ участіи же унтеръ-офицера Лапчинскаго въ подлогахъ по метрическимъ книгамъ слѣдователи могли узнать не прежде, какъ послѣ допроса, которому по закону предшествовала присяга.

Что касается до другихъ упущеній, то слѣдуетъ принять во вниманіе:

1) Свѣдѣніе о рожденіи Ульяною Ширай, кромѣ Александра, сына Константина, основано на препровожденной къ слѣдователямъ черниговскимъ, полтавскимъ и харьковскимъ генералъ губернаторомъ запискѣ, никѣмъ не подписанной, а потому имѣющей всѣ свойства и признаки подметнаго письма. Рожденный, будто бы, Ульяною Ширай Константинъ не значится въ метрическихъ книгахъ, какъ увѣдомило слѣдователей стародубское духовное правленіе; никто изъ спрошенныхъ лицъ не сдѣлалъ указанія, въ подтвержденіе сего обстоятельства, а Долинская и Чернолузская никакихъ свѣдѣній, по сему предмету, не сообщили. Очевидно, что слѣдователи не имѣли ни повода, ни основанія производить дальнѣйшія розысканія о лицѣ небываломъ.

2) Равномѣрно не представлялось основанія производить дальнѣйшія розысканія о сочинителѣ письма изъ г. Шацка, подписаннаго А. Заботинъ, и адресованнаго къ Долинской и Чернолузской. Другой Заботинъ, кромѣ того, о которомъ въ дѣлѣ семь рѣчь идетъ, и который въ то время находился въ Черниговской губерніи, до сихъ поръ не являлся, а по секретному розысканію, какъ увѣдомилъ тамбовскій гражданскій губернаторъ, въ Шацкѣ Заботина не оказалось. Сего, кажется, достаточно для убѣжденія, что письмо изъ Шацка есть вымыселъ, неимѣющий даже признаковъ правдоподобія, тѣмъ болѣе, что въ тождествѣ Заботина, неоспариваемомъ Долинскою и Чернолузскою съ младенцемъ, рожденнымъ въ 1818 году Ульяною Ширай, не представляется ни малѣйшаго сомнѣнія. Это доказываютъ показанія: по іерейской совѣсти священника Мануйловича, у котораго Александръ воспитывался, подъ присягою жены Мануйловича, которая указала даже примѣты его, Александра, штабъ-капитана Емельяновича, директора ремесленнаго заведенія при воспитательномъ домѣ коллежскаго

совѣтника Розенкамфа и предсмертное письмо Михаила Ширая къ своимъ сестрамъ.

3) Сличеніе подписи Петра Борозды на письмѣ, представленномъ Долинскою и Чернолузскою, учинено было секретарями стародубскихъ присутственныхъ мѣстъ, которые единогласно признали письмо это неимѣющимъ по почерку сходства съ другими бумагами, писанными и подписанными Бороздою. Законность образа сличенія Долинская и Чернолузская не оспариваютъ, и такъ-какъ нѣтъ закона, чтобы производить вторичное сличеніе и давать предпочтеніе въ степени достовѣрности показаній секретарямъ губернскихъ мѣстъ и правительствующаго сената предъ секретарями судовъ 1 степени, то возраженіе по сему предмету не имѣетъ законнаго основанія.

4) Изъ дѣла видно, что Александръ находился до 4-хъ лѣтъ при матери, а до 7 лѣтняго возраста у новгородъ-сѣверскаго священника Мануйловича. Посему, и какъ на основаніи 116 правила Помоканона и 3 п. указа 6 ноября 1822 г., дѣти обоюга пола допускаются къ исповѣди не ранѣе 7 лѣтняго возраста, то Александръ, до отправленія въ Москву, не могъ значиться въ исповѣдныхъ книгахъ, а потому и дальнѣйшія розысканія по сему предмету безполезны.

5) Возраженіе Долинской и Чернолузской, что слѣдователи допустили мѣтнаго священника Юзина Лапчинскаго къ увѣщанію нѣкоторыхъ лицъ, спрошенныхъ безъ присяги, и къ приводу нѣкоторыхъ изъ допрошенныхъ къ присягѣ, не имѣетъ основанія. Нѣтъ закона, воспрещающаго участвующему въ дѣлѣ священнику приводить къ присягѣ и увѣщевать допрашиваемыхъ, а потому дѣйствія слѣдователей въ семъ случаѣ не могутъ быть признаны противузаконными. Къ тому же и увѣщанія и присяга производились священникомъ въ присутствіи слѣдователей.

6) Жалоба Долинской и Чернолузской о недопущеніи ихъ, во время слѣдствія, къ отводу свидѣтелей и къ присутствованію при приведеніи къ присягѣ лицъ, спрошенныхъ по сему дѣлу, не имѣетъ также основанія. Слѣдователи, на точномъ основаніи Высочайшаго повелѣнія о приведеніи въ извѣстность обстоятельствъ, изложенныхъ въ запискѣ полковника Демидова о поступкахъ, относящихся собственно до генерала Ширая, не считали и не могли считать Долинскую и Чернолузскую отвѣтчицами за отца въ подмогахъ, симъ послѣднимъ учиненныхъ. Кромѣ того, изъ дѣла видно, что возраженіе сіе было въ виду государственнаго совѣта, при разсмотрѣніи вопроса о поряд-

къ производства подлежащаго дѣла и, Высочайше утвержденнымъ 16 октября 1844 г. мѣстнымъ совѣта, предоставлено было Долинской праву участія только въ дальнѣйшемъ производствѣ сего дѣла.

По всѣмъ вышеизложеннымъ основаніямъ и принявъ на видъ: Высочайшее повелѣніе, чтобы дѣло сіе не затягивалось, и ст. 2443 X т., которая воспрещаетъ, подъ видомъ приведенія въ ясность обстоятельствъ дѣла, заводить справки, кои къ существу дѣла не принадлежатъ, а служатъ только къ промедленію онаго, я не нахожу достаточнаго основанія обращать настоящее дѣло къ новому переслѣдованію, тѣмъ болѣе, что новый допросъ въ семь случаевъ, касаясь не другаго, а именно того же предмета, о которомъ большая часть спрошенныхъ лицъ уже разъ показали подъ присягою, имѣлъ бы нѣкоторымъ образомъ видъ вызова ихъ къ клятвопреступленію и заключалъ бы въ себѣ совершенное отступленіе отъ законовъ, охраняющихъ силу и важность данной единожды присяги.

Изясненныя соображенія, основанныя на розысканіяхъ о происхожденіи Александра, воспитаннаго подъ именемъ Заботина, обнаруживаютъ: а) что сей послѣдній рожденъ въ 1818 г. Ульяною Ширай въ законномъ бракѣ съ генераль-маіоромъ Шираемъ и воспитывался при матери до 4 лѣтъ въ имѣніи ея мужа, для котораго существованіе сего младенца не было тайною; б) что законность рожденія отъ Ширай и жены его Ульяны сына Александра оглашена была метрическими книгами, изъ которыхъ онъ впоследствии исключенъ подлогами и подмѣнами; в) что большинство свидѣтелей, спрошенныхъ подъ присягою и по священническому увѣщанію, утвердили роженіе Александра Ульяною Ширай отъ мужа ея Степана Ширая; г) что Ульяна Ширай не вела отдѣльной, независимой жизни отъ мужа, а имѣла постоянное, безвыѣздное пребываніе въ родовомъ имѣніи сего послѣдняго, въ которомъ онъ проживалъ по нѣскольку дней, и видѣлся съ своею женою; д) что нарушеніе Ульяною Ширай супружеской вѣрности въ предшествовавшее до рожденія Александра время ничѣмъ не доказано; е) что Ширай законность роженія женою его сына Александра не только нигдѣ и никогда не оспаривалъ формальнымъ порядкомъ, но даже нигдѣ и не оглашалъ до самой смерти своей; ж) что посредствомъ представленныхъ противоположною доводовъ легко можно оспаривать законность роженія, если не всякаго, то весьма многихъ, въ явное оскорбленіе святости брака, ограждаемаго законами, и наконецъ з) что подлогъ не можетъ быть оправ-

дываемъ никакими нравственными убѣжденіями, которыя, какъ выше уже замѣчено, подлежатъ разнообразнымъ сужденіямъ.

Всѣ сіи уваженія и прилагаемое къ нимъ общее правило, по которому всякое невинно-утраченное или похищенное право должно быть восстановлено силою закона, приводить къ положительному заключенію, что рожденнаго въ 1818 году Ульяною Ширай сына Александра, на основаніи значащихся по дѣлу сему неотрицаемыхъ данныхъ и по точному содержанию лит. ст. разд. III арт. 28 § 3 и ст. 121, 122 и примѣчанія къ оной X т. св. зак. гр., надлежитъ признать законнымъ ея и генераль-маіора Ширая сыномъ и, вѣдѣствіе того, возвратитъ ему отчество и фамилію, по закону принадлежащія, и всѣ права, съ сею фамиліею сопряженныя.

Признавъ такимъ образомъ Александра законнымъ сыномъ генераль-маіора Ширая и жены его Ульяны, и обращаясь затѣмъ къ разрѣшенію *третьяго и послѣдняго вопроса*—о правахъ Александра Ширая на имущество, оставшееся послѣ родителей, нельзя не замѣтить, что права Александра Ширая на имущество, оставшееся послѣ его родителей, различны по разнообразію свойствъ сихъ имуществъ. При разрѣшеніи сего вопроса слѣдуетъ разсмотрѣть: а, права Александра Ширая на благопріобрѣтенное имѣніе отца; б, права на родовое имѣніе сего послѣдняго, и в, права на родовое имѣніе матери.

Генераль-маіоръ Ширай крѣпостнымъ духовнымъ завѣщаніемъ, писаннымъ 9 ноября 1838 года, сознаннымъ и явленнымъ въ установленномъ порядкѣ, предоставилъ все свое благопріобрѣтенное имѣніе двумъ дочерямъ Марьѣ, по мужу Долинской, и Анастасьѣ, вышедшей впоследствии замужъ за Чернолузскаго. Посему и имѣя въ виду, что по раздѣлу 8 артик. II § 1 всякій властѣнъ вещи свои движимыя и недвижимое имущество, имъ самимъ пріобрѣтенное, записать кому пожелаетъ, слѣдуетъ признать, что Александръ Ширай не можетъ имѣть никакого участія въ благопріобрѣтенномъ имѣніи отца.

Родовому же своему имѣнію генераль-маіоръ Ширай составилъ, 1 ноября 1838 г., распределительный актъ, сознанный въ установленномъ литовскимъ статутомъ порядкѣ. Въ актѣ семъ сказано, что онъ, Ширай, симъ распределительнымъ вѣчнымъ записомъ, утверждаетъ и опредѣляетъ въ вѣчное и потомственное владѣніе единственнымъ по немъ наследникамъ, полковницѣ Марьѣ Долинской и дѣвицѣ

Анастасъ Ширай (нынѣ Чернолузская), все родовое, по наследству доставшееся ему имѣніе, съ тѣмъ, что онѣ могутъ вступить во владѣніе симъ имѣніемъ не прежде, какъ послѣ его смерти. Актъ сей, по самому своему названію распределительный, не можетъ быть причисленъ къ разряду актовъ дарственныхъ, а ближе всего подходитъ, и по названію и по существу своему, къ актамъ завѣщательнымъ. Всякій актъ, посредствомъ коего распределяется имѣніе на случай смерти, есть бесспорно не дарственный, а завѣщательный актъ; симъ единственно отличается повсемѣстно даръ отъ завѣщанія.

По литовскому статуту (разд. 8 арт. II § 4) дозволено было завѣщевать имѣніе благопріобрѣтенное, но не отцовскія и материнскія родовыя имѣнія.

Сообразивъ означенный распределительный актъ Ширая о родовомъ его имѣніи, учиненный на случай его смерти, съ приведеннымъ закономъ литовскаго статута, оказывается, что актъ сей, какъ содержащій завѣщательныя распоряженія о родовомъ имѣніи, предъ закономъ не можетъ имѣть силы, а потому Александръ Ширай имѣетъ неотрицаемое право на полученіе изъ родового имѣнія, оставшагося послѣ отца, наследственной части, на точномъ основаніи ст. 828 и 952 X т. Св. Зак. Гражд.

Переходя засимъ къ обсужденію правъ Александра Ширая на родовое материнское имѣніе, слѣдуетъ замѣтить, что объ имѣніи семь имѣются въ виду два акта:

Первый, дарственная запись самой Ульяны Ширай, составленная 17 августа 1809 г., по коей она все движимое и недвижимое свое имѣніе утвердила вѣчно и потомственно сыновьямъ своимъ Михаилу и Петру и дочерямъ Марьѣ и Анастасіи, съ тѣмъ, чтобы, по причинѣ ихъ малолѣтства, отъ сего времени владѣлъ и распоряжалъ имѣніемъ по смерти своей мужъ ея, безъ всякаго со стороны ея препятствія и противорѣчія. Сверхъ того дарительница предоставила мужу своему права и власть сказанныхъ дѣтей ея распределить наследственнымъ записаннымъ отъ нея имѣніемъ, по его усмотрѣнію и знанію положенія и выгодъ тѣхъ имѣній, и что кому изъ дѣтей определено имъ будетъ, о томъ никто съ нимъ спорить права не имѣетъ; себѣ же Ульяна Ширай предоставила право пользоваться продовольствіемъ и жизненными припасами. Далѣе Ширай постановила, что она запись свою переменить и нарушить не можетъ, и что равнымъ образомъ

мужъ ея не можетъ присвоивать себѣ правъ и власти болѣе той, которыя отъ нея въ сей записи точными и ясными словами ему предоставлены. Актъ сей сознанъ и вписанъ въ актовыя книги, въ предписанномъ литовскимъ статутомъ порядкѣ.

Ближайшее разсмотрѣніе сего акта Ульяны Ширай показываетъ, что сія послѣдняя при жизни своей, съ самаго дня совершенія записи (отъ сего времени, какъ сказано въ записи) отчуждала отъ себя и предоставила постороннимъ лицамъ и право собственности и право владѣнія и распоряженія пранадлежащимъ ей имѣніемъ; посему записи сія содержитъ въ себѣ необходимыя условія дарственной записи. А какъ на основаніи литовскаго статута разд. III арт. 41 дозволено было вотчинникамъ дарить какъ благопріобрѣтенныя, такъ и родовыя свои имѣнія, то совершенная Ульяною Ширай дарственная записи должна сохранить свою силу.

Признавать сію записи дарственною на случай смерти нѣтъ ни малѣйшаго основанія. Существенное различіе, между дарственною записью при жизни, дарственною на случай смерти и духовнымъ завѣщаніемъ, въ томъ и заключается, что на основаніи сихъ послѣднихъ актовъ, какъ владѣніе, такъ и распоряженіе даримымъ имуществомъ оставляется за дарителемъ до самой его кончины и переходитъ къ постороннему лицу только послѣ его смерти; настоящимъ же актомъ Ульяна Ширай, какъ выше уже сказано, и право владѣнія и право распоряженія, съ самаго дня совершенія акта, предоставила постороннимъ лицамъ.

Возраженіе, что дѣти Ульяны Ширай, получивъ по акту отъ матери право собственности на подаренное имъ имѣніе, могли вступить во владѣніе и распоряженіе онымъ только по смерти отца своего, и что посему самый актъ нельзя не признать актомъ на случай смерти, не имѣетъ законнаго основанія потому, что одно только условіе о смерти самаго дарителя имѣетъ вліяніе на признаніе акта дареніемъ на случай смерти или духовнымъ завѣщаніемъ. Въ настоящемъ же случаѣ смерть дарительницы не имѣетъ ни малѣйшаго вліянія на право дѣтей ея вступить во владѣніе и распоряженіе подареннымъ имъ имѣніемъ. Что касается до условія относительно вступленія дѣтей Ульяны Ширай во владѣніе имѣніемъ послѣ смерти ея мужа, то это условіе не ослабляетъ силы акта, ибо не только по литовскому ста-

туту, но даже по законамъ общимъ, право пользованія можетъ быть отдѣляемо отъ права владѣнія.

Второй актъ о родовомъ имѣнн Ульяны Ширай есть актъ распределительный мужа ея Степана Ширая 5 ноября 1838 года, которыми онъ по праву, предоставленному ему предъидущею дарственной записью жены, раздѣлилъ поровну родовое имѣние Ульяны Ширай между двумя дочерьми, съ тѣмъ, чтобы онѣ вступили во владѣние послѣ его смерти.

Право собственности на родовое имѣние Ульяны Ширай принадлежало, по дарственной ея записи 1809 года, ея дѣтямъ: сыновьямъ Михаилу и Петру и дочерямъ Маріи и Анастасіи, и потому настоящій распределительный актъ Ширая есть не что иное, какъ послѣдствіе предоставленнаго ему женою права раздѣлить между ними подаренное имѣние. Въ такомъ видѣ законность распределительнаго акта Степана Ширая не можетъ быть оспариваема. Но съ другой стороны, разсматривая сей послѣдній актъ въ отношеніи къ наследственнымъ правамъ Александра Ширая, нельзя не принять во вниманіе, что если бы, при составленіи Шираемъ распределительнаго акта на родовое имѣние жены, сыновья его Петръ и Михаилъ находились въ живыхъ, то, по точнымъ словамъ дарственной записи ихъ матери, онъ, Ширай, не могъ бы сыновей своихъ лишити слѣдующихъ имъ частей изъ подареннаго имъ матерью имѣнія. Дарственной записью 1809 г. Ульяна Ширай, утверждая права собственности на принадлежавшее ей имѣние за дѣтьми, тогда ею рожденными, сдѣлала въ актѣ семь оговорку, что мужъ можетъ только распределить между сказанными дѣтьми имѣние, по знавію положенія и выгодъ имѣнія; слѣдовательно, не исключая изъ нихъ ни одного. Въ окончаніи дарственной записи, какъ бы въ подтвержденіе вышесказаннаго, Ульяна Ширай объяснила, что мужъ ея присвоивать себѣ права и власти болѣе той, которая ему въ сей записи точными и ясными словами предоставлена, не можетъ. Очевидно, что если бы сыновья Шираевъ Михаилъ и Петръ находились въ живыхъ, то Степанъ Ширай не имѣлъ бы права, по силѣ упомянутой записи жены своей, лишити ихъ участія въ имѣнн, подаренномъ имъ матерью. При совершеніи распределительной Ширая записи, Петра и Михаила не было уже въ живыхъ: первый умеръ въ 1809 году, а второй въ 1833 году, но каждый изъ оставшихся въ живыхъ законныхъ наследниковъ вступалъ въ законныя права собственности послѣ умершаго. Такимъ образомъ послѣ Петра въ принадлежавшую

ему по акту матери часть вступили: братъ Михаилъ и сестры, а послѣ Михаила долженъ наследовать признанный законнымъ братъ его Александръ и сестры Марья и Анастасья. Соображенія сии о порядкѣ наследованія, въ правахъ собственности на материнское имѣніе, основаны на разд. 3, арт. 17, § 2 литовскаго статута, въ которомъ сказано, что въ томъ случаѣ, если бы братья и сестры и не раздѣлили еще доставшееся имъ послѣ родителей имѣніе и одинъ изъ братьевъ, не оставя по себѣ дѣтей, умеръ, тогда его часть отческихъ и купленныхъ имѣній идетъ въ раздѣлъ токмо на братьевъ или на ихъ потомковъ, на сестеръ же слѣдуетъ выдѣлъ приданого соразмѣрно четвертой части всего отческаго и купленнаго имѣнія. А если бы осталась материнская часть, то братья съ сестрами поровну между собою оное раздѣлить должны. Въ настоящемъ случаѣ Петръ и Михаилъ умерли въ то время, когда материнское имѣніе по записи принадлежало имъ въ собственность, но не было раздѣлено по случаю пожизненнаго владѣнія отца; посему, на основаніи вышеприведеннаго закона, какъ собственная Михаила Ширая часть въ материнскомъ имѣніи, такъ доводящаяся ему по наследству послѣ брата Петра, должны быть раздѣлены поровну между Александромъ Шираемъ и сестрами его Марьею Долинскою и Анастасьею Чернолузскою.

Руководствуясь вышеизложенными соображеніями и законами, управлявшій министерствомъ юстиціи полагалъ:

1) Рожденнаго въ 1818 году Ульяною Ширай сына Александра признать законнымъ сыномъ ея и генераль-маіора Ширая, возвративъ ему отчество, фамилію и всѣ права, по рожденію принадлежащія.

2) Родовое имѣніе генераль-маіора Ширая раздѣлить между сыномъ Александромъ и дочерьми, женою генераль-маіора Марьею Долинскою и женою коллежскаго совѣтника Анастасьею Чернолузскою, на точномъ основаніи 828 и 952 ст. X. т. св. зак. гр.

3) Изъ родоваго материнскаго имѣнія часть, доводящаяся умершему, въ 1833 году, Михаилу Шираю, какъ по собственному праву, такъ и по наследству послѣ умершаго въ 1809 году брата Петра, раздѣлить поровну, между Александромъ Шираемъ и сестрами Долинскою и Чернолузскою; все затѣмъ остальное имѣніе материнское оставить въ безспорномъ владѣніи настоящихъ вотчинницъ.

4) Благоприобрѣтенное недвижимое и движимое имѣніе генерал-майора Ширая, согласно завѣщанію его, оставить въ безспорной собственности генерал-майорши Долинской и коллежской совѣтницы Чернолузской.

По выслушаніи сего предложенія, въ общемъ собраніи сената составилось узаконенное большинство гг. сенаторовъ, согласныхъ съ предложеніемъ и такимъ образомъ дѣло получило окончательное разрѣшеніе, согласно мнѣнію г. управляшаго министерствомъ юстиціи.

ПЕРЕДОВЫЕ ЖИДЫ.

«Пане! сказалъ жидъ Янкель... знаете ли, что дѣлается?»

Т. Бульба, Гоголь.

Основа (VI-я книжка), по поводу рѣзко-высказаннаго ей недовольствія одного изъ ея читателей за слово *Жидъ*, употребляемое ея сотрудниками, выразила, между прочимъ, свое участіе къ живущимъ на украинской почвѣ Жидамъ, какъ къ людямъ, которые, вмѣсто любви и уваженія къ себѣ, внушали и внушаютъ всему не-еврейскому населенію Украины чувства противоположныя. Въ статьѣ *Основы* съ сожалѣніемъ говорилось, что еврейское племя живетъ особнякомъ среди южно-русскаго населенія; до-сихъ-поръ оно не имѣетъ ничего общаго съ нашимъ народомъ, и не сдѣлало ни одного шага къ сближенію съ нимъ, а, напротивъ, не рѣдко дѣйствуетъ противно духу и пользамъ нашего народа.»

Говоря такимъ образомъ, *Основа* надѣялась, что передовые люди еврейскаго племени въ Украинѣ, безпрестанно доводящіе до свѣдѣнія публики о своей образованности, поймутъ насъ какъ люди въ самомъ дѣлѣ образованные, и употребятъ зависящія отъ нихъ средства къ распространенію между украинскими Жидами новыхъ гражданскихъ идей, на обоюдную пользу пришельцевъ и туземцевъ. Не тутъ-то было! Не въ ту сторону направлены умы передовыхъ Жидовъ. Правда, они сами признали за нами историческое и филологическое право — называть ихъ этимъ именемъ; но вмѣстѣ съ тѣмъ, съ извѣстнаго рода ловкостью и дальновидностью, они вывели (въ 10 № своего журнала — *Сіонъ*) заключеніе, что «стремленія» *Основы* очевидно — исключительно національныя; что «*Основа* никакъ не допускаетъ, чтобы въ Малороссіи могли жить другіе люди, кромѣ малоруссовъ»; что *Основа* не позволяетъ никому быть равно-

душнымъ къ *особымъ* судьбамъ украинской націи; что эта нація готова приняться за *истребленіе* или *измание* Жидовъ; что *Основа* требуетъ отъ Жидовъ сочувствія не къ судьбамъ цѣлаго отечества, а къ судьбамъ одной изъ частей его, и т. п.

Каждому, надѣмая, изъ этого ясно, къ какимъ мѣрамъ прибѣгаютъ передовые Жиды, для достиженія своей цѣли; каждый, кто читалъ *Основу* вообще и VI книжку въ—особенности, знаетъ, есть ли, во всемъ, сказанномъ *сіонскимъ* публицистомъ, хоть одно слово правды... За то, что мы не восхищаемся дѣлами предковъ ихъ на украинской почвѣ и не видимъ благословенія небснаго въ томъ, что дѣлаютъ вообще Жиды въ наше время вездѣ, гдѣ имъ дозволено и не дозволено жить, передовые Жиды, не обинуясь объявляютъ насъ проповѣдниками инквизиціи и обвинителями варварскихъ и феодальныхъ временъ. Тутъ же рядомъ, они отпускаютъ такого рода фразы: «Въ равнодушій къ общимъ судьбамъ *нашего отечества Россіи*... въ противодѣйствіи его пользуемъ — *Основа* не упрекаетъ насъ и, *при всемъ желаніи*, не могла бы упрекнуть: *безчисленное множество* фактовъ могли бы мы привести въ такомъ случаѣ въ свою защиту.» Каково!.. Невольно вспоминается гоголевская сцена, въ которой Жиды увѣряютъ Запорожцевъ, что они съ ними, какъ братья родные... Въ статьѣ, занимающей пять столбцовъ *Сіона*, не менѣе пяти разъ упомянуты слова: *отечество, отечественные интересы, все наше отечество*, — словомъ, передовые Жиды относительно «собиранія земли Русской» опереживаютъ и самихъ Иоанновъ московскихъ. Съ такими литераторами не намъ имѣть дѣло. Мы готовы отстаивать свои убѣжденія со всею искренностію любви къ правдѣ, насколько она намъ ясна, но странно было бы сражаться неравнымъ оружіемъ. Предоставимъ передовымъ Жидамъ идти къ своей цѣли избранною ими дорогою. Не впервые слова: *прогрессъ, цивилизація, гуманность, просвѣщеніе*, подвергаются подобному злоупотребленію.

Выражая такимъ образомъ личное мое мнѣніе о недостойномъ способѣ полемики, къ которому, въ слѣпномъ увлеченіи національнымъ эгоизмомъ, прибѣгнули передовые Жиды, я руководюсь чувствомъ, пробужденнымъ оскорбленіемъ достоинства печатнаго слова, тѣмъ—самимъ чувствомъ, которое, около трехъ лѣтъ тому назадъ, заставило меня взяться за перо въ пользу Евреевъ, обиженныхъ *Иллюстраціею*. Статью, помещенную въ *Русскомъ Вѣстникѣ* (1858, т. XVIII, ноябрь, кн. 2-я) и подписанную, вмѣстѣ со мною, Костомаровымъ, Маркомъ Во-

вчкомъ, Номисомъ и Шевченкомъ, писалъ я. Въ ней было сказано слѣдующее:

«Много вѣковъ уже христіанскія націи, составляющія нынѣ Русскую имперію, клеймятъ скитающееся по всему міру племя Евреевъ именами злодѣевъ, предателей, обманщиковъ, враговъ Божіихъ и человѣческихъ. И не на словахъ только высказывалось противъ Евреевъ негодованіе обществъ и правительствъ, которыя не умѣли увлечь ихъ человѣческими средствами на путь истины и добра. Ихъ изгоняли, топили, жгли и рѣзали, какъ хищныхъ звѣрей. Было бы неестественно этимъ жертвамъ слѣпнаго озлобленія фанатиковъ оставить обычай, за которые ихъ ненавидѣли, и усвоить себѣ характеръ своихъ гонителей. Не говорю уже о самомъ вѣроисповѣданіи, которое, чѣмъ ожесточеннѣе было поносимо христіанами, тѣмъ казалось выше и святѣе въ глазахъ Евреевъ, тѣмъ тѣснѣе связывало ихъ въ одинъ корпоративный союзъ, во имя не-до-конца прогнѣваннаго ими Егвы. Такимъ образомъ, христіане, ревнуя по вѣрѣ и отъ всего сердца желая обратить на путь истины скитающихся по свѣту потомковъ Израиля, этимъ самымъ отдаляли ихъ отъ пути истины и дѣлали глухими къ евангельскому слову. Евреи видѣли и должны были видѣть своихъ враговъ въ проповѣдникахъ людолюбиваго ученія, приобѣгавшихъ къ брани, угрозамъ, гоненіямъ и убійствамъ. Евреи сдѣлались и должны были сдѣлаться заклятыми врагами иновѣрцевъ, возвращающъ хулы на ихъ вѣру, на ихъ учителей, на ихъ храмы—школы и на священныя для нихъ обычаи. Евреи, стѣсняемые повсемѣстно даже самими законами, поневолѣ обратились къ хитрости и плутовству, поневолѣ освятили вѣроученіемъ своимъ всякій вредъ, который они могутъ сдѣлать безнаказанно христіанину» (но извинительно ли прибѣгать къ подобнымъ мѣрамъ передовымъ Жидамъ нашего времени?) «Евреи дошли до изувѣрства въ ненависти къ христіанамъ. Какъ ни возмутительно для насъ многое изъ того, что мы знаемъ о Евреяхъ по достовѣрнымъ, письменнымъ и печатнымъ, свидѣтельствамъ, но это должно служить для насъ только мѣрою золъ, которымъ такъ долго и такъ повсемѣстно подвергались несчастные потомки Израиля. Съ другой стороны, современный практическій разумъ доказываетъ намъ очень убѣдительно, что ни къ чему доброму не привела Евреевъ всеобщая вражда къ нимъ христіанскихъ народовъ, и что одно свободное просвѣщеніе да равенство гражданскихъ правъ способны очистить еврейскую національность отъ всего, что въ ней

есть непріязненнаго къ инвертамъ. Русскіе литераторы, стоящіе во главѣ новаго русскаго движенія къ челоѣчности, глубоко сознали эту истину. *Русскій Вѣстникъ* первый сдѣлался органомъ просвѣщен- ныхъ представителей еврейскаго племени, во имя независимости всякой сознающей себя народности, и первый представилъ торжественную манифестацію русскихъ и польскихъ писателей противъ *Иллюстраціи*, которая, нося европейское имя, дышетъ временемъ Іоанна IV Грознаго въ своихъ сужденіяхъ о Евреяхъ. Въ сорока осьми именахъ, под- писавшихъ протестъ, напечатанный въ 21 № *Русскаго Вѣстника*, я увѣренъ, есть и имена малороссіянъ, которые, вообще, никогда не оставались позади представителей Великороссіи, во всякомъ истинно- челоѣческомъ движеніи. Но, между этими именами, я не вижу ни од- ного, съ которымъ связана идея собственно-малороссійской, украин- ской или южнорусской народности, проявившаяся въ последнее время въ литературныхъ произведеніяхъ разнаго рода. Много или мало извѣст- но покаместъ такихъ именъ, но голоса ихъ имѣютъ въ этомъ дѣлѣ осо- бенно важное значеніе, выражая мнѣніе о еврейскомъ вопросѣ того народа, который больше Великороссіянъ и Поляковъ терпѣлъ отъ Ев- реевъ и выражалъ свою ненависть къ Евреямъ, во времена оны, мно- гими тысячами кровавыхъ жертвъ. Этотъ народъ не могъ входить въ причину зла, заключавшуюся не въ Евреяхъ, а въ религіозно-граж- данскомъ устройствѣ Польши. Онъ мстилъ Евреямъ съ такимъ про- стодушнымъ сознаніемъ праведности кровопролитій, что даже воспѣлъ свои страшные подвиги въ своихъ истинно-поэтическихъ пѣсняхъ. И несмотря на то, современные литературные представители этого на- рода, дыша инымъ духомъ, сочувствуя инымъ стремленіямъ, прикла- дываютъ свои руки къ протесту *Русскаго Вѣстника* противъ ста- тей *Иллюстраціи*.

То, что написалъ я года три назадъ, я повторяю и теперь, какъ до- казательство, что мой взглядъ на вопросъ о Евреяхъ не измѣнился; но ни прежде, ни послѣ я не допускалъ и не допускаю за Евреями права—дѣйствовать безъ разбора всякимъ оружіемъ,—въ родѣ *сіон- скаго*, или въ родѣ неумѣстнаго притизанія г—на П—ва,—для дости- женія хотя бы самыхъ естественныхъ и справедливыхъ цѣлей. *Ос- лова*, безъ сомнѣнія, вполне со мной согласна.

И. Кулишъ.

О ПОВѢСТИ Г. КУЗЬМЕНКА.

Есть таланты, ненужающиеся въ пособіи критики, для того, чтобъ быть оцѣненными по достоинству. Широкой взмахъ крыльевъ генія самъ за себя говорить каждому слишкомъ-убѣдительно. Самые нападки тупыхъ, привязчивыхъ судей искусства еще больше возвышаютъ его достоинство въ глазахъ общества, которое чуетъ душою живую силу, исходящую изъ души поэта. Но не всѣ начинаютъ одинаково; не всѣ на первый разъ производятъ созданія, отъ которыхъ сіяетъ сверхъестественнымъ свѣтомъ. Тяжкія обстоятельства жизни, густой мракъ, окружающій юношескіе годы талантливаго писателя, виѣшній гнетъ, душевное уныніе, недостаточность научной образованности—все это вмѣстѣ можетъ парализовать иногда самыя прекрасныя способности ума и сердца, можетъ сдѣлать то, что человѣкъ, призванный къ высшей общественной дѣятельности, навсегда останется въ низменномъ кругу поденщиковъ, едва зарабатывающихъ насущный хлѣбъ, едва заслуживающихъ вниманія со стороны дѣателей мысли и слова. Къ такимъ талантамъ принадлежитъ, по своимъ тяжкимъ житейскимъ обстоятельствамъ, г. Кузьменко. Мы не имѣемъ права раскрывать ихъ передъ обществомъ въ подробности, но скажемъ, что они едва не подавили окончательно его благородной природы, отличенной искрой таланта истиннаго, самобытнаго. Первые его стихотворенія, напечатанныя мною въ *Хать*, были таковы, что я не могъ ихъ представить читающему обществу иначе, какъ съ охранительнымъ предувѣдомленіемъ. Это были цвѣтки, испускающіе едва замѣтное благоуханіе посреди безвонныхъ злаковъ и посреди растений, поражающихъ обонаніе сильно, но непріятно. Надобно было освѣжить вокругъ нихъ воздухъ, чтобы люди, непривыкшіе узнавать подобныя вещи сразу, дали имъ какую-нибудь цѣну. И дѣйствительно, нѣкоторые изъ читателей дали имъ цѣну высокую,— не потому, чтобы эти стихотворенія были сильно проникнуты поэзіею сердца, но потому, что въ нихъ слышался какой-то трогательный напѣвъ, какой-то тихій, очень тихій и робкій, но задушевный голосъ. Казалось, что авторъ ихъ поетъ въ присутствіи ка-

кой-то грубой, тупой силы и боится, чтобъ его пѣсня не разбудила этой силы отъ ея сна животнаго, а между-тѣмъ желаетъ подбѣяться своими чувствами съ подобными себѣ несчастливцами, въ услажденіе, какъ своего собственнаго, такъ и ихъ горя. Но, несмотря на выгодное впечатлѣніе, произведенное этими стихотвореніями на нѣкоторыхъ изъ моихъ собесѣдниковъ, ни я, ни они не чаяли въ г. Кузьменкѣ автора замѣчательнаго, не пророчили ему свѣтлой литературной будущности. Мы слишкомъ хорошо знали тяжесть его житейскаго положенія и мертвящее дѣйствіе окружающей его среды. Участие къ нему, какъ къ человѣку, заостряло нашу чувствительность къ его поэзіи, и мы давали ей, казалось намъ, больше цѣны, чѣмъ бы, можетъ быть, слѣдовало. Но прошло около двухъ лѣтъ, и имя Кузьменка появилось въ *Основѣ* между пишущими прозою. Возвратясь въ Россію послѣ продолжительнаго отсутствія и перечитывая изданныя безъ меня книжки *Основы*, я съ грустью встрѣтилъ это имя: я не ожидалъ, никакъ не ожидалъ, чтобы г. Кузьменко, при тѣхъ данныхъ, какія мнѣ были извѣстны о немъ, могъ произвести что-нибудь способное занять меня, какъ простаго читателя. Но я ошибся самымъ пріятнымъ образомъ. Повесть его, носящая заглавіе: *Не такъ ждалося, да такъ склалося*, поразила меня изящною простотою языка и необыкновеннымъ тактомъ изложенія. Я съ радостью увидѣлъ, что имѣю дѣло съ талантомъ, который, подобно живому ручью, прокладываетъ себѣ дорогу черезъ засоренныя всякимъ соромъ мѣста и вноситъ свѣжесть и жизнь всюду, гдѣ безъ него были только тѣнь и заустѣніе. Тихо, тихо журчитъ этотъ ручеекъ, тихо льется по кореньямъ въ густой тѣни, но съ перваго взгляда видно, что онъ течетъ въ великое море мысли, примыкая къ болѣе могучимъ и свѣтлымъ потокамъ. Говоря просто, я былъ не только занятъ, увлеченъ, но даже тронутъ простымъ и скромнымъ, до убожества скромнымъ, рассказомъ г. Кузьменка. Выведенные имъ на сцену характеры развиваются и дѣйствуютъ какъ-будто мимо вѣдома автора. Онъ пишетъ такъ, какъ-будто въ его повѣсти вовсе не участвуетъ художническое соображеніе, какъ-будто она вовсе не вымышлена,— и въ этомъ именно заключается ея главное достоинство. Часто подходитъ онъ къ такимъ мѣстамъ въ своемъ рассказѣ, которыя для писателей, менѣе чуткихъ къ искусству, составляютъ камень преткнанія на пути, и всегда минуетъ ихъ съ умѣньемъ, внушаемымъ однимъ художническимъ инстинктомъ. Съ трепетомъ слѣдилъ я за его повѣстью, до конца опасаясь, чтобъ онъ не впалъ въ обычную у насъ болтливость, уничтожающую все удовольствіе, какое чувствуешь отъ прикосновенія къ другому уму, къ другому сердцу,— нѣтъ! онъ до послѣдней черты остался вѣренъ тому цѣломудрію фантазій, которая отли-

часть всё истинные таланты. Въ повѣсти его кое-чего (впрочемъ весьма немногаго) недостаетъ, но вѣтъ ничего лишняго. *Ничего лишняго*:—эти слова можно сказать о весьма-весьма немногихъ литературныхъ произведеніяхъ вообще, и въ особенности о произведеніяхъ нашей украинской словесности. Этими словами мы выражаемъ г. Кузьменку величайшую похвалу, какую считаемъ себя вправѣ, покаместъ, высказать ему передъ читающимъ обществомъ. Если г. Кузьменко не напишетъ ничего больше, то повѣсть его останется всегда на примѣтъ у знатоковъ нашей молодой литературы. Если онъ не напишетъ ничего плоше, то займетъ очень видное мѣсто въ ряду нашихъ писателей. Но если онъ напишетъ хоть одну вещь, настолько выше своей повѣсти, насколько она выше всѣхъ его стихотвореній, то мы станемъ указывать на него, какъ на писателя образцоваго.

П. Кулишъ.

ИСТОРИЧЕСКІЕ И ЮРИДИЧЕСКІЕ АКТЫ.

В.

Грамота на Рошцы и разборъ ея. (*)

І. ГРАМОТА.

На оборотѣ написано: «Божією милостію Пресвѣтлейшіе и Державнѣйшіе Великіе Государи Цари и Великіе Князи Іоаннъ Алексѣевичъ, Петръ Алексѣевичъ всея Великія и Малыя и Бѣлыя Россіи Самодержцы.»

Внизу написано: «Справиль подъячій Иванъ Биринъ.»

(Пергаментъ. Сверху орель, кругомъ ободокъ и цвѣты, все золотое. Годы означены ц.- славянскими буквами).

Божією милостію мы Пресвѣтлѣйшіе и Державнѣйшіе Великіе Государи Цари и Великіе Князья Іоаннъ Алексѣевичъ, Петръ Алексѣевичъ всея Великія и Малыя и Бѣлыя Россіи Самодержцы; Московскіе, Киевскіе, Владимірскіе, Новгородскіе, Цари Казанскіе, Цари Астраханскіе, Цари Сибирскіе, Государи Пековскіе и Великіе Князья Смоленскіе, Тверскіе, Югорскіе, Пермскіе, Вятцкіе, Болгарскіе и иныхъ, Государи и Великіе Князи Новагорода Низовскіе земли, Черниговскіе, Рязанскіе, Ростовскіе, Ярославскіе, Бѣлозерскіе, Удорскіе, Обдорскіе, и всея севѣрныя страны, Повелители и Государи Иверскіе земли, Картолинскихъ и Грузинскихъ Царей, и Кабардинскіе земли, Черкасскихъ Князей, и иныхъ многихъ государствъ и земель, восточныхъ и западныхъ, и сѣ-

(*) Эту статью, составленную покойнымъ Михайломъ Александровичемъ Стаховичемъ для «Юридическихъ Записокъ», сообщилъ намъ издатель этого сборника, П. Г. Рѣдкинъ, какъ прямо подходящую, по своему содержанию, къ предмету *Основы*. Подлинная грамота находится у П. Г. Рѣдкина. Ред.

верныхъ, отчичи и дѣдичи, и наслѣдники, и Государи и Обладатели. *Наше Царское Величество* (золотомъ) пожаловали знатного войскового товарища Ивана Павлова сына Лисицу велѣли ему дать сію нашу Великихъ Государей Нашего Царскаго Величества жалованную грамоту на село Рошицы, да на селцо Пекари и на мельницы на рекѣ Ромнѣ, и на иныхъ рѣчкахъ стоящіе со всеми къ нимъ угоди, да на мельницу з греблею и ставомъ в селѣ Локоткахъ обрѣтающуюся. Для того въ нынѣшнемъ во ЗРЧИ-мъ году билъ челомъ Намъ Великимъ Государямъ Нашему Царскому Величеству онъ Иванъ, что въ прошлыхъ годѣхъ служилъ отецъ его Павелъ Отцу Нашему Блаженныя и вѣчно-достоинныя памяти Великому Государю и Великому Князю Алексѣю Михайловичу всея Великія и Малыя и Бѣлыя Россіи Самодержцу, и на тѣхъ службахъ подъ Оржицевымъ убитъ отъ неприятелей. Такъ же и онъ Иванъ служилъ Отцу нашему блаженныя памяти Великому Государю Царю и Великому Князю Алексѣю Михайловичу всея Великія и Малыя и Бѣлыя Россіи Самодержцу Его Царскому Величеству, и Брату Нашему блаженныя памяти Великому Государю Царю и Великому Князю Теодору Алексѣевичу, всея Великія и Малыя и Бѣлыя Россіи Самодержцу Его Царскому Величеству; такъ же нынѣ и Намъ Великимъ Государямъ Нашему Царскому Величеству служить со всякимъ усердіемъ многие годы и посыланъ былъ во Царь-городъ ко святѣйшимъ вселенскимъ патриархамъ отъ митрополіи Кіевской, чтобъ оную митрополію Святѣйшій Константинопольскій Патриархъ уступилъ и отдалъ подъ благословеніе святѣйшаго Московскаго и всея Россіи и иныхъ сѣверныхъ странъ Патриарха. И по той его посылкѣ та митрополіа святѣйшему Московскому Патриарху уступлена и совершенно отдава. Да и въ Чигиринскихъ и въ иныхъ во многихъ такъ же и въ лѣто ЗРЧЕ и въ лѣто ЗРЧЗ во обоихъ крымскихъ походехъ онъ былъ, и съ неприяти съ турекими и съ крымскими людьми бился, не щадя головы своей. И за тѣ его службы, по Нашему Великихъ Государей Нашего Царскаго Величества указу, подданной Нашъ войска Запорожскаго обоихъ сторонъ Днепра Гетманъ Иванъ Степановичъ Мазепа далъ ему Ивану въ Нашихъ Царскаго Величества Малороссійскихъ городѣхъ для пополненія Нашей Царскаго Величества службы въ уѣздѣ Роменскомъ село Рошицы съ людьми посолитыми съ мельницами на Ромнѣ и на иныхъ рѣчкахъ стоящими и со всеми къ нему принадлежащими угоди, да ему жъ Ивану подтвердилъ листомъ своимъ

село Пекари, въ полку Прилуцкомъ въ сотне Краснянской обрѣтающееся съ людьми посполитыми, которымъ селцомъ онъ и прежде сего владѣлъ да мельницу зъ греблею и ставомъ въ уѣздѣ воронежскомъ въ селѣ Локоткахъ обрѣтающуюся бывшего Гетмана за которую мельницу заплатилъ онъ въ войсковую казну тысячу сто золотыхъ готовыхъ своихъ денегъ. А Нашей же Великихъ Государей Нашего Царского Величества жалованной грамоты, во укрепленіе и утверженіе того въ семъ на вѣчное владѣніе, ему и женѣ и дѣтямъ ево не дано, и чтобъ Мы Великіе Государя Наше Царское Величество пожаловали ево Ивана велѣли на тѣ ево вышесписанные село Рошицы, да на село Пекари и на мельницы и на всякия угоды дать Нашу Царского Величества жалованную грамоту, а въ листу подданнаго нашего войска запоржекаго обонхъ сторонъ Диепра Гетмана Ивана Степановича прошлаго РЧС году написано: « по Нашему Государей Нашего Царского Величества указу, видя онъ въ войске запорожскомъ многия службы знатнаго войскового товарища Ивана Лисицы, которыя онъ отъправлялъ, и впредь отправлять ихъ Царскому Величеству имѣть со всякою вѣрностію, далъ ему в роменскомъ уѣздѣ село Родинецъ съ людьми посполитыми съ мельницами на рекѣ Ромнѣ и на иныхъ рѣчкахъ стоящими со всеми къ нему принадлежащими угоды и принадлежностями, да ему жъ утверждаетъ въ полку прилуцкомъ въ сотне Краснянской село Пекари съ людьми посполитыми и со всеми къ нему належащими угоды, которыми онъ и при бывшемъ Гетманѣ прежде сего владѣлъ, также утверждаетъ ему въ воронежскомъ уѣздѣ въ селѣ Локоткахъ мельницу зъ греблею и съ ставомъ бывшего Гетмана за которую заплатилъ онъ Лисица въ войсковую казну тысячу сто золотыхъ готовыхъ своихъ денегъ, и приказалъ ему Ивану и женѣ ево и дѣтемъ владѣть сю совсякими приходящими съ нее доходы вѣчно, а селомъ рошицами и селцомъ Пекарями и мельницами и всякими къ нимъ належащими угоды владѣть ему, и всякое отъ людей посполитыхъ опрѣчь казаковъ, послушаніе и повинность, а съ мельницъ размѣровые доходы обирати вѣчножъ. А до казаковъ ему, которые полковые Ихъ Царскаго Величества службы служатъ,—дѣла нѣтъ, и чтобъ ему въ томъ владѣніи никто изъ старшихъ и черни выше и впредь не имѣли никакъ не чинити препоны, а войты тѣхъ селъ съ людьми посполитыми во всемъ были ему послушны.

Мы Пресвѣтлѣйшіе і Державнѣйшіе Великіе Государя Цари и

Великіе Князи Іоаннъ Алексѣевичъ, Петръ Алексѣевичъ, всея Великія и Малыя и Бѣлыя Россіи самодержцы, наше Царское Величество, слушавъ того ево Иванова челобитья и подданнаго нашего войска запорожскаго обоихъ сторонъ Днепра Гетмана Ивана Степановича даннаго ему листа, пожаловали его Ивана за службы отца Его и его и Намъ Великимъ Государемъ Нашему Царскому Величеству вышеписанные вѣрные и родѣтельные службы велѣли ему тѣмъ селомъ и селцомъ и мельницами со всякими къ нимъ надлежащими угоды которые по Нашему Великихъ Государей Нашего Царскаго Величества указу написалъ ему въ вышеписанномъ листу подданной Намъ войска запорожскаго обоихъ сторонъ Днепра Гетманъ Иванъ Степановичъ, такъ же и купленою его мельницею въ селѣ Локоткахъ будетъ кого въ чемъ спору какова не будетъ владѣть и всякіе съ нихъ обыкылыя подати и пожитки употреблять, на что и сію Нашу Великихъ Государей Нашего Царскаго Величества жалованную грамоту дать ему указали. и впредь будущимъ роду ево; и то все Мы Великіе Государи Наше Царское Величество силою сей нашей Царскаго Величества жалованной грамоты ему Ивану и женѣ его и дѣтямъ и роду ево укрѣпляемъ и утверждаемъ, и быти тому селу и селцу и мельницамъ и всякимъ угодыямъ за нимъ въ вотчинѣ, потому, что онъ ту Нашу Царскаго Величества милость и жалованье получилъ за свои вѣрные и радѣтельные и знатныя къ Намъ Великимъ Государямъ Нашему Царскому Величеству службы, и чтобъ впредь, смотря на тѣ его службы и вѣрное радѣнье, дѣти его и внучати и кто по немъ роду его будетъ такъ жебъ Намъ Великимъ Государемъ Нашего Царскаго Величества и Нашимъ Государскимъ Наслѣдникомъ служили, и ему вышеупомянутому Лисицѣ и женѣ его и дѣтямъ и внучатамъ и правнучатамъ, тѣмъ селомъ и селцомъ и мѣльницами съ надлежащими къ нимъ угоды владѣть и всякіе доходы имать и пожитки употреблять. И тѣ вышеписанные (все опять именуется) ему Ивану и т. д. въ роды ихъ недвижно; и волю имъ тѣ вотчины продать и заложить и въ приданые дать и во всякіе крѣпости укрѣпить. А для вѣщаго утверждения Нашей Царскаго Величества милости и вѣчнаго владѣнія тѣмъ селомъ и селцомъ и мельницами со всеми къ нимъ подлежащими угоды ему Ивану и женѣ его и дѣтямъ себѣ Нашу Великихъ Государей Нашего Царскаго Величества жалованную грамоту утвердить Нашею Царскаго Величества печатію повелѣли. Писана ся Наша Царскаго Величества жалованная грамота,

въ Нашемъ царствующемъ величїемъ градъ Москвѣ, лѣта отъ созда-
нїя міра ЗРЧИ мѣсяца Марта VI дня, государствованїя Нашего И
году.

Великихъ Государей Ихъ Царскаго Величества думный дьякъ Емель-
янъ Игнатевичъ Украинцовъ.

При грамотѣ въ серебряномъ кругломъ ковчегѣ, печать; на крышкѣ
гербъ,—двуглавый орелъ безъ московскаго герба со скипетромъ и
державою; внутри отлично сохранившаяся краснаго воску печать,
съ гербомъ: орелъ съ московскимъ гербомъ на груди, подъ нимъ столъ;
на столѣ булава; на одной сторонѣ 7 человекъ:—переднїе видно, что
кругловолосяе, въ латахъ, короткихъ кафтавахъ съ саблями, а одинъ
съ знаменемъ; съ другой стороны въ длинныхъ шубахъ, одинъ со
скипетромъ; кругомъ печати краткій титулъ Царей. На грамотѣ
обертка шолковой матерїи; у печати кисти серебряныя, идутъ отъ
пришитаго куска серебряной парчи.

II. РАЗБОРЪ.

Извѣстно, что, послѣ ослабленїя южной системы русскихъ княжествъ,
главнымъ центромъ русской православной іерархіи была Москва. Въ ней
основалась единственная (кромѣ кїевской) митрополїя и возрала до
патріархіи. Сначала Москва и Кїевъ сносились съ греческими патрі-
архами отдѣльно, такъ же, какъ въ древнїя времена и многїя великія кня-
жества находились въ самостоятельныхъ отношенїяхъ съ Греціею, особенно
Владимїрское. До временъ московскаго патріаршества по разнымъ
русскимъ городамъ являютя греческіе епископы и архїепископы,
посвящаемые въ Константинополь. Со времени же патріарховъ мос-
ковскихъ, сѣверная и восточная части Россїи единственно отъ нихъ
стали получать своихъ пастырей; греческіе исчезаютъ, а расадникомъ
русскихъ пастырей становятся русскїе сѣверные монастыри. По
кїевская митрополїя и подчиненныя ей епископства продолжаютъ, въ это
время, находиться въ непосредственныхъ отношенїяхъ къ константино-
польскому патріарху, который рукополагаетъ ихъ митрополитовъ. Од-
нако, значенїе православныхъ іерарховъ, въ странѣ, угнетенной като-
лицизмомъ, стало такъ маловажно въ это время, что униаты присвои-
вали себѣ часто имя кїевскихъ митрополитовъ, вмѣстѣ съ властью
и управленїемъ. Жестокая оппозиція, которую составлялъ народъ,
противилась такому порядку, и кровью отстаивала свою православную

независимость отъ хитростей польской политики, въ то самое время, какъ на сеймахъ открыто разсуждали о томъ, чтобы всѣми силами стараться объединить и ослабить русское духовенство, и тѣмъ унижить его въ глазахъ народа. Еще въ недавнее время видны были слѣды этихъ ужасныхъ мѣръ. Когда послѣдовало распоряженіе о поддержаніи благолѣпія и порядка русскихъ церквей въ Бѣлоруссіи, (гдѣ часто въ помѣщичьихъ селеніяхъ католическіе костелы, посѣщаемые единственно господиномъ и его домочадцами, были каменные и богатоукрашенные зданія, а русскія церкви—полуразрушенныя, деревянныя, съ бѣднѣйшею утварью и одеждами), то многіе изъ крестьянъ того края приносили, для новыхъ, строившихся, церквей, утвари и дорогія церковныя вещи. Одинъ крестьянинъ принесъ хранившіеся съ незапамятныхъ временъ серебряныя церковныя врата, преданіе о коихъ передавалось отъ отца къ сыну, на смертномъ одрѣ. Съ самого начала преобладанія Литвы и Польши, въ южно-русскомъ краѣ, видно стремленіе къ соединенію подъ одно управленіе съ православною Москвою въ церковномъ отношеніи. Начало новой московской митрополіи положилъ св. Петръ митрополитъ, родомъ волынецъ, который удержалъ при себѣ и кіевскую митрополію. Но литовскіе князья успѣли разъединить эти митрополіи: Кіевъ началъ имѣть отдѣльныхъ митрополитовъ, которые большею частью держались сношеній съ папою и унию, такъ—что единственною оградой православія на югъ осталась община козацкая и нѣкоторые ея представители. Вотъ причина, почему многія лица изъ знатныхъ родовъ стали вступать въ ряды духовенства. — Обычай этотъ еще недавно существовалъ въ Малороссіи, гдѣ многіе изъ дворянъ были священниками и архіереями, напр. Іоасафъ Горленко, гдѣ и теперь многія церкви имѣютъ своихъ настоятелей изъ дворянскихъ родовъ. Многіе преданные—православію митрополиты кіевскіе, по рукоположеніи ихъ въ Царьградѣ, оставались при одномъ имени, но безъ власти. По освобожденіи Россіи отъ самозванцевъ и внутреннихъ неурядицъ, южно-русская козацкая община не преминула содѣйствовать ближайшему средству охраненія вѣры и первой ея колыбели, Кіева — соединенію южной Руси съ Москвою и кіевской митрополіи съ московскою патриархією. Кіевскій соборъ постановилъ это іерархическое соединеніе. Тогда Гедеонъ Святополкъ князь Четвертинскій, вторично прибылъ въ Москву, для рукоположенія въ митрополиты. О поставленіи его во епископа Переяславскаго хлопоталъ еще Богданъ Хмельницкій, но признано было необходимымъ испросить предварительно

согласіе патріарха Діонісія на подчиненіе кіевской митрополіи московскому патріарху. Отъ кіевской митрополіи былъ посланъ въ Цареградъ войсковой товарищъ Иванъ Павловъ Лисица, для исхода-тайствованія отъ патріарха уступки кіевской митрополіи подь благо-словеніе московскаго и всея Россіи патріарха, и вслѣдствіе этой посылки, кіевская митрополіа была уступлена и навсегда отда-на московскому патріарху. За такія службы дана была Лисицѣ вотчина, перешедшая къ его дочери, которая была замужемъ за предкомъ нашимъ, городецкимъ сотникомъ, Андреємъ Стахови-чемъ. Онъ же, Андрей Стаховичъ, получилъ вотчину и жало-ванію на нее грамоту по купчей, съ утвержденіемъ универсальнымъ Гетмана Скоропадскаго, отъ брата умершаго Ивана Лисицы, кіевского монаха Досифея, *трактовавшего науки* въ кіевской академіи.

Вотъ отношеніе напечатанной здѣсь грамоты къ политической исторіи Малороссіи и исторіи церкви русской. Подобные документы, несомнѣно важные въ историческомъ отношеніи съ точки зрѣнія государственной, до-селе составляютъ основаніе гражданскихъ правъ нынѣшняго малороссій-скаго дворянства, и потому они не менѣе важны въ юридическомъ отно-шеніи. Грамота на Рошницы съ этой стороны весьма замѣчательна. Постараемся представить краткій экзегетическій разборъ ея.—

Грамотою укрѣпляются войсковому товарищу Лисицѣ данныя ему отъ Мазепы вотчины: села Рошницы и Пекари, по пожалованію, и мельница съ прудомъ въ селѣ Локоткахъ, на рѣкѣ Воронежѣ, куп-ленная у Мазепы на наличныя деньги. Владѣлецъ просилъ объ ук-рѣпленіи его правъ жалованною грамотою, которая нужна была ему, несмотря на то, что гетманъ далъ и записалъ за нимъ вотчины съ людь-ми посполитыми, по указу великихъ государей. Владѣлецъ, по данному гетманскому листу и по другимъ утвердительнымъ листамъ, былъ приказанъ «для пополненія царской службы,» почему Лисица и выражается въ просьбѣ, что вотчины даны ему за службы (исчисляя ихъ, онъ упоминаетъ и о посольствѣ въ Цареградъ) и «для службы;» въ жалованной же грамотѣ велѣно селу быть за нимъ «въ вотчинѣ.» Чтó же значить, спрашивается, владѣніе для службы и по службѣ, котораго недостаточно для правъ вотчинника, и для чего нужна Ли-сицѣ грамота, если былъ у гетмана царскій указъ о пожалованіи? Разберемъ сначала смыслъ владѣнія по гетманскому листу. Гетманъ приказываетъ Ивану Лисицѣ владѣть вѣчно имѣніемъ, со всеми до-ходами, и всякое послушаніе отъ людей посполитыхъ имѣть, а до

козаковъ, которые Ихъ Царскаго Величества службу чинять, ему дѣла итѣть, и чтобъ никто изъ старшинъ и изъ черни не имѣлъ ему чинить препоны, а войты съ людьми были бы послушны. Здѣсь раздѣляется народъ на два сословія: на козачество и посполство. До козаковъ владѣльцу дѣла итѣть: они въ отношеніи къ нему составляютъ особое сословіе, и не должны ему чинить препоны. Войты, ближайшіе начальники людей посполитыхъ, должны быть ему вмѣстѣ съ ними послушны. Въ слѣдующихъ за этою грамотою универсалахъ гетмана Мазены, (коихъ списки я имѣю), также различаются сословія, напримѣръ по одному: « Пани Лисичена подала просьбу въ томъ, что въ имѣніи ея тѣ люди, которыхъ небожчикъ (Лисица) съ козацтва до громады привернулъ, опять снова ухилиются и не хотятъ за громадою тянути и посполыхъ повинностей отбувати, велить ихъ до громады привернути. » Въ другихъ универсалахъ, посполымъ людямъ велить не укрываться въ козачество, и отбывать повинности на стояковъ (расположенныя на квартирахъ военныя команды), старшинамъ не велить дѣлать владѣльцу кривды и шкоды (универсалы Скоропадскаго слѣдующему владѣльцу, Якову Лисицѣ). То же самое повторяется въ листахъ и универсалахъ при вводѣ во владѣніе. Такимъ образомъ, гетманскій листъ опредѣляетъ отношенія владѣльца къ людямъ, живущимъ въ мѣстахъ его владѣнія. Онъ долженъ распорядить управленіемъ общихъ повинностей. Гетманъ даетъ свой листъ, по царскому указу, т. е. по общему своему праву раздавать имѣнія для исполненія службы. На этомъ основаніи, онъ утверждаетъ прежнія владѣнія и гражданскія сдѣлки объ отчужденіи имѣній и назначаетъ новыя помѣстья въ награду за службу; назначая кому-либо имѣніе. Гетманъ опредѣляетъ право владѣнія извѣстнаго лица и даетъ оное со всѣми средствами въ предѣлахъ предоставленной ему власти. Грамотою же утверждается право поземельной собственности. Въ ней итѣть уже распоряженій объ отношеніяхъ владѣльца къ людямъ: это дѣло гетманскаго управления, и о немъ упоминается въ грамотѣ, какъ въ протоколѣ, вмѣстѣ съ просьбою и съ гетманскимъ представленіемъ къ наградѣ. Грамота утверждаетъ распоряженіе гетмана, и для частнаго лица опредѣляетъ его твердое и нерушимое право чисто гражданского характера: цари велить быть имѣніямъ за Лисичею «въ вотчинѣ.» Различіе укрѣпленія по грамотѣ и листамъ гетманскимъ весьма отчетливо выражается въ слѣдующихъ словахъ этихъ актовъ: Гетманъ велить вотчиннику владѣть и всякое отъ людей

послушаніе имѣть; а грамотою цари велятъ владѣть и пожитки употреблять; укрѣпляютъ изъ рода въ родъ неподвижно. Вотчину эту волею оны продать, заложить, въ приданое дать и во всякія крѣпости укрѣпить, т. е. грамотою дается право собственности, тогда какъ гетманъ даетъ одно право владѣнія. Владѣніе дается по общимъ чиновнымъ распорядкамъ, а собственность — какъ частное, неограниченное право. На этомъ основаніи грамота, единственный оплотъ такого права, дается со всею торжественностью, не только юридическою, но даже дипломатическою. Печать краснаго воску, приложенная къ этой грамотѣ, вѣроятно, осталась со времени сношеній царя Алексѣя Михайловича съ гетманомъ Богданомъ Хмельницкимъ.

М. Стаховичъ.

ПРАВИТЕЛЬСТВЕННЫЯ ПОСТАНОВЛЕНІЯ И РАСПОРЯЖЕНІЯ, КАСАЮЩІЯСЯ ЮЖНОРУССКАГО КРАЯ.

I.

ОБЩІЯ

ПОСТАНОВЛЕНІЯ И РАСПОРЯЖЕНІЯ ПРАВИТЕЛЬСТВА.

Новый уставъ объ акцизѣ съ табаку.

1-го августа 1861 года обнародованъ Высочайше утвержденный 4 іюля 1861 года уставъ объ акцизѣ съ табаку, при особомъ указѣ сенату, въ которомъ сказано, что дѣйствующіи объ акцизѣ съ табаку постановленія были подвергнуты общему пересмотру, вслѣдствіе того, что потребление табаку постоянно распространяется во всѣхъ сословіяхъ, доходъ же казны отъ налога на сей предметъ роскоши не возрастаетъ въ достаточной съ его потребніемъ соразмѣрности.

Согласно новому уставу, потребление табаку въ имперіи подлежитъ платежу пошрины; а поему производство табачной промышленности, во всѣхъ ея видахъ, кромѣ разведенія и продажи табаку плантаторами, допускается не иначе, какъ съ соблюденіемъ особыхъ, въ уставѣ семь постановленныхъ, правилъ.

По уставу, табакъ раздѣляется на 2 вида: сырой и приготовленный. Сырымъ табакомъ признаются табачные листья и стебельки, высушенные и вывѣтренные въ папушахъ или связкахъ, не свернутые въ рули и кароты. Приготовленнымъ же табакомъ считаются: а) листья и стебельки, свернутые въ рули и кароты; б) табакъ тертый и крошенный, нюхательный и курительный; в) всякаго рода табакъ, свернутый или завернутый въ табачные листья, бумагу, солому и т. п. г) табачныя крошки и вытерки. Разводители табаку могутъ, безъ платежа акциза и взятія свидѣтельства на право продажи, продавать плантаціяхъ, ярмаркахъ и торгахъ собственный свой табакъ въ сыромъ видѣ оптомъ и въ розницу, для внутренняго употребленія и вывоза за границу.

Съ приготовленнаго табаку внутренней выдѣлки взимается акцизъ, посредствомъ бандеролей. Привозный иностранный табакъ оплачивается установленными таможенными пошлинами.

Лица, желающія содержать заведенія, для приготовленія и продажи табаку, кромѣ соблюденія общих постановленій о производствѣ торговли, обязаны брать ежегодно особыя акцизныя свидѣтельства. Развозъ и разносъ всякаго рода табаку производится не иначе, какъ по свидѣтельствамъ и накладнымъ.

Наблюденіе за правильнымъ производствомъ табачной промышленности, для обезпеченія исправнаго поступленія въ казну установленныхъ съ табаку сборовъ, возлагается на акцизный надзоръ.

О разведеніи табаку и развозкѣ его съ плантацій. Согласно этимъ правиламъ, разведеніе табаку предоставляется лицамъ всѣхъ состояній.

Сырой табакъ внутренняго произрастенія развозится съ плантаціей, въ предѣлахъ акцизнаго округа или губерніи, если таковая не принадлежитъ къ округу, не иначе, какъ уложенный въ связки или другія помѣщенія вѣсомъ, не менѣе пуда (netto), по свидѣтельствамъ, выдаваемымъ на сей предметъ отъ мѣстныхъ городскихъ и сельскихъ начальствъ. На вывозъ сыраго табаку за предѣлы акцизнаго округа, или губерніи, выдаются отъ акцизнаго надзора особыя накладныя, съ платою за каждую по 30 к. Табакъ же, застигнутый на пути или торгѣ, безъ свидѣтельства или накладной, подлежитъ задержанію, какъ корчменный.

О приготовленіи табаку и табачныхъ фабрикахъ. Приготовленіе табаку дозволяется только на табачныхъ фабрикахъ; домашнее же приготовленіе табаку, только для собственнаго употребленія, а не для продажи, дозволено единственно табакоразводителямъ, въ жилищахъ при плантаціяхъ. Табачныя фабрики могутъ быть учреждаемы купцами всѣхъ гильдій и лицами торгующими, по свидѣтельствамъ первыхъ трехъ родовъ, въ столицахъ, портовыхъ, губернскихъ и уѣздныхъ городахъ, со взятіемъ акцизныхъ свидѣтельствъ и съ разрѣшенія министра финансовъ. Владѣльцы табачныхъ фабрикъ обязаны ежегодно выбирать на каждую фабрику изъ казны бандеролей: въ Одессѣ на сумму не менѣе 3000 рублей, во всѣхъ другихъ южнорусскихъ городахъ и мѣстахъ не менѣе 1500 рублей. Фабрики, коихъ владѣльцы не выберутъ, въ какую либо треть, определенной пропорціи бандеролей, закрываются. Фабрика, по этой причинѣ закрытая, можетъ быть вновь открыта, въ теченіе того же года, не иначе, какъ по допозитивной выборкѣ обязательнаго количества бандеролей, какое за весь годъ съ нея причиталось бы, по самый день ея возобновленія. По прошествіи же года, таковая фабрика можетъ быть открыта не иначе, какъ по предварительной выборкѣ количества бандеролей, причитающагося за цѣлую треть года, сверхъ узаконенной годовой пропорціи. Содержаніе, при табачныхъ фабрикахъ, лавокъ и лавочекъ, для разночной продажи табаку, не дозволено. Вѣдъ фабрики и совершенно отъ нея отдѣльно, табачный фабрикантъ можетъ имѣть двѣ лавки, для разночной продажи своихъ издѣлій, а если желаетъ имѣть ихъ болѣе, то долженъ брать на каждую особый билетъ, съ платежемъ, на основаніи §17 ст. уст. о пошл., независимо отъ установленнаго акцизнаго свидѣтельства, на каждую табачную лавку.

Табачные фабриканты обязаны ежегодно, въ декабрь мѣсяцѣ, представлять мѣстному акцизному надзору, для скрѣпы шриложенія печати, двѣ прошнурованныя книги, въ которыя фабриканты, въ теченіе слѣдующаго за сямъ года, обязаны записывать приходъ и расходъ сыраго и приготовленнаго на фабрику табаку.

Объ акцизныхъ свидѣтельствахъ. Акцизныя свидѣтельства ежегодно выда-

ются изъ уѣзднаго казначейства всѣмъ желающимъ открыть или продолжать содержаніе табачной фабрики, склада для оптовой продажи табаку, лавки, или лавочки, или производить продажу табаку, для мѣстной раскурки въ трактиръ или на гульбищахъ, а равно перепродажу русскаго листоваго табаку въ развозъ.

За акцизные годовыя свидѣтельства на право приготовления и продажи табаку взимаются слѣдующая плата: 1) На табачныя фабрики: въ Одессѣ по 150 руб. а въ другихъ мѣстахъ по 100 руб.

2.) На склады для оптовой продажи: а) исключительно листоваго табаку внутренняго произрастенія, по 15 руб.; б), всякаго рода табаку, русскаго и иностраннаго, въ сыромъ и приготовленномъ видѣ, по 30 руб.

3.) На табачную лавку и на право разничной продажи приготовленнаго табаку, русскаго и иностраннаго: въ Одессѣ по 25 руб., въ другихъ мѣстахъ по 15 руб.

4.) На табачныя лавочки и на право разничной продажи приготовленнаго табаку, внутренней выдѣлки: въ Одессѣ по 10 руб., въ другихъ мѣстахъ по 3 рублей.

5.) На право продажи табаку и сигаръ изъ бандероленныхъ помѣщеній, для куренія на мѣстѣ: а), для трактировъ, ресторановъ, гостиницъ, кофейныхъ домовъ и буфетовъ при клубахъ, театрахъ, на желѣзныхъ дорогахъ и въ другихъ публичныхъ заведеніяхъ: въ губернскихъ и портовыхъ городахъ по 20 руб: въ другихъ мѣстахъ и на пароходахъ по 10 рублей; б), для харчевенъ, портерныхъ лавочекъ, реисковыхъ погребовъ и штейныхъ домовъ: въ губернскихъ и портовыхъ городахъ по 15 руб.; въ другихъ мѣстахъ по 7 рублей; в), для корчмъ: въ губернскихъ и портовыхъ городахъ по 10 руб.; въ уѣздныхъ и заштатныхъ городахъ, равно въ мѣстечкахъ и селеніяхъ по 3 руб.

6.) На право разноса табаку и сигаръ на публичныхъ гульбищахъ, гдѣ дозволено курить, для продажи цѣльными и обандероленными помѣщеніями, по 1 руб.

7.) На право перепродавать, русскій сырой табакъ въ развозъ, по 2 руб.

О торговлѣ табакомъ. Покупка сыраго табаку внутренняго произрастенія у плантаторовъ, пудовыми связками или помѣщеніями. дозволяется лицамъ всѣхъ состояній повсемѣстно; лица же, занимающіяся перепродажею сего табаку въ развозъ, обязаны брать акцизное свидѣтельство, которое выдается лицамъ всѣхъ званій, съ платою по 2 руб. въ годъ. Содержаніе складовъ, для оптовой продажи исключительно русскаго сыраго табаку, внутренняго произрастенія, дозволяется купцамъ всѣхъ трехъ гильдій и лицамъ, торгующимъ по свидѣтельствамъ первыхъ трехъ родовъ, со взятіемъ на каждый таковой складъ узаконеннаго акцизнаго свидѣтельства. Склады для оптовой продажи всякаго табаку, т. е. русскаго и привознаго, въ сыромъ и приготовленномъ видѣ, могутъ содержать только купцы первыхъ двухъ гильдій, по узаконеннымъ акцизнымъ свидѣтельствамъ.

Изъ табачныхъ лавокъ дозволяется розничная продажа всѣхъ сортовъ приготовленнаго табаку внутренней выдѣлки и привознаго. Содержать табачныя лавки могутъ купцы и лица, торгующія по свидѣтельствамъ первыхъ трехъ родовъ, въ городахъ, мѣстечкахъ и селеніяхъ, гдѣ сіе дозволено, со взятіемъ на каждую акцизнаго свидѣтельства.

Изъ этого правила сдѣлано исключеніе для черноморскихъ козаковъ, которымъ, на основаніи дарованныхъ привилегій, дозволено, въ предѣлахъ своихъ

ванія предназначенных къ вывозу помѣшеній, которыя могутъ быть, безъ облоложенія бандеролями, перевозимы въ таможи, за печатями надзора и съ его удостовѣреніемъ о количествѣ отправляемаго табаку. Таможи, освидѣтельствовавъ вновь сіи помѣшенія, выдаютъ отправителю свидѣтельство, которое должно быть имъ представлено акцизному надзору, въ теченіи полугода; въ случаѣ же непредставленія въ сей срокъ свидѣтельства таможи, о дѣйствительномъ вывозѣ за границу безбандерольнаго табаку, съ фабрики, подъ печатями надзора, отпущеннаго, содержатель фабрики обязанъ внести причитающіеся за все количество акцизъ, по высшему сорту табаку. Купцы, производящіе заграничную торговлю, но неимѣющие своихъ фабрикъ, могутъ представлять въ таможи приготовленный табакъ внутренней выдѣлки, для вывоза за границу, не иначе, какъ въ помѣщеніяхъ обандероленныхъ; стоимость бандеролей возвращается имъ, если, по предварительномъ удостовѣреніи таможи, что таковыя помѣшенія ею пропущены, отправитель представитъ еще удостовѣреніе россійскаго консульства того мѣста, куда табакъ отправленъ, о томъ, что оны дѣйствительно туда, въ опредѣленномъ количествѣ, прибыль.

Этимъ кончается первый раздѣлъ устава, послѣдній общее заглавіе: «о порядкѣ производства табачной промышленности и взиманіи акциза съ табаку».

Засимъ слѣдуетъ второй раздѣлъ: *«учрежденіе акцизнаго управленія по табачному сбору.»*

Центральное управленіе сосредоточивается въ министерствѣ финансовъ, по департаменту мануфактуръ и внутренней торговли, а надзоръ за ходомъ табачной промышленности, въ губерніяхъ, возложенъ на казенныя палаты и уѣздныя казначейства, на начальниковъ акцизныхъ округовъ, ихъ помощниковъ, табако-акцизныхъ приставовъ, надзирателей и корчемную стражу по акцизу съ табаку.

Акцизный надзоръ за точнымъ поступленіемъ табачныхъ сборовъ и за правильнымъ производствомъ табачной промышленности распределяется на акцизные округа и дистанціи или районы.

Акцизный округъ составляется изъ одной или нѣсколькихъ смежныхъ губерній.

Каждый табако-акцизный округъ управляется начальникомъ оного, который имѣетъ въ своемъ вѣдомствѣ всѣ дистанціи, составляющія округъ и есть главный начальникъ окружной корчемной стражи. Мѣстопребываніемъ начальниковъ округовъ назначаются главные центры табачной промышленности, въ томъ числѣ: Кіевъ, Одесса и Полтава или Харьковъ.

Дистанціею называется извѣстная часть округа. Каждую дистанціею завѣдуетъ акцизный приставъ 1 или 2 класса.

Для вспомошествованія надзору за правильнымъ производствомъ табачной промышленности, состоитъ при ономъ корчемная стража.

При акцизныхъ округахъ, полагается, для порученій и приобрѣтенія познаній въ дѣлахъ акцизныхъ, одинъ или два чиновника.

Акцизные округа учреждаются постепенно, по мѣрѣ того, какъ потребуетъ распространеніе табачной промышленности; на первое время учреждаются семь округовъ, въ томъ числѣ Югозападный: изъ губерній: Кіевской, Волынской и Подольской, Новороссійскій, изъ губерній: Херсонской, Таврической, Екатеринославской и области Бессарабской, и Малороссійскій, изъ губерній: Полтавской, Черниговской, Харьковской и Курской.

Въ губерніяхъ, не въ акцизвключенныхъ округахъ, наблюденіе за правильностью производства табачной промышленности возлагается на казенныя палаты, отъ которыхъ надзоръ поручается: въ губернскихъ городахъ—чиновникамъ ихъ вѣдомства, а въ уѣздныхъ и другихъ городахъ—чиновникамъ уѣздныхъ казначействъ, виннымъ и солянымъ приставамъ, акцизнымъ надзирателямъ по питейнымъ сборамъ и проч. чиновн.

Начальники губерній, палаты государственныхъ имуществъ, уѣдныя палаты и всѣ мѣстные управленія, а равно и городскія и земскія долици должны оказывать акцизному надзору полное, съ ихъ стороны, содѣйствіе.

Акцизный надзоръ по табачнымъ сборамъ, тамъ, гдѣ оный учрежденъ отдѣльно отъ казенныхъ палатъ, не зависитъ отъ нихъ, собственно по прамымъ его обязанностямъ, состоящимъ въ наблюденіи за табачною промышленностью во всѣхъ ея видахъ, но долженъ представлять казеннымъ палатамъ всѣ свѣдѣнія и справки и исполнять всѣ порученія, какія, по отчетности, взысканіямъ и дѣламъ исковымъ, палаты сии отъ него потребуютъ.

Начальники округовъ обязаны осматривать лично всѣ вѣренныя имъ дистанціи не менѣе двухъ разъ въ году. Всѣмъ чиновникамъ, на коихъ возложенъ надзоръ по табачному сбору, предоставляется употреблять, для открытія злоупотребленій, лицъ всякаго званія, подъ ихъ личною отвѣтственностью.

Акцизный надзоръ, направляя дѣйствія свои къ раскрытію и предупрежденію незаконнаго употребленія и продажи табаку, обязанъ притомъ поступать съ подлежащею умѣренностію, не дѣлая помѣшательства торговцамъ и фабрикантамъ. Въ частныя жилища надзоръ доступа не имѣетъ; но въ случаѣ основательныхъ подозрѣній, если встрѣтится надобность сдѣлать домовый обыскъ, то таковой производится, на основаніи общихъ узаконеній.

Денежныя взысканія за нарушеніе правилъ новаго устава и суммы, поступающія отъ продажи конфискованныхъ предметовъ, за вычетомъ 10%, для причисленія къ пенсіонному капиталу государственнаго казначейства, обращаются въ особый капиталъ, для выдачи награжденій служащимъ по части акциза съ табаку. Если же открыватель не принадлежитъ къ акцизному вѣдомству, то изъ означенныхъ суммъ поступаетъ въ капиталъ только половина, а другая выдается открывателю. Кроме того, для увеличенія средствъ надзора и поощренія служащихъ, съ дохода, превышающаго сборъ отъ продажи бандеролей и свидѣтельствъ, въ 1858 году по каждому акцизному округу или губерніи поступившій, ежегодно отчисляется 15%, изъ коихъ 3 употребляются на усиленіе средствъ и улучшеніе надзора; остальные же 10 раздѣляются, въ пособіе къ жалованью между мѣстнымъ специальнымъ надзоромъ и чиновниками, занимающимися дѣлопроизводствомъ, по части акциза съ табаку, въ министерствѣ финансовъ.

Акцизные чиновники, за всякое умышленное поупущеніе корчемнымъ дѣйствіямъ по табачной промышленности, исключаются изъ службы, съ утратою всѣхъ заслуженныхъ, по силѣ сего устава, преимуществъ, а если доказано, что это сдѣлано ими изъ корыстныхъ видовъ, то подвергаются наказаніямъ, опредѣленнымъ за лихоимство.

Лица, которымъ порученъ надзоръ за исполненіемъ табако-акцизныхъ узаконеній, за всѣ преступленія и проступки по службѣ, подвергаются наказаніямъ, опредѣленнымъ вообще за нарушеніе обязанностей службы, а за нанесеніе, своими несправедливыми дѣйствіями, частнымъ лицамъ убытковъ—денежному вознагражденію обиженныхъ, по приговору суда.

О порядкѣ производства дѣлъ по задержанію корчемнаго табаку и слѣдственной по нарушеніямъ акцизныхъ, по табачной части, правилъ. Главная цѣль спеціальнаго табако-акцизнаго надзора состоитъ въ наблюденіи за правильнымъ производствомъ табачной промышленности, во всѣхъ ея видахъ, въ открытіи злоупотребленій и въ ихъ немедленномъ пресѣченіи; а посему, на всѣхъ акцизныхъ чиновникахъ лежитъ прямая обязанность, всякое уклоненіе отъ акцизныхъ правилъ, открытое ими самими непосредственно, или чрезъ объявленіе городской или земской полиціи, или чрезъ доносъ частнаго лица, прекращать, и, составивъ о нарушеніи письменный актъ, при постороннихъ свидѣтеляхъ, представить оный на разсмотрѣніе и рѣшеніе мѣстной казенной палаты.

Актъ объ открытіи нарушенія акцизныхъ правилъ, касающихся табачной промышленности, долженъ быть составленъ акцизнымъ чиновникомъ, съ точнымъ объясненіемъ обстоятельствъ дѣла, подписанъ составителемъ, скрѣпленъ двумя посторонними свидѣтелями и предложенъ къ подписанію самому нарушителю.

Еслиже сей послѣдній отъ сего откажется, то о семъ должно быть упомянуто въ самомъ актѣ, и въ такомъ случаѣ акцизный надзоръ обязанъ потребовать мѣстную полицію, для засвидѣтельствованія акта. Таковой актъ имѣетъ силу полного доказательства, доколѣ не будетъ опровергнутъ положительными противъ него доводами.

Корчемной стражѣ вѣняется въ обязанность задерживать всякаго, кто продаетъ табакъ безъ бандеролей, а равно останавливать всякаго рода табакъ, развозимый безъ оправдательныхъ видовъ, т. е. безъ форменныхъ накладныхъ свидѣтельствъ мѣстныхъ начальствъ, или таможенныхъ ярлыковъ, и представлять какъ задержанныхъ людей, такъ и табакъ, при нихъ найденный, своему ближайшему начальству, которое, по разсмотрѣніи представленнаго стражею обстоятельства, или составивъ актъ, исребровать отъ задержанныхъ людей обезпеченіе въ исправномъ взносѣ могущаго причитаться съ нихъ взыскаіи, каковой актъ получаетъ законное движеніе, или, въ случаѣ невинности задержанныхъ, ихъ освобождаетъ. Задержанные корчемною стражею люди подлежатъ аресту только въ случаѣ, если откроется подозрѣніе въ поддѣльныхъ на табакъ бандероляхъ, или въ подложныхъ бумагахъ, или если, при ихъ задержаніи, они окажутъ сопротивленіе, съ нанесеніемъ оскорбленій или побоевъ корчемной стражѣ, или если не представить достаточнаго обезпеченія или благонадежнаго поручительства, въ могущемъ причитаться съ нихъ взыскаіи. За исключеніемъ сихъ случаевъ, задержанные должны быть немедленно отпущены, съ отобраніемъ у нихъ показанія объ ихъ личности и о мѣстѣ ихъ жительства, а равно и всѣхъ другихъ свѣдѣній, въ коихъ окажется надобность.

Казенная палата, получивъ отъ акцизнаго надзора актъ объ открытомъ имъ нарушеніи акцизныхъ правилъ, безъ замедленія, и не позже семи сутокъ, считая со времени поступленія сего акта въ палату, обязана сдѣлать постановленіе, о мѣрѣ взыскаіи съ виновнаго. Если же дѣло должно быть произведено судебнымъ порядкомъ, то палата дѣлаетъ распоряженіе о производствѣ формальнаго слѣдствія чрезъ судебного слѣдователя.

Если, по разсмотрѣніи дѣла казенною палатою и по утвержденіи департаментомъ мануфактуръ и внутренней торговли, или по рѣшенію судебного мѣста, задержанные табакъ и другіе предметы признаются искорчемыми, то оные возвращаются хозяину ихъ или его повѣренному, съ предоставленіемъ имъ права понесенные убытки отыскивать съ виновныхъ въ неправильномъ задержаніи-

Новое положеніе о питейномъ сборѣ.

1-го августа обнародовано высочайше-утвержденное 4-го июля 1861 года положеніе о питейномъ сборѣ. Цѣль новаго положенія ясно видна изъ высочайшаго указа, при которомъ оно обнародовано. Дѣйствующіе нынѣ, сказано въ этомъ указѣ, способы взиманія въ казну питейнаго сбора, составляющаго; го одинъ изъ главныхъ источниковъ государственнаго дохода, представляютъ многія существенныя неудобства, какъ по разнообразію своему и неравномѣрности распредѣленія въ разныхъ частяхъ имперіи, такъ и еще болѣе по существованію почти всюду откупной системы, сопряженной съ крайнимъ для народа отягощеніемъ и стѣсненіемъ частной промышленности. Далѣе, въ указѣ повелѣно открыть губерскія и окружныя акцизныя управленія съ 1-го іюля 1862 года, въ тѣхъ мѣстностяхъ и въ томъ составѣ, въ какихъ окажется нужнымъ, по усмотрѣнію министра финансовъ, и ассигновать, съ того же срока, на содержаніе сихъ управленій въ-теченіе 1862 года до 1,300,000, а съ 1-го января 1863 года до 3,000,000 р. въ годъ изъ государственнаго казначейства.

По новому положенію, въ губерніяхъ великороссійскихъ, Ставропольской, прибалтійскихъ, западныхъ, малороссійскихъ и новороссійскихъ, въ областяхъ: Бессарабской, Кубанской и Терекской, въ землѣ войска Донскаго, а также въ губерніяхъ и областяхъ Восточной и Западной Сибири, доходъ съ питей въ пользу казны, съ 1863 года, получается въ видѣ: 1) акциза съ производимаго количества питей, и 2) патентнаго сбора съ заводовъ для приготвленія питей и издѣлій изъ вина и спирта, а также съ заведеній для продажи питей. Акцизу подлежатъ: а) спиртъ и вино, выдѣланные изъ хлѣба, картофеля, свекловичны, свеклосахарныхъ остатковъ и китайскаго проса (сорго); б) водки, выдѣлываемыя изъ виноградныхъ винъ, винограда, фруктовъ, сахарныхъ и свеклосахарныхъ остатковъ и, такъ называемые, пейсаховыя; в) приготавливаемые въ Россіи: портеръ, пиво всѣхъ родовъ и медъ; г) брага, приготавливаемая на особо-устроенныхъ заводахъ. Не подлежатъ платежу акциза: а) всѣ спиртовые напитки и издѣлія, приготавливаемые изъ спирта и вина, оплаченныхъ уже акцизомъ; б) спиртъ, употребляемый для выдѣлки осветительной жидкости; в) спиртъ и вино и издѣлія изъ оныхъ, вывозимыя за границу; г) виноградное вино, уксусъ и медовый квасъ.

Акцизъ съ спирта и вина, а также съ водокъ пейсаховыхъ и выдѣлываемыхъ изъ виноградныхъ винъ, винограда, фруктовъ, сахарныхъ и свеклосахарныхъ остатковъ, назначается по расчету содержащагося въ нихъ безводнаго спирта; акцизъ съ портера, пива и меда, а также съ выдѣлываемой на особыхъ заводахъ браги, назначается, соразмѣрно силѣ и продолжительности дѣйствія заводовъ, на которыхъ приготавлиются сіи напитки. Патентный сборъ соразмѣряется съ родомъ заведеній и выгодами мѣстности.

Продажа оплаченныхъ акцизомъ питей составляетъ предметъ вольнаго промысла, и потому ни опредѣленной цѣны, ни нормальной крѣпости напиткамъ, ни числа мѣстъ продажи оныхъ не назначается.

Акцизъ съ спирта, вина и водокъ взимается въ казну, по мѣрѣ ихъ продажи. Акцизъ съ заводовъ пива- и медоваренныхъ и съ заводовъ для выдѣлки браги вносится, за время ихъ дѣйствія, впередъ.

Патентный сборъ взимается, при выдачѣ патентовъ на право производства напитковъ или на право торговли ими.

Управление питейнымъ сборомъ. Главное управление дѣлами, относящимся до взиманія въ казну дохода съ питей принадлежитъ Министерству Финансовъ, по департаменту разныхъ податей и сборовъ.

Мѣстное завѣдываніе, въ губерніяхъ и областяхъ и въ землѣ войска Донскаго, питейнымъ доходомъ возлагается на губернскаго акцизнаго управленіе, которому въ уѣздахъ подчиняются окружныя акцизная управленія. Губернскаго акцизнаго управленія завѣдываетъ питейнымъ доходомъ въ одной только губерніи или области или въ нѣсколькихъ соседственныхъ, смотря по числу и обширности заводовъ; точно также и окружное управленіе назначается для одного или для нѣсколькихъ уѣздовъ.

Губернскаго акцизнаго управленія состоитъ изъ управляющаго акцизнымъ сборомъ, его помощника и ревизоровъ. Окружное акцизнаго управленія составляютъ: надиратель акцизнаго сбора и его помощники. Всѣ должностныя лица акцизнаго управленія имѣютъ, во всякое время, право свободнаго входа въ винокуренныя, водочныя, пиво—и медоваренныя заводы, а равно и въ заводы, приготавлиющіе другія издѣлія изъ оплаченныхъ акцизомъ вина и спирта. Равнымъ образомъ они имѣютъ свободный доступъ во всѣ мѣста оптовой и розничной продажи питей, подлежащихъ акцизу, во всякое время, пока заведеніе открыто для публики, а когда оно не открыто, то, въ видахъ надзора, могутъ требовать впуска въ эти мѣста, днемъ отъ 5 часовъ утра до 9-ти часовъ вечера; ночью же осмотръ производится только въ крайней необходимости.

Главнѣйшія обязанности управляющаго акцизнымъ сборомъ слѣдующія: 1) наблюденіе за исполненіемъ правилъ о винокурении, пиво—и медовареніи и о выдѣлкѣ водокъ и издѣлій изъ вина и спирта; 2) наблюденіе за исполненіемъ правилъ о питейной продажѣ; 3) наблюденіе за дѣйствіями должностныхъ лицъ акцизнаго управленія; 4) наблюденіе за поступленіемъ доходовъ съ питей; 5) наблюденіе за ревизією дѣлъ и отчетности подвѣдомственными ему должностными лицами; 6) доставленіе вѣдомостей и отчетовъ надлежащимъ мѣстамъ; и 7) рассмотрѣніе и рѣшеніе дѣлъ, по нарушеніямъ правилъ положенія.

Помощникъ управляющаго исполняетъ его обязанности, во время его отсутствія, болѣзни, увольненія въ отпускъ и прочъ службы и кромѣ того, наравнѣ съ ревизорами, исполняетъ возложенныя на него управляющимъ порученія. Обязанности окружнаго акцизнаго управленія состоятъ: въ повѣркѣ описаній заводовъ, приготавлиющихъ питея, подлежація платежу акциза, и въ измѣреніи заводской посуды; въ выдачѣ свидѣтельствъ на производство напитковъ и патентовъ на заводы и торговлю напитками; въ наблюденіи за выдѣлкою и продажею напитковъ; въ наблюденіи за поступленіемъ казенныхъ доходовъ; въ полученіи и доставленіи отчетныхъ свѣдѣній губернскаму акцизнаму управленію и въ производствѣ дѣлъ, по нарушеніямъ правилъ положенія.

Казенная палата ревизуетъ отчетъ губернскаго акцизнаго управленія и представляемая имъ заводскія, подвальныя и другія книги.

Уѣздное казначейство принимаетъ поступающія въ уплату акциза суммы, ведетъ отдѣльный счетъ акцизу, поступающему съ каждаго завода, продаетъ гербовую, для патентовъ, бумагу, доставляетъ, куда слѣдуетъ, вѣдомости и отчеты, по питейнымъ доходамъ.

Начальникъ губерніи, имѣя наблюденіе за исполненіемъ положенія, не только долженъ содѣйствовать акцизнаму управленію, по его распоряженіямъ и

представлениямъ, но и принимать непосредственно зависящія отъ него мѣры къ огражденію казны, во всѣхъ случаяхъ, вносящихся къ ущербу питейнаго дохода; онъ также ревизуетъ акцизное управленіе на общихъ основаніяхъ, постановленныхъ для обозрѣнія губерній.

Городскія и земскія полиціи, съ своей стороны, имѣютъ непосредственное наблюденіе за исполненіемъ, заводчиками и продавцами питей, установленныхъ въ положеніи правилъ.

О лицахъ, имѣющихъ право на выдѣлку напитковъ, подлежащихъ акцизу.

Напитки эти готовятся на особыхъ для каждого заводахъ, которые должны устроиваться отдѣльно одинъ отъ другаго и не имѣть никакой связи, какъ между собою, такъ и съ заводами, выдѣлывающими изъ спирта и вина другіе, высшихъ сортовъ, напитки и издѣлія.

Правомъ винокуренія, въ губерніяхъ западныхъ, малороссійскихъ и новороссійскихъ и области Бессарабской, пользуются: 1) дворяне, владѣющіе недвижимыми населенными имѣніями; 2) войсковые обыватели въ Харьковской губерніи, пользовавшіеся симъ правомъ до 12 февраля 1837 года; 3) колонисты въ Таврической губерніи, до истеченія дарованныхъ имъ привилегій; 4) владѣющіе въ возвращенныхъ отъ Польши губерніяхъ винокурными заводами, по правамъ заставнымъ, традиціоннымъ и эсквизиторскимъ, на основаніи прежнихъ законовъ, если тѣ лица принадлежать къ потомственному дворянству, признанному департаментомъ герольдіи; 5) недворяне, владѣющіе населенными имѣніями въ Бессарабіи, только на тѣхъ винокурняхъ, которыя ими устроены, до изданія акцизнаго положенія 23 ноября 1849 г., или на устройство которыхъ они получили до означеннаго времени дозволеніе, и 6) лица, имѣющія право на фабричную и заводскую промышленность въ области Бессарабской.

Въ землѣ войска Донскаго право курить вино принадлежитъ: чиновникамъ и войсковымъ обывателямъ.

Правомъ дѣланія водокъ, изъ виноградныхъ винъ, винограда, выжимокъ и остатковъ его, и изъ фруктовъ, пользуются: 1) дворяне и чиновники; 2) купцы всѣхъ трехъ гильдій; 3) лица, коимъ даны особыя привилегіи; 4) всѣ войсковые обыватели въ землѣ войска Донскаго; 5) люди всѣхъ состояній, имѣющіе собственные виноградные сады, а въ области Бессарабской и Крымскомъ полуостровѣ и неизбующіе собственныхъ садовъ, всякаго состоянія владѣльцы поземельной собственности и другія лица, въ томъ числѣ и государственные крестьяне.

Правомъ выдѣлки водокъ, изъ сахарныхъ и свеклосахарныхъ остатковъ, пользуются лица, имѣющія сахарные и свеклосахарные заводы.

Правомъ приготовленія пейсаховой воды пользуются Евреи въ губерніяхъ: Полтавской, Черниговской, Кіевской, Харьковской, Волынской и Подольской.

Правомъ варенія пива, портера и меда, а также браги, на пивоварняхъ, для продажи, пользуются: въ губерніяхъ западныхъ, малороссійскихъ, новороссійскихъ и области Бессарабской, въ городахъ, а въ новороссійскихъ губерніяхъ и области Бессарабской и въ казенныхъ селеніяхъ: дворяне, чиновники, купцы всѣхъ трехъ гильдій, мѣщане и крестьяне, имѣющіе торговыя свидетельства. Въ землѣ войска Донскаго, право то имѣютъ: чиновники, войсковые обыватели, почетные граждане, купцы трехъ гильдій, мѣщане и крестьяне, имѣющіе торговыя свидетельства.

Въ селахъ и деревняхъ свободное вареніе пива, браги, меда, въ корчагахъ и котлахъ, для домашняго обихода дозволяется всѣмъ, проживающимъ въ сихъ мѣстахъ, лицамъ, съ тѣмъ: а) чтобы, для производства сихъ издѣлій въ котлахъ, не было возводимо особыхъ постоянныхъ построекъ и чтобы вывариваемое пиво и медъ не были пускаемы для распитія въ другихъ деревняхъ, а также, чтобы пиво и медовареніе производилось только для храмовыхъ и мѣстныхъ сельскихъ праздниковъ, для свадебъ и такъ называемыхъ помочей, во время полевыхъ работъ, и б) вареніе же пива и браги въ корчагахъ можетъ быть производимо во всякое время.

Правила о винокурениі. Учрежденіе винокуренныхъ, также, какъ пиво-и медоваренныхъ и другихъ заводовъ производится съ вѣдома акцизнаго управленія и мѣстной полиціи.

Система винокуренія и устройства завода предоставляется усмотрѣнію заводчика, съ тѣмъ, что наименьшій размѣръ для винокуреннаго завода полагается въ 340 ведеръ емкости всѣхъ квасильныхъ чановъ въ совокупности при 4-хъ суточномъ броженіи, т. е. чтобы каждый чанъ былъ не менѣе 135 ведеръ; устроить заводы меньшаго размѣра не дозволяется, а гдѣ такіе существуютъ, то должны быть къ 1 января 1863 гола или доведены до законнаго размѣра или закрыты.

Выкурка вина дозволяется изъ хлѣба, солода, свекловицы и картофея, но безъ примѣси патоки и другихъ сахаристыхъ веществъ. Каждый срокъ винокуренія, на который заводчикъ испрашиваетъ особое свидѣтельство, долженъ быть не короче двухъ недѣль, и въ разрѣшенный срокъ винокуреніе должно производиться безъ перерыва.

Объявленія заводчиковъ, желающихъ производить винокуреніе, должны быть подаваемы надзирающему акцизнаго сбора, по-крайней-мѣрѣ, за недѣлю предъ наступленіемъ срока.

О выдѣлкѣ водокъ виноградныхъ, фруктовыхъ, изъ сахарныхъ и свеклосахарныхъ остатковъ и нейсаховыхъ. Заводы, для выдѣлки этихъ питей, устроиваются съ вѣдома окружнаго акцизнагоуправленія и полиціи, всякихъ размѣровъ, но употреблять на нихъ можно только квасильные чаны и перегонные кубы.

Приготовлять водки изъ меда, медовыхъ остатковъ и такъ называемаго воронка запрещено; изъ этого исключаются только нейсаховыя водки, употребляемыя еврейми, которыя дозволяется дѣлать изъ меда и патоки.

О пиво- и медовареніи.

Пивоваренный заводъ можетъ быть устроенъ, по совокупному объему заторныхъ и вспомогательныхъ чановъ и котловъ, не менѣе 100 ведеръ, а медоваренный, если онъ устроенъ отдѣльно отъ пивовареннаго, не менѣе 35 ведеръ емкости котла.

Порядокъ же осмотра завода, подачи объявленій и выдачи свидѣтельства на пиво и медовареніе почти тотъ же, какъ и для винокуренныхъ заводовъ.

Приготовленіе браги, на особыхъ для того заводахъ, подчиняется правиламъ о пивовареніи.

Объ акцизѣ съ вина и спирта. Для учета надлежащаго акциза за вино и спиртъ, выдѣлываемые на заводахъ, принимается въ основаніе: а) крѣпость

этих панитковъ и б) ихъ выходы нормальные и дѣйствительные. Крѣпости, т. е. содержаніе въ винѣ безводнаго спирта опредѣляется по спиртомеру Траллеса.

Нормальная выкурка вина или спирта опредѣляется, по расчисленіи количества и рода принасовъ, употребленныхъ на винокурение, и сообразно установленнымъ нормамъ выходовъ вина изъ каждаго рода продуктовъ.

Выходы вина исчисляются на градусы безводнаго спирта, и для сего принимаются слѣдующія двѣ нормы, изъ которыхъ одна называется высшею, а другая нижею:

Изъ 1 пуда ржаной муки и всякаго сухаго

	Солода	нишная 32 ⁰ / ₀	высшая 34 ⁰ / ₀
—	Зеленаго солода	— 31 ⁰ / ₀	— 23,3
—	Пшеничной муки и кукурузы	— 34	— 36
—	Ячменной муки	— 29	— 31
—	Овсяной	— 24	— 23,3
—	Гороховой	— 32	— 34
—	Гречишной	— 29	— 31
—	Проса	— 23,5	— 27
—	Картофеля	— 8	— 8,3
—	Свекловицы	— 6,3	— 7

Каждый заводчикъ можетъ избрать ту или другую норму, съ тѣмъ, чтобы по избранной изъ нормъ, курение производилось въ продолженіи цѣлаго срока; по избранной нормѣ и опредѣляется количество акциза.

Объ акцизъ съ вина и спирта, выдѣляемыхъ изъ свеклосахарныхъ остатковъ и китайскаго проса и съ водокъ кизлярскихъ, пейзазовыхъ и вообще выдѣляемыхъ изъ виноградныхъ винъ, винограда, фруктовъ, сахарныхъ и свеклосахарныхъ остатковъ. Акцизъ съ этихъ издѣлій взимается также, по количеству содержащагося въ нихъ безводнаго спирта; подробныхъ же правилъ объ исчисленіи акциза съ этихъ предметовъ, въ положеніи не имѣется, и они будутъ изданы особо.

Объ акцизъ съ пиво-и медоваренія. Акцизъ съ пивоваренія взимается по совокупной вмѣстимости (въ ведрахъ) заводской посуды, по числу заторовъ производимыхъ въ сутки и числу 13 дневныхъ сроковъ, въ продолженіе которыхъ было разрѣшено производить пивовареніе.

Акцизъ съ медоваренія взимается, по вмѣстимости медоваренныхъ котловъ и также числу 13 дневныхъ сроковъ, на которые было разрѣшено медовареніе.

Относительно продажи вина и спирта, безъ платежа акциза, и о возвращеніи акциза, постановлено: что вино и спиртъ, отправляемые за границу, не подлежатъ платежу акциза; при отправленіи жеводокъ, лака и другихъ издѣлій изъ оплаченнаго акцизомъ вина и спирта, акцизъ возвращается изъ казны отправителямъ этихъ издѣлій.

Спиртъ, употребляемый для выдѣлки освѣгительной жидкости, отпускается изъ заводскихъ подваловъ и оптовыхъ складовъ, безъ оплаты акцизомъ, когда такой спиртъ будетъ измѣренъ и сдѣланъ негоднымъ для витья—примѣсью скиндара, въ количествѣ не менѣе $\frac{1}{50}$ ведра на одно ведро спирта.

О приготовленіи питьей и издѣлій изъ вина, оплаченнаго акцизомъ.

Панитки и издѣлія всѣхъ родовъ, приготовляемые изъ оплаченныхъ акцизомъ вина, спирта, или водокъ, не подвергаются платежу вторичнаго акциза.

При этомъ, правомъ дѣланія для продажи разныхъ напитковъ пользуются: въ губерніяхъ западныхъ, малороссійскихъ, повороссійскихъ и области Бессарабской: 1) помѣшники въ ихъ имѣніяхъ; 2) лица, имѣющія на то особыя привилегіи, впродъ до прекращенія оныхъ; 3) временные владѣльцы казенныхъ имѣній; и 4, въ городахъ (исключая владѣльческихъ) лица, записанныя въ торговыя гильдіи.

Въ землѣ же войска Донскаго правомъ этимъ пользуются всѣ вообще обыватели.

Дозволяется учреждать въ городахъ повсемѣстно заводы, въ которыхъ изъ оплаченнаго акцизомъ вина приготавливаются на продажу разные водки, настойки, пивники, лакъ, полигура, освѣтительная жидкость, одеколонъ, духи и другія издѣлія.

Въ селеніяхъ устройство подобныхъ заводовъ вновь, въ теченіи первыхъ двухъ лѣтъ по введеніи сего положенія въ дѣйствіе, не допускается, а по истеченіи двухъ лѣтъ будутъ по этому предмету составлены особыя правила.

О патентномъ сборѣ съ заводовъ для выдѣлки напитковъ и разныхъ издѣлій изъ вина и съ заведеній для продажи питей.

Съ заводовъ, выдѣлывающихъ напитки, подлежащіе оплатѣ акцизомъ, и издѣлія изъ спирта или вина, а равно съ заведеній, изъ которыхъ производится продажа питей (за исключеніемъ заводскихъ подваловъ), взимается патентный сборъ. Сборъ этотъ получается съ содержателей заведеній, обязанныхъ ежегодно брать патенты, на установленной для того бумагѣ.

Слѣдующіе заводы для выдѣлки напитковъ, подлежащихъ акцизу, и издѣлій изъ вина и спирта оплаченныхъ акцизомъ, — обязаны брать патенты: 1) винокуренные; 2) выдѣлывающіе водки виноградныя, фруктовыя, изъ сахарныхъ и свеклосахарныхъ остатковъ и пейсаховыя; 3) пивоваренные и медоваренные; 4) выдѣлывающіе разные водки изъ оплаченныхъ уже акцизомъ вина и спирта; 5) выдѣлывающіе освѣтительную жидкость; 6) приготавлиющіе лакъ, полигуру, одеколонъ и духи.

Заведенія, назначенныя для продажи напитковъ, обязанныя брать патенты, суть: 1) оптовые склады вина и спирта, открываемые частными лицами, за исключеніемъ складовъ собственно при заводахъ; 2) реисковые погреба, продающіе напитки на выносъ, постоянные, а равно и временные, на ярмаркахъ: Нижегородской, Ирбитской, Коренной, Ростовской, Харьковской (Крещенской), Кіевской (Контрактовой), и Полтавской (Пальицкой); 4) погреба, продающіе исключительно русскія вина на выносъ и распивочно; 5, трактирныя заведенія, если въ нихъ пожелаютъ производить распивочную продажу; 6) питейные дома, шинки и корчмы; 7) постоялыя дворы съ питейною продажею; 8) временныя выставки; 9) портерныя и пивныя лавки; 10) реисковые погреба съ распивочною продажею, постоянные и временные на ярмаркахъ.

Сверхъ того, обязаны брать патенты дома малороссійскихъ казаковъ, войсковыхъ обывателей, колонистовъ, панцирныхъ бояръ и западныхъ олдворцевъ, живущихъ на собственныхъ или общественныхъ земляхъ, если въ сихъ домахъ производится продажа питей.

Общая положенія о торговлѣ напитками.

Оптовая и дробная продажа питей составляетъ предметъ свободной торговли; самая продажа напитковъ производится по вольной цѣнѣ, причѣмъ определенной крѣпости питей въ продажѣ не устанавливается; напитки должны

быть доброкачественные, без вредной примѣси и могутъ быть всякой крѣпости.

Продажу питей дозволяется производить изъ заводскихъ подваловъ и, кромѣ того, а) изъ слѣдующихъ торговыхъ заведеній: оптовыхъ складовъ, реисковыхъ погребовъ, шточныхъ, фруктовыхъ, мелочныхъ и т. п. завокъ; б) изъ трактирныхъ заведеній, питейныхъ домовъ, шинковъ, временныхъ выставокъ, реисковыхъ погребовъ (съ распивочною продажей), портерныхъ лавокъ, корчемъ, или заѣзжихъ домовъ и посоголыхъ дворовъ (съ питейною продажей); в) изъ станціонныхъ и частныхъ домовъ.

Склады, для оптовой продажи вина и спира, дозволяется учреждать: а) винокуреннымъ заводчикамъ безъ торговыхъ свидѣтельствъ, для продажи вина и спирта только собственнымъ своимъ заводомъ, и б) всѣмъ лицамъ, состоящимъ въ гильдіяхъ, или имѣющимъ торговые свидѣтельства первыхъ трехъ разрядовъ. Реисковые погреба (безъ распивочной продажи) могутъ содержать купцы и крестьяне, торгующіе по свидѣтельствамъ первыхъ трехъ родовъ.

Питейные дома, шинки, временныя выставки, портерныя лавки, корчмы и постоянныя дворы (съ питейною продажей), а равно и погреба, назначенныя исключительно для продажи русскихъ виноградныхъ винъ, предоставляется содержать всѣмъ лицамъ, имѣющимъ право на мелочную торговлю.

Евреямъ, въ мѣстахъ постоянной ихъ осѣлости, дозволяется питейная торговля только въ городахъ и мѣстечкахъ.

Открытіе питейныхъ заведеній, а также реисковыхъ погребовъ съ распивочною продажей, разрѣшается: а) въ городахъ и посадахъ—думами и замѣняющими ихъ мѣстами; б) въ казенныхъ и удѣльныхъ селеніяхъ—по мірскимъ приговорамъ сельскихъ обществъ, съ утвержденій: въ казенныхъ селеніяхъ, палатамъ государственныхъ имуществъ, а въ удѣльныхъ—удѣльныхъ конторъ; в) въ земляхъ казачьихъ войскъ—станичными сборами; г) на земляхъ, находящихся въ непосредственномъ вѣдѣніи министровъ государственныхъ имуществъ и удѣловъ,—палатами государственныхъ имуществъ и удѣльными конторами; и д) на земляхъ, принадлежащихъ частнымъ лицамъ,—владѣльцами сихъ земель.

Открытіе продажи питей, въ помѣщичьихъ имѣніяхъ, производится не иначе, какъ съ разрѣшенія ихъ владѣльцевъ; на земляхъ же, отведенныхъ въ пользованіе крестьянъ, (согласно мѣстныхъ положеній 19 февраля 1861 г. о поземельномъ устройствѣ крестьянъ, водворенныхъ на помѣщичьихъ земляхъ, именно ст. 108-й положенія для губерній новороссійскихъ и малороссійскихъ; 80-й для губерній Кіевской, Подольской и Волынской), заведенія для продажи питей открываются съ согласія сельскаго схода и разрѣшенія помѣщика.

Въ губерніяхъ западныхъ и въ Бессарабской области, въ тѣхъ владѣльческихъ городахъ и мѣстечкахъ, въ коихъ право продажи питей принадлежало исключительно ихъ владѣльцамъ, право это сохраняется за ними.

Питейная продажа въ мѣстахъ, не принадлежащихъ частнымъ владѣльцамъ, не можетъ быть отдаваема исключительно одному лицу, или какимъ-либо образомъ стѣсняема въ пользу одного или нѣсколькихъ лицъ. Равнобрю жители (не исключая живущихъ въ имѣніяхъ владѣльческихъ) имѣютъ полное право покупать для собственнаго употребленія, а не для продажи, напитки тамъ, гдѣ найдутъ выгоду.

О раздробительной продажѣ питей. Раздробительная продажа производится: 1) распивочно и на вынось—изъ питейныхъ домовъ, временныхъ выста-

вокъ, шинковъ, корчемъ, или забъжихъ домовъ, постоянныхъ дворовъ, портерныхъ лавокъ, ренсковыхъ погребовъ и изъ частныхъ домовъ лицъ, имѣющихъ на то право; 2) только на выность—изъ штофовыхъ, а также фруктовыхъ, мелочныхъ и т. п. лавокъ и изъ ренсковыхъ погребовъ; 3) только распивочно—въ трактирныхъ заведеніяхъ, въ буфетахъ на стціяхъ желѣзныхъ дорогъ и въ станціонныхъ домахъ.

Заведенія для раздробительной продажи дозволяется учреждать во всякомъ населенномъ мѣстѣ; но учрежденіе корчемъ и постоянныхъ дворовъ съ питейною продажею дозволяется и не въ населенныхъ мѣстахъ, не иначе однакоже, какъ на пробъжихъ дорогахъ, на переправахъ и пристаняхъ.

Заведенія, производящія распивочную продажу питей, не могутъ быть помѣщаемы въ зданіяхъ, занимаемыхъ учебными и богоугодными заведеніями, казармами и тюрьмами.

Не дозволяется учреждать питейные дома, шинки и выставки ближе 40 сажень отъ христіанскихъ церквей, монастырей и кладбищъ, равно учрежденіе сихъ заведеній не допускается въ среднѣхъ селеніяхъ, гдѣ существуютъ волостные сходы, и они должны быть помѣщаемы въ концѣ селеній.

Не дозволено быть содержателями питейныхъ заведеній или сидѣльцами въ оныхъ лицамъ, состоящимъ подъ уголовнымъ преступленіемъ или оставленнымъ по суду въ подозрѣніи, по такимъ преступленіямъ, за которыя опредѣлены въ законахъ наказанія, соединенныя съ потерею правъ состоянія. Въ селеніяхъ не дозволяется содержаніе питейныхъ домовъ и шинковъ должностнымъ лицамъ сельскихъ управленій.

Во всѣхъ мѣстахъ, для продажи питей назначенныхъ, должны быть соблюдаемы чистота и опрятность и отнюдь не должно быть допускаемо неустройства и безчинства.

Продажу въ питейныхъ домахъ и выставкахъ разрѣшается производить въ зимнее и осеннее время съ 7 часовъ утра, а въ лѣтнее и весеннее отъ восхожденія солнца до 10 часовъ вечера; въ городахъ же и на ярмаркахъ,—съ того же времени до 11 часовъ вечера.

Въ воскресные и табельные дни въ портерныхъ лавкахъ, питейныхъ домахъ, шинкахъ, выставкахъ и въ ренсковыхъ погребахъ, воспрещается распивочная продажа: въ селеніяхъ, гдѣ есть церкви, и въ городахъ до окончанія въ приходской церкви литургіи и во время крестнаго хода.

Въ селеніяхъ, гдѣ происходятъ волостные или мірскіе сходы, распивочная продажа запрещается въ тѣ дни, когда происходятъ сіи сходы, до окончанія оныхъ.

Питье не дозволено продавать въ долгъ, на счетъ будущаго урожая, или подъ закладъ платья, посуды или иныхъ вещей, и промѣшивать на хлѣбъ и другія сельскія произведенія, но всегда на наличныя деньги. Равнымъ образомъ воспрещается виноторговцамъ, подъ какими бы то ни было условіями, выговаривать и производить уплату, вмѣсто денегъ, виномъ, а также производить подобную уплату, по долговымъ обязательствамъ или за произведенныя для нихъ работы.

Запрещается продавать вино и другіе напитки распивочно малолѣтнимъ.

Виноторговцы и сидѣльцы обязаны не допускать покупателей напиваться до безпамятства; но еслибы это случилось, то присмотрѣть за такимъ лицомъ лежитъ на обязанности виноторговца или сидѣльца. Если же пьяный, остав-

ленный безъ присмотра, умереть, изувѣчить себя, или будетъ обокраденъ, то виноторговецъ или сидѣлецъ подлежитъ ответственности.

За частыя уклоненія виноторговцевъ отъ правилъ для продажи напитковъ, если только они навлекаютъ неудовольствіе большинства мѣстныхъ жителей, предоставляется обывателямъ того мѣста просить подлежащее судебное мѣсто о закрытіи такихъ заведеній, хотя бы срокъ, на который дозволено существованіе заведенія, еще не истекъ.

При новомъ положеніи приложено росписаніе патентнаго сбора съ заведеній для приготовленія питей и издѣлій изъ вина и спирта и съ заведеній для продажи питей, а также размѣра акциза съ вина и съ пиво-и медоваренія.

I. Относительно патентнаго сбора постановлено, что онъ взимается: или въ одинаковомъ повсемѣстно размѣрѣ, или въ разныхъ размѣрахъ, смотря по мѣстностямъ, которыя раздѣляются на три разряда: къ 1-му разряду относятся обѣ столицы, ко 2-му разряду причисляются города: всѣ губернскіе и кромѣ того въ числѣ другихъ: Кишиневъ, Новочеркасскъ, Бердянскъ, Керчь, Николаевъ, Одесса, Ростовъ на Дону, Таганрогъ, Ейскъ, Аккерманъ, Бердичевъ, Кременчугъ и Елисаветградъ; къ 3-му же разряду относится всѣ прочія мѣстности.

На этомъ основаніи патентный сборъ съ 1-го января 1863 года взимается ежегодно въ слѣдующихъ размѣрахъ:

А) съ заведеній для выдѣлки напитковъ.

1) съ винокуренныхъ заводовъ, имѣющихъ квасильные чаны въ совокупности емкостью	въ 540 ведръ, 10 р.	} ПОВСЕМИСТНО.		
	отъ 540 до 1,080 —		20 р.	
и затѣмъ на каждыя 540 ведръ емкости сихъ чановъ прибавляется по			10 р.	
2) съ пивоваренныхъ заводовъ, имѣющихъ посуду емкостью	въ 100 ведръ, 20 р.		}	
	отъ 100 до 150 —			30 р.
и затѣмъ на каждыя 50 ведръ емкости посуды прибавляется по				10 р.
3) съ медоваренныхъ заводовъ, имѣющихъ котлы емкостью	въ 35 ведръ, 20 р.		}	
	отъ 35 до 50 —			30 р.
и затѣмъ на каждыя 15 ведръ емкости котловъ прибавляется по				10 р.
4) съ заводовъ водочныхъ: въ мѣстностяхъ 2-го разряда	75 р.		}	
	— — — 3-го —	50 р.		
5) съ заводовъ, выдѣлывающихъ лакъ, политуру, духи и освѣтительную жидкость, повсемѣстно	10 р.			

Б) съ заведеній для продажи напитковъ:

1) съ оптовыхъ складовъ: въ мѣстностяхъ 2-го разряда.	30 р.	
	— — — 3-го —	25 р.
2) съ шпифныхъ, фруктовыхъ, мелочныхъ и т. п. лавокъ: въ мѣстностяхъ 2-го разряда.	25 р.	
	— — — 3-го —	10 р.
3) съ ренсковыхъ погребовъ:		
а) безъ распивочной продажи: въ мѣстн. 2-го разряда.	100 р.	
	— — — 3-го —	35 р.

б) съ расшивочною продажею, добавочныхъ: . . . . . 30 р.
 въ мѣстностяхъ 2-го разряда . . . . . 25 р.
 — — — — — 3-го — . . . . . 25 р.

Съ открываемыхъ на ярмаркахъ: Ирбитской, Коренной, Ростовской, Харьковской (Крещенской), Киевской (Контрактовой) и Полтавской (Ильинской) временныхъ реисковыхъ погребовъ:

безъ расшивочной продажи . . . . . 35 р.
 съ расшивочною продажею . . . . . 60 р.

На всѣхъ прочихъ ярмаркахъ, временные реисковые погреба, открываемые безъ расшивочной продажи, не обязаны брать патентовъ, а съ расшивочною продажею каждый временный погребъ обязанъ брать патентъ того же размѣра, какой назначенъ для временныхъ выставокъ.

4) съ погребовъ, продающихъ исключительно русския виноградныя вина (на выносъ и расшивочно), въ мѣстностяхъ 2-го разряда . . . . . 15 р.

— — — — — 3-го — . . . . . 5 р.

5) съ трактирныхъ заведеній: въ мѣстностяхъ 2-го разряда . . . . . 50 р.

— — — — — 3-го — . . . . . 15 р.

6) съ буфетовъ повсемѣстно:

а) при театрахъ и на пароходахъ . . . . . 15 р.

б) на станціяхъ желѣз- } главныхъ . . . . . 75 р.
 ныхъ дорогъ. } остальныхъ . . . . . 15 р.

7) съ портерныхъ и пивныхъ лавокъ:

въ мѣстностяхъ, 2-го разряда . . . . . 25 р.

— — — — — 3-го — . . . . . 10 р.

8) съ питейныхъ домовъ, шинковъ и корчемъ:

въ мѣстностяхъ 2-го разряда . . . . . 50 р.

— — — — — 3-го — . . . . . 15 р.

Съ шинковъ, открываемыхъ въ собственныхъ домахъ малороссійскихъ козаками, войсковыми обывателями, колонистами, панцирными боярами и западными однодворцами, живущими на собственныхъ или общественныхъ земляхъ . . . . . 10 р.

9) съ постоялыхъ дворовъ, гдѣ производится питейная про-
 дажа:

въ мѣстностяхъ 2-го разряда . . . . . 35 р.

— — — — — 3-го — . . . . . 10 р.

10, съ временныхъ выставокъ повсемѣстно по 5 р. за каждый разъ, на которой она открывается, но за продолжающіяся болѣе недѣли по 3 р. за каждую недѣлю.

II Что касается до размѣра акциза съ выкуриваемого на заводахъ вина или спирта, то онъ взимается по количеству содержащагося въ нихъ алкоголя или безводнаго спирта, и съ 1-го января 1863 г. назначается акцизъ по 4 к. съ градуса ($\frac{1}{100}$ ведра) или по 4 р. съ ведра безводнаго спирта.

Съ 1-го же января назначается акцизъ а) въ губерніяхъ: Волынской, Екатеринбургской, Киевской, Подольской, Полтавской, Таврической, Харьковской, Херсонской, и Черниговской и въ области Бессарабской съ пивоваренія: съ ведра емкости пивоваренной посуды за каждый день дѣйствія при одномъ заторѣ въ день по 9 коп., при двухъ заторахъ по 15 коп. и при трехъ—по 21 коп., съ медоваренія: по 80 к. съ каждаго ведра емкости медовареннаго котла за каждый день дѣйствія завода; б) въ землѣ войска Донскаго съ пи-

воваренія, съ ведра емкости пивоваренной посуды, за каждый день дѣйствія, при одномъ заторѣ въ день, по 13 коп., при двухъ заторахъ по 22 коп., а при трехъ—по 31 коп. съ медоваренія по 1 р. 20 коп. съ каждаго ведра емкости медовареннаго котла, за каждый день дѣйствія завода.

Въ новомъ положеніи особо изложены правила о разсрочкахъ въ платежѣ акциза за вино, отпускаемое изъ заводскихъ подваловъ и оптовыхъ складовъ. Согласно этимъ правиламъ, заводчику или хозяину оптоваго склада предоставляется право отпустить изъ подвала или склада въ продажу вино, съ получениемъ отъ покупателей слѣдующаго за оное акциза, но съ тѣмъ, чтобы у него никогда не оставалось невнесенной въ мѣстное уѣздное казначейство акцизной суммы болѣе 1000 руб. ср. и чтобы на первое число каждаго мѣсяца онъ непременно вносилъ сполна акцизъ за все вино, имъ проданное, въ теченіи истекшаго мѣсяца, хотя бы собранная акцизная сумма и не доходила до означеннаго размѣра.

При отправкѣ вина изъ завода въ оптовые склады, разсрочки во взносѣ акциза допускаются для заводчика или хозяина склада, подъ залоги или ручательства благонадежныхъ и владѣющихъ недвижимую собственностью лицъ, въ исправномъ и своевременномъ взносѣ разсроченнаго акциза, управляющимъ акцизнымъ сборомъ той губерніи, гдѣ имѣется заводъ или гдѣ находится складъ.

Къ изданному положенію приложены правила о переходѣ къ казенному съ 1-го января 1863 года завѣдыванію питейнымъ сборомъ.

Главнѣйшія правила, по привилегированнымъ губерніямъ и по землѣ войска Донскаго, слѣдующія:

А, по привилегированнымъ губерніямъ:

1. *Мѣры въ отношеніи заводовъ, приготовляющихъ питія, подлежащія акцизу и издѣлія изъ вина и спирта.*

Всѣ существующіе винокуренные заводы должны быть къ началу винокуренія 1862—1863 г. описаны, и посуда ихъ измѣрена и заклеимена, на основаніи новаго положенія, которому и подчиняется въ періодъ 1862—1863 г. производство винокуренія; для сего заводы должны быть снабжены патентами и свидѣтельствами, вести установленныя книги и состоять подъ наблюдениемъ и учетомъ акцизнаго управления.

Всѣ обязанности, возлагаемая положеніемъ объ акцизѣ съ хлѣбнаго вина, 23 ноября 1843 года, на заводчиковъ и покупателей, въ отношеніи куренія, продажи и провоза вина и платежа акциза должны исполняться, по 1-е января 1863 года, въ точности.

Винокуреннымъ заводамъ дозволяется, независимо отъ откупа вина на существующихъ правилахъ, на продовольствіе 1862 года, отпустить его оптовымъ торговцамъ, открывшимъ склады въ мѣстахъ нынѣшнихъ чарочныхъ откуповъ, для продажи въ 1863 году по ярлыкамъ уѣздныхъ казначействъ, на существующемъ нынѣ основаніи и по предъявленіи заводчикамъ покупателями разрѣшенія на открытіе оптовыхъ складовъ и по взносу въ казну акциза.

При этомъ откупщики не должны дѣлать никакихъ притѣсненій, подъ опасеніемъ взыскапія понесенныхъ торговцами или заводчиками убытковъ. Пиво и медоваренные заводы должны быть къ 1-му января 1863 г. тоже описаны и измѣрены и съ этого времени они дѣйствуютъ, на основаніи новаго положенія. Къ 1-му января 1863 года приводится, чрезъ акцизное управленіе, въ извѣстность наличность пива и меда на заводахъ и ледникахъ, принадлежащихъ заводчикамъ, съ тѣмъ, чтобы всѣ эти остатки пива и меда были оплачены акцизомъ по 20 к. съ ведра.

Заводы, для приготовления хлѣбныхъ водокъ и разныхъ издѣлій изъ спирта, должны къ 1-му января 1863 г. снабдить себя установленными новымъ положеніемъ патентами и книгами.

Къ тому же сроку приводится на этихъ заводахъ въ извѣстность наличность, какъ вина и спирта, такъ и приготовленныхъ изъ нихъ издѣлій. При приведеніи въ извѣстность наличности разныхъ издѣлій изъ вина, принимается, по спиртомеру Траллеса, содержаніе безводнаго спирта:

Въ ведрѣ рома, разныхъ водокъ и наливки	60%
въ ведрѣ лака и политуры, освѣтительной жидкости, гофманскихъ кашель, одеколона и духовъ	75%

Всѣ виноиздѣлія на этихъ заводахъ, оказавшіяся въ наличности къ 1-му января 1863 г. оплачиваются акцизомъ.

2. О заготовленіи запасовъ питей на 1865-й годъ.

Винокуренымъ заводчикамъ и кушамъ, желающимъ открыть оптовую торговлю виномъ изъ складовъ, въ мѣстахъ нынѣшнихъ чарочныхъ откуповъ, дозволяется учреждать эти склады не ранее, какъ за 4 мѣсяца до 1863 года, съ заявленіемъ о томъ мѣстному акцизному управленію и платеніемъ акциза; вино же провозится, по ярлыкамъ уѣднаго казначейства.

Вино, находящееся въ складахъ, нынѣ существующихъ по мѣстамъ, гдѣ уничтожены чарочные откупа, должно быть приведено къ 1-му января 1863 года въ извѣстность и оплачено акцизомъ, въ противномъ случаѣ должно быть подвергнуто публичной продажѣ. Продажа питей изъ откупныхъ заведеній, по чарочнымъ откупамъ, прекращается въ 10 часовъ вечера 31 декабря 1862 года.

3. О мѣрахъ къ отращенію напуска вина.

Никто изъ нынѣшнихъ чарочныхъ откупщиковъ не долженъ, нигдѣ и ни подъ какимъ предлогомъ, открывать питейной продажи, кромѣ питейныхъ, въ откупъ каждаго, заведенія, которыя правительствомъ дозволены.

4. О приведеніи остатковъ питей въ извѣстность.

Всѣ, содержимыя чарочными откупщиками и частными лицами, заведенія для продажи питей, могутъ имѣть остатки оныхъ къ 1-му января 1863 года, и для того къ 20-му декабря 1862 года содержатели означенныхъ заведеній должны доставить объявленіе о количествѣ вина, спирта, водокъ, наливки, портера, пива и меда, могущихъ примѣрно остаться у нихъ къ 1-му января 1863 г.; повѣрка сихъ объявленій акцизнымъ управленіемъ производится 31 декабря 1862 года; при этомъ должна быть внесена разность между новымъ и прежнимъ акцизомъ.

Б. по землѣ войска Донскаго.

Мѣры, установленныя въ привилегированныхъ губерніяхъ относительно описанія и измѣренія заводовъ, приготовляющихъ питея, подлежащія акцизу,

и издѣлія изъ вина и спирта и подчиненія ихъ новому положенію, примѣняются и къ землѣ войска Донскаго.

Винокуренымъ заводамъ, дозволяется отпускать вино для продовольствія 1863 года: а) въ частные оптовые склады и б, въ питейные дома и штофныя лавки. Отпускъ вина въ оптовые склады производится, съ начала 1862 года, какъ изъ винокуренія 1861-1862 года, такъ и изъ винокуренія 1862-1863 г., а въ питейные дома и штофныя лавки только изъ винокуренія 1862-1863 г., и не ранѣе 15 декабря 1862 года; за вино, выпускаемое изъ винокуренія 1862-1863 г. долженъ быть внесенъ акцизъ.

Къ 1-му января 1863 г. приводится въ извѣстность количества пива и меда на заводахъ и въ ледникахъ, причемъ питья сии отплачиваются акцизомъ по 30 к. сер. за ведро.

При приведеніи въ извѣстность количества разныхъ издѣлій изъ вина и спирта, принимается содержаніе безводнаго спирта: въ ведрѣ настоекъ и на ливокъ 38% по Траллессу; въ ведрѣ сладкихъ водокъ и ликеровъ — 33%; въ ведрѣ политуры, лака, духовъ и проч. — 95%.—

Казна заготовляетъ вино, на 1863 годъ, въ тѣ мѣста, гдѣ это будетъ признано нужнымъ и тѣмъ порядкомъ, какой окажется удобнѣйшимъ, и хранить вино въ войсковыхъ подвалахъ. Оптовые склады въ тѣхъ мѣстахъ, гдѣ нынѣ находятся войсковые подвалы, а если не встрѣтятся препятствій, то и въ другихъ, дозволяется учреждать винокуренымъ заводчикамъ, купцамъ и всѣмъ, имѣющимъ въ войскѣ Донскомъ право на торговлю, соответствующую торговлѣ купцовъ 3-й гильдіи, съ разрѣшенія войскаго правленія по ярлыкамъ, для провоза вина, окружныхъ казначействъ; причемъ выпускъ вина изъ оптовыхъ складовъ въ питейные дома и штофныя лавки не дозволяется ранѣе 15 декабря 1862 г.

Продажа питей изъ откупныхъ заведеній прекращается 31 декабря 1862 года.

Порядокъ заявленія остатковъ питей, въ войсковыхъ подвалахъ и во всѣхъ мѣстахъ продажи питей, а равно и у частныхъ лицъ, въ войскѣ Донскомъ, тотъ же, какъ и въ привилегированныхъ губерніяхъ. Войсковое вино приводится въ извѣстность, первоначально по расчету на пѣное вино для окончанія счетовъ съ комиссіонеромъ, а затѣмъ доброта его опредѣляется по спиртомѣру Траллеса и оно принимается въ казну, по взаимному соглашенію министерствъ военнаго и финансовъ. За тѣ остатки, которые окажутся къ 1-му января 1863 года въ разныхъ заведеніяхъ для продажи питей, у частныхъ лицъ и на заводахъ водочныхъ и выдѣлывающихъ разныя издѣлія изъ вина, и за которые войскомъ уже полученъ питейный сборъ, на основаніи дѣйствующаго положенія, причитающійся въ казну акцизъ возвращается войскомъ, съ которымъ казна и производитъ, по сему предмету, расчеты.

Всѣ расчеты съ комиссіонеромъ производятся войсковымъ правленіемъ на основаніи положенія о хозяйственномъ управленіи питейными сборами въ войскѣ Донскомъ.

Новое положеніе о трактирныхъ заведеніяхъ. 1-го августа 1861 г. обнародовано новое положеніе о трактирныхъ заведеніяхъ, вызванное, какъ видно изъ особаго высочайшаго указа, неудобствомъ дѣйствующихъ нынѣ о трактирныхъ заведеніяхъ правилъ. Въ этомъ указѣ сказано, что какъ устройство трактирныхъ заведеній тѣсно связано съ системою питейнаго сбора, и какъ новое положеніе о системѣ этого сбора будетъ приведено въ исполне-

ніе съ 1-го января 1863 г., то и новое положеніе о трактирныхъ заведеніяхъ должно быть приведено въ полное дѣйствіе также съ этого времени, для чего и должны быть опредѣлены и указаны, по взаимному соглашенію министерствъ внутреннихъ дѣлъ и финансовъ, тѣ предварительныя мѣры, которыя будутъ приняты, для введенія въ дѣйствіе сего положенія.

Акцизъ съ трактирныхъ заведеній за право содержанія ихъ опредѣляется мѣстнымъ городскимъ обществомъ, съ утвержденія губернскаго начальства; заведеніе, обложенное этимъ акцизомъ, платитъ его въ городскую казну, причѣмъ количество этого средняго акциза соразмѣряется какъ съ состояніемъ трактирнаго промысла въ городскомъ поселеніи, такъ и съ потребностями городской казны, для удовлетворенія общественныхъ расходовъ. Внутренняя раскладка общей суммы акциза, слѣдующей въ доходъ городского поселенія, производится особымъ платежнымъ обществомъ, составленнымъ изъ всѣхъ содержателей трактирныхъ заведеній; это общество, черезъ каждые четыре года, выбираетъ изъ среды своей, для раскладки акциза, депутатовъ, одновременно съ которыми выбирается и равное число кандидатовъ. Депутаты эти приступаютъ къ раскладкѣ акциза на слѣдующій годъ, не позже 1-го января каждаго года. При раскладкѣ средній годовой акцизъ помножается на общее число трактирныхъ заведеній, и получаемая такимъ образомъ сумма составляетъ общую сумму акциза, подлежащую поступленію въ доходъ городского поселенія. Составленная депутатами раскладка выставляется, для общаго свѣдѣнія, въ самой думѣ, или замѣняющемъ оную мѣстѣ, съ 15-го ноября по 1-е декабря. Сверхъ того, не позже 20-го ноября раскладка печатается въ мѣстныхъ вѣдомостяхъ. Кто изъ содержателей трактирныхъ заведеній найдетъ себя несправедливо обложеннымъ, по раскладкѣ сравнительно съ другими содержателями, тотъ можетъ, не позже 1-го декабря, обратиться съ жалобою къ депутатамъ, которые, не входя ни въ какую переписку, постановляютъ окончательное, по сему предмету, заключеніе и утверждаютъ раскладку не позже 15-го декабря; причѣмъ объявляется каждому содержанию количество акциза, причитающагося съ него къ уплатѣ на слѣдующій годъ. Въ случаѣ прекращенія трактирнаго промысла, по какимъ бы то ни было обстоятельствамъ, заплаченный за полгода акцизъ не возвращается городскою казною. Содержатели заведеній обязаны: 1) держать у себя въ услуженіи благонадежныхъ людей; 2) учредить въ заведеніяхъ внутренней присмотръ за недопущеніемъ безпорядковъ или воровства; и 3) имѣть у дверей прочныя запоры и замки.

Содержаніе постоялыхъ дворовъ и свѣтныхъ завочекъ дозволяется всѣмъ лицамъ, имѣющимъ право торговли, и число сихъ заведеній не ограничивается. Свидѣтельства на содержаніе ихъ выдаются думою или замѣняющимъ ее мѣстомъ, порядкомъ, опредѣленнымъ для трактирныхъ заведеній вообще; но акцизъ, съ нихъ взимаемый, устанавливается не посредствомъ городской раскладки, а однообразно, и опредѣляется ежегодно городскимъ обществомъ. Правила, касающіяся благочинія и полицейскаго надзора въ этихъ заведеніяхъ тѣ же, что и въ трактирныхъ. Разрѣшеніе на содержаніе трактирнаго заведенія виѣ города дается казенною палатою, которая при этомъ взимаетъ съ просителя акцизъ, выдаетъ свидѣтельство на гербовой бумагѣ и увѣдомляетъ о выданномъ разрѣшеніи мѣстную земскую полицію. Число такихъ заведеній не ограничивается; къ содержанію ихъ допускаются купцы всѣхъ трехъ гильдій, мѣщане, цеховые и крестьяне, безъ записки въ торговые разряды.

Акцизъ съ трактирныхъ заведеній внѣ города раздѣляется на 3 класса: въ первомъ онъ составляетъ 60 руб., во 2-мъ — 30 руб., въ 3-мъ — 15 руб.; при подведеніи заведенія подъ тотъ или другой классъ, принимаются въ соображеніе выгоды, представляемыя каждою мѣстностью. Причисленіе по каждой губерніи трактирныхъ заведеній внѣ городскихъ поселеній къ тому или другому классу дѣлается казенною палатою, съ утверженія губернатора. Чтѣ же касается до постоянныхъ дворовъ въ корчемъ, внѣ города, то учрежденіе и содержаніе ихъ предоставляется всякому, безъ испрошенія особыхъ на то дозволений и безъ платежа акциза въ пользу казны. (Сен. вѣд. 1 августа 1861 г., № 61.)

ВІСТІ.

Де-що зъ Полтави.

(до Редактора.)

Сёго року весна здавалась бути раннёю, а на ділі вийшло що пізня. Передъ Юріємъ траві зовсімъ не видно було, а зъ половини квітня дощі стали перепадать частійшъ и частійшъ. Зазеленіло поле и лўки, мовъ заткались травою та квітами; житá и пшениці, крий Боже, які гарні! яринами жъ похвалитись не можно. На Йвана Купала тільки-що почалає у насъ косовиця. Дощі багато мішали: сонце вяснитця, косарі ударять у кóсі, а громадільники тільки-що поспіють згромадити, якъ дощъ знову нуєтитця и поміша роботі. Дощі и досі перепадають. Давно уже у насъ було таке літо: ажъ любо подивитись на трáви та на лані зъ пашнёю.

Окрўгъ Полтави мало козачої землі, а хоча й е у якімъ селі, то и багато вже народилоє на неї. Наші Полтавські козаки більшъ хлібороби и беруть землю за скіпщину у панівъ, а траву косять зъ половини, та ще зъ того треба й покористуватись. Поневолі прийде та думка що:

Въ того доля ходить полемъ,
Колоски збирає,
А моя десь ледащиця..

Але-жъ, добродію, якъ би то ви самі подивились, сёго-літа, на нашъ край, то, може бъ, що й весéле згадали. У насъ, після зне-сёння крѣпацтва, здаєтця, усе помолодшало: и степъ, и лани, и лю-

де. Хочь воно нашимъ, тільки-що визволенимъ крепакамъ, и не все гараздъ... ну, та надія и воля—велике діло. Подивились би, кажу, ви, сѣго щастливого літа, на косарівъ та на дівчатъ у стѣнжкахъ и барвінковихъ вінкахъ, або прислухались, якъ вітеръ повіе... почувли бь, якъ звеніть коса гонівъ за п'ять, а пісня зь усіхъ сторонъ такъ степомъ и розлягаеця, якимъ-сь новимъ та добримъ галасомъ... то й сказали бь: «збрехали ті незвані пророки, що віщували катъ зна що!» Весело подивитись—якъ зіркі засяють на блакитнімъ небі и перепели начнуть перекликатись—якъ наші косарі и громадільники, на-працювавшиє за цілієнький день вдоволь, біля табору, повечерявши співають. Не знали ті пророки нашого працѣвитого народу, або й не хотіли знати...

Не всіли ми обізнатись зь полемъ, напюхатись доволі того весняного паху и надивитись на васильки, на материнку, на петрівъ батігъ, що такъ блакитними квітами увесь степъ укривъ, на червону рожу—та куди вамъ! нашихъ усіхъ квітівъ и не перелічишь... не всіли дослухати куковання зозулі и нескінчяємої пісні жайворінка, а вже треба, завгоді, лагодитись зь своїмъ добромъ у городъ на ярмалокъ, бо вже земляки, битимъ шляхомъ, зь різнихъ сторонъ, идуть зь хурами, низкою тягнуція москалі повозкѣми зь вагою, скриплять татарські гѣрби и тарабанять, усі у пилу, якъ у диму, жидівські бріки...

Наша Іллінська, у послідні роки, безъ спору взяла гору надъ усіма українськими ярмарками. Оборотъ, котрий у Ромні не підіймався вище 9 милліонівъ, теперъ сягає до 23 милліонівъ, а часомъ и більшъ, бо й не диво: Екатеринославщина, Херсоньщина и Кримъ не тягнули до Ромна, а після переводу у Полтаву, стали висилати на сей ярмарокъ свої стенові багатства. У Ромні вовна була на невеликі гроші, а тутъ відъ вовни залѣжить увесь ярмарокъ. Іллінська не одинъ ярмарокъ, а два, одинъ по другімъ: першъ *кінний* чи сільський, а потімъ *красний*, чи мануфактурній. Сей становитця у самімъ гóроді, у кам'янихъ и дощанихъ лавкѣхъ и шóпахъ. Про нѣго нехай хто другий напише. А що до сільського—то мині самому привелось на нímъ що дия товктися—то я зь вами про нѣго и побалакаю.

Підъ ярмарокъ городъ відступивъ велику лошину, поміжъ Подоломъ и Ворскломъ. Есть то плащина рівна, котра сягає десятинь трохи не на сто; е де поміститись и води хорошої вдоволі. Відъ виїзду зь Полтави по праву-ручъ иде, самою серединою ярмарка, подовжня широка вулиця веретовъ на п'ять. По обохъ бокахъ тієї вулиці стоять, збу-

довані підъ ярмарокъ, дощані ятки й балагани зъ краномъ низчого сорту: вилимами, полотнами, рядовиною, панчохами и иншимъ. Тутъ буває продажа и у гурть, и у розницю. Рядомъ стоять шони зъ бакалією, а по середині *зборний рядъ* (гостиниці, трахтирі, вино, пиво. .). Подовжня вулиця прорізується у перпендикулярі поперешніми; кожна зъ своїмъ особнимъ товаромъ, якъ отъ: залізомъ, ремісною роботою, кожухами, лнцварями, смухами, брилями, лольками, чобітьми... усёго не перелічишь. За зборнимъ рядомъ по ліву—ручъ—тютюнь. Поручъ зъ нимъ вовна—найбільшъ шпанка. Сей товаръ первий на весь ярмарокъ; вінъ займає одинъ велику площину, по-надъ Ворсклою, геть ажъ до самої толоки. Вовна стоїть зложена високо рядами—ніби тіи мури—розділена перулками. Черезъ шляхъ відъ вовни—шкура, на возахъ и купами, и кримські невироблені смушки; далій вози, колéса, скрині, бондарська робота и усякий вiрробъ зъ дерева; ще далій вже починаютьца дiрки, де, скiльки око сягне, розсипались по зеленому килиму чумацькі валки и табуни. Ближай икъ Ворсклу, простяглася друга подовжня вулиця, паралельне до першо. Сей е справжня *кiнна*. Тутъ стоять, безъ перерву, по обидва бoki, коні коло коновязивъ, шось верстви чи не на двi. Далій, у загонахъ товчутьца косяки стеновихъ коней. За ними скотъ и барани, а по надъ самою рiчкою стоять, одні проти другихъ черезъ вулицю, московські звоички и наші чумаки, дожидаючись одрави. Зъ другого жъ боку, по близу Подола по-надъ самою течією, котра колісь прозивась Полтавкою, иде третя подовжня вулиця; тутъ почувешъ звiнкий галась нашихъ перекуючъ и перепечакъ; тутъ готуетца и продається зъїжа. Рядомъ зъ ними сiль, потiмъ сiно на возахъ, а тамъ, поминувши цiлий рядъ зъ бочками дiгтю, попадешъ знову на кiнну. По тимъ вулицямъ и перулкамъ снуе народъ піший и кiнний и переливається, мовъ водяні фили.

Україна и сусiдні краі вислала сюди кiженъ свое добро: Москва—красний товаръ, залiзо, iвряжъ; Донщина—коней, вино, кавъяръ и рибу; Кримъ—вина, бакалію, шкура, смухи; Польща—коляси, петичанки; Нижень, Прилука и Ромень—тютюнь; зъ-за Десни, Днiпро-ромъ—дiготь, вiрiвкi, дошки; Кременчукъ—волока, нiводи, мiло; Біла Церква—машини; Черкаси й Сміла—сахаръ; Кавказъ и Чорноморье—косяки коней. Вовни шпанки найбільшъ вислала Полтавщина и Екатеринославщина, а тако-иъ Слобiдська Украина, Херсонщина, Нізці зъ Молошноі и зъ підъ Марио-поля (Мариуполя). Наші мi-

стѣчка: Грунь, Котельва и Водолаги вислали повозкі, колѣса и инше зъ дерева; Решетилівка, Санжари и Білки—смушки; Полтава и Красний Куть—бѣндарські виробы; Опoшня и Великі Будища—гончарські. Харчі, овесъ и сіно достачала Полтава и ближні села.

Найкращі коні у косякахъ були панівъ: Озеровського, Пловайского, Куликовського и баришниківъ зъ Курської губерни—Дятлова и Циганка. Жиди пригнали косяки коней найнижчого сорту. Кіньми висчого сорту, зъ панських заводівъ, Воронежської, Курської, Полтавської и Екатеринославської губерний и баришниківъ Курських и Воронежських, були биткомъ набиті великі стайні, на Подолі збудовані підъ ярмарокъ. Але—жъ заводські коні, на сѣгорочнімъ ярмарку, мали невеликий збитъ, бо для конниці мало закупали; за те коні зъ косяківъ збувались лѣгко: їхъ продавали по ціні відъ 40 до 70 карбованцівъ; найбільшъ брали наізжі жиди, москалі—звощики, панкі и для пограничїї сторѣжі, на пруську границю—туди куплено однимъ заходомъ 900 штукъ.

Вовна не вся продана; зъ Австрїи и Пруссїи було закупили сего року меньше, якъ торікъ, а більшъ закуплено у Чернигівську губернию, Білгородъ, Москву, підмосковні губерніи и Польшу. Привезено жъ було дуже багато: були партїи и такі, що мали відъ 2¹/₂ до 4 тисячъ пудівъ, панівъ полтавських и екатеринославських (Базилевського, Струкова). Продавалась: обніжки відъ 8—ми до 11—ти, а перегонъ відъ 15—ти до 17—ти карбованцівъ. Тютюнь продавався відъ 1-го до 2¹/₂ карбованцівъ за пудъ, дівлячись по зборці и сорту. Найкрасчий тютюнь бувъ серебрянський, Прилуцького повіту. Пахарських машинъ, на сѣгорочний ярмарокъ, було багато привезено зъ Білої Церкви. Мастакї того діла похвалявали найбільшъ парову мукомельню, Варшавської роботи, що меле за годину 15 пудівъ на три сорта бѣрошна, а для винниці то й 20 пудівъ. Цїнилась вона до 3-хъ тисячъ карбованцівъ. Молотилка зъ кіськїмъ приводомъ, у 6 силъ, молотила по 8 кїнь за годину; цїнилась за 1500 карбованцівъ. Були виставлені на продажъ и для заказу: віялки, сіялки, соломорїзки и кіські граблі Білоцерковської роботи. Жатокъ не було. Скоть хороший бувъ тільки зъ заводівъ князя Кочубея. Цїна на скоть була не висока. Баранї на росплодъ, електоральной породы, зъ добримъ руномъ, продавались тожъ поцінно. Сїно платилось відъ 1¹/₂ до 3-хъ карбованцівъ за візъ; овесъ черезъ пізню вѣсну бувъ тільки торїш-

ній и продававсь по 23 копейки за мірку. Чумаки платили, за попась, зь пари волівь відь 5-ти до 10 копійекъ на-день.

Ярмарокъ почався 12-го іюля; дощі перепали и понесуваи шляхъ, а 14-го підь самий горячий торгъ на коні, обіднїє пори, набїгла хмара, загримотівь грїмъ и пішовъ чустрити дощъ, якъ зь відра. Середь народу блискавка убила вь смерть двоохъ жидівь и порозбивала багато телеграфнихъ стовпівь. Народъ обступивъ вбитїхъ; жиди джеркотили, галасували... ажъ ось, надїшовъ чумаць, и почувши, що блискавка кого-сь убила, знявъ шапку и перехрестивсь. «Экой ты! Богъ жидовъ побиль, а ты крестишься,» гукнувъ на нїго який-сь москаль съ гурту. «Хвба-жъ жиди й не люде? Богъ надъ усіма!» одїзвася чумаць. Жиди, якъ почули, кинулись до чумака, обнимають, за руки беруть. »Правда, братіку, правда... Ось доловїк! сей правдиве у Бога віруе.» 20-го іюля стали розїзжатись хури зь товаромъ. Чумаки брали підь хуру до Австрійскої гринци по 90 копійекъ зь пуда, у Чернигівську губернию по 30 коп., у Маріуполь по 40 к., у Харківъ по 20 к., у Кримъ на Бериславъ по 30 к. 30-го іюля на ярмарковому плацу вже було пусто; ярмарокъ стоявъ троха не три тижни.

Теперь, икъ слову, добавлю де які подумки, котрі навїявъ на мене сѣгорочній ярмарокъ. Коли нашу Иллинеську дробити по націямъ, то можно вивести такий рїшнїєць: на сільскімъ, чи кїшнімъ, ярмарку найбільша груда товару йде зь рукъ нашихъ земляківъ, чи то панівь, чи простихъ; тутъ нашї беруть гору и лічбою и капиталомъ. Москалі у своихъ рукахъ держуть тільки торгъ невысокимъ краснимъ товаромъ и то на половину зь нашими. Залїзо жъ и ремїнна робота уся вь московськихъ рукахъ. Торгъ бакалією у рукахъ у орменъ, караїмівь и греківъ та вони більшъ торгують не тутъ у самімъ гóроді, на особинімъ плацї. У татарь тільки торгъ шкурами й смухами, а що до жидівь, то сей народъ, по правді сказати, нічого не вироблює самъ, а тільки перекупає и перепродує чуже—найбільшъ вовну, коні, смухи и пірья. Біднїйші торгують, не маючи ніякого капиталу и якось-то перебиваютьця. На сїмъ ярмарку жиди й москалі мало у чїмъ конкурируютъ поміжъ себе. Інїакъ воно стоїть на ярмарку краснимъ чи то мануфактурнімъ, котрий починаетця у самімъ гóроді черезъ десять днівь згодї, на сáмого Иллю. Тутъ уже нашимъ землякамъ нема просвіту; нашъ панъ тільки купуватель на роздробъ, а простий—за поти-кача. Московські купці, що торгують висчимъ краснимъ товаромъ, мають тутъ, у жидахъ Бердичівськихъ и Полськихъ, жвавихъ и сильнихъ

капиталомъ конкурентівъ. Мабуть жахаютьця московські купці и фабриканти, що жида одб'ють у нихъ торги по Україні, коли такъ добиваютьця, щобъ посягувати усі наші ярмаркі у Харьківъ, де вони позакуповували усі ярмаркові будови, та й жида тамъ великої сили не мають, бо жити імъ у тій місті не вільно. Гомонять москалі-себъ то на більшу користь ус'єму краєві, а навспражки для того, щобъ загарбати у свої руки усі торги зъ початку на сімъ боці Дніпра, а потімъ посунутись и за Дніпръ, тай тамъ поборокаться зъ жидами. Гарний та далекий шухъ у того купецтва! Знаємо ми дуже добре ту московську монополію, що бувало привезе український панъ у Харьківъ вовну, а московський купчина дає ціну яку самъ схоче, та, заклавши назадъ руки а шапку зігнувши на б'акір'ь, усміхаючись и каже: «Ужъ, батюшка, напрасно-єъ изволите безпокоиться, знаємъ-ста, что барышъ платицо надо, а барышнѣ на башмачки,» та й вередує д'оти, ажъ поки панъ не пок'лонитця и на ёго волю здастца. Якъ дивитись очима московськихъ фабрикантівъ, то воно може й добре було бъ на світі, якъ би тільки самі фабрики процвітали та добрі зиски давали, а багатири-монополисти, ще більшъ, кишені набивали; а якъ же подививши очима тутешнього хлібороба, поглянешъ на нашъ плодючий край та поміркуюешъ объ тій, що найкористнійше для нашого батьківського промислу—хліборобства, то й скажешъ спасибі тимъ жидамъ та чужоземськимъ закупщикамъ, що своєю конкуренцією, на усюди-роскннутихъ по краю ярмаркахъ, ціну на наші нахарські продукти підіймають, а красний товаръ, и красчий и дешевший до насъ привозють. Якъ прислухаешся до того галасу купецького, то з'аразъ зрозуміешъ, що се ті самі наші добродії, що не дуже давно такъ галасували за тарифъ: «не треба, казали, збавляти пошлинь, бо якъ у московськихъ фабрикантівъ на кошійчину буде меншъ барышівъ, то усімъ вамъ прійдетця взирати, хочъ у васъ токі й набиті стогами.» Не диво, що наша плодюча країна бідна на гроші, бо такъ усе добре, епасної за ласку, добродії умудрували, щобъ капитали позитгати туди десь за Оку. «Продавайте, кажуть, вашу шпешницю у Одесь або Бердянськъ та привозьте ті грошки, що візьмете, до насъ—ми вамъ ситцівъ за те надаемó, такихъ що, може, черезъ тиждень й на ганчіркі згодятця; а у бусурменівъ не купуйте, бо й законъ не позволя, та й дежъ той патріотизмъ буде? Продавати імъ свое добро, а гроші намъ, за хамл'о, віддати—то инше діло—таке, якъ слідъ доброму патріотові робити; бо то наше діло, за-

сівши у Харькові, далій відь чужої конкуренції, грошима орудувати та зь вашої праці розживатися, а ваше... у землі копатися, а гроші вамъ, хахламъ, на віщо здалися?... »Эге жъ, правда! отъ хочъ блій до заліза; нашому хліборобові треба ёго, куди не киньсь; наші степі тільки дожидають заліза доброго и дешевого, щобъ прокнутись та за діго новимъ ладомъ узятись. Э! такъ, бачите; уральскі заводчики—отті бідні, що Европа на нихъ дивуетця—треба їх пожаліть—старцями стають, якъ заходне залізо у нашъ край (для користи нашого, багатири бъ то, хлібороба) пустять. Наша Україна найбільшь, здаецця, витерпіла відь того тарифу, а її ще й лають, що, бачъ би то, до праці не здатна. Оце тежъ саме и зь нашими ярмарками; здаецця и сліпий побаче, що легше купцеві переїзжати зь своїмъ легкимъ крёмомъ зь ярмарку на ярмарокъ, а ніжъ намъ, зь нашими важкими пахарськими продуктами, до одного пункту, з'їздитися та одинь другому ціну збавляти, а чуже у дорожнету щідіймати. Тай зь самої натури того діла бачитця, що край, де пахарство покриває усякий другий роздобутокъ, повиненъ розкинути свої ярмарки по усімъ закуткамъ, а не стягувати у одинь пунктъ. Отъ хочъ би на прикладъ: Владимирська губернія має усього 8 ярмарківъ, а у Полтавській їх безъ малого 300. Ще кажуть:—коли по шляхахъ покладуть залізні колії, то ярмаркі самі зведутця ні нащо. Але жъ ми бачимо, що у тихъ краяхъ, де пахарство бере гору надъ фабриками, а земля поділена на невелички маєтности (якъ и у насъ), тамъ ярмаркі держатця и годі, якъ вже залізні колії покривають цілий край, а тільки де-які великі підунали. Та хочъ би й такъ, то на що жъ завгодя неувати те, що повстало зь самого життя народнёго и поки до чого—має ще свою силу? Сама наука навчає, що у те діло мішатись не треба, бо силоміць можно тільки зтурбувати ціле краєве господарство, а покорістуютця тільки де-які капіталісти. Для нашого краю булобъ найкористнійшь, щобъ наші ярмаркі зоставались такъ, якъ були, безъ жаднихъ добавокъ и переставокъ, а вже самъ часъ и місце покажуть, де торгъ віяре, а де зацвіте, бо того не вгадаешъ; знаємо ми добре такі ярмаркі, де тільки на папері торгують, а е ї такі, що й не читаютьця ярмарками, а товару й народу повнісінько. Такъ чи тожъ насъ хліборобівъ послухають? Змагаютьця московські багачі за центральний пунктъ для свого товару; годі, кажуть, шведяти зь ярмарка на ярмарокъ—велика трата, такъ треба десь вище клопотатися, щобъ силою їх до одного міста постягувати. А чи намъ

відъ того легше чи важче—проте хто дбатиме?.. А бодай васъ, панове купецтво, які жъ то ви патриоти для своєї кишені! Се вже, бачите, такé кôло: що зъ централизаціі, куди не верни, а вийде монополія; а зъ монополіі, централизація. Воно такъ усюди діялось.

В. Куликъ.

Полтава. Р. 1861, 4 авг.

Р. С. Я вже мавъ одсилати до васъ сей листъ, ажъ ось набігли дві новенькі звістки: перша та, що звôлено будувати у Полтаві великі кам'яні лавки підъ ярмарокъ, а друга — саранá. Сёго дива тутéшні старі люди не пам'ятають. Добре тому, хто убрався зъ хлібомъ завгодя́. У давні роки сарана зупинялась на степахъ, и до Полтавщини ніколи не долітала; сёго жъ року дотягла, кажуть, ажъ до Чернігівщини.

В. К.

ОТЪ МАРТА ДО ПЕТРОПАВЛОВСКОЙ ЯРМАРКИ.

Вы слышали жалобы на ужаснѣйшіе снѣга прошлой зимы, на это безпримѣрное бездорожье въ нашей Украйнѣ и знаете, что многимъ отраслямъ украинской производительности и торговли былъ нанесенъ чувствительный вредъ. Такъ, напримѣръ, для сахарныхъ заводовъ не было возможности заготовить дровъ. Снѣга были до-того глубоки, что въ лѣсахъ нельзя было рубить, самая же перевозка еще труднѣе потому, что и на большихъ транспортныхъ битыхъ дорогахъ тянулася узкая, едва отвердѣвшая полоса, съ неисчислимымъ множествомъ ухабовъ, ѣзда совершалась гуськомъ и при встрѣчахъ одинъ всегда тонулъ въ глубокомъ рыхломъ снѣгу: что же можно было сдѣлать съ нашимъ рабочимъ скотомъ, при вывозкѣ изъ луговыхъ или лѣсныхъ мѣстъ?

Крещенскую ярмарку и контракты, какъ вамъ извѣстно, торговали хорошо, но сахарники были очень наказаны: вмѣсто настоящей пропорціи сахара, у нѣкоторыхъ едва была получена третья часть. Снѣга на югѣ были глубже, чѣмъ на сѣверѣ — извозчики ѣхали по тридцати и болѣе дней тамъ, гдѣ обыкновенная ѣзда 10, 12 дней. Вслѣдствіе недоставки на Крещенскую изъ заводовъ сахара, у многихъ были незначительные сборы денегъ, а въ виду вслѣдъ затѣмъ

наступающихъ контрактовъ, гдѣ совершаются рафинерами главныя покупки песку, это имѣло нѣкоторое вліяніе на дѣла рафинадныхъ заводчиковъ.

Съ первыхъ чиселъ марта наступила весна, ознаменовавшая себя спесеніемъ во многихъ мѣстахъ мостовъ, но къ апрѣлю путь отвердѣлъ и появились извозчики на колесахъ. — Всякій съ жаромъ бросался дополнить несдѣланныя отправки, и цѣны на извозъ были не ниже зимнихъ. — Въ нашихъ мѣстахъ, особенно поддерживалъ цѣну на провозы Бѣлгородъ, по случаю большой отправки до Москвы сала. Несмотря, однакожъ, на дороговизну весеннія отправки обошлись выгодою; товаръ пришелъ своевременно, межъ тѣмъ, какъ слышно, много товару, отправленнаго по зимнему пути изъ Кіевской губерніи, получено въ Москву чрезъ два и три мѣсяца.

Теперь о прошлой зимѣ, межъ украинскими торговцами, нѣтъ и помину, всякій смотритъ впередъ и старается разгадать «будущее», но это будущее, несмотря на опытность многихъ, закрыто отъ насъ непроницаемой завѣсой.

Первая наша весенняя ярмарка Елисаветградская—Егорьевская. Благодаря Бога, въ этомъ году, эта ярмарка вышла хороша. Многіе покупатели—Евреи появились ранѣ настоящаго начала, т. е. 23-го числа, и хорошо покупали недорогіе бумажные, цестрядные и холщевые товары. Хорошіе покупатели были большею частію изъ тѣхъ мѣстъ, откуда прежде не бывали, какъ—то: Кишинева, Бердичева и Каменецъ—Подольска. Нѣкоторые полагали, что причиною хорошей торговли на этой ярмаркѣ отдаленность времени отъ зимнихъ ярмарокъ — Воскресенской и другихъ; положительно можно сказать — не это причина. Какъ увидите ниже, несмотря на возрастающую цѣну бумажныхъ товаровъ отъ дороговизны хлопка, этими товарами торгуютъ хорошо на всѣхъ ярмаркахъ, и потому, навѣрное, это можно отнести къ перемѣнѣ положенія крестьянъ, какъ все равно никто не похвалится торговлей шелковымъ товаромъ и т. п.

Егорьевская ярмарка, за немногими исключеніями, чисто мануфактурная. Цѣнность товара привозимаго я опредѣлить вамъ не могу, но мануфактурныхъ товаровъ было количествомъ до 2¹/₂ т. лошадей. — Эта ярмарка удалена отъ семи украинскихъ ярмарокъ, отъ-чего, въ нѣкоторые года, она страшно наказываетъ торговцевъ. Наша яр-

морочная система такова: если товар остался въ Маслянской, то будетъ лежать до Вознесенской, если остался въ Вознесенской, отправится въ Ильинскую, оттуда въ Харьковъ или Кролевецъ. Все это разстоянія такія, что провозъ не составляетъ значительнаго расчета; но совѣмъ другое если товаръ остался въ Егорьевской. До Елисаветграда провозъ всегда стоитъ особенно—дорого, по случаю весенняго времени и затруднительной переправы въ Кременчугъ. Въ этомъ году провозъ изъ Москвы былъ отъ $1\frac{1}{2}$ до 2-хъ рубл. съ пуда, да кромѣ того, въ Кременчугъ за переправу черезъ Дѣпръ на разстояніи 2-хъ верстъ платили 3 рубл. съ лошади, 6 рублей съ пары и 9 рубл. съ тройки! Слѣдовательно, если къ этому провозу прибавить провозъ до Полтавы (куда обыкновенно отправляютъ остатки отъ Егорьевской), то это ужъ будетъ крайне большой расходъ на недорогіе мануфактурные товары.

Интересуетъ многихъ эта ярмарка продажою за деньги, не на кредитъ; но и при хорошей торговлѣ, какая была въ этомъ году, ярмарка приноситъ убытки. На многіе бумажные товары расходъ среднимъ числомъ составляетъ 15%, тогда—какъ на другихъ ярмаркахъ не болѣе 5 и 7%. Помѣщенія для ярмарки хороши: лавки каменные, цѣны за нихъ умѣренныя; дѣйствія комитета ярмарочнаго заслуживаютъ благодарности.

Вслѣдъ за Егорьевскою ярмаркою, слѣдуетъ Вознесенская. — Бумажными недорогими мануфактурными товарами, несмотря на прибавку въ цѣнѣ 3% и даже 5%, торговали также хорошо; были хорошіе покупатели для Ермолища (Каменецъ—подольск. губери.). Тонкими бумажными, шерстяными и шелковыми товарами торговали обыкновенно. — Я не былъ на этой ярмаркѣ, и потому, къ сожалѣнію, не могу сообщить вамъ, подобно Маслянской ярмаркѣ, статистическихъ данныхъ, относительно украинскихъ товаровъ, — могу только сказать вамъ, что гг. сахарникамъ съ Вознесенской пришлось выдерживать постепенное пониженіе цѣны на свой товаръ. Попричинѣ того, что Москва и Петербургъ мало требовали песку и отъ несвоевременной продажи его въ Крещенскую и др. ярмарки, накопились излишніе запасы на заводахъ и въ складахъ, и потому, несмотря на незначительность Вознесенской ярмарки, сахаръ понизился на нѣкоторые сорта 25 коп., а на другіе и 50 коп. на пудъ. — Воску оказалось до 4-хъ т. пудъ, но покупателей было мало и цѣна упала до 20 рублей. — О табакѣ свѣдѣній не имѣю.

Троицкая ярмарка (въ Харьковѣ) имѣеть для нашего края большое значеніе. Характеристическая черта ярмарокъ, описанныхъ мною выше, состоитъ въ томъ, что къ намъ привозятъ мануфактурные товары, продаютъ, и везутъ отъ насъ деньги. Эта же ярмарка наоборотъ:—она какъ бы возвращаетъ назадъ увезенныя деньги своимъ солиднымъ товаромъ — шерстью; но, къ сожалѣнію, мы не такъ счастливы, какъ великорусскіе, мануфактуристы — Шерсть въ этомъ году значительно понизилась въ цѣнѣ и нашъ край противъ прошлаго года теряетъ въ этомъ товарѣ болѣе милліона рублей серебромъ!

Количество шерсти на ярмаркѣ было до 250 т. пуд.

Грязной помѣщичьей до 130 т. пуд.

Перегона « « « 100 т. пуд.

Нѣмецкихъ колоній и др. 20 т. пуд.

Грязная шерсть продавалась отъ 8 до 8 р. 75 к., нѣкоторыя лучшія партіи проданы отъ 9 до 9 р. 40 к. *Перегонъ* нѣмецкій и купеческій проданы отъ 12 до 13½ рублей; перегонъ помѣщичій—отъ 13½ до 15½ рублей; нѣсколько партій лучшаго сорта проданы отъ 16 до 18 рублей. *Обножки* изъ хорошихъ партій перегона проданы отъ 9 до 12 рублей.

Покупатели были изъ Австріи, Пруссіи, Москвы, Черниговской губерніи, Харьковскіе, Бѣлгородскіе и Изюмскіе моченники.

40 т. пуд. осталось непроданнымъ.

Различная торговля въ городѣ шла тихо и многіе магазины очень жаловались.

0. Нез — ій.

УКРАИНЦЫ ВЪ САРАТОВСКОЙ ГУБЕРНІИ.

(Изъ Саратова.)

Прошло сто лѣтъ, какъ нашъ край наводился различными колонистами, какъ-то: украинскими, татарскими, нѣмецкими, гернгутерами и, наконецъ, переселенцами изъ губерній Тамбовской, Пензенской, Калужской и Костромской.

Колонисты-украинцы превосходятъ другихъ численною; жизнь ихъ, по сравненію съ другими, также больше имѣеть значенія для нашего края.

Волга для украинца сдѣлалась извѣстной еще во времена бунта Стеньки Разина, у котораго много было охотниковъ изъ Украины попить на чужой счетъ. Они видѣли широкія степи саратовскія, привольныя землей и водой, и по ихъ слѣдамъ, земляки стали ходить на далекую Волгу, для заработковъ на судахъ или рыбныхъ ватагахъ. Дальній путь заставлялъ многихъ оставаться здѣсь у хозяина и на зиму. Мало-по-малу они сроднялись съ чужой вольной стороной и многіе изъ нихъ вовсе не торопились домой, гдѣ вольная воля была только богачамъ да чиновникамъ, замѣнившимъ польско-панскую администрацію въ Украинѣ. Облюбовавъ себѣ на Волгѣ уютное мѣстечко, захожіе селились, обзаводились семействами и забывали о своемъ родѣ-племени въ Украинѣ. Возвращавшіеся домой бурлаки разсказывали про привольное житье-бытье волжское, конечно съ безчиленными прибавленіями, и увлекали въ наши степи новыхъ переселенцевъ. Такъ было до временъ Екатерины II, которая, именнымъ указомъ 1763 года, повелѣла назначить огромное пространство свободныхъ земель на саратовскихъ степяхъ, для желающихъ тамъ поселиться. Украинцы, одни уже знакомые съ вольной приволжской жизнью, другіе наслушавшись разсказовъ о нашемъ краѣ, охотно бросали свои родныя села и переселялись къ намъ. Они селились гдѣ кому было любо. Первыми *хатами* большею-частью были *землянки*; но эти землянки устроивались на самыхъ живописныхъ мѣстахъ. Стоить только посмотрѣть на слободы Покровскую, Никольскую, Дубовскую и Рыбинскую, чтобъ отдать честь украинскому вкусу и уму. Двѣ первыя особенно отличаются не только прекраснымъ мѣстоположеніемъ, но и выгоднымъ положеніемъ для торговли. Слобода Покровская (украинскія слободы никогда не называются *селами*) стоитъ на лѣвомъ берегу Волги, на небольшомъ возвышеніи. Во время большого разлива Волги, она стоитъ какъ бы на островѣ. Здѣсь и въ слободѣ Никольской первоначально построены были, въ 1797 году, по повелѣнію Екатерины II, запасные соляные магазины, куда они обязаны были возить соль съ Элтонакаго озера. Въ этихъ двухъ пунктахъ сгруппировалось почти все первое поселеніе, такъ-что внослѣдствіи колонистамъ нужно было выселиться изъ этихъ слободъ,—что дало начало многимъ другимъ малымъ слободамъ и хуторамъ. Слободы Покровская и Николаевская называются, по своему богатству, городками. Въ той и другой—по три каменныхъ церкви, что рѣдко можно встрѣтить въ нашихъ уѣздныхъ городахъ. По своей величинѣ и богатству,

эти церкви могут стать паравиѣ съ городскими — уѣздными. Что касается другихъ слободъ и хуторовъ украинскихъ, то объ нихъ можно сказать только то, что они все живутъ лучше великорусскихъ сель, т. е. и богаче и чище. Обогащаютъ ихъ поля и степи. Лѣтомъ украинцы работаютъ въ полѣ, а зимою возятъ сѣно для своего скота и для продажи. Лишь только въѣдешь въ украинскую слободу, ее сейчасъ можно отличить отъ великорусской: украинскія хаты всегда обмазаны бѣлою глиною, съ чистыми окнами и окрашенными ставнями. Дворъ у украинца очень рѣдко можно встрѣтить съ плотными тесовыми заборами или сараями, и съ крѣпкими воротами, особенно въ тѣхъ селахъ гдѣ украинцы живутъ одни. Жизнь открытая вытекаетъ у нихъ изъ ихъ нравовъ. Воръ—украинецъ — явленіе очень рѣдкое. Кони и волы никогда у нихъ не запираются замкомъ. Войдете въ хату—передъ вами печь безукоризненно—бѣлая, порядокъ въ домашней посудѣ и опрятность во всемъ домѣ. При этой виѣшней чистотѣ, нельзя не обратить вниманія на ихъ нравственную чистоту. Чтобы узнать украинца съ этой стороны, нужно только побывать на ихъ *вечернійцяхъ*, куда у нихъ собираются *дівчата* и *парубкі* въ осенніе и зимніе вечера. Здѣсь парубокъ и дівчина, единственно по свободному выбору влюбляются другъ въ друга и остаются вѣрными до гроба. Здѣсь нѣтъ корыстныхъ расчетовъ, а одна любовь чистыхъ и неспорченныхъ сердецъ. Оттого—то у украинцевъ царствуетъ любовь и въ семействѣ. Украинецъ очень рѣдко оставляетъ свой домъ, а если оставляетъ, то ужъ вмѣстѣ съ своей *жінкою*. Да и соблазнить украинку тоже почти невозможно.

Въ дѣлѣ религіи, украинецъ понимаетъ вещи просто и ясно. Сектантовъ и раскольниковъ нѣтъ между украинцами нашего края. Все зажиточные украинцы отдають своихъ дѣтей къ дячку, для обученія грамотѣ, чтобы имѣть удовольствіе слышать ихъ пѣніе на клиросѣ и чтеніе во время богослуженія. Прихожанинъ — украинецъ удѣляетъ отъ своего имѣнія для церкви очень охотно, не такъ, какъ дѣлають крестьяне сель великорусскихъ, особенно приволжскихъ, гдѣ пошъ долженъ выпрашивать, домогаться того, что ему слѣдуетъ, и при этомъ слышать укоры. Въ церковь наши украинцы ходятъ почти все; одѣваются для этого всегда чистенько; стоятъ съ благоговѣніемъ. Украинецъ любознателенъ и понятливъ. Только бѣда въ томъ, что ему приходится читать книги на чужомъ языкѣ, и съ трудомъ усваивать смыслъ ихъ, особенно подъ руковод-

ствомъ безграмотныхъ грамотѣевъ. Украинецъ съ особенною охотою читаетъ книги на своемъ языкѣ, и еслибы на это обратили вниманіе, то дѣло образованія пошло бы гораздо успѣшнѣе. Украинецъ добръ, даже черезчуръ добръ, когда онъ имѣетъ дѣло съ своими сосѣдями въ торговыхъ и семейныхъ отношеніяхъ. Естественно, ихъ простота не иначе должна считаться, какъ глупостію, въ глазахъ такихъ сосѣдей, которые стоятъ на томъ, чтобы что продать, то и надуть,—а не обмануть, такъ и не продать. Торговать украинецъ нашъ мало способенъ, потому что онъ обезпеченъ во всѣхъ своихъ домашнихъ потребностяхъ; а если онъ продаетъ, то единственно то, что у него лишнее, какъ напримѣръ: лѣтомъ — траву, а зимою—сѣно, хлѣбъ и проч. Украинское купечество, сосредоточенное въ Покровскомъ городкѣ, большею частію занимается закупкою зернового хлѣба.

Украинскія пѣсни поются иногда и нашими великороссіянами. Лучшими пѣвцами у саратовскихъ великороссіянъ считаются тѣ, которые, кромѣ своихъ пѣсенъ, знаютъ много и украинскихъ. Когда украинскіе купцы закупаютъ хлѣбъ въ великорусскихъ селахъ, то великоруссы имѣютъ дѣло съ ними всегда охотнѣе, чѣмъ съ своими, потому что украинецъ не обманетъ и не обвѣситъ.

Въ заключеніе, сообщу свѣдѣніе объ одномъ украинцѣ—самоучкѣ-механикѣ.

Никита Зуенко, уроженецъ Покровекой слободы, всю свою жизнь ломалъ свою, непросвѣщенную наукою, голову надъ нѣсколькими машинами, и между прочимъ надъ такою, которая бы возила тяжести по водѣ безъ паровъ. Саратовцы видѣли эту машину, только вполвину сдѣланною. Одинъ купецъ брался отлить эту машину, но, кажется, смерть его уничтожила и послѣднія надежды бѣдняка-украинца. Онъ теперь живетъ въ Астрахани, и надѣется, съ помощію какого-нибудь богача, докончить свое давно-задуманное дѣло.

Великороссіянинъ 0—овъ.

О МАЛОРОССІЯНАХЪ ВЪ ОРЕНБУРГСКОЙ ГУБЕРНІИ.

Оставляя Малороссію, быть-можетъ надолго, я думалъ, что, во все время моего пребыванія въ Сибири, я не увижу родного человѣка, не услышу родного слова. Каково же было мое удивленіе, когда, черезъ нѣсколько дней по прїѣздѣ моемъ въ Пермь, гуляя, пли, вѣрнѣе, блуждая по берегамъ рѣки Камы, услышалъ я родные звуки! Я сначала самъ себѣ не повѣрилъ и подумалъ, что слышу мѣстный говоръ крестьянъ Пермской губерніи ⁽¹⁾, но прислушавшись, разубѣдился, и подошедши поближе къ кучкѣ людей, состоявшей изъ пяти человѣкъ, увидѣлъ тутъ козаковъ, изъ которыхъ два говорили по-малороссійски. Чтобы удостовѣриться, что они точно говорятъ по-малороссійски, я спросилъ у одного изъ нихъ: какъ называется эта рѣка? »Яка? де? оце, кажутъ, Кама. Та ми сами не тутешні«. — »А відкіля жь ви?« началъ я по-малороссійски. — »Такъ и ти, ма-буть, не тутешній, ти землякъ нашъ!« Распросивши, я узналъ, что они въ 1847 году вышли изъ Саратовской губерніи и поселились въ Петропавловскомъ уѣздѣ Тобольской губерніи; нынѣ служатъ въ пограничномъ Тобольскомъ козацьемъ войскѣ, защищающемъ границу отъ набѣговъ Ташкенцевъ и Кокандцевъ. Земляковъ нашихъ въ этомъ войскѣ около трехъ тысячъ. Потомъ я узналъ отъ нихъ, что они встрѣтились въ Перми, съ земляками же козаками Оренбургскаго войска и были очень рады этой встрѣчѣ. Выпроводивши ихъ въ Кіевъ, куда они шли на богомолье, мнѣ хотѣлось повидаться съ Оренбургскими козаками-земляками. Черезъ нѣсколько уже мѣсяцевъ, я познакомился съ тремя изъ нихъ. Всѣ три отличались стройностью, проворствомъ, расторопностью и энергіей, и всѣ три отлично говорили

(1) Въ мѣстномъ говорѣ Пермской губерніи ъ выговаривается, какъ и у малороссійскъ за и, з за h, а не за g, о безъ ударенія за о, а не за а, и пр.; словъ также много сходныхъ съ малороссійскими, наприм. слобода, нехай и проч.; даже головная стрижка такая же, какъ у нашихъ земляковъ. Все это объясняется тѣмъ, что здѣшнія мѣста заселены выходцами изъ Новгородской земли, а Новгородцы, по мнѣнію профессора Н. Пав. Костомарова, часть южно-русскаго племени, оторванная силою неизвѣстныхъ намъ теперь обстоятельствъ и удалившаяся на сѣверъ. *Основа*, кн. 1 и 3, статьи: «о федеративномъ началѣ» и «Двѣ русскія народности».

по-велико-руськи и по-малоросійски, такъ что, въ теченіе чотырехъ мѣсяцевъ, я имѣлъ хорошую практику малоросійскаго языка. Меня очень удивляло то, во-1-хъ, какъ они, живя постоянно между чуждымъ имъ населеніемъ, не забыли роднаго языка; во-2-хъ, какъ они не изуродовали его, что весьма часто случается у насъ, въ Украинѣ, съ тѣми земляками, которые поживуть съ великороссами или съ панами. Я хотѣлъ-было, по ихъ разсказамъ, составить полное описаніе быта нашихъ земляковъ Оренбургскихъ козаковъ, но, за вѣздомъ изъ Перми, не успѣлъ. У меня, впрочемъ, сохранились отрывки ихъ разсказовъ, которые сообщая:

«Оренбургскіе козаки живутъ у Троицкому уїзді Оренбургской губерні; наши земляки (козаки) живутъ не вмѣстѣ зъ руськими, а особо. У Ключевскій станиці наши живутъ у двохъ селахъ, тільки не знаю, якъ звать; у Чисменскій ст., у селахъ Новому-Чорному, Богородинському и у Лишцяхъ; у Николаевскій стан. у Кулибчинському селі, у Шерпенванскій ст. одно село, у Магнитній кріпості; 7-го полку на річці Судуку е одно село; 6-го полку село № 7-й, 5-го полку село Березовське; у степу на линіи на р. Тургай, на Иргизи (городокъ е Иргизъ); у городкахъ Ахмечети, Старо-Орському и Ново-Орському; у селі Кумахъ подъ Орськимъ; коло Оренбурга по селамъ: Каминьському, Ниженському и Краснохолі 4-го полку (село велике, соть віснї душъ; зъ ёго повиходили у самий степъ, у городокъ Карабутакъ и инші); 1-го жъ полку, по селахъ: Бурганьці, Статиничевій, Озірій, Микольцяхъ, Пидгорноцському. У самому Оренбурсі живутъ козаки и міщане-земляки, а селяне живутъ відъ Оренбурга къ Самарі. У Челябинському уїзді у одному селі живутъ селяне.

Козаки наши спершу повиходили селянами зъ губерній: Харьковської, Самарської, Саратовської, Воронежської, Курської и зъ иншихъ. Виселялись, бо тутъ славно, просторно було жить; линія була, мало людей було. Такъ вони жили селянами до 1842 году. У козаки повернули, щобъ вони образовані були, щобъ оружїе було и все чисто. Которі сами хотіли, бо гля дітей, щобъ у салдати не видавать и щобъ земля була; якъ у крестьянахъ жили, то землю мирили четвертями, а теперъ — скільки твоя душа бажа, стільки й ори. — —

Запорожці жили спершу у Краснохолі, ми по-однімъ боці річки

Чорної, а вони по другімъ. Скільки ми жили у Краснохолі, такъ їхъ усе було дражнять:

Білогірці дурні вівці —
 Не молятья Богу;
 Запрягають и родичівъ —
 Ідуть у дорогу.

Вони у церкву ходять и хрестятця, тільки мова якась така, що й ми не розберемъ. Зъ нихъ ще глузують такъ: ишовъ, кажуть, запорожець, зустрівся зъ руськимъ, та й каже: «чи не знаходишь ти, що я загубивъ, *тірбочки* (торбочки), симъ вилупеньцівъ (яйця), и три перешічки (пышка), виевищакою (батигъ) завязана?» Руській каже: я найшовъ торбочку зъ яйцями, та пышками, багатомъ завъязана. «Ні, це не моя.» Відъ своєї торби одперся! Іжаківъ (по їхнѣму *дикі кабаньці*) іли. Жінки ходять, якъ и наші, у очіпкахъ, дергахъ, або запаскахъ, а дівчата у білихъ свиткахъ (куцина). Звичаї: вечерниці, різдвянські святки, паски святять, и всі звичаї, якъ и у насъ.

Теперь ми обжились у козакахъ, такъ лучче и привільній. Лісівъ багато: сосновихъ, березовихъ, дубовихъ, то-що; до якого села біліжче, то до того й ліси. У Орській стан. и у другихъ—гори, а у Краснохолі—степъ азійський, рівна, и у Чисменській стан. степъ, озера по лінії и у Чисменській стан. Зъ солонихъ озеръ сіль беремо даромъ, не одъ казни; тільки сіль тоді бува, якъ засуха. Річки у насъ: Ураль, Уй, Уильца, Иргизъ, Чорнивица, Буранка, Тулзакъ, Суидукъ и Оръ; річки не великі, очеретомъ поросели; риба: лини, сазани, щука, окунь; у озерахъ одинъ карась. У Троїцькому уїзді е й болота. За нами починаютьця степи, днівъ десять безъ корму, тільки полинець росте, пісокъ. На Тургаї и Иргизи дикі коні, дикі свині, сайгаки, тигри, а за Тургаємъ полози. Полозь такий ясний, наче луска риба, наче сребреній; де вінъ пролізе, тамъ и трава не росте, вінъ якъ махне хвостомъ, такъ и зобѣ, потімъ кровъ ссе.

По степу и у Троїцькому уїзді е могили, наче копані, середина западе, наче тамъ що провалитця, кажуть, що розбойники тутъ стояли и накопували: Мамай и Пугачъ; и клади е, тільки взять ихъ не можна, бо давно положені; каторі добували, такъ ні — не йдуть уже. На нашому степу виведена—називаетця киркою, на церкву по-

хожа, и гробки кругомъ, верху нема. Ни хто не зна, відь кого вона зосталась.....

Хлібъ роблять зъ цілого и живуть. Пахатної, окреме сінокосу и лісу, 30 десятинъ на душу; тільки родитця, заразъ и нарізують землю. Починають сіяти після паски, на 4-мъ тиждні, и до паски тижднівъ за два, якъ весна тепла, и сіють до Тройці. Сіють года три зряду пшеницю, а потімъ якъ помякша, овесъ, або жито. Пшениця у насъ: кубанка, або турка, черноколоска, гирка и черногузка; ячмінь: зъ остюками и голий, просо кійкувате. Горохъ сіють по цілині, просо, и лёнь; коноплі по мякому, після лёну. Пшеницю и жита жнуть, а овесъ та ячмінь жнуть и косять. Кісь—*горбуши* нема (2). Жнуть після Петра, й місяць жнуть и неділь три жнуть. Хлібъ кладуть на стену, у токахъ, а до дому не возять, а уже возять чисте зерно. Молотять цінами, биками и ківми. Пшенишний хлібъ щодня їдять, житие борошно Орда бере, у городі продають, ячмінь у рудники на крупи беруть, вівсяною соломкою кормлять биківъ, а житна, пшенишна, то-що, лежить, поки зогніє, бо сіна багато. Лёнь и коноплі продають, а собі сім'я на масло йде, масло бьють.

Повинности: 25 асс. земської повинности зъ душі, штрафка домівъ, якій домъ скільки стое, 3 р., 10 р., 15 р. то-що. За казенні кобили 15 к. ср. зъ душі. Служба 25 літь, 3 годи на службі, а годівъ 5 отдыхаемо. Коні и зброя—все свое. Якій бідний козакъ—иде у робітники.

Скотину пасуть Киргізи и Камличини, за корову 10 к. у літо, за пару биківъ тожъ 10 к., за вівцю зъ ягнямъ 27 к., за коней 30 к. с., за телятъ 6.

Оруть усю Петрівку на пшеницю, а весною на овесъ та жито. Оруть плугомъ та волами, у кого нема сирагаютьця. Якъ починають орати, Богу моляцца и землю цілують. На сорокъ святыхъ, печуть хрестики изъ кіста и жайвороночки: хрестики кладуть у ту пшеницю, шо весною сіють, а коли положить на ниві—и починає

(2) Косами *горбушами* въ Пермской губернии называются косы съ выгнутой болѣе обыкновеннаго желѣзою и съ короткой рукояткой; онѣ поэтому очень неудобны. Косецъ долженъ находится непрерывно въ согнутомъ положеніи и трава скашивается только по верхамъ; наши косы въ Пермск. губ. называются *литовками*; ихъ здѣсь не много.

орати, зъоравши—зъість; а жайвороночки на сорокъ святыхъ ідять. Волочать волами и бороною (боронять), раломъ ралать овси и жита. Живуть всю весну и святкують на полі, поки одсіютця, до самоі Тройці. Тамъ и хати е, и бані. И по селамъ е бані, зімою у дворі, а літомъ на березі бані. Жнуть помочами: просять помочі и горілку пьють, наче весілля усе літо, хочъ не просипайся...

П. Ефименко.

Красноуфимскъ, Пермской губ.

Іюнь 1861.

ОБЪЯСНЕНИЕ КЪ РИСУНКАМЪ «ЖИВОПИСНОЙ УКРАИНЫ».

№№ XIV и XV изображаютъ нѣсколько портретовъ, снятыхъ съ натуры И. И. Соколовымъ, въ Полтавской губерніи. На рисункѣ № XV, одинъ портретъ представляетъ чумака съ *чуприною* и въ шапкѣ, — снятый въ Золотоношскомъ уѣздѣ, въ мѣстечкѣ Вереміевкѣ.

Рисунокъ № XVI изображаетъ *старцівъ* (нищихъ) и снятъ мною съ натуры, на ярмаркѣ, въ селѣ Срібномъ, въ Полтавской губерніи, Прилуцкаго уѣзда.

Л. Ж.

ОДЪ РЕДАКЦІИ.

Просимъ гг. авторовъ извинить насъ за непомѣшеніе въ этой книжкѣ статей, которыя были для нея предназначены, но, по обстоятельствамъ, откладываются до слѣдующей.

Въ нѣсколькихъ письмахъ насъ просятъ высказать наше мнѣніе по поводу статьи, помѣщенной въ одной изъ послѣднихъ книжекъ *Современника*, подъ названіемъ: «Национальная безтактность.»

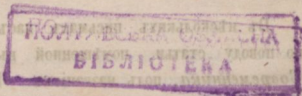
Не имѣвъ, до настоящей минуты, подъ-рукою русинской литературно-политической газеты — *Слово*, по затруднительности получения

славянскихъ изданій изъ Австрійской имперіи, — мы не могли удовлетворительно отвѣчать на сдѣланные намъ запросы; теперь же, получивъ, наконецъ, при помощи с.-петербургской газетной экспедиціи, послѣдніе номера *Слова*, мы надѣемся, въ X-ой книжкѣ *Основы*, сообщить нашимъ читателямъ данныя, убѣдительныя для всякаго, что вина враждебныхъ отношеній между Русинами и Поляками вовсе не со-стороны Русиновъ и, въ-особенности, не со-стороны униатскаго духовенства, которое, въ Галичинѣ, лучше, чѣмъ гдѣ-либо, поняло свое призваніе посреди пренебреженнаго народа, открыто и прямодушно становится на сторону угнетаемыхъ и смѣло борется за его права, не смотря на свою бѣдность, на оскорбленія и поруганія, которыми щедро надѣляютъ своихъ противниковъ сильные интригою, богатствомъ и политическимъ преобладаніемъ іезуиты — въ кеендзовской и не-кеендзовской одеждѣ, (какъ говоритъ авторъ польской же брошюры: *Rece ze sie pojednamy*) въ религіозной и не-религіозной сферѣ.

При этой книжкѣ, равно и при другихъ журналахъ и газетахъ, предлагается подробное объявленіе объ изданіи *Основы и Живописной Украины* въ будущемъ году. Просимъ посѣлшить подпискою, дабы дать возможность редакціи распорядиться своевременнымъ напечатаніемъ и доставленіемъ на почту надлежащаго числа экземпляровъ. Редакція принимаетъ всѣ зависящія отъ нея мѣры для устраненія медленности въ выходѣ и пересылкѣ нашего вѣстника въ отдаленныя мѣста.

Остающіеся экземпляры *Основы* за текущій годъ могутъ быть уступлены: выписывающимъ не менѣе пяти экземпляровъ — по 9 рублей за экземпляръ съ пересылкою, и по 8 р. — безъ пересылки; выписывающимъ не менѣе десяти экземпляровъ — по 8 р. съ пересылкою, и по 7 р. — безъ пересылки.

91170

ОБЪЯСНЕНИЕ

НЕУДОБООПЯТНЫХЪ ЮЖНОРУССКИХЪ СЛОВЪ,

СОДЕРЖАЩИХСЯ ВЪ 9-й КНИЖКЪ «ОСНОВЫ».

Бавитись — мѣшкать.

Ввередитись — надорваться.

Верста — верста.

Вийгутись — приключиться.

Вигблѣваний — гладко выстроганный.

Вирачкватий — съ большими вырощенными глазами.

Вишарованый — вымытый, вычищенный (поль).

Гидко — гадко.

Глива — родъ грушъ.

Голубити — лезть.

Гудзикъ — пуговка.

Дмухнути — сильно дунуть; быстро побжгать, ускатать.

Дуженный — очень сильный.

Жердка — жердь, вѣшалка.

Закалягнись — запачкаться; замараться.

Заспиль — за-одно.

Збагнути — понять, уразумѣть.

Збигатись — сбѣгаться.

Здобичь — добыча.

Злинути — улечь; взлетѣть.

Кануперь, канупирь — душистое растение.

Квасоля — турецкіе бобы; фасоля.

Кихоть — коготь.

Кожніснвкий — вслкій безъ исключенія.

Ковістраторъ — кол. регистраторъ.

Коритись — покоряться; повинываться.

Мало-шо — чуть-чуть, немного.

Мари — родъ посилокъ для покойниковъ.

Межé (и) — межъ; между.

Миттю — скоро, орометтю; со всѣхъ погь.

Млиновій — мельничій.

Мрець — мертвецъ.

Недávнечко — (умен.) не такъ давно.

Німкѣя — Нѣмка.

Нуда — скука.

Обіняти — обнять.

Обочувати — переночевать.

Оврашокъ — хорець.

Околія — околодокъ.

Онурий — Онуфрій.

Опентати — оунуть, попутать, отуманить кого.

Опріскливий — сердитый; огрызавшійся.

Орчиківий — пристяжной.

Палькатись — принадлеать; ухаживать.

Пахоші — духи, благовошный запахъ.

Підюкувати — подрубить.

По-близу — вблизи, возлѣ.

По-друзькій — по-дружески.

Полівьяній —

Посіяти — (въ переносномъ смыслѣ растерять).

Попасувати — кормить лошадей въ дорогѣ.

Просторо — просторно; пространно.

Прохолодити — прослудить.

Птишня — птичникъ.

Пудити — бить, гнать.

Пундикъ — сладкій пирожокъ.

Ратище — конь.

Розжéврий — разгорѣвшійся, пышавшій.

Росплóдений—разведенный, взро-
щенный.

Садовити — сажать; усаживать.

Свóлокъ — балка, поддерживающая
потолокъ въ хатѣ.

Семий — седьмой.

Сивъ — посѣвъ.

Сидуха — сидѣлка.

Сірий — сѣрый.

Скринечка — (уменьш.) сундучокъ.

Сиагá—способность, удача къ чему
вибудь.

Стерий—стебли соломы, остающіеся
на корню послѣ жнивъ.

Степóкъ — небольшая степь.

Стілець — маленькая скамеечка.

Стинáтись — схватиться съ кѣмъ.
Суджений — суженый.

У-рòстичь — куда попало; во всѣ
стороны,

Филиювáтись — волноваться.

Хіжий — хищный, жадный, свое-
корыстные.

Хóльварокъ — родъ фермы.

Чигáти — поджидать кого въ заса-
дѣ.

Чмокинутись — подѣловаться.

Чужая-чужина—чужіе люди.

Яструбъ — ястребъ.

ПОПРАВКИ.

1) Въ статьѣ: Украинскія *незабудки*, стр. 37, строка 30, вмѣсто *закипала*,
слѣдуетъ читать—*закипѣла*.

На стр. 42, стр. 34, вмѣсто *и насъ въ уяздѣ*, слѣдуетъ читать—*у насъ
въ уяздѣ*.

На стр. 46, стр. 13, вмѣсто *Трецотки*, слѣдуетъ читать—*Чечотки*.

2) Въ примѣчаніяхъ къ думѣ *Кумейки*, на страи. 33, стр. 18 снизу напе-
чатано: *не чуждается*, должно быть—*не чуждалось*.

6p

HILBY

18
35
87

HIBLY